

ЖОРЖ ДЮБИ СРЕДНИЕ ВЕКА

ИСТОРИЯ
ФРАНЦИИ

ЖОРЖ ДЮБИ

СРЕДНИЕ
ВЕКА

ОТ ГУГО КАПЕТА ДО ЖАННЫ Д'АРК

ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ

ЖОРЖ ДЮБИ
СРЕДНИЕ
ВЕКА

Collection *Pluriel* fondée par Georges Liébert
et dirigée par Pierre Vallaud

GEORGES DUBY
de l'Académie française

Le Moyen Âge
De Hugues Capet à Jeanne d'Arc
(987—1460)

HISTOIRE DE FRANCE HACHETTE

ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ

ЖОРЖ ДЮБИ
СРЕДНИЕ
ВЕКА

(987-1460)

ОТ ГУГО КАПЕТА ДО ЖАННЫ Д'АРК

*Перевод с французского
Г.А. Абрамова, В.А. Павлова*

Москва

«Международные отношения»
2001

УДК 944 "9/14"
ББК 63.3 (4Фра) 4
Д95

Издание подготовлено в рамках программы «Пушкин» при поддержке Министерства иностранных дел Франции и Посольства Франции в России.

Ouvrage réalisé dans le cadre du programme d'aide à la publication «Pouchkine» avec le soutien du Ministère des Affaires Etrangères français et de l'Ambassade de France en Russie.

Дюби Ж.

Д95 История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жан-ны д'Арк. 987–1460 / Пер. с фр. Г.А. Абрамова, В.А. Павлова. — М.: Междунар. отношения, 2001. — 416 с.

ISBN 5-7133-1066-3

Известный ученый и литератор, член Французской академии Жорж Дюби (1919–1996) занимает особое место в современной историографии, являясь автором многочисленных глубоких исследований по истории средневековой Франции, а также популярных книжек по избранной им теме. Его захватывающие книги, смелость и богатство содержания которых поражают читателя, стали одним из символов Франции.

В предлагаемой вниманию читателей работе автор рассматривает средневековое французское общество, как бы поднимаясь над фактологической картиной прошлого, уделяя внимание лишь отдельным, наиболее ярким историческим событиям. Он глубоко проникает в общественную структуру, раскрывает взаимодействие материальной цивилизации, культуры и других социальных факторов в развитии общества. В книге широко использованы источники — свидетельства современников тех далеких времен.

Работа содержит географические карты, генеалогические диаграммы, снабжена справочным аппаратом.

Для студентов, преподавателей, специалистов-историков, всех интересующихся историей Франции.

УДК 944 "9/14"
ББК 63.3 (4Фра) 4

- © Editions Hachette, 1987
- © Перевод с французского Г.А. Абрамова (к читателю, гл. I–VIII, XIV–XV, эпилог, хронология, указатели, библиография); В.А. Павлова (гл. IX–XIII), 2000
- © Подготовка к изданию и оформление изд-ва «Международные отношения», 2001

ISBN 5-7133-1066-3

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Предлагаемая вниманию читателей книга открывает серию работ — в 5 томах (8 книгах) — по истории Франции в переводе на русский язык. Серия готовится в рамках программы «Пушкин» под эгидой Министерства иностранных дел Франции и Посольства Франции в России. Каждый том посвящен определенному периоду истории страны и написан самыми известными специалистами по соответствующему периоду.

Творчество автора данной работы Жоржа Дюби (1919–1996) занимает поистине особое место в современной историографии. Не только потому, что, по всеобщему признанию, он, член Французской и едва ли не всех европейских академий, был одним из крупнейших медиевистов наших дней, и не только вследствие его исключительной научной продуктивности.

Дюби — последователь Марка Блока и Люсьена Февра. По его собственным словам, тем, кем он стал, он обязан чтению «Королей-чудотворцев», «Феодального общества», «Религии Рабле». Небезосновательно имя Жоржа Дюби связывают с традицией журнала «Анналы», наиболее яркого и во многом определяющего явления в историографии истекшего века.

В центре внимания Жоржа Дюби, постоянно расширявшего круг своих изысканий, неизменно оставалась история средневековой Франции, преимущественно XI–XII столетий. На протяжении полувека своей научной биографии он рассматривал феодальное общество с разных точек наблюдения, и взор историка все глубже проникал в его структуру. Взаимодействие истории материальной цивилизации и социальной структуры, с одной стороны, с историей коллективных представлений и культуры, с другой — в этом усматривал Дюби главную цель и задачу исторической науки. Вместе с Робером Мандру он впервые ввел в сферу исторических исследований понятие «ментальность», подразуме-

вая под этим систему образов и представлений, которые всегда лежат в основе человеческих суждений о мире, своем месте в нем и, следовательно, определяют поступки и поведение людей. Предлагая систематически изучать ментальности, он высказывал убеждение, что все взаимоотношения внутри общества столь же непосредственно и закономерно зависят от подобной системы представлений, как и от экономических факторов. Воображаемое переплетается с действительным и участвует в функционировании социального строя — такова ведущая идея Дюби. Идеи, представления, иллюзии общества о самом себе не только отражают социальный мир, но и пересоздают его.

Человек редкого литературного дарования, Жорж Дюби всегда умел и желал писать не только для своих коллег и учеников, но и для широкой читательской аудитории. Его захватывающие книги, смелость и богатство содержания которых поражают читателя, стали одним из символов Франции.

К ЧИТАТЕЛЮ

Издание, которое задумали Эммануэль Ле Руа Ладюри, Франсуа Фюре, Морис Агюлон и автор этих строк, предполагало сосредоточение нашего внимания на мире политическом. Уже написаны хорошие книги, где на нескольких сотнях страниц в сжатой форме излагаются события, которые произошли в землях, составляющих ныне Францию, в течение Средневековья, длительного периода истории, продолжавшегося более тысячи лет. Не видя нужды в том, чтобы добавить к этим книгам еще одну, им подобную, я решил построить свой труд на основе свободного выбора предпочтений, о которых должен дать отчет читателям.

Свою задачу я видел в том, чтобы описать начало истории Франции. Когда же возникла эта страна? В поисках ее корней Фернану Броделю пришлось опускаться в глубины предыстории. Я же решил ограничиться сравнительно тонким пластом прошлого, который изучаю не один год. Поэтому я начинаю с конца X века; мне недостаточно знакомо то, что предшествовало этому периоду. И останавливаюсь на середине XIII века; то, что происходило позднее, я самостоятельно не изучал. Подробно излагать историю эпохи, которую столь тщательно исследовали Бернар Гене, Франсис Рапп, Жак Ле Гофф, их ученики, означало бы менее умело повторять то, что они уже сказали. Однако я вхожу в команду. Если мне и позволено начать там, где я пожелаю, то доверенная мне часть труда должна как-то смыкаться с тем, что за ней следует. Поэтому предлагаемое читателю повествование будет состоять из двух весьма неравных частей: первой — развернутой, второй — значительно более сжатой, представляющей собой простое соединение, нечто вроде легкой приставной лесенки; дойдя до юности Людовика Святого, затем я лишь расставляю вехи, останавливаясь только на тех изменениях в истории власти, которые мне представляются самыми существенными.

Эта книга — отнюдь не краткий очерк истории Франции и тем более — истории французской цивилизации. Моей задачей было показать, как из феодальной раздробленности постепенно возникло государство. Разумеется, политическая эволюция происходит внутри какого-то целого. Ее невозможно было бы от этого целого отделить. Поэтому я внимательно следил за тем, чтобы читателю стали ясны все изменения, которые определяют политическую эволюцию и на которые она, в свою очередь, влияет. Например, я рассказываю об ускорении денежного обращения, о строительстве соборов, о расцвете куртуазности, но всегда в связи с тем, что является объектом моего исследования, — медленным преобразованием властных отношений.

Наконец, я должен предупредить о двух избранных мною подходах. Прежде всего, я без колебаний останавливался подробно на некоторых отдельных событиях. То отношение, которое они вызывали к себе в определенную эпоху, бросает внезапный свет на историческую обстановку и на самые глубинные структуры; через событие мы осязаем саму жизнь. С другой стороны, я постоянно пытался как можно больше опираться на исторические свидетельства. Вообще, я стремился с возможно большей полнотой воссоздать представление о своей роли в мире, присущее людям тех далеких времен. Мне хотелось взглянуть на этот мир их глазами.

Как уже было сказано, я как бы подхватываю рассказ об истории, которая не стоит на месте, но мне приходится исследовать период, когда движение ускорится. Накануне тысячного года на тех обширных пространствах земли, которые я рассматриваю, люди попадают еще редко, орудия их труда убоги, сами они остаются удивительно неразвитыми; до победы христианства над язычеством еще далеко даже в ближайших окрестностях немногих городов-ситэ, поставленных Римом. Однако благодаря какому-то глубинному движению — медленному, смутно различимому — сельские местности уже на протяжении нескольких поколений все энергичнее заселяются. Это движение побуждает также приступить в монастырях и под сенью соборов к освоению богатого культурного наследия каролингского Возрождения; опираясь на спасенные благодаря ему античные рукописи, на комментарии, которыми тогда эти тексты снабдили, ученые мужи мечтают перестроить общество согласно предназначениям Господа. Порывы прогресса, все более сильные, выводят эти земли из дикости, они все яснее предстают перед взором историка. Однако исследователю очень трудно понять, что представляли собой властные институты и как они взаимодействовали вплоть до порога XIII века.

Дело прежде всего в том, что на прочных материалах тогда писали и мало, и редко. Любая властная сила проявляла себя глав-

ным образом с помощью слова и жеста. Поэтому письменные источники редки, они похожи на луч света, который внезапно появляется издали и снова гаснет. С другой стороны, лексикон этих текстов лишен гибкости и не успевает следовать за изменениями в жизни. Все используемые слова имеют латинское происхождение, но смысл их со временем незаметно меняется, причем по-разному в различных местах. Что означают, к примеру, слова *potestas*, *bannum* в той или иной записи картулярия, сборника грамот? Придавали им тот же смысл в другой рукописной мастерской? Путаницу увеличивает склонность к риторическим изысканиям, свойственная писцам-сκριбам, интеллектуалам по роду занятий и педантам по характеру. Вульгарным выражениям, к которым прибегают участники тяжб, эти скрибы предпочитают термины, заимствованные у классических авторов. И при изложении официальных речей реальность постоянно затемняется из-за того, что слова употребляют в производных значениях. Наконец, все то, что сохранилось от этих речей, передано нам крайне узким кругом лиц. Поэтому образ власти, который удастся воссоздать историку, неизбежно остается таким, каким его рисовало себе высшее духовенство, горстка просвещенных людей, защищая свои исключительные права, оспариваемые светскими силами. В пылу борьбы эти люди, сознательно или несознательно, искажали то, что описывали.

Обозначив таким образом пределы нашего познания, я должен в этом предисловии подчеркнуть четыре особенности политической системы, свойственные ей на протяжении всего того отрезка истории, которому будет посвящен мой рассказ. Две главные черты: всякая власть в те времена имела домашний характер и была в большей или меньшей мере связана с сакральным. Две второстепенные черты: власть отправлялась только мужчинами, и всегда от этой власти ускользала значительная часть тех, кого она хотела бы себе подчинить.

Не было тогда политического образования, которое не мыслилось бы как дом. Об этом свидетельствует язык: почти все термины, описывающие властную практику, принадлежат домашнему словарю. Таким образом, слова «зал» (большое помещение для собраний, торжеств), «комната» (покой, палата), «отель» (частный дворец), живущие в нашей политической или юридической речи, напоминают о местопребывании семьи.

Действительно, на всех этажах общественного здания, начиная с раба, ютившегося на арендованном клочке земли, и кончая государем в его дворце, — везде опыт неравенства приобретался в лоне семьи. И это неравенство ученые мужи почитали необходимым, ниспосланным свыше, присущим сотворенному Богом. В «комнате», вплоть до постели, женщина подчиняется мужчине. В

«зале», публичной, парадной части жилища, сын подчиняется отцу, молодые — старикам; одни должны идти впереди, другие — за ними следовать. Таков был порядок в стенах дома. Этот порядок выходил и за его пределы, расставляя участников торжественных шествий.

Для того чтобы с наибольшей силой выразить то, что называется политическим действием, в культуре, о которой я веду речь, прибегают к словам, обозначающим движение рук: захватить, отнять, держать. Сын чувствовал, что находится «в руках» своего отца, супруга — «в руках» своего мужа, а длань Господа простиралась к тем, кому он доверял свою мощь. Принять какое-либо существо «под свою руку» означало утверждать, что берется ответственность за это существо, что ему следует оказывать покровительство, содержать его, что устанавливается отеческое отношение к нему. Вложить свою руку в чью-то другую руку означало согласиться на положение сына, признать, что отныне тебе надлежит почитать этого другого и помогать ему. Принимался долг, но одновременно приобреталось право быть причастным к любому решению другого. Солидарность, которая устанавливалась с помощью таких жестов, будучи похожей на ту, что естественно возникает благодаря кровному родству, определяла качество, почетность служения, равно как и приносимые им выгоды. *Servicium* (служение) — очень сильный термин (он связан с *servus*, рабством, невольничеством), родившийся в самых глубоких недрах семьи. И поскольку всякая семья по своей природе склонна к расширению, то всякий глава семьи стремился добыть как можно больше богатств, чтобы дарить и раздавать, умножая число людей, мужчин и женщин, которых он мог бы накормить, будь то рожденные от его семени или те, кто верял ему себя с помощью ритуальных жестов. Они получили название «*commendise*» (коммандация) — передача себя под покровительство. Люди, которые станут «есть хлеб господина», будут ему служить, и благодаря этому власть его расширится. Экспансия власти была связана с деторождением или усыновлением.

Будучи заключенной в домашние рамки, любая власть, какой бы характер она ни приобретала, обнаруживала тенденцию становиться наследственной. Ни один домашний очаг не должен был бы погаснуть. Дом — это клеточка, которая воспроизводит себя. Почитая отца, сын в один прекрасный день занимает его место. Из слабеющих родительских рук он принимает падающую власть; к нему переходят властные права, которыми обладал его отец, — по отношению к своей матери, ставшей вдовой, к братьям, к собственным чадам. Господствовало убеждение, что всякая властная сила передается детям, то есть через кровь, носительницу добродетелей и харизмы, носительницу прав. Некоторые из них суще-

ствуют лишь потенциально. Это те права, которые мать передает сыновьям, выношенным в ее чреве: притязания на властвование, основанное на происхождении родительницы. Во время созревания плода в ее лоне они смешиваются с притязаниями, имеющимися у ее супруга, как смешиваются ради оплодотворения две родительские крови. Таким образом, в основе всякого устремления к власти лежала родословная.

Вот что оправдывало в глазах Господа и его служителей копуляцию, греховную по природе. Совокупление отныне есть малый грех — в той мере, в какой оно обеспечивает передачу прав на власть, то есть миропорядок. Эта модель утверждалась с такой силой, что распространилась и на церковные учреждения. В летописях, называемых «деяниями епископов» и посвященных подвигам глав епархий, сменявших друг друга в этой должности, их череда предстает как родственная по плоти, а *mater ecclesia* (мать-церковь), кафедральный собор — как настоящая мать, плодоносное чрево, порождающее одно за другим носителей духовной власти.

Когда граф нормандцев на рубеже XI века призвал к себе доброго летописца из страны франков, каноника монастыря Сен-Кантен Дудона и поручил ему написать историю своего княжества (из всех рукописей такого рода, дошедших до наших дней, она оказалась самой древней), то ее автор решил следовать в своем рассказе генеалогической линии: четыре главы, четыре народных вождя — Гастинг, Роллон, Вильгельм, Ричард; они представлены как порождавшие один другого, хотя в жилах Роллона не текла кровь Гастинга. Дело в том, что власть, даже если она распространялась на обширную провинцию, мыслилась только в форме наследия, передаваемого одним поколением другому по кровному родству. Из всех фактов, которые мы называем политическими, самыми важными в те времена являлись, таким образом, семейные события. Вокруг брачного союза, вокруг передаваемого удела развертывались главные интриги, а также самые бурные юридические споры. Кто из членов семьи сможет распоряжаться судьбами женщин, выдавать их замуж? Кто из младшего поколения вправе взять в свои руки власть, которой обладал предок?

Всякая власть имела также сакральные корни. С прогрессом христианизации росло понимание того, что власть — от Бога, которого славили в церквах и которому служили священники. Каролингские епископы составили нравоучительные трактаты, предназначавшиеся для управителей. «Зерцала князей» ставились перед их глазами не для того, чтобы те любовались своим отражением, но для того, чтобы государи имели пример, образец. Этот пример они должны были давать своим подданным, а последние — подражать им, как подражает сын отцу. В «Зерцалах» содержались и рассуждения о браке. Ибо их авторы-прелаты

стремились как раз к тому, чтобы внести сакральный дух в это мирское установление, от которого зависела игра властных сил. И среди политических конфликтов, имевших место во Франции XI века, самыми острыми были те, где ставкой являлся контроль за институтом брака. Сохранят ли этот контроль отцы семейств? Перейдет ли он к священникам? Эти последние в конце концов взяли верх. Все, что относилось к супружеским узам, а значит и к передаче власти, оказалось отныне под юрисдикцией духовных правителей, и это привело к очень серьезным последствиям.

Конечно, вплоть до царствования Людовика Святого священники еще не соединяли брачующихся под сенью Церкви. В 1200 году отец жениха оставался главным участником церемонии; ему принадлежало право просить небеса благословить своего сына и ту, которую он оплодотворит. Через главу дома им сообщалась благодать, гарантирующая счастливое отправление власти, передаваемой семенем. Однако священника приглашали в опочивальню освятить брачное ложе, то сокровенное место, где утверждается власть мужчины над женщиной, где начинается власть отца над существами, которых он породит.

Необходимость приобщения к сакральному объясняет то место, которое предоставлялось служителям Церкви внутри самого домашнего круга. И здесь следовало иметь кого-то, наделенного властью совершать таинства. Как только семья становилась достаточно богатой, чтобы содержать духовных лиц, в доме появлялась целая команда священнослужителей. И как бы ни был домохозяин запятан кровопролитием на поле брани, плотским грехом, он восседал в окружении клириков, вместе с ними читал псалмы. Всякий мужчина, обладавший какой-либо земной властью, будь то хотя бы власть мужа над женой, называющей его своим «господином» и ставшей перед ним на колени в день бракосочетания, оказывался, таким образом, наделенным какой-либо духовной функцией. Он отвечал не только за тела, но и за души всех живых и всех усопших семейства, главой которого являлся. Если этот глава грешил, его прегрешения падали на всех. А его богоугодные деяния шли всем им на пользу. Поэтому глава семейства должен был достойно вести себя и направлять часть того, что он держал в своих руках, на спасительные приношения. Акт пожертвования находился в самой сердцевине политических структур. Здесь же помещалась и проповедь. Господин должен был учить своих людей как примером, так и словом. Он молился о том, чтобы на смертном одре сохранить силу для последних наставлений своим сыновьям, своим племянникам.

Что же касается тех, чья власть распространялась за стены дома, на публичную жизнь, то они должны были вести к спасению всех, кем повелевали. Господь доверил им частицу своего племе-

ни. Он даже поставил под их руку живущих здесь, но не являющихся христианами, дабы те имели пастырей. И руку эту разрешил сжимать очень крепко, ибо роль управителей состояла в том, чтобы принудить неверных войти в сообщество. Всякий обладатель «публичной функции» обязан был, следовательно, помогать тем, кто нес Евангелие, искоренял дурные верования, возвращал заблудших на путь истинный. Он должен был истреблять всех упорствующих, очищать народ от носителей порчи, дабы не распространилась зараза. Но первым делом управителя было обеспечение мира и справедливости для своих подданных. Ему следовало по мере сил приближать несовершенное людское общество к тому идеальному порядку, который царит в невидимых далях среди ангелов, окружающих Всевышнего.

Действительно, мир и справедливость рассматривались тогда как отражение, преломление в этом брэнном мире другого мира — дома небесного. Такое представление являлось фундаментальным, оно неизбежно придавало священный характер публичной власти. Это вело к следующим трем последствиям.

Всякие властные отношения, которые не имели естественного основания в кровном родстве, брачном союзе или в искусственном родстве, образованном благодаря коммендации, покоились на священном акте — клятве (*sacramentum*), на клятвенном обещании, закрепленном ритуальным жестом — положением руки на священный предмет, на Святое Писание, на крест, на ковчег, — а также произнесением ритуальной формулы — «Да поможет мне Бог». Таким образом ткалось полотно политических отношений, целиком находившееся в сфере сакрального. И те, кто это полотно разрывали, и те, кто отказывались быть вплетенными в его основу, навлекали на себя гнев небесный. А поскольку еретики не желали давать священную клятву, ересь оказывалась непосредственно в политическом поле.

Применение силы, грубой силы, сокрушающей тела, было законным лишь при «служении», которое, как и духовное служение, состояло в утверждении справедливости и мира. «Справедливость и мир в корне твоего служения», — напомнили в 1023 году королю Франции. Эмблемой этого служения был меч; его вынимали из ножен и несли перед обладателем мирской власти, когда он готовился действовать, или же сам он держал этот меч. В такой позе на ковре из Байё изображен Вильгельм Завоеватель в момент, когда он собирается вершить правосудие. Меч был простым знаком силы. Вождь поднимал его, когда решал восстановить мир путем переговоров, опираясь на собственные представления о развитии событий, учитывая репутацию (*fama*) спорящих. Если стороны не соглашались с решением, то миротворец обращался к высшему судии — Господу, прося его самого вынести приговор;

государь председательствовал на ордалии, дуэли — испытании огнем, водой. Вынесшие его считались правыми в сообществе, которое собралось вокруг поднятого меча. Но меч становился карающим оружием, если надо было защитить слабых, не способных самостоятельно отстаивать свои права, если надо было отомстить за невинных. И в этом случае меченосец не должен был забывать, что, действуя оружием, он вершит правосудие от имени Господа и поэтому обязан следовать определенным правилам. Ему надлежало, таким образом, быть богопослушным, подчиняться тем, кто решал вопросы богопочитания.

Поскольку власть была священной, ею в огромной степени обладали служители Церкви, превосходя здесь и военных. В первую очередь, клирики имели монополию на письменную культуру. Они заполняли пергаменты странными знаками, произносили слова, непонятные для всех других, читали книги, утверждая, что в них находятся образцы для любого законного действия. В обстановке хаоса, вызванного обветшанием варварских кодексов и переменчивостью установлений обычного права, именно клирики на протяжении всего XI века прилагали усилия для воссоздания сводов законов, черпая вдохновение свыше. Они представляли высшее, духовное, правосудие, от имени которого возмутители спокойствия удалялись из сообщества правоверных, то есть лишались милости Божией. Таких возмутителей отлучали от Церкви, изгоняли на определенный срок ради покаяния. Их лишали какой-либо власти над женщинами, но также и над мужчинами, ибо эти грешники должны были отставить свой меч. Их выводили из круга семейной солидарности, изгоняли из родного дома, выбрасывали на улицу, принуждали странствовать, совершать паломничество. Наконец, поскольку вся власть была сакральной, священники следили за государями, наблюдали, как те выполняют свой долг, предавали анафеме дурных, прославляли добрых, короновали их. В XI веке приобщение к лику святых еще оставалось делом нетрудным. Всякий носитель державной власти, если он хоть как-то решал свои задачи, имел шанс быть провозглашенным святым. Около 1030 года монах Эльго из монастыря Флэри-сюр-Луар составляет жизнеописание короля Франции. Он видит пятно в его биографии — плотский грех, незаконный брак. И стремится показать в своей книге, что король искупил свою вину многочисленными очистительными деяниями. В этом повествовании самые обыкновенные действия власти приобретают литургическую окраску. А поскольку тот, кто их совершал, — Роберт, названный впоследствии Благочестивым, считался наместником Божиим на какой-то части земли, то он становился святым.

Добавим также, что вся власть, будучи по своей природе домашней и сакральной, принадлежала мужскому полу. Господь

доверял ее только этому полу. И имел на то основания. Поскольку женщины по своему сложению ближе к плотскому миру, более хрупки, они должны быть в подчиненном положении. Конечно, некоторые из женщин в сугубо частном кругу, в семейной обстановке имели власть над другими женщинами в доме и над малыми детьми. Бесспорно и то, что кровь некоторых из них содержала частицу общественной властной силы. Это придавало таким женщинам необыкновенную ценность. Получить их в свои руки означало одновременно овладеть и телом, и властью, которую это тело хранило. Поэтому наследницы становились предметом ожесточенного соперничества, составлявшего в те времена главный нерв любой политической интриги. Так происходило потому, что только мужчина мог реализовать власть, и по весьма очевидным причинам. Немыслимо было, чтобы женщины, лица женского пола, отправляли богослужения; этот пол не допускали к духовному сану. Немыслимо было, чтобы женщины, лица женского пола, вооружались мечом; женщина не могла участвовать в действиях во имя мира и правопорядка.

И наконец, последняя особенность власти тех времен. Ни одной из них не удавалось утвердиться полностью. Сеть была слишком редкой. На краях мира, который оставался еще очень безлюдным и диким, сохранялись неупорядоченные пространства, то есть пространства «неодомашенные», не организованные по принципу дома. Там не царили ни обычаи, ни право. В романах XII века изображается лесной облик этих свободных и опасных мест. Но лес не представлял собой безлюдную пустыню. Там легко было добыть средства к существованию. Укрыться в лесной чаще также не представляло особой трудности.

Долгое время, вплоть до царствования Людовика Святого, до того как земля не заполнилась людьми, рост народонаселения приводил к увеличению числа бродяг, маргиналов, ускользавших из-под опеки власти. Можно даже говорить о целом слое маргиналов, поскольку количество людей странствовавших, добровольно исключивших себя из общества, было значительным. Однако независимость фактически означала жизнь в группе. В стороне от вертикальной иерархической системы, соответствующей небесной воле, развивались горизонтальные структуры солидарности. Они также строились по семейной модели, но скреплялись не отцовским авторитетом, а братским равенством. В этой обширной боковой сфере преобладающей формой социальности являлась банда, ватага. Но и здесь святость власти выступала как цементирующий фактор: языческие ритуалы пиршества, совместных возлияний, христианские ритуалы клятвы, клятвенного обещания. Среди «друзей», которые объединялись таким образом, первое место занимали разбойники. Они были повсюду. В X веке их обнаружи-

вали в большом количестве среди завоевателей, вторгавшихся с Севера и из исламизированных стран. Летописцы тысячного года описывают их как «юнцов», как людей, еще не включенных в основную общественную клеточку — супружескую семью. Два века спустя таких людей станут называть даже «детьми», или «пастушкками». Упомянем затем всех тех, кто бежал от своего порочного века, дабы стать возможно ближе к Господу. Многие из них оказались объединенными в устойчивые сообщества. Но эти монашеские братства также отказывались подчиняться кому-либо, будучи уверенными в том, что они образуют некий лучший, более совершенный порядок, являющийся земным отражением небес. Многие другие в своих духовных исканиях странствовали маленькими группами вдоль слабо очерченных границ, отделяющих истинную веру от ересей. Наконец, не следовало бы поместить в те зоны, где мужская власть была ослаблена, и женщин, всех женщин, причастных — если верить мужчинам, жившим в те беспокойные времена, — к потаенному знанию, обладающих грозной магической силой, противостоящей этой власти?

НАСЛЕДИЕ

Для того чтобы выявить элементы политической системы, развитие которой я попытаюсь проследить, начиная это исследование, будет уместно, на мой взгляд, обратиться к тому, что увидел в этой системе в 40-е годы XI века один замечательный историк. Речь идет о монахе благородного происхождения по имени Рауль. Судя по своему имени (прозвище его было — Безбородый), Рауль являлся представителем одного из самых могущественных родов того времени. Этому пронизательному, очень образованному человеку становилось известным все, что происходило вокруг, ибо он принадлежал к Ключинской конгрегации, ответвления которой были рассеяны по многим местам христианского мира. Живя в Бургундии, между Осером и Ключи, он переходил из одного монастыря в другой, получая богатейшие сведения. Рауль решился описывать недавние события, стремясь понять то, как они следовали одно за другим, чтобы открылся Промысел Божий, который движет людской историей. В его сложном, искусно выполненном сочинении я выделю три черты, которые дают направление моему собственному исследованию. Прежде всего, Рауль не описывает историю княжества, как некогда Дудон, или жизнь суверена, как другой монах — Эльго. Рауль размышляет о судьбе всего Божиего племени и рассматривает ее в тех пределах, которые, на его взгляд, наиболее этому соответствуют, а именно — Империи, Римской империи, воссозданной Карлом Великим. С другой стороны, для этого автора политический порядок покоится на двух столпах. Это короли Генрих и Роберт, которые ответственны на востоке и на западе за две части франкского народа. Наконец, по убеждению Рауля, род человеческий только

что прошел испытание. Потрясение совпало по времени с тысячелетием Страстей Христовых. Кара, ниспосланная гневом небесным, очистила христианский народ от прегрешений. Этот народ ныне вновь заключил завет с Вседержителем и возобновил свой путь к Земле Обетованной, миру прекрасному, врата в который откроются в конце времен. Перед нами — идея прогресса, но прогресса, которому предшествуют мучительные, однако необходимые изменения политических структур.

I. ИМПЕРИЯ

В глазах свидетеля, которому я задаю вопросы, христианство представляется как некое расширяющееся тело. В «круге земном», *orbe terrestre* (изображение которого можно было тогда видеть в Сен-Дени на ковре, когда-то подаренном аббату Карлом Лысым, а также на карте мира, вкладе супруги Гуго Капета), это тело занимает лишь его часть. Оно призвано увеличиваться в объеме. Но для того чтобы надлежащим образом продолжился рост этого тела, его следует снабдить политическими структурами, скрепляющими его единство и придающими ему силу. Под ними подразумевается христианская империя, частью которой является пространство, занимаемое ныне Францией. Здание прочно. Его не поколебала череда беспоконных веков. Однако оно подтачивается темными силами, поэтому его надо постоянно подновлять. Главенствует следующая идея: поскольку плотский мир неотвратимо идет к упадку, прогресс зависит не от принятия нововведений, но от улучшений существующего. Одно из таких периодических улучшений предприняли в 1023 году папстыри, которым Господь доверил свое племя, — франкские короли, в согласии с епископом Римским. Действительно, задача дальнейшего расширения христианского мира и, следовательно, поддержание сплоченности вокруг *res publica* — общественного дела — доверена двум различным институтам власти, которые должны оказывать друг другу поддержку.

Есть два способа содействовать воцарению на земле небесного порядка, служения ему (*militare*). Отсюда — два «*militices*», «воинства», как и два рода законов — божественные и людские. Воинство, которое образуют люди молитвы, следует законам божественным, предписывающим отрешиться от плотского, не прикасаться к женщинам. Это воинство менее греховно, а поэтому в соответствии с мерой святости, на основе

достоинств занимает более высокие ступени на иерархической лестнице власти. Оно также более устойчиво, опирается на формы, унаследованные от античного Рима. Церковь взяла себе все его достояние — римскую школу, римскую музыку, римское искусство строить, украшать камнем; церковные учреждения — копии римских. То, что в политике сохраняет римские черты, по большей части отождествляется с Церковью.

Церковная власть укореняется в городах-ситэ, там, где их не разрушило время. Они более многолюдны, менее обветшали на юге Галлии. В каждом из них заседает епископ как преемник римского магистрата. Его окружает архитектурный ансамбль, который своей строгостью, стенами, монументальными воротами, прямоугольной сетью улиц выражает публичную упорядочивающую мощь. В центре городского порядка возвышается группа зданий, несколько церквей, епископский дворец, в которых сосредоточены все знаки гражданской власти. В ходе недавних раскопок в Экс-ан-Провансе обнаружилось, что основания базилики на северной стороне форума, где вершилось правосудие от имени Цезаря, поддерживают стены собора XI века и что епископская резиденция, относящаяся к раннему Средневековью, занимает в точности то же самое место, на котором находилась обширная постройка II века до Р.Х. Явная, бросающаяся в глаза преемственность. Епископальный организм своими порами впитывает всю жизненную силу города.

Добрые каролингские епископы перестроили соборные ансамбли в большинстве городов-ситэ Галлии. Но затевались все новые стройки. Благодаря экономическому подъему возобновлялся, ускорялся процесс *renovatio*, обновления. Я приведу пример Адальберона, архиепископа Реймского. «После своего восшествия (в 961 г.) он приказал полностью, начиная со входа, разобрать аркады, которые занимали почти четвертую часть всего пространства базилики; он украсил главный алтарь золотым крестом и установил с одной и с другой сторон его сверкающее ограждение (внутренность храма должна была, таким образом, излучать божественный свет); во славу храма он повесил там венцы, изготовление которых обошлось очень дорого; он осветил его окнами с различными изображениями на стекле (это уже витражи, необходимое украшение, преобразующее солнечный свет); благодаря ему церковь обрела голос, получив в дар звонкие колокола». В начале XI века местами подобного строительства стали Шалон, Санс, Бове, Санлис, Труа, Верден, Мец, Орлеан, Шартр. В епископских «Житиях»

прелаты восхваляются прежде всего за умение строить. Они строили во славу Господа, но также и ради собственного престижа, чтобы утвердить свое могущество перед лицом светских соперников.

Забота о том, чтобы строить, обязанность строить есть выражение упорядочивающей власти, которую епископ призван осуществлять по праву своего рождения; в его жилах всегда течет самая благородная кровь. Его судьба предопределена нареченным именем, образование он получает либо в монастыре, либо в церковной обстановке дома какого-либо великого государя, затем — среди «левитов», ученых клириков, которые собирались в каждом соборе. После своего посвящения в сан, после помазания елеем, благодаря чему он впитывал божественную мудрость, способность разгадывать тайны, епископ оказывался в городе-ситэ и в рамках пространства с неизменными границами, центром которого являлся этот город, источником всей святости. Именно епископ определяет самые тяжелые наказания, призывает гнев Божий на головы закоренелых грешников. Он единственный пастырь. Но в его распоряжении имеется сонм помощников, духовных лиц, для которых епископ — отец, которых он порождает, посвящая в сан, и которых обязан просвещать. С этой целью рядом с кафедральным собором учреждается школа, очаг учености, непонятной простым людям. Это весьма действенное орудие в схватках за власть. Какую-то часть священников епископ рассеивает по сельской местности. Ему положено их проверять, посещать во время пасторских поездок, периодически собирать вокруг себя, следить за тем, чтобы священники несли слово Божие, как подобает совершали таинства, давали благословения. В начале XI века в самых обустроенных епископствах северо-запада Галлии существует система надзора: в каждом приходе присяжные осведомители обязаны выискивать тех, кто уклоняется от верного пути, находящегося в руках епископа властного порядка, доносить об убийствах, кровосмешениях, вероотступничествах. Сложнейшая переплетенность религиозного и мирского в этой власти делает ее необъятной. Под предлогом преследования греховности епископ требует себе права контролировать всю ткань общественных отношений.

Он, однако, наталкивается на сильное сопротивление. В некоторых случаях оно основывается на морали аристократических семейств, не совпадающей с той, которую несет епископ. Они по-разному судят о добре и зле, когда речь идет, например, о брачном союзе или о мщенин. Другие препятствия обус-

ловлены укорененностью очень древних обрядов; священники преследуют тех, кто выполняет их, но простые люди считают, что все эти заклинания, пляски, трапезы, пиры необходимы, ибо дают дополнительные средства для умирения неведомых сил. Наконец, сопротивление оказывают заядлые спорщики, которые считают себя христианами, но заявляют, что для общения со Святым Духом не нужны ни таинства, ни храмы, ни священники.

Епископа окружают поставленные им клирики, коллегия каноников, которая служит ему, но также завидует и пытается учредить свою собственную власть. Повенчанный с Церковью, каждый епископ самостоятелен в своей епархии. Дело в том, что в унаследованной от Римской империи административной иерархии ее верхний уровень сохранился хуже. Архиепископы во всех метрополиях, главных городах бывших римских провинций удерживали власть над викарными епископами: хотя бы потому, что рукополагали их в сан. Таким образом, города Реймс, Тур, Санс, Бурж, Лион, Безансон, Вьенн, Арль, Ош, Бордо, Нарбонна и даже Экс, который выходит из тени в начале XI века, представляют собой очень крупные узлы на карте властных сил. В то же время борьба за титул архиепископа-примаса, который оспаривают Лион и Санс, а также Реймс, — это столкновения тщеславий. Во всяком случае, наличие титула примаса свидетельствует о другом пережитке, является воспоминанием о Галлии. Описанием Галлии открывается историческое сочинение, принадлежащее перу Рихера, монаха монастыря Сен-Реми в Реймсе. Название этой книги — «Битвы галлов», в ней рассказывается о политических событиях, произошедших во Франции в течение X века.

В когорте людей, которые молитвой служат Господу, то есть миропорядку, особое место занимают те, кто живет за стенами монастырей. Число таких обителей велико, большая их часть была основана во времена Меровингов. Они располагались на местах античных некрополей, кольцом окружали каждый город-ситэ. Жители монастырей — это мужчины (ибо женские обители еще являлись большой редкостью), они почти поголовно вышли из мирян, объединились группами по семейному образцу, уединились, стали под начало какого-либо отца-аббата, приняли торжественный обет, призваны (есть нечто военное в этих структурах, обязательных по монастырскому уставу, написанному Св. Бенедиктом и принятому почти во всех таких домах) денно и ночью сражаться с силами зла. Эти люди

пребывают в вечной готовности, находятся в первых рядах битвы во имя Божие. Орудия в ней — молитвенные пения, добровольное умерщвление плоти при отсутствии пастырского служения. Некоторые монахи являются священнослужителями, но службы отправляют только внутри сообщества. Они порвали связь с миром.

Продолжавшееся уже несколько десятилетий обновление бенедиктинских монастырей на пороге XI века начинает приносить плоды; монахи действительно составляют самую непорочную часть Божиего племени. Все они были отданы в монастыри в детском возрасте, из их стен более не выходили; эти монахи — девственники, из людей ближе всего находятся к ангелам. Сами они убеждены в том, что должны возвыситься над всем остальным родом человеческим. И поэтому Аббон, аббат Флэри, составляя для короля франков записку о политике, помещает монахов на вершину иерархии. В силу своей близости к миру небесному они представляются наилучшими людскими заступниками, способными умолить Господа о прощении, особенно прощении усопших.

Таким образом, монастырская реформа позволила сосредоточить в крупных сообществах, подвергнутых очищению, самую большую власть. То была власть над душами; от монашеской молитвы, от силы, которую излучают хранящиеся в стенах обители реликвии, зависят, как в этом все убеждены, здоровье, удача, спасение, милость Господня. То была власть над вещами; как свидетельствуют документы того времени, самые крупные богатства передавались в форме подношений, благочестивых даров, большей частью связанных с погребениями, в результате которых права на землю и на людей переходили из рук мирян, мелких и крупных собственников, в руки аббатов и приоров-настоятелей. Отсюда — богатство монастырей; в ту эпоху они были самыми активными очагами культурного созидания. Для того чтобы сделать церемонии отпевания более пышными, а значит, более действенными, предпринимались самые энергичные и смелые меры. На такие церемонии здесь расходовалось больше средств, чем где-либо еще; и все это делалось ради утверждения мощи.

Принадлежащая монахам сила столь велика, что они с трудом терпят опеку над ними, претензии на которую предъявляет епископ их церковного округа, диоцеза. Упорно добиваясь освобождения из-под такого контроля, аббаты обращаются к епископу Римскому. Они заявляют ему, что монахи — наилучшая опора для папы, желающего властвовать над Вселенной.

Их требования независимости приводят к тому, что духовная сторона политического здания, его хорошая, правильная сторона, унаследованная от Рима иерархическая система выглядит подточенной все большим монастырским обособлением. Торжествующее монашество представляет собой самый серьезный вызов власти епископа и его священников. Поскольку люди верят в скорое пришествие Христа и готовятся к нему, их все сильнее охватывает мысль о том, чтобы передать высшую власть тем, кто уже к этому пришествию готов, — монахам. Разве Господь не ставит их в первые ряды, дабы направлять шаги рода человеческого к свету? Конечно, между группами монахов существует соперничество. Аббатство Флэри-сюр-Луар претендует на верховенство над всеми другими, ибо убеждено в том, что обладает мощами Св. Бенедикта. Однако важнейшим фактом является в то время объединение монастырей в мощные конгрегации. Устанавливаются союзы семейного типа: братские — между обителями, находящимися далеко друг от друга, дочерние — между материнскими аббатствами и приориями. Вокруг аббатства Сен-Виктор в Марселе, вокруг Ключни сеть ассоциаций подобного рода все более расширяется. Они начинают походить на империи.

Империя, Римская империя; и я задаюсь вопросом: не оказались ли тогда память о ней и желание возродить ее в Ключниском аббатстве более действенными, чем где бы то ни было в Галлии? Это аббатство было поставлено его основателем под покровительство Св. Петра и Павла, главенствующих в Римской церкви. К Риму оно было символически привязано ежегодными выплатами в золотой монете. Выведенное вместе со всей своей конгрегацией из-под власти епископов, опиравшееся на папство, Ключниское аббатство находилось на вершине земных иерархий и трудилось ради распространения небесной благодати. Оно рассматривало себя как преддверие рая. А епископ Лаонский Адальберон около 1025 года осуждал империализм его аббата Одилона.

Когда Рауль Безбородый создавал свой труд, которым я пользуюсь как путеводителем, благодать вновь распространяется по земле. Но не повсюду; значительная часть ее по-прежнему остается в заблуждении. Это половина мира, весь Восток и весь Юг. Заметим, что за точку отсчета берется, конечно, Иерусалим, Голгофа. То, что в указанных частях Земли мрак не рассеялся, Рауль объясняет именно положением тела распятого Христа. Лик его обращен к Западу, правая рука, благословляющая длань, протянута к Северу. И в то же время спи-

ной Христос повернулся к Востоку, к Югу же обращен жест проклятия. Поэтому распространение христианства недавно продолжилось на Севере и на Западе: только что совершилось крещение нормандцев и венгров.

Рауль показывает, что Божие племя для него — собрание домов. После обращения в истинную веру нормандский народ благодаря различным брачным узам стал союзником народов, которые еще раньше приняли христианство, — франков, бургундцев. Соединив свои сердца, нормандцы образуют «дом, где все — родня». Его глава выступает как отец, и если герцогу удастся обеспечить в стране образцовый мир, то потому, что он крепок телом, искуснее других владеет оружием, а также проявляет невиданную «щедрость». А именно эта добродетель делает человека свободным, равно как и благородство, как и справедливые суждения обо всем.

Все это ясно показывает, что внутри Империи-объединительницы положение принуждающей власти отличается от той власти, которую отправляет духовенство. Пока не восторжествует Святой Дух, пока люди будут продолжать свой путь на земле, погрязая во зле, не в состоянии его одолеть, как это совершенно очевидно, ни само вознесение молитв, ни увещания, ни анафемы. Кто-то должен действовать силой, обуздывать, принуждать; надобно второе войско, нужна рука с мечом, дабы явить в этом мире Христово правосудие.

Анализируя ход мыслей Рауля и других монахов в Ключи и его дочерних обителях, Д. Ионья-Прат находит, что их питали неоплатонические концепты, почерпнутые из каролингских источников. Согласно этим концептам, человеческим обществом движут три иерархически расположенные силы: дух, разум и чувства. Благодаря своей непорочности монахи находятся на высшем, духовном, уровне. Они царствуют вкупе с Христом, непосредственно разделяют его высшую власть. Но будучи удалены от мира — а это удаление есть необходимое условие превосходства монахов, связанного с их телесной чистотой, — они не в состоянии своими собственными руками вершить правосудие, исправлять то, что в человеческом роде принадлежит к нижней сфере, сфере чувств, — простонародному, «вульгарному», «плебейскому». Монахам нельзя отклоняться от пути, ими избранного, «теоретического», по выражению Дудона из Сен-Кантена, но они должны, по меньшей мере, наставлять (и это верное слово) тех, кто, следуя по «практическому» пути, взял на себя миссию «руководительства». Государи наделены для этой миссии мужеством и щед-

ростью — добродетелями, которые находятся на промежуточном, рассудочном, уровне. Долг монахов — нести нравоучения людям власти, призывать их умерять чрезмерное влечение к женщинам, к насилию. Так, в первые годы X века клюнийский аббат Эд составил для народных вождей описание образцового поведения — биографию Жеро, графа Орийяка. То был государь, хранивший целомудрие. Он раздавал свои богатства. Он действовал умеренно, если прибегал к оружию. В начале XI века претензии Клюни растут. Аббатство хочет просвещать государей другого рода — епископов. Последние также призваны действовать, руководствуясь разумом. Они глубже монахов погружены в земные дела, а потому должны им подчиняться. Следовательно, немонастырская часть Церкви будет подведена к тому, чтобы, в свою очередь, обновиться. Такова схема: «духовная» власть возвышается над «умственной», а последняя распределена между двумя руководящими группами — молящихся, священнослужителей и воюющих, воинов. Второй ниже первого, ибо входящие в него люди более отдалены от духа и более подвержены чувственному. Две группы «святы», говорит Рауль, поскольку обе они происходят из того, что в поздние времена Римской империи называлось *sacrum palatium*, священным или императорским дворцом.

Задача Империи — править бранным миром. Эта задача разделяется на две части, занимающие соответствующие места в иерархии. «Лучшее расположение для мироохранения было бы такое, при котором ни одному государю не достало бы дерзновения удерживать скипетр Римской империи, объявлять себя императором, если папа, восседающий на римском престоле, не сочтет его способным к публичным делам как мужа честного по своему нраву и не доверит ему знак императорского достоинства». И Рауль описывает коронацию в 1014 году Генриха II, короля германцев. Когда король приближался к Риму, папа Бенедикт VIII приказал вынести себя ему навстречу, как подобает главе дома, встречающего почетного гостя. Папу окружали его приближенные из двух сословий. Перед римским народом он вручил королю дар — а одаривать, значит проявлять свое превосходство над тем, кто принимает дар.

Из рук епископа Римского король получил символический предмет — золотое яблоко с двумя ободами из драгоценных камней, увенчанное крестом. Приняв в свои руки этот дар, означающий «свод земной» — державу, Генрих становился принцепсом (*princeps*) — первым во всей земле, но он должен был властвовать (*imperare*) и управлять (*militare*) только под

сенью Креста, и украсив себя многими добродетелями, изображенными на геммах. Затем новый император сам объяснил смысл этой церемонии инвеституры: «Сим даром ты пожелал убедить нас в том, что этой властью должно пользоваться с умеренностью». Итак, первый принцип: власть духовная обязана морально наставлять власть мирскую. Генрих добавил: «Никто более не достоин обладать этим предметом, но те только, кто, попирая мирские утехи, идут как можно ближе за Крестом Спасителя». Так, с непокрытой головой, символически демонстрируя подчинение разума духу, король приказал доставить державу в Ключийское аббатство.

Будучи обязанным властвовать над всем миром, император должен превратить свой дом, свой «священный дворец», в питомник для всех тех людей, которые во множестве станут помогать ему вершить повсюду правосудие. Мыслилось, что император должен давать кров, кормить, обучать в своем доме молодых людей, которых приводили к нему их родные, в жилах которых течет благородная кровь, ибо будущие помощники державной мощи по своему рождению, генетически должны быть наделены силой и щедростью. Теоретически дворец является школой, причем школой в двояком смысле. В ней наличествуют два порядка. Из домашней капеллы будут выходить епископы, на которых держится все сословие священников. Вооруженная стража даст военачальников, долгом которых будет сбивать спесь с гордецов, защищать слабых от тиранов, уничтожать неверных или принуждать их войти в великое здание христианства через крещение или брачный союз, как это сделали нормандцы и венгры. Этим людям меча император доверит «государеву мощь». И они также будут возведены в государи, станут герцогами в землях, населенных различными народами, на которые делится христианский мир, в землях, называемых королевствами. Эти государи, в свою очередь, должны будут организовать два властных порядка, ставя в различных городах тех людей, которых они сами вскормили. Одни из них, впитавшие книжное знание, займут епископские кафедры, другие, освоившие военное ремесло, станут графами, отправляющими светские функции. Благодаря такому последовательному делегированию власти возникает здание с двумя уровнями. На одном из них находятся королевства, на другом — города-ситэ и края, центрами которых эти города являются. Между руководителями, поставленными на два уровня, накладывающихся друг на друга, должны устанавливаться сердечная

связь — «любовь» тех, кто находится выше, к тем, кто находится ниже; а также ответное «почтение» вторых к первым. И разве такая связь не возникает во время их «младых лет», длительного ученичества, когда они живут под одним кровом? Предполагается, что сердечные узы сохраняются, продолжая привлекать к «старшему» сеньору, главе дома, «отроков», которые получили в этом доме пищу для ума и тела, а теперь наделены общественными функциями, исполняют почетный долг. *Honor* — честь — так называется этот долг в латинских текстах. Честь дает право имеющему ее повелевать, называть себя «господином» (*dominus*) над теми, кем он призван руководить.

Немецкие историки Х. Келлер (применительно к Италии) и К.Ф. Вернер (применительно к Франции) выявляют в мирской жизни, в светском правосудии остаточное существование в те времена административной системы, установленной в эпоху поздней античности в христианизированной империи. Сохранились звания, понятия, концепты, носящие ее печать. Есть «войско» («*milice*»), призванное служить *res publica* — общественному делу. Имеются ранги, напластование чинов, вплоть до самого низкого. Ими наделены княжеские и епископские помощники, носящие «военную перевязь», знак «государевой власти», частицей которой они обладают. Имея оружие, они участвуют в отправлении «публичной функции», образуя еще один, нижний, уровень политического здания. Для их отличия в середине X века вводится специальный термин, первоначально получивший распространение вблизи епископских резиденций, где не умерла письменная культура. Это слово, вошедшее в словарь публичных действий, — *miles* — «милиты». Действительно, это воины, составляющие часть войск, иерархизованного корпуса, находящегося в распоряжении «сильных людей». Задачей милитов было вести за собой, защищать, наказывать «народ без оружия».

Но простые люди не были лишены оружия, однако они не имели знака принадлежности к милитам — не носили шпагу. Речь идет о «подданных», о «бедных людях», как их называли во времена Каролингов. Общественную организацию портит зло, проникающее в нее через любую трещину, образующуюся в результате напора завистников, которые, имея законную силу, начинают злоупотреблять ею. Поэтому светскую власть должна контролировать, наставлять власть духовная. А для этого, как того желает Провидение, носящие меч обязаны подчиняться людям молитвы. Именно это утверждает около

1025 года Герард, епископ Камбрейский: конечно, «служение не делает воинов грешниками, если совесть их чиста». Однако грех присутствует: «молитва людей набожных, которых они охраняют, искупает проступки их душ». Между двумя крыльями политического здания, левым и правым, идет обмен услугами, дополняющими друг друга: одни молятся за других, а эти другие их защищают. Священникам принадлежит право вручать воинам оружие для битвы, надевать на них «военную перевязь». Ведь всякая власть происходит от Бога. А Бог ее передает по ступеням, начиная с императора и кончая милитами. Но эту передачу, разумеется, он совершает при помощи тех, кто ему непосредственно служит, кто следует божественным законам, — своих «рабов», слуг своего дома. Начиная с папы.

II. ФРАНКИ

Обширная Западная Римская империя населена различными «нациями народов», как писал в начале X века аббат Регинон Прюмский. Они отличаются друг от друга «расой, нравами, языком и законами». А Галлия, составляющая лишь часть этой Империи, сама по себе раздроблена, как это прекрасно знают современники. Флодоард называет среди населения Галлии «франков, бургундцев, аквитанцев, бретонцев, нормандцев, людей Фландрии, Готского края, Испанской марки», которые в той или иной мере отличны друг от друга. Рауля, моего бургундского свидетеля, образ жизни аквитанцев удручает. И напротив, он чувствует свою близость к франкам. Во всяком случае, у Рауля нет никаких сомнений: в Империи франкский народ превзошел все другие.

Действительно, умами овладевает следующая идея, связанная с космологией, о которой я говорил, где стержнем является Крест Иисуса Христа, — о том, что со временем произошло перемещение (*translatio*) — политического и культурного полюса с Востока к Западу, мощь перешла от греков к римлянам, а затем к франкам. Эту идею подкрепляли воспоминания о союзе, заключенном в VIII веке между вождем франков и папой, который привел в 800 году к восстановлению Империи, а также воспоминания о еще более давнем союзе — Хлодвига с Католической Церковью. Этот альянс обеспечил победу короля над прочими варварами, еретиками и язычниками, сделал его избранником Божиим, а следовательно, вместе с ним — и весь его народ. Укоренилась вера в то, что именно франки ос-

новали Галльскую Церковь. Во вступлении к «Салической правде», переписанной в VIII веке, франков восхваляют за то, что они озаботились сохранением тел святых мучеников, которых римляне сжигали на кострах, пытали железом или бросали на растерзание зверям, за то, что откопали святые мощи, дабы украсить их золотом и драгоценными камнями. Ученые мужи, которые в ту эпоху пишут историю (а она пишется главным образом во франкских землях), также убеждены в том, что богоизбранный народ избавил жителей Галлии от ига римлян. Эти мужи опираются на свидетельства рукописей, сохранившихся под сенью соборов и в монастырях, на «Историю Франков», написанную в конце VI века Григорием, епископом Турским, который рассказывает, в частности, о крещении Хлодвига. В тексте, добавленном к этому сочинению в VIII веке, утверждается, что франки происходят от троянцев. Империя по-прежнему есть дело римское, но по Божиему велению франкский народ включился в нее ради поддержания мира и порядка. Франки укоренились в этих пределах империи. Отныне миссия *imperium'a* — вчинения — принадлежит ее королям. Аббон, аббат Флэри, говорит об этом Гуго Капету, его сыну и соправителю Роберту: их мощь «есть мощь королевская, то есть императорская».

В 1023 году Роберт встречается с другим франкским королем — Генрихом. По-братски они говорили о задаче обновления всеобщего мира. Встреча состоялась вблизи реки Маас (Мёз), по которой проходила граница их владений. Напомним, что территория, где два века ранее после скитаний обосновался франкский народ, занимала часть Галлии и Германии. По договору, заключенному в 843 году в Вердене, эта территория была разделена между тремя наследниками; каждый из них получил равную долю, включавшую и прилегавшую к ней на юге часть Империи. Роберту достались западные земли, границы которых на востоке примерно совпадали с течением четырех рек — Шельды (Эско), Мааса, Соны и Роны. Его владения включают и испанское пограничье («марку») — Каталонию, находящуюся по ту сторону Пиренеев.

В момент завершения Раулем его труда вся остальная часть пространства, где царствовали Каролинги, находилась под властью другого короля, единственного носителя императорского титула. Ему подчинялись жители франкской части Галлии, Лотарингии. Отнюдь не так обстояли дела в провинциях, где правила Церковь, — Безансоне, Вьенне, Арле. Когда-то там существовали королевства, но от них остались лишь воспоминания.

нения. Практическое отсутствие королей в этих провинциях оказалось решающим для будущего власти в той части французского пространства, где не было зачатков монархического государства. Монархия имеется на Севере: с одной стороны — на Рейне, в Германии; с другой — в долинах Луары и Сены, во Франции.

Действительно, настоящая *Франкия (Francia)* для современников — это доля, которая досталась Роберту, край западных франков. Именно здесь завершились долгие странствования этого народа, именно отсюда происходили его победы. В этой стране царствовал Хлодвиг. В Реймсе он стал христианином. В Туре он принял от императора знаки консульского достоинства, поклонился праху Св. Мартина, которого сделал покровителем своего рода. В Париже Хлодвиг ушел на покой после своих побед, здесь его похоронили. В Орлеане он собрал в 511 году всех галльских епископов. Кроме того, с этими местами связаны и воспоминания о Карле Великом. Зримой памятью о нем являются большие монастыри этой земли. В них молятся о спасении души великого императора. Для поддержания различных домогательств там изготавливают грамоты, якобы им дарованные. А в книжных кладовых монастырей хранится его жизнеописание, составленное Эйнгардом.

В Карле Великом начинают видеть короля Франции. В 1000 году утверждается, таким образом, представление о том, что *francité* — франкский дух — находится на Западе. На Востоке же продолжается процесс, который историк Фихтенау называет «дефранкизацией». Восточнофранкское королевство начинают отождествлять с Тевтонским королевством. *Regnum Teutonicorum* — это определение получает распространение, свидетельствуя о том, что Восточное королевство удаляется от Западного, *regnum Francorum*. Для франкских историков именно эта часть Галлии становится Францией. В монастыре Флэри-сюр-Луар, вблизи Орлеана, в сердце Франкии, монах Эмуан по приказанию своего аббата пишет новую историю франкского народа, предназначенную для короля Роберта. К легенде о происхождении франков от троянцев он добавляет легенду о священном сосуде. Находит ее летописец в жизнеописании святого Ремигия, составленном в 878 году Хинкмаром, архиепископом Реймским. Вышивая по рисунку, созданному Григорием Турским, Хинкмар повествовал о крещении Хлодвига, этого нового Константина, совершенном Ремигием, этим новым Сильвестром (как гласит предание, именно Св. Сильвестр крестил императора Константина Великого). По рассказу

Хинкмара, в этот день люди увидели, как с неба спустилась «голубица белее снега», она принесла елей в сосуде. По словам Эмуана, это священный елей, он постоянно обновляется в сосуде. Постоянно — ибо служит для миропомазания королей.

Королевская власть есть учреждение варварское. Римляне обозначали словом *rex* (король) вождей народов, которых они принимали — по доброй воле или вынужденно — в состав Империи. Внутри Империи за вождями оставалась функция руководить каждой из этих наций, вершить правосудие над своими людьми в соответствии с их собственными законами, вести их в бой, пресекать бесчинства. Признавая внутреннюю самостоятельность этнических образований, император брал на себя обязанность присваивать этим королям официальные титулы, вручать соответствующие знаки; они занимали, таким образом, в соответствии со своим рангом, определенное место в иерархизированной системе властей, управляющих *res publica*. Слово *rex* встречается и в Писании, в одной из частей Ветхого Завета, Книге Царств. Именно здесь клирики находят модель учреждения, которое они вправе контролировать. Новому Константину, королю франков, должно быть новым Давидом, новым Соломоном, походить на них. Быть, по возможности, лучше их. Остерегаясь, в частности, женолюбия, которому предавался Давид, страсти к женщинам, к чужим женам, которую питал Соломон. Именно здесь таится грех, угрожающий королям. Им страдает Роберт, а затем будет страдать и его внук Филипп. И епископы очень бдительны: королевское сладострастие предоставляет им случай утвердить свой авторитет над королевской властью.

Королевскую персону окружают епископы. Существеннейшим политическим явлением эпохи, которую я наблюдаю, является проникновение франкской королевской власти в епископат. Это весьма наглядно проявилось в том, как в 986 году было организовано перенесение праха короля Лотаря в усыпальницу. Первыми за гробом шествовали, в соответствии с иерархическим порядком, епископы и их священники, а посреди их когорты поместили символы бессмертия королевской власти — корону и другие регалии.

Точно так же как епископы становились епископами, так и король становился королем — путем помазания. Вот как выглядела церемония восшествия на престол со времен Хинкмара, то есть с конца IX века. По приглашению архиепископа тот, кто желал возглавить королевство, произносил перед духовенством и народом торжественную речь. Это не присяга, но

обет, подобный тому, какой дают епископы. Обращаясь в первую очередь к епископам, будущий король обещает «сохранить за вами и за вашими церквями канонические привилегии, должные вам закон и правосудие; настолько, насколько это будет в моих силах, а также с помощью Божией, как надлежит королю в своем королевстве, я обеспечу защиту через закон каждому епископу, каждой вверенной ему церкви». Затем он обращается к народу: «Во имя Христа я обещаю христианскому народу, который мне повинуется, не отступать от следующих трех правил. Во-первых, всякий христианин во все времена будет хранить в истинном мире церковь Господа, который есть мой судия. Во-вторых, я воспротивлюсь всякой алчности и произволу. В-третьих, я предпишу справедливость и милость во всяком приговоре». Архиепископ, представляющий Всевышнего, «избирает» короля. Народ его приветствует. Затем совершается миропомазание. Священный сосуд торжественно доставляют из монастыря Сен-Реми, где он хранится. Этот монастырь находится в Реймсе, поэтому миропомазание происходит здесь. Правда, Гуго Капета короновали в Нуайоне, а его сына Роберта — в Орлеане, но к концу века все были согласны с тем, что право помазания на царство принадлежит архиепископу Реймскому. Чудодейственное масло смешивают с елеем, которым и помазуют тело короля. В регламентирующем церемонию коронации новом ордонансе, обнародованном позже, в 1270 году, говорится: «Изо всех королей на земле единственно королю Франции принадлежит славная привилегия быть помазанным миром, единожды ниспосланным с небес». Во время церемонии пели псалом о Соломоне, помазанном Господом. Затем вручались регалии — скипетр, аналог епископского посоха, кольцо, подобное тому, которым обручали епископа с народом диоцеза.

Аналогия: фактически — коллегиальность, которую Людовик VII провозглашает в 1143 году: «Только королей и епископов освящает миропомазание. Это миропомазание совместно возвышает их надо всеми другими и ставит во главе Божиего племени, дабы вести его». Действительно, освящение не только придает королю *intellectus* — разум, присущий, как считают клонийцы, всем правителям, но и наполняют его *sapientia* — мудростью. Благодаря ей, говорит Адальберон, епископ Лаонский, «ты можешь постичь то, что есть небесное и незыблемое, ты должен постичь Иерусалим Небесный». Из всех светских лиц своего царства единственно король способен к этому «мировидению», к восприятию порядка, царящего в небесах и яв-

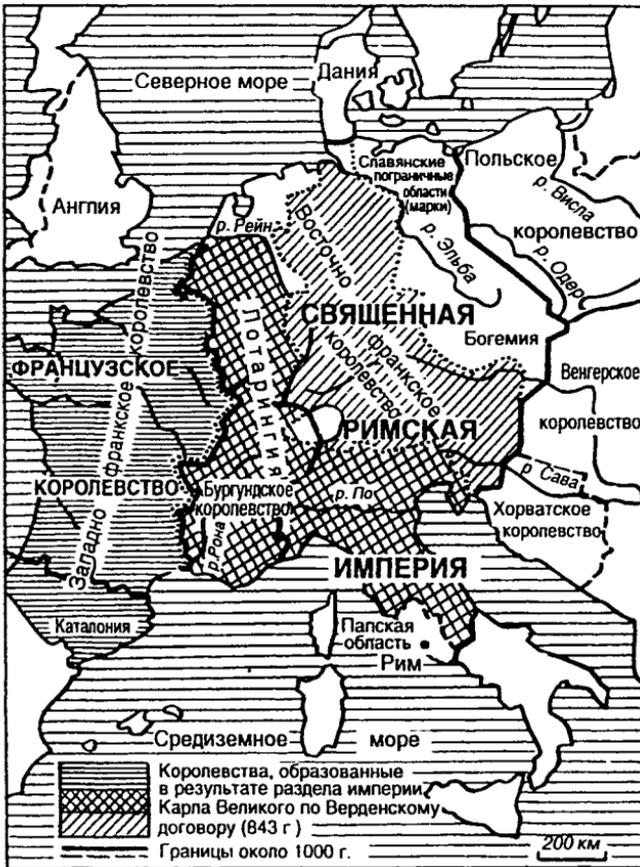
ляющегося образом того порядка, который сам король должен установить на доверенном ему пространстве. Благодаря освящению он включен в священническое сословие. По словам Адальберона, ему «ниспослан дар оранта», молитвенного представительства. А это ставит короля выше сословия «воющих людей». Освящение дает ему власть над воинством, которое должно оберегать церкви; король возвышается над ним, одновременно порождая его. «В жилы благородных родов перетекла королевская кровь». Король является отцом знати, он возвышается над ней еще более благодаря тому, что совершает чудеса. Эльго рассказывает, как король Роберт делал слепых зрячими, лишь окропив их водой.

Однако король франков, принятый в коллегию епископов, поставлен под их надзор. И об этом также говорит ему Адальберон. Церковь составляет «порядок», который управляется божественным законом и «образует Царствие Небесное, весь род человеческий ему подчинен: ни один государь из него не изъят». Когда король осуществляет свою государеву власть, он тем более от этого подчинения не избавлен. В одной из своих ипостасей король равен прелатам, в другой — зависим от них.

Этот альянс, осуществлявшийся на практике не без трудностей, представляет собой главный, самый ценный козырь сохранившейся части политического наследия Каролингов, системы, когда епископ в каждом городе надзирал над графом как представитель сюзерена. Однако в Западнофранкском государстве, в отличие от Восточнофранкского, короли в X веке не пытались развить такую систему, уступая епископам графские права в городах-ситэ. Эта практика лишь слегка затронула Западную Франкию, когда во второй трети X века она на недолгое время оказалась под контролем германского короля Оттона. Поставив на епископские кафедры клириков из своей молельни, Оттон передал графские права архиепископу Реймскому, его викарным епископам в Лаоне, Шалоне, Бове, Нуайоне и епископу Ланграскому. Прелаты сохранили полученные права. Их преемники станут шестью духовными пэрами короны. Процесс поглощения духовными лицами светских функций на этом прекратился. Именно поэтому споры из-за инвеституры в XI веке потрясли Западнофранкское королевство в меньшей степени, чем Восточнофранкское.

По Адальберону, «королевское ремесло» состоит в том, чтобы твердо поддерживать *res publica*, восстанавливать «добрый мир» после потрясений, вызываемых сатанинскими кознями

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА ОКОЛО 1000 ГОДА

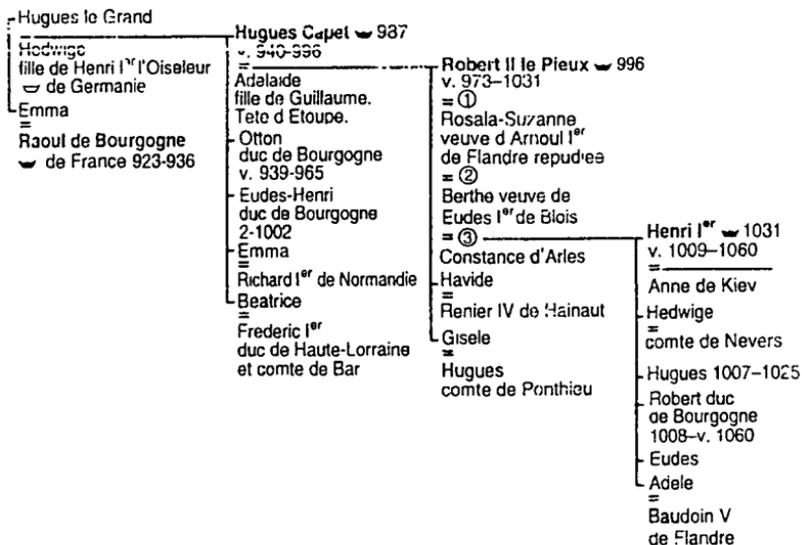
ми. Для выполнения своих функций король приглашает епископов на собор, ожидая от его членов «совета» и «помощи». Их он требует от воинов, носителей чести, ибо все те, кто наделен в королевстве «публичными функциями», обязаны этой честью его главе. Королевская власть держится на их «верности». Такое положение обосновывает Аббон из Флёри в главе «О верности, должной королю». Королевские функции осуществляются на обширном пространстве. Как можно было бы обеспечить их осуществление, если бы «первые лица королевства» не оказывали сюзерену «со всем почтением честь, на которую он имеет право»? Он — единственный. В самом деле, он заявляет о своем праве ни от кого не зависеть, быть на равных с другим королем франков — Германцем, хотя тот и

утверждает, что унаследовал от Цезарей державную мощь над всей землей. Разумеется, Адальберон, как и монах Рауль, заявляет: «Они оба первые, один — король, другой — император». Но сразу же добавляет, что предшественники Роберта были «каждый одновременно королем и императором». И напоминает, что иногда император спасался бегством от этих королей. Наконец, Адальберон замечает, что в своем королевстве король является единственным лицом, не получающим за исполнение своих обязанностей *emolumentum* — жалованье. Его честь исходит лишь от Господа. Королевская власть составляет ключ политической системы.

Роберт, который царствовал над франками в 1000 году, получил помазание в 987 году, несколько месяцев спустя после избрания королем и помазания своего отца Гуго. Сам он вступил на престол согласно обряду освящения, благодаря своим способностям, которые передаются по наследству. Во всех книгах по истории франкского народа, которые тогда писали, утверждается, что существует королевская раса, подчеркивается династическая преемственность, восходящая к Фарамонду, потомку Приама. Харизма королевской власти передается по наследству. Ни один из ученых мужей не сомневается в этом. Однако применение данного принципа порой наталкивается на трудности.

Надо ли было делить королевство между братьями? Это сделали в 843 году. Однако с тех пор доля, отошедшая Карлу Лысому, разделу не подвергалась. Хотя у короля Лотаря было два сына; одного он определил в священники, другого повелел короновать еще при своей жизни, ибо считал королевское звание неделимым, как и «честь». Например, в Нормандии, у правителей которой рождалось много сыновей, лишь одного из них представляли на одобрение знатных людей, обязанных поклясться на верность новому государю. Но в течение X века не раз случалось так, что король франков умирал, не оставив наследника мужского пола, рожденного от его семени, способного выполнять государственные функции, сына, достигшего достаточно зрелого возраста, не слишком немощного. Так произошло в 954 году, когда скончался Людовик IV Заморский. Его сын Лотарь был ребенком, ему едва исполнилось 12 лет. Дядья Лотаря по матери — император Оттон, архиепископ Кёльнский Брюнон — защитили его права; они посоветовали своей сестре, королеве Герберге, обратиться за «помощью и советом» к Гуго Великому, который был тогда, по рассказу Рихера, «герцогом Галлов», то есть вице-королем Франкии. Он

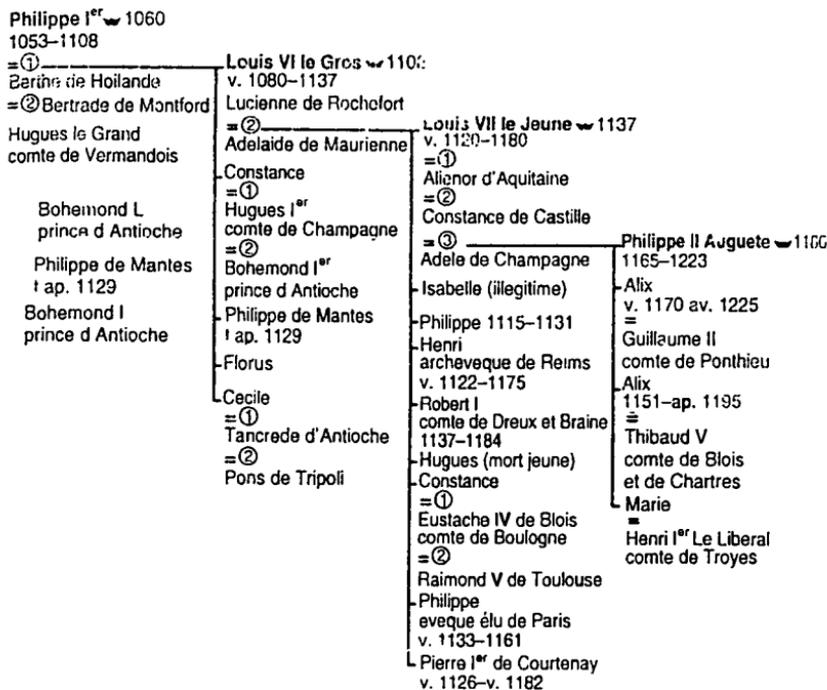
ПЕРВЫЕ КАПЕТИНГИ

пригласил к себе не только епископов королевства, но и светских государей Бургундии, Аквитании и даже Готии. После одобрения, причем «единодушно», «знатными людьми различных наций» ребенок был коронован в Сен-Реми у королевских могил. В данном случае проблемой было несовершеннолетие Лотаря. С гораздо большими трудностями столкнулись в 987 году. Через год после смерти этого самого Лотаря скончался и его сын Людовик V. Потомства по мужской линии он не оставил. Выберут ли его дядю по отцу? В июле 987 года состоялся съезд знати в Санлисе, где архиепископ Реймский провел выборы. По его словам, дядя усопшего Карл заключил незаконный брак, его жена происходит из милитов, то есть из разряда простых помощников власти; напротив, Гуго по прозвищу Капет, сын Гуго Великого, обладает всеми необходимыми для короля качествами, как физическими, так и духовными. Гуго был единодушно поддержан, а затем коронован.

Имела место узурпация? Карл и его сторонники утверждали именно так, но безуспешно. Хронисты той эпохи — Эмуан, Ри-

хер Реймский — полагали, что переход короны в другой род есть дело законное: наделенный добродетелями славных Каролингов, Гуго был более способен, чем его конкурент, царствовать по-каролингски. Что касается Одорануса из Санса, то этот автор, будучи приверженцем Капетингов, считает своим долгом заявить: Людовик уступил королевство в пользу Гуго. Несколь-

ко ранее, около 1015-1030 годов, когда епископ Санса находился в ссоре с королем Робертом, там была написана история франков, в которой Карла называли братом Людовика, а не его дядей, Гуго Капета — самозванцем. Эти суждения получили распространение в конце XII века, их разделял, в частности, Гуго из Флэри. Однако избрание Капета, продолжавшее предыдущую выборную практику, по всей видимости, казалось проницательным современникам простым поворотом политической интриги, нити которой держали в руках тевтонские короли.

Конечно, Гуго Капет стал избранником не только в силу своих достоинств, но и благодаря своему происхождению. Адальберон ободряет его сына Роберта: «Ты есть король и император, ибо продолжаешь давний род своих отцов». Гуго Великий действительно был сыном франкского короля Роберта и племянником другого короля — Эда. Гуго, бесспорно, не унаследовал королевскую власть. В 936 году после смерти короля Роберта I, брата своей жены, он обеспечил избрание на трон Людовика IV Заморского, восстановив таким образом каролингскую династию, приняв тогда титул «герцога Франков». «Герцога Галлов», как напишет Рихер. От своих предков этот государь унаследовал право распоряжаться в Нейстрии епископскими и графскими должностями. Гуго Великий был покровителем графов, чьи земли располагались на берегах Сены и вокруг Парижа, являлся аббатом монастыря Сен-Мартен в Туре с самой большой коллегией каноников, насчитывающей 200 человек. Они возносили молитвы перед останками апостола галлов, признанного небесного защитника франков, перед его плащом, облачением. (Очевидно, поэтому его сын Гуго будет назван «Капетом».) Кроме того, Гуго Великий держал в своих руках большие монастыри Сен-Дени и Сен-Жермен-де-Пре. Именно он являлся истинным властителем страны Хлодвига. Нормандские вожди признавали его потомка. Более того, этого сына, этого племянника своих коронованных предшественников Вильгельм Заморский сделал «вторым после себя во всех (его) королевствах», неким сверхгосударем, своим наместником не только во Франкии, но и во всей принадлежащей ему части Империи. По рассказу Флодоарда, ему были доверены Бургундия и Аквитания.

Таким образом, в течение X века одна из династий, а именно династия, основанная Робертом Сильным, маркизом Нейстрии, постепенно возвысилась в рамках каролингской системы управления, большого дома, в котором власть передавалась от отца к сыну. Его глава Гуго Великий женил своих детей как король; подобно королю он послал с поручением к папе своего приверженца епископа Орлеанского. Гуго Капет дал своему сыну Роберту образование как королевскому отпрыску в реймской школе, наилучшей, находившейся рядом со священным сосудом, где хранился елей. Как и все другие, этот род пережил кризисы наследования.

В момент смерти Гуго Великого три его сына были несовершеннолетними. Как и двумя годами ранее, после кончины Людовика IV, сирот взяли под защиту их дядья по матери (те же

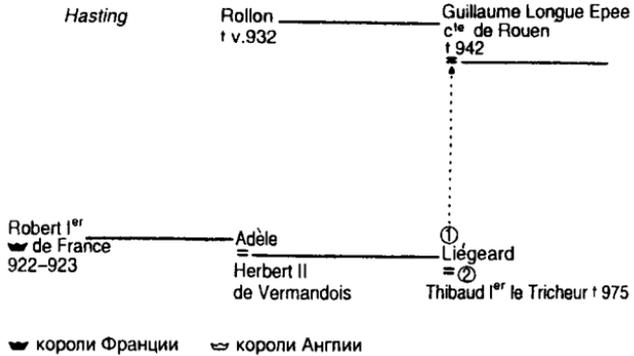
самые Оттон, Брюнон). Были соблюдены обычаи наследования, принятые среди высшей знати; недавнее приобретение, Бургундское герцогство, досталось младшему брату Гуго Капета, а последний, в качестве старшего, получил герцогство Франции, наследие предков Роберта. Опираясь на своих родственников из ветви Оттона и на архиепископа Реймского, он смог противостоять Лотарю и его союзникам, сохранять в Галлии важные позиции. Поэтому его избрание на царство казалось делом обычным, не требующим доказательств того, что в жилах короля течет и каролингская кровь. Герцог франков Гуго стал их королем, взяв на себя вместе с короной ответственность за различные подчиненные ему королевства, каждое из которых объединяло какой-либо народ — бургундский, нормандский, фламандский, аквитанский, готский. Франкское *regnum* — государство исчезло или, скорее, слилось с высшим королевством, включившим его в свой состав, хотя при этом не изменились ни природа суверенной власти, ни административные обыкновения, ни титулы, ни эмблемы. Гуго Капет лишь добавил к своим местным функциям более широкие права и обязанности. Он исполнял их как долг государя, не беспокоясь о судьбе доверенной ему короны. Она, естественно, перейдет к одному из его сыновей.

Через шесть месяцев после своей коронации в 987 г. Гуго организует избрание, единодушную поддержку и освящение своего старшего сына Роберта. Этот акт не был свидетельством какого-то беспокойства. Подобным образом поступил восемью годами ранее Лотарь. Граф Барселонский попросил помощи короля для отражения мусульманского вторжения; может быть, Гуго отправится в поход; но ему надо будет оставить дома заместителя, который, благодаря помазанию, впитает в себя необходимые добродетели. Во всяком случае, ни у кого нет сомнений: Роберт станет, в свою очередь, вождем франкского народа — он призван к тому по рождению, в нем течет кровь его отца, кровь его прадеда, чьим именем он наречен.

III. ГОСУДАРИ

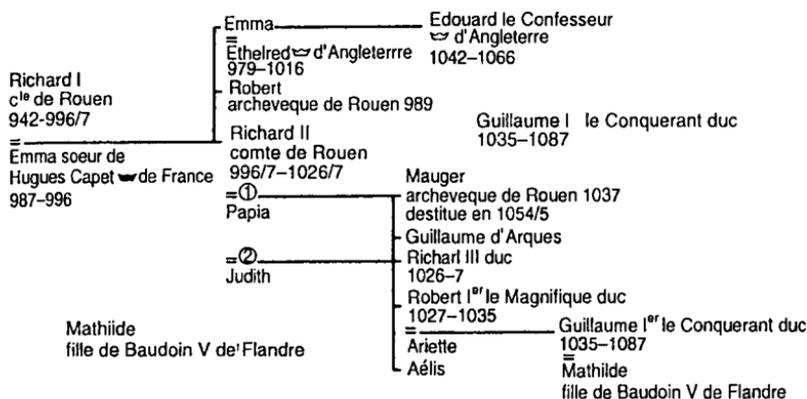
Пространство, которое доверил Господь Роберту Благочестивому, вмещает в себя, как я уже отмечал, несколько королевств. В каждом из них живет нация: это отечество. В каждом правит государь, заместитель сюзерена, имеющий одинаковые

ГЕРЦОГИ НОРМАНДСКИЕ

с ним прерогативы. Как и верховный государь, он распоряжается государственными землями (фискалами), охотничьими угодьями (лесами), у него также повсюду имеется право на кров, на надзор за оборонительными сооружениями. В густых приграничных лесах соседние государи периодически встречаются друг с другом, подобно королям франков и германцев. Это дружеские собрания, во время которых обмениваются подарками, вместе травят зверя, устраивают военные игры, предвосхищающие турниры. Подначальные королевства представляют собой пограничья, которые заместили большие системы военного управления, возникшие во второй половине IX века.

Чтобы подчинить себе другие народы, ими завоеванные, Каролинги пытались повсюду поселять франков, доверять им все почетные должности. Чтобы сделать надзорную сеть более надежной, на жительство в завоеванные земли, кроме этих уполномоченных, направляли людей из дома Каролингов — вассалов (*vassi*). Однако доля франков в местных властвующих группах сильно колебалась в различных частях великого королевства. При взгляде на это королевство с большой высоты в 1000 году можно было различить в нем две очень непохожие друг на друга культурные области, разделяемые полосой, которая пересекает Галлию с востока на запад, от Турню на Соне и до южного берега устья Луары. В течение веков на большей части севера господствуют франки. На юге они также утвердились. Но этот процесс проходил труднее, рывками в провинциях, где глубокий отпечаток, оставленный римской культу-

рой, еще продолжал определять весьма специфические формы социальности. Юг — это был другой мир.

Такое раздвоение характерно для всей истории Франции. Я исхожу из этого положения, кратко представляя географию верховной власти на ее территориях, начиная с севера.

В результате великого переселения народов в эпоху раннего Средневековья бретонцы осели в Арморике. Франки, которым так и не удалось подчинить себе бретонцев, в начале XI века считали их дикарями, еще не включенными в порядок. В глазах людей культуры существенной чертой такой дикости является беспорядочность в отношениях полов: они считают бретонцев многоженцами. Однако Бретань политическая обширней Бретани этнической, ибо бретонские короли не только упорно сопротивлялись каролингским вторжениям; расширяя свои владения, они завоевали франкские графства Нант и Ренн. И хотя вожди этого народа уже перестали называть себя королями, хотя епископы этой страны считаются наместниками архиепископа Турского, Бретань совершенно самостоятельна, и она представляет собой угрозу. Поздние переселения привели сюда людей Севера, норманнов, и именно в результате их вторжения родились четыре других княжества. Доверенная предкам Гуго Капета «марка» превратилась в герцогство Франкии в первую очередь потому, что она противостояла скандинавам на Луаре и Сене.

Граф Отенский Ричард возглавил отпор набегам норманнов, одержал над одним из их отрядов решающую победу в самом конце IX века. Благодаря этому франкские короли признали

его власть как маркиза над всеми остальными графствами края. Ричарда стали величать герцогом бургундцев. Политика брачных союзов, проводившаяся герцогами Франции, увенчалась включением Бургундского княжества в их родовое достояние. Будучи наследником своего дяди, король Роберт захватил это княжество, хотя и не без труда. Однако Бургундия сохранила свое лицо; она досталась по наследству одному из сыновей Роберта, который в акте, обнародованном в 1053 году, четко определяет свою власть: «По кончине моего отца, короля Франков, я правил как герцог в королевстве Бургундцев». Таким образом, франки и бургундцы составляют одно королевство, одно герцогство. Но благодаря родственным связям, существовавшим на протяжении всего периода, который я исследую, Бургундия теснее, прочнее других привязана к короне Франции. Именно в этом проявляется вес, который имеют такие связи в распределении власти и в ее эволюции.

Родственные структуры определили и судьбу Фландрии, второй из марок, созданных для обороны от северных пиратов. Ее маркиз похитил одну из дочерей Карла Лысого; в результате их брака, в конце концов узаконенного, образовалась новая ветвь каролингской династии. В тысячном году ее потомок правит в округе, разделяемой языковой границей, где живут люди весьма своеобразных нравов. Он здесь является единственным графом и не имеет другого титула.

Четвертое княжество — Нормандия: надо было дать место захватчикам. По договору, заключенному в начале X века в Сен-Клер-сюр-Эпт, вождь викингов после своего крещения получил от короля полномочия осуществлять графские функции на всей территории церковной провинции Руана, занятой его народом. Здесь четко видно, как новые политические структуры опираются на старые, на то, что устояло после опустошений. Роллон восстанавливает старинную провинциальную столицу с ее римскими стенами. Как и во Фландрии, он здесь единственный граф. Совершив обряд, принятый во второй половине X века, граф Руанский становится человеком герцога франков. Однако сохраняется дистанция: внук Роллона Ричард I титуловал себя «маркизом Нормандцев», говорил о своем «королевстве»; он принимает герцогское звание, когда герцогство Франции растворяется в королевстве франков. В 1015 году его сын Ричард II называет себя герцогом и патрицием, утверждая таким способом свое право руководить Церковью и ставить своих графов. Герцогство нормандцев расширилось за счет Бретани, а народ его воспринял цивилизацию

Франкии. Это вхождение поручено было описать Дудону из Сен-Кантена. Он начинает с картин язычества, насилия, половой беспорядочности; показывает, как Роллон, став христианином, скрепляет свой союз с нормандской землей, выявляет ее жизненную силу, устанавливает законы; в описании хрониста Вильгельм настолько проникается верой в Христа, что хочет принять монашество; наконец, показан Ричард, воспитанный при дворе франкских королей, решительно извлеченный из бескультурья и украшенный всеми добродетелями.

В итоге усиливавшегося окультуривания нормандцев почитают за франков. Свидетельство тому — надпись, объясняющая одну из сцен на шпалере из Байё: «Здесь пали в битве Англи и Франки». Таким образом, Англию завоевали в 1066 году франки. А несколькими годами позднее Гвиберт Ножанский, говоря о Боэмунде, нормандском государе Сицилии, снова утверждает: «Боэмунд является франком, ибо родом он из Нормандии, «которая есть часть Франкии». Это ее часть, но имеющая отличия, убежденная в своей самобытности. Как настаивает Дудон, предками нормандцев были датчане. И следуя фантастической этимологии, добавляет, что они произошли, как и франки, от троянцев.

Итак, пять династий, пять домов, один из которых стал царствующим. Все государи — сначала в Бургундии, затем во Франции, затем во Фландрии и в Нормандии, потом в Бретани — с одинаковым рвением следят за тем, чтобы монастыри находились в хорошем состоянии, как материальном, так и духовном, стремятся к их обновлению. Поэтому их взоры обращены к Ключинской конгрегации. Однако необходимо оставить место и для других политических конструкций, которые в более поздние времена возвели «собиратели графств» (К.Ф. Вернер). Речь идет о рядовых графах. В конце X века, уклоняясь от контроля со стороны маркизов, они обрели в подчиненных им землях власть, которую можно назвать вице-королевской. Так добились независимости графы Булони на рубежах Фландрии и Вермандуа, так поступили графы Невера и графы Макона в южной части Бургундии. Во Франкии, по соседству с Бретанью и Бургундией, в тех самых областях, где прежде всего укоренилась власть Робертинов, именно их представители в подразделениях великой системы военного управления единодушно выступили против герцога франков, когда тот приумножил свою мощь. Его постепенно оттеснили к Орлеану граф Ле-Мана, граф Анже, граф Блуа. Гуго Капету удалось удержать аббатство Сен-Мартен-де-Тур. Но в самом Туре,

как и в Шатодене, и в Шартре, подлинную власть осуществлял граф Блуа, бывший покровителем другого аббатства Турени — Мармутье. Сюда в 984 году он привел клюнийских монахов. Украсив себя титулом «графа-наместника», он хотел стать вторым лицом в доме самого короля. Властитель Блуа захватил также графства Труа и Мо. Поэтому первой политической задачей короля Роберта было сопротивление этому властителю. Король настраивал против него графа Анжу, лавируя на протяжении всего своего царствования между Блуа и Анжу. В начале XI века владетели Анжу и Блуа утверждаются как князья; они говорят о своем *autoritas* — авторитете, прибегают к тем же самым формулам, проводят такую же политику союзов, как маркизы-герцоги; они опираются на главные монастыри, окружая себя таким образом неким ореолом святости, позволяющим именовать их «преподобными», как высших духовных лиц. Но все же эти государи обладают меньшей властью, чем герцоги; эта власть весьма незначительна над епископствами. Графам не удается поставить под свой контроль немонастырскую Церковь; права, которые они присваивают себе по отношению к епископским сеньориям, начинают оспариваться раньше, чем все прочие; прелатам удается эти права отвоевать.

Франки двигались от берегов Луары в южном направлении, встречая мужчин и женщин, которые были одеты иначе, чем они сами, вели себя за трапезой не так, как это было принято у франков дома, говорили не на их языке. Текст XII века, нечто вроде путеводителя для паломников в Сен-Жак-де-Компостель, предупреждает: им окажется трудно понимать людей, их самих будут понимать с трудом; в Пуату сложности не представляются большими, но в Сентонже язык «огрубев», он еще более испортится при приближении к Бордо; в Гаскони — язык совсем «варварский»; что же до басков, то они «лают как псы», общение более невозможно.

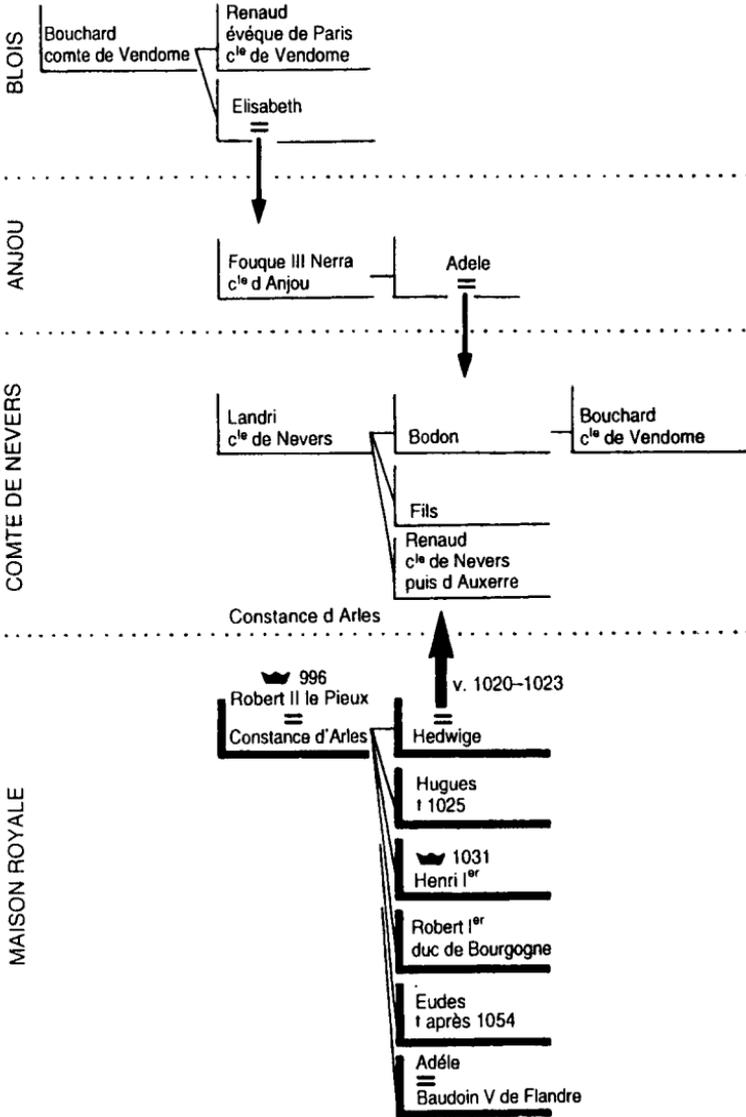
Людей Севера, обескураженных речью, столь же сильно смущают формы, в которых на Юге проявляется набожность, — формы, по их мнению, скандальные. Так, каноника Бернарда, руководителя школы при соборе в Анжу, шокирует поклонение, которым местные жители окружают статуи святых «в краях Оверни, Родеза, Тулузы». Для него нет сомнения — речь идет о языческих пережитках, люди в деревнях поклоняются идолам, и вот каноник вспоминает о Юпитере, Марсе, Венере, Диане. Это римские боги. Бернард не совсем ошибался. Укра-

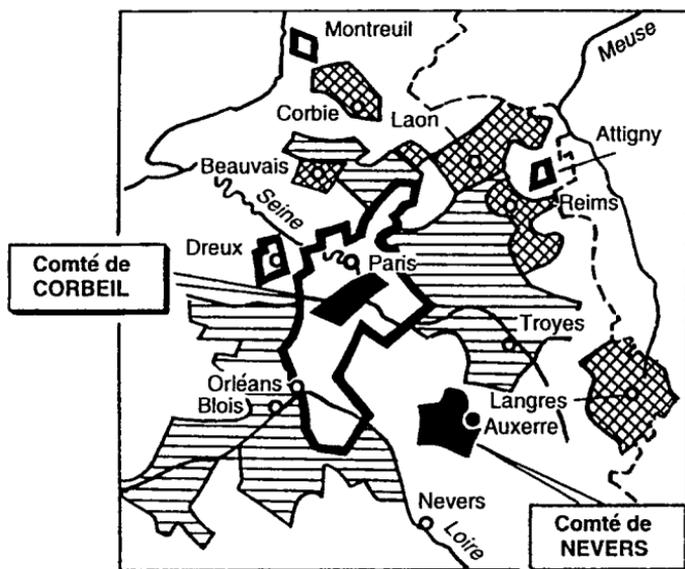
шенные драгоценностями фигуры, вызывающие смятение, — взгляните на статую Св. Фуа в Конке — действительно воскрешают давние традиции римской скульптуры. Здесь Рим продолжает жить.

В этих краях франки появляются не только в качестве паломников. Многие лишь идут по направлению к Испании, молясь по пути во всех прославленных святилищах, которыми изобилуют здешние места. Другие направляются туда специально, как, например, король Роберт, совершивший великое очистительное путешествие. За несколько недель до своей кончины он выехал из Буржа поклониться святыням в Сувиньи, Бриуде, Сен-Жиле, Тулузе, Конке. Еще недавно франки устремлялись сюда ради грабежа. В течение десятилетий, в прекрасные времена каролингской экспансии, Юг был обречен на разграбление, на его земле хозяйничали австразийские шайки. Некоторые их главари взяли жен из тех мест, положив начало родам, которые вскоре освоили новую культуру. Король франков был озабочен главным образом тем, чтобы канализировать набеги, оберегая хрупкие соглашения между теми, кто этими набегами руководил, и местной знатью. И здесь также спокойными оказались годы царствования Карла Лысого, когда установилось равновесие и было достигнуто временное умиротворение. Именно тогда наделялись «честью» друзья короля. Именно тогда были образованы «марки», во главе которых ставились старшие графы.

С началом X века эволюция властных сил продолжалась здесь в условиях независимости. Под франкским владычеством, в качестве придатка Франкии, осталась лишь северная часть обширного диоцеза Буржа. Все остальное от этого владычества ускользнуло. От старой политической системы сохранились лишь привезенные с Севера знаки. Это слова: *hominium* — клятва верности, *feodum* — фьеф (феод); это, бесспорно, некоторые (символические) жесты; по правде говоря, историку в последних труднее всего разобраться. Смысл таких слов и жестов изменялся применительно к местной действительности. И это увеличивало замешательство людей Севера, укрепляло их в мысли о том, что южане играют не по правилам, что они неверны, переменчивы в поступках; что слова, называемые ими клятвой, не есть клятва. Действительно, общий для жителей Севера и Юга словарь скрывает глубокие их различия. В первую очередь в составе политического класса. Некоторые представители власти на Юге имеют очевидное франкское происхождение, во многих течет кровь местных

**УДАЧНАЯ СТРАТЕГИЯ БРАЧНЫХ СОЮЗОВ:
ПРИСОЕДИНЕНИЕ ГРАФСТВ КОРБЕЙ И НЕВЕР**

- Домены, которые благодаря брачному союзу входят в орбиту королевства
- Королевский домен
- Фьефы графства Блуа
- Церковные сеньории

жителей, но все заявляют о своих дофранкских предках. В Аквитании, как подтвердили труды А. Дебора, память о пращурах сохраняется благодаря весьма многочисленным саркофагам с надгробными галло-романскими надписями. Наряду с житиями святых и повествованиями о чудесах древние гробницы оживляют эту память. Она даже позволяет знатным родам считать своими предками местных святых времен раннего Средневековья, а поскольку большинство этих святых вышли из сенаторского класса, то знать считается потомками сенаторов римской эпохи. Как и на Севере, власть здесь передается по наследству — кровному родству, но генетические корни ее представляются иначе, чем во Франкии. Имеются различия и в подходе к властным отношениям. В этих областях в основе их, по римскому образцу, лежит соглашение, *convenientia*, — договор, заключаемый свободными людьми при уважении к закону. На таких договорах покоятся согласие и авторитет государей.

Как и на Севере, политическая география складывается здесь в результате взаимодействия между самоосознанием определенных наций и сохранившимися элементами каролингской административной организации. В первую очередь речь идет о народе, чуждом, как и бретонцы, франкам, ибо у него иной язык, иные вожди, укоренившаяся привычка к независимости. Это — баски. Они обитают в Гаскони, являющейся княжеством, приняли христианство гораздо позднее бретонцев. Включение басков в галло-франкскую культуру также происходило во время завоевательной экспансии, особенно по направлению к Бордо. Свою роль играли и брачные союзы между владельцами страны и домами франкских графов.

Память о другом народе и об очень древнем королевстве — Готии — живет в двух крупных городах-ситэ — Тулузе и Нарбонне. Однако повсюду здесь присутствуют следы Рима, что отложилось в коллективной памяти и придает жизненность любой культуре. Господствующий на юге Галлии этнос считает себя ведущим начало от римлян. Весьма показательна следующая деталь: великолепные рельефы со знаками зодиака, которые ныне вмурованы в стены собора Сен-Сернен в Тулузе, были высечены в конце XI или в начале XII века; по желанию заказчика, чрезвычайно искусно выбитая надпись посвящена этим знакам и содержит упоминание о Цезаре. Благодаря постоянному влиянию римских структур организации публичных властей оказываются в городах-ситэ прочнее, чем на Севере. Резиденция графа или виконта находится здесь неподалеку от епископской. Будучи соседями, оба держателя власти так тесно сотрудничают, что их функции почти смешиваются; очень часто они объединяются, оказываясь в одной семье. Один правит *episcopatus* — епископством, другой — *comitatus* — графством. В начале XI века в областях Юга такое положение считается нормальным.

Как и на Севере, верховная власть на Юге должна, возвышаясь над графствами, поддерживать мир в округах, насчитывающих по несколько городов-ситэ. На этом уровне политическое наследие Каролингов выглядит не таким обветшалым. С одной стороны, все носители верховной власти являются франками по крови; с другой стороны, объявив себя маркизами, они рассматривают край, находящийся под их надзором, как одну из пограничных марок, учрежденных в IX веке. Действительно, и маркизу Прованса, вне пределов Франкского королевства, и графу Барселоны, правителю Испанской марки, входящей в это королевство, обоим приходится непосредствен-

но сталкиваться с мусульманской угрозой. Они возглавляют ответные христианские походы, один из них достигает при этом Кордовы, другой действует на территории от Арля до Альп, доходя вплоть до моря, изгоняя сарацинов с гор и долин, раздавая вновь захваченные, опустошенные края своим друзьям, знатным людям с Роны.

В Арле, в Барселоне, в районе Тулузы три графские династии подмяли под себя, поглотили, в особенности с помощью брачных союзов, всех других обладателей графской власти. Они осуществляют на обширных пространствах «почти королевские» (Э. Манью) полномочия. Таков род Раймондов, графов Тулузы, маркизов Готии, княжеские права которых распространяются на территорию между Ажене и горой Ванту и на Нарбоннэз. Княжеские права надежно ограждены писаными законами, присягами на верность, скрепленными письменными соглашениями. Созданные век назад, эти учреждения держатся твердо.

Наконец, Аквитания. Каролингам очень трудно было ее покорить. В пределах их империи эта страна оставалась самостоятельным королевством, у аквитанцев долгое время был свой король. Первоначально им становился сын франкского короля, затем это королевство, как и на Севере, было доверено герцогу. В начале X века по примеру короля Карла Простоватого, выступавшего в Нейстрии против Роллона, по более позднему примеру Гуго Великого, противостоявшего Ричарду Нормандскому, этот герцог попытался упрочить свою власть, укрепляя связи с графами городов обширной провинции на основе личной преданности, скрепленной клятвой и ритуальным жестом. Описывая события 20-летней давности, аббат Эд из Клюни рассказывает, как Гильом, сын основателя герцогской династии, склонял графа Орияка покинуть *militia regia*, то есть военную службу, которую тот нес под непосредственным королевским руководством, и «довериться» ему. Хронист описывает характерный для того времени процесс, укреплявший обветшавшие политические структуры. Раскрываются намерения князей: встать между королем и графами, его людьми, подчинить их себе напрямую, привязать личными узами домашнего характера, дружбой или, скорее, любовью. «По причине любви», говорится в тексте, который я излагаю. Граф Жеро де Орияк устоял против попыток его подчинить. Другие графы уступили. Такая политика приносит плоды. Наследники первого Гильома Аквитанского, дворец которых находился в Пуатье, были для местной знати чуть ли не королями. Им недоста-

вало разве что помазания; а обращаемые к ним эпитеты свидетельствовали о притязаниях на высокий ранг — императорский и королевский. Герцогов титуловали, и сами они себя награждали титулами «благочестивейший герцог», «светлейший князь». А вот что рассказывают биографы о Гильоме, который жил в 1000 году и был прозван Великим, как когда-то Гуго, герцог франков, и так же, как император Карл I, Карл Великий. Он читал ночью (свой молитвенник), как король, опираясь, подобно королю, на епископов, «своих» епископов, говорит епископ Шартрский Фульберт. Как герцог нормандцев, как граф анжуйцев, как граф Барселоны, Гильом Великий каждый год совершает продолжительные и опасные паломничества в Рим или в Сен-Жак-де-Компостель, чтобы вымолить своему народу благосклонность небес. Он не ограничивается этим, ищет реликвии; для него находят в Сен-Жан-д'Анжели главу Св. Жана-Батиста. В Лиможе герцог покровительствует аббатству, хранящему останки Св. Марселиена, «великого государя», «отца Аквитании», по словам Адемара из Шабанн. Чтобы угодить герцогу Гильому, синод объявляет этого святого «блаженным апостолом», «первым сеятелем веры в землях Галлов». Он — первосвященник, как святой Стефан, мощи которого хранятся в соборе Лиможа, он, следовательно, предшественник Мартина, первого мученика, он, очевидно, основал первые в Галлии диоцезы, в частности в Париже, направив туда своего ученика Дени (Дионисия). Совершенно ясно, что провозглашение Марселиена самым первым направлено против святых покровителей франкского народа, служит интересам герцога. Гильом объявляет себя наследником «государя» Марселиена, освещает лучами славы «апостола», облекая, таким образом, свою власть в священное одеяние.

В мирских делах эта власть гораздо менее устойчива. Она наталкивается на притязания еще одного могущественного паломника, добравшегося до Святой Земли, — графа Ангулема. Он поклонник и защитник другого святого — Сибара. Монахи обители Св. Марселиена с большой торжественностью встречают графа, когда тот проезжает через Лимож, как это делают «все сеньоры не только из Ангулема, но и из Пуату и Сентонжа», возвращаясь из Иерусалима в свой город. Однако несравненно более опасную конкуренцию графу составляет монашество, точнее, конгрегация, центром которой является аббатство Ключи, основанное Гильомом Благочестивым, предшественником Гильома Великого. В этой романской стране, властители которой беспрестанно ездят в Рим, ключийские

монахи укоренились прочнее, чем где бы то ни было. И не случайно именно аббат Ключи восславил святость Жеро из Орияка, римского пилигрима, который смог противостоять давлению герцога Аквитанского и сохранить для себя и ради славы Господней графский титул. Герцогскую власть, таким образом, оспаривают монахи.

Но этого не делает король франков. Его уже давно здесь не видели. Граф Барселоны тщетно ожидал Гуго Капета. Что касается Роберта Благочестивого, то он приехал в Аквитанию, но как гость, нагруженный подарками — массивным золотым блюдом, драгоценными материями; он хотел увидеть главу Св. Жана-Батиста. Туда прибыли и другие знатные персоны — Эд Блуаский, герцог васконов (басков). Конечно, как о том повествует Адемар из Шабанн, Роберт признавался первейшим, именно он возглавлял кортеж. По старшинству. Но для герцога Гильома Роберт был не более чем почетным гостем. И когда король совершал свое последнее паломничество, то, перейдя вновь Луару, он, отметим, обошел «королевство Святого Марселиена», следуя по менее «строптивым» землям — по Бурбоннэ, Оверни, Севеннам.

Роберт двигался на юго-восток, это — направление будущей капетингской экспансии. Ибо пути в иные стороны света преграждают другие, довольно значительные силы. Хотя они и не могут сравниться с королевской мощью. Роберт и его сын Генрих, который был приобщен к королевской власти и ее унаследовал, являются единственными обладателями титула *rex*. В Галлии различают несколько королевств, но есть лишь один король, король франков. Неоспоримый источник его происхождения — священное помазание.

IV. ПОТряСЕНИЕ

Перехожу к исследованию последней из трех характеристик эпохи, выявленных в труде Рауля Безбородого. Она оставила самый глубокий след в истории. По убеждению автора, за рассуждениями которого я следую, вихри, обычно веющие над миром, усилились при приближении тысячелетия Страстей Господних. И это замечание обусловило в более поздние времена успех рассматриваемого текста; на нем покоится романтический миф об ужасах 1000 года. В действительности же Рауль, глядя из своей ключийской обсерватории, ясно понимал происходившее. В описываемые им времена ускорился

рост, который охватил Европу, хотя и небыстро, заняв годы жизни нескольких поколений. Он был слабо ощутим на фоне жестоких событий, особенно вторжений иноземцев. Его убыстрение вызвало резкие толчки. Но они были все же явлениями преходящими. «В тысячный год после Страстей Господних дожди, грозы ослабли, повинувась божественным доброте и милосердию... вся поверхность земли покрылась приятной зеленью и изобиловала плодами». Налицо был крутой перелом. Западную цивилизацию в течение некоторого времени сотрясала внезапная буря, вызванная ускорением прогресса.

Для монаха-историка все улавливаемые им изменения являются знамениями, свидетельствующими о гневе или благоволении Господнем. Некоторые из них обращены на сферу, которую мы называем экономикой. На них я кратко остановлюсь. Речь идет об одном из «бичей, посланных в наказание», — о голоде. Он свирепствовал недолго — три года, с 1030 по 1033 год, вызван был климатическими отклонениями, чрезвычайно дождливыми веснами. В обществе, подобном описываемому, с низкой культурой производства, хранения, перевозки продуктов, такое потрясение обуславливается перенаселением. Оно свидетельствует о слишком высоких темпах роста народонаселения, последствия которого исправляются насильственным путем. Будем считать эти темпы одним из показателей весьма сильной тяги к размножению. Все мужчины, все женщины постоянно искали себе пропитание. Если свирепствовала непогода, его оказывалось недостаточно. Но когда погодные условия оставались благоприятными в течение длительного срока, то урожая с лихвой хватало для пропитания, если даже часть его забирали господа, люди меча и хранители святынь. И тогда население умножалось. Люди обладали крепким сложением, о чем свидетельствуют результаты анализа захоронений, относящихся к тому времени. Человечество плодovито. Оно заселяет все более обширные пространства.

С такой экспансией связаны еще два обстоятельства. С одной стороны, все большее число людей приходит в движение, причем передвигаются не только мужчины и не только богатые. С другой стороны, в обращение включаются такие драгоценные металлы, которые ранее были спрятаны под землей или же накапливались в храмах. Так, Рауль видел во время великого голода, как «уборы церквей изымали, чтобы продать их в пользу бедняков». Этот факт говорит о том, что скудость не была всеобщей, что существовали спекулянты; следовательно, имелся торговый оборот, обеспеченный его инструмента-

ми, — деньгами, рынками, ярмарками — и оживившийся благодаря вводу в обращение запасов драгоценных металлов. Золото, серебро, которые накапливались в течение предшествовавшего периода вялости, вновь обрели функцию стимуляторов. Рауль рассказывает, между прочим, об одном из городов-ситэ — Орлеане, центре округа, в которой король непосредственно осуществлял свои функции вершителя правосудия и миротворца. Город был razoren. Судя по всему, упадок достиг своего предела. Но вот на сцену вступает епископ, человек знатного происхождения, как и все его собратья, обладающий не только великой ученостью, но также большим состоянием. Он решает «перестроить снизу доверху» собор. Во время земляных работ находят спрятанный там клад. Золото приносят епископу, который передает его «лицам, отвечающим за строительство, наказывая целиком употребить его на это строительство». Такое вложение было прибыльным, причем по двум причинам. Благодаря своему предназначению: жертвовать богатствами ради прославления Господа означало снискать его милость, обеспечить дождь в нужную пору, спокойствие на дорогах. Кроме того, пожертвования позволяли перестраивать собор; другие церкви, окружавшие город, становились «по совету епископа... краше древних»; и такая работа шла повсюду, будоража мир, одевая его в «праздничные наряды новых храмов»; возникали рабочие места, из деревень приглашались поденщики, деньги шли на оплату пищи для их артелей, на заработную плату, оживлялось сообщение между городами и деревнями на пользу тем и другим, и особенно на пользу городам, выходящим из оцепенения. Обнаруживая истинную проницательность, Рауль пишет на той же странице: «Сам город вскоре украсится домами».

Для всех трех указанных процессов характерно оживление, которое удивило современников. Они связали его с тем, что прекратились вторжения извне. Здесь не было ошибки. Однако не осознавалось то, что потрясения, вызванные недавними набегами, особенно нормандскими, привели также к разрушению окостеневших и парализующих конструкций; я имею в виду персонал управления крупными доменами. Забывалось и то, что грабители способствовали вводу в обращение церковных богатств, что в промежутках между опустошительными набегами шла торговля награбленным, и это также по-своему оживляло товарообмен.

К факторам, благоприятствующим развитию, несомненно, следует отнести некоторое улучшение климата. Однако необ-

ходимо четко видеть особую важность того, что система производства в целом начинает изменяться быстрее под воздействием различных сил, находящихся в очень сложной взаимозависимости. Без сомнения, рост народонаселения явился одним из самых активных факторов. Мы догадываемся об этом, но не в состоянии такую силу измерить. Историка озадачивает прилив, мощь которого обнаруживается в 1000 году, затем усиливается, подъем продолжается в течение двух с половиной веков, увеличив в три раза численность живущих на земле. Но до конца XIII века это население пересчитать не представляется возможным. Неясно и то, каким именно образом соотносились друг с другом многочисленные факторы прогресса.

Я ныне не очень верю в роль усовершенствований техники производства. В моих первых работах этому было уделено слишком большое место. Усовершенствования трудно разглядеть. Очевидным для периода до XII века является лишь одно — умножение числа мельниц. Но П. Докес задает вопрос: какие выгоды давала крестьянину зерновая мельница? Она позволяла сократить время труда, но труда женского; благодаря распространению мельниц освобождалось незначительное количество рабочей силы, занятой в производстве зерна; как представляется, это распространение было обусловлено главным образом развитием сеньориальной налоговой системы. Несомненно, однако, что орудия крестьянского труда стали заметно производительнее в промежутке между двумя историческими периодами, в документах которых можно найти некоторые серьезные данные об аграрной сфере. Речь идет об эпохе Каролингов и XII столетия. Управляющие крупными сельскохозяйственными предприятиями в то время гораздо большее внимание уделяют тягловому скоту; то есть они озабочены эффективностью пахотных орудий. А эта эффективность непосредственно влияет на подъем урожайности, который, кстати говоря, был отмечен, на увеличение объема средств пропитания, а в конечном счете — на рост народонаселения. Но в рассматриваемое время все выводы строятся на предположениях.

Рискну высказать одно из них. Мне хотелось бы верить в положительные последствия определенных изменений в родственных отношениях, выявить значение весьма продвинувшегося процесса укрепления семейной ячейки. Подчеркиваю: речь идет о гипотезе. Но разве с давних времен главы больших домов не шли на включение домашних работников в свое собственное семейство, беря на себя заботу о пропитании детей,

родившихся в результате сожительства со служанками, на протяжении всего того долгого времени, которое необходимо для возвращения человеческих детенышей? Став взрослыми, эти дети будут служить хозяину в его доме. Этот господин, таким образом, видел, как сама собой воспроизводится и увеличивается рабочая сила, снимая с него необходимость привлечения ее со стороны. Так начались эти изменения, причем на них совместно влияли христианизация и распространение наталистской этики, в соответствии с которой контрацепция, аборт, умерщвление младенца рассматривались как тяжкие грехи. Наконец, я верю во влияние укреплявшейся брачной морали (которая, на мой взгляд, распространилась в простом народе раньше, чем в среде господствующего класса), положительно оценивающей плодовитость, выдвигающей в качестве главных императивов производство на свет потомства и заботу о малых детях.

Прогресс материальных структур был, как кажется, всеохватывающим, причем повсюду шел в быстром темпе. На юге Галлии он, однако, ограничился областями, которые в наименьшей степени оказались отброшены назад в период раннего Средневековья, менее отвыкли от торговых обменов и, может быть, — здесь я говорю с величайшей осторожностью — менее обезлюдели. Изменения там оказывались поэтому не столь глубокими, как в северных провинциях, где жизнь была гораздо более расстроена и где к тому же экологические факторы больше благоприятствовали подъему сельского хозяйства. Благодаря более быстрым темпам развития Север наверстал свое отставание, а затем стал перегонять Юг. С другой стороны, надо отметить, что денежное обращение возродилось на всем галльском пространстве, начиная с его рубежей. На Северо-Западе большое количество денег было захвачено нормандцами в ходе пограничной авантюры. Нормандцы усвоили культуру Франкии, но не переставали разбойничать. Завоевание Англии герцогом Вильгельмом в 1066 году имело значительные последствия для экономики континента благодаря тому, что добыча шла в Нормандию, но также особенно благодаря тому, что ценности были пущены в оборот. В результате этого торговля оживилась как по одну, так и по другую сторону Ла-Манша. Так, поступления от одного из таможенных постов вблизи Шербурга увеличились в 14 раз между 1049 и 1093 годами. Что касается южных рубежей, то за ними находились еще более богатые звонкой монетой края. Здесь был, по словам А. Мюррея, «Дальний Запад» Европы тех времен, пред-

мет мечтаний о прибыльных подвигах. За этими рубежами открывалась исламизированная Испания, а дальше — южная Италия, земли, сулящие необыкновенную добычу. П. Боннаси показал, какие потоки золота в 1000 году шли в Барселону. Немного позже нормандские наемники привезли к себе на родину трофеи из Кампаньи. И еще позже аббатство Ключни обложило кастильских королей своеобразной данью в золоте, что позволило возвести третью монастырскую церковь, хотя строительство второй только что завершилось.

Сказанное позволяет выявить другие стимуляторы роста. Они имеют военную природу. Народу, который, по словам Рауля, восклицал «мир, мир, мир», вздымая руки к небесам, оттуда было ниспослано изобилие. Но это изобилие имело своим истоком войну. Благодаря умножению числа людей, подвластных сеньорам, увеличивались доходы последних. А это позволяло жить в достатке меченосцам, которые улучшили орудия своего ремесла. Они построили новые крепости, облачились в более прочные доспехи, пересели на горячих коней. Такие вложения также оказывались вдвойне прибыльными. Они позволили установить более твердый порядок, благоприятствующий производству и торговле, развернуть грабительские наезды на зарубежье. С другой стороны, эти вложения способствовали внедрению культуры овса, необходимого для выращивания добрых верховых коней, а значит, переходу к более интенсивным методам полеводства. В то же время умножалось число рабочих рук, распространялась практика найма людей для возведения крепостей, обработки металлов.

Описание перевооружения непобедимых воинов подводит к рассмотрению других знаковых рядов, привлечших внимание Рауля Безбородого. В стране, оплодотворенной скрытыми реликвиями, которые находили почти повсюду и обретение которых для моего автора подобно осеменению, происходят явления, оцениваемые им как пагубные, как наступления сил зла, допускаемые Господом ради приведения человечества к раскаянию. Эти явления раскрывают видоизменения во властных отношениях.

Потрясения такого рода испытала на себе в первую очередь наиболее выдающаяся, но также самая уязвимая часть политического устройства — высшее духовенство. Его поразила порок, который люди того времени называли симонией. Это слово означает *cupiditas* — алчность, страсть к обладанию нечистыми вещами. Симония затмила в сознании людей молитвы *caritas* — благородный дар самопожертвования, который дол-

жен был бы их вдохновлять. Предмет греховных вожделений — «шкатулка с деньгами». А выражается симония в «торговле» церковными должностями. Владыки, которые этими должностями распоряжаются и имеют законное право надзора за ними, «алчно» своим правом злоупотребляют. А должности покупают клирики, «алчущие» выгоды от такого вложения средств. Подобное извращение также свидетельствует об ослаблении пут в хозяйственной сфере. Однако не следует полагать, что происходит нечто, подобное продаже с торгов. Просто-напросто деньги проникают в отношение, которое является основным, находится в сердце социального организма той эпохи, — в дарообмен. Государи более не избирают лучшего из кандидатов, но дают должность тому, кого «любят» сильнее других, ибо получили от него более соблазнительные подношения или потому (это случается чаще всего), что связаны с ним близким родством. Таким образом, симония в значительной степени есть семейственность. Всего этого достаточно, чтобы у тех, кто мечтает о непорочной Церкви, зрело чувство: область сакрального вот-вот попадет в зависимость от мирских сил.

Рауль делает намек на другое потрясение — бунт «молодых», как он их называет, бунт против людей более зрелых, которых следовало бы почитать. Такое явление действительно отмечалось в 20-е годы XI века. Например, в каталонских документах вдруг появляются упоминания о сыновьях, которые глумятся над своими отцами, о братьях, которые идут друг против друга; вся семейная общность охвачена судорогами. Причинами этого нового расстройтва являются, на мой взгляд, сдвиги в структурах родства внутри социального слоя, выше которого находятся только государи. На наследственные, но неделимые почетные права династий начинают накладываться родовые начала. В результате изменений в системе наследования права младших сыновей урезают в пользу старшего, младшим становится труднее вступить в брак. Неудовлетворенность, вызываемая всеми этими изменениями, породила горечь, ненависть, насилие.

В то же самое время во всех краях — в Артуа, Шампани, Аквитании — бурлила ересь. Между вспышкой ереси и экономическим подъемом существует весьма тесная связь. Силу еретикам придает возрастающая активность школ, этих мастерских, где люди Церкви всех поколений размышляли о словах Писания. Действительно, ересиархи были большей частью интеллектуалами, причем наилучшими, по словам Рауля. Они

заполняли в Орлеане королевскую молельню, сакральную часть царского дома Роберта. Ересь являлась в те времена одной из форм прогресса, затронувшего все сферы. Но она была также реакцией на новое перераспределение богатств и на те расстройтва, которые этот процесс обуславливал в общественных отношениях. Еретики призывали отрешиться от материального, ради приближения к Святому Духу воздержаться от всего, что связано с плотью, — от любовных занятий, от пролития крови, от мясоедения, не прикасаться более к деньгам. Кроме того, еретики, веря в грядущий конец света, желали подготовить новый порядок, вернуть человека к его первородному состоянию. Ересь проповедовала уравнительность. Разве не должны дети Божии в братстве вновь обретенного рая, в ожидании скорого пришествия Христа добывать себе хлеб насущный трудом своих рук? Еретики, таким образом, не признавали ни одну из властей. Власть священников? — они более не нужны, и ничто так не тщетно, как восстановление, украшение храмов. Власть воинов? — в ней более нет необходимости, грешно потрясать оружием, возводить замки. Власть богатых? — деньги развращают, а власть сеньора несправедлива. Власть мужчин над женщинами, наконец? — брак есть дело дурное, дурным является и всякое произведение потомства, поскольку оно расширяет область плотского. Как видим, еретики противились всем изменениям, вызванным прогрессом, который породил их самих. И это, очевидно, обрекло ересь на поражение. Общество защитило самое себя, объявило пагубным великий порыв к безгрешности и истребило огнем, как посланцев сатаны, мечтателей, распространявших утопию. Эта утопия была опасной, ибо вовлекала в многочисленные секты всех тех, кого каким-либо образом ущемляли нововведения, укрепление родовых уз или же то неравенство, которое усиливалось под давлением новых властей. В третьем десятилетии XI века ересь предстает в качестве ненасильственной формы сопротивления переменам.

Авторы текстов, на которые я опираюсь, не ставили целью показать социальные движения. Тем не менее эти движения там показаны, что свидетельствует о размахе волнений. Выделю три эпизода. После прихода к власти герцога Ричарда II, то есть на рубеже XI века, в Нормандии взбунтовались крестьяне. Спустя 8–10 лет после этого события о нем рассказывает Гильом из Жюмьежа. По его словам, имел место заговор селян против мира отечества. Таким образом, это движение

с самого начала оценивается как порочное: в основу его положены договор равных, разрушительное использование священного клятвенного обряда, ибо заговорщики стремились разрушить мир, то есть божественный порядок. Зачинщиками мятежа были многочисленные участники *conventiculae*, сходок (термин этот выбран также не случайно, его употребляли для общего обозначения еретических сект, их собраний). Чего же хотели крестьяне? Жить по своей воле, без надзора, не платить сборы за лес, за проточную воду; они противились введению новых налогов. Состоялся всеобщий сход, в котором приняли участие представители разных частей Нормандии. Молодой герцог приказал своему дяде по матери усмирить «крестьянскую свирепость», разогнать этот «сход деревенщины». Участники заговора были схвачены, а потом отпущены по домам как люди отныне «бесполезные», ибо им отрубили ноги и руки. Пример подействовал. Деревенский люд «вернулся к своей лямке», то есть к своим обязанностям, заключавшимся в труде на пользу других.

Второе событие (о нем рассказывает монах из Флёри) произошло в Берри примерно четыре десятилетия спустя, в 1038 году. Архиепископу Буржа пришла в голову дурная идея — поднять всех вольных людей против держателей новой власти. На этот раз именно этих последних называют разрушителями мира. Народ ликует, он берется за оружие. Но небеса оказываются на стороне «сильных людей». Хотя прелат должным образом благословляет селян, они терпят сокрушительное поражение, их тела разрубают и накалывают на копья воинов.

Наконец, события 1069 года в Ле-Мане. Здесь восстание угрожает епископу и кафедральному собору, обладателям светских властных функций, которые они выполняют по-новому, устанавливая «невиданные поборы». Еще один заговор. Он объединяет здесь не только множество селян, но и воинов, а также женщин, «дурных женщин», простолюдинов и людей благородных. Мятежники поступают неправильно, ибо нападают на государственную крепость, к тому же действуют в воскресенье, пренебрегая гражданскими и религиозными установлениями. Бог карает их. Они потерпели поражение, подверглись наказаниям. Таким образом, зажигая костры и истребляя язычников, одновременно сажают на кол крестьян, ибо они сопротивляются формам власти, которые считают невыносимыми. Что же произошло?

С конца X века опасность языческих нашествий ослабевает: у банд викингов нет больше постоянных опорных пунктов на

болотистых берегах океана, сарацины изгнаны с побережья Прованса, а проходы через Альпы вновь стали спокойными. И тогда люди войны повернулись внутрь страны. Они прибегли к оружию, чтобы взять у народа больше, чем раньше, ибо видели, что этот народ ныне менее обездолен.

Народ был опутан старинной сетью надзора. О ее продолжавшемся существовании свидетельствуют термины, которые употребляют писцы, чтобы определить местонахождение имущества. Территория каждого сите́ разделена на образования более низкого уровня, называемые *ager* (участок), *vicaria* (наместничество), *centena* (центенарий). Туда периодически приходят крестьяне, чтобы разрешить споры, обсудить местные дела. Трижды в год на эти собрания прибывает граф, он председательствует на них от имени короля, в остальное время графа замещает викарий. Очевидно, *conventicules* — собрания нормандских нарушителей спокойствия были не чем иным, как местными сходами. На них собираются жители окрестностей. Для обозначения мест их сбора используется термин *villa*, напоминающий о крупных доменах античности, обозначающий жилище, которое больше других по размерам; оно является точкой отсчета и, может быть, служит центром взимания налогов. Вокруг «*villa*» всегда расположены несколько различных домов (*casa*), несколько дворов (*curtis*, *cortilis*). Каждая семья живет отдельно на огороженном участке, укрываясь на ночь вместе со своей скотиной, имея собственный запас продуктов, свои орудия труда. Такой участок — базовая клеточка при организации власти. Именно в этих точках оседлости, в этих местах постоянного проживания (главы семей называли эти жилища мансами, от латинского глагола *manere* — постоянно находиться) носители властных функций имели возможность держать в своих руках тех, кто был им подчинен.

Между домами царило неравенство. Некоторые были богатыми, другие — бедными, причем античные формы рабства отнюдь не забылись. В числе обитателей домов еще различали, с одной стороны, свободных, «франков» (как выражались в Маконнэ, хотя этот край являлся частью Бургундии), а с другой — существа, говоря о которых, по-прежнему прибегали к терминам, обозначающим рабство, ибо такие существа, в силу своего рождения, телом принадлежали другим людям. Внутри каждой из этих ячеек существовала власть особого рода, частная по своему характеру. Она подчиняла женщин мужчинам, молодых — старикам, слуг — господам. Ибо значительная часть населения жила на положении челяди. В Шаравине (До-

финэ), в полосах между невозделанными землями и берегами озер, воды которых давали основные средства пропитания, археологи обнаружили остатки окруженных палисадниками обширных построек из дерева, глины и ветвей. На этих местах были найдены перемешанные друг с другом убогие орудия труда слуг и предметы вооружения, украшения их хозяев. Наконец, большие дома господствовали над хижинами, причем это господство также имело частный характер, и представлялось более или менее строгим. На деле оно было весьма гибким, ибо текучесть населения сохранялась. В описях, которые составлялись для ограждения прав знати, какое-то количество мансов называется незанятыми; их обитатели исчезли неизвестно куда и на какой срок: *ad requirendum* — «подлежат розыску», говорится о таких людях в этих описях. Они позволяют обнаружить весьма существенные различия в степени господства над мансами.

Действительно, некоторые дома находятся в строгой зависимости. Речь идет о жилищах, в которых хозяева больших поместий когда-то разместили своих рабов. Их потомки по-прежнему обречены на покорность, на бесплатный труд без ограничений; женщины прядут и ткут на дому, мужчины время от времени идут на барщину. Из этих хозяйств патрон пополняет свою постоянную прислугу; берет отсюда нужные ему вещи, в частности в момент смерти отца или матери семейства; а также решает вопросы замужества их дочерей. По существу, такие мансы, называвшиеся сервильными, являлись придатками господского дома. И напротив, существовали, особенно в районах, менее населенных, совершенно свободные хозяйства земледельцев или пастухов. Их связывали лишь узы соседской солидарности, укреплявшиеся благодаря брачным союзам. Но по большей части крестьянские «дворы» были включены в весьма давнюю сеть клиентел. Их зависимое положение подтверждалось периодическим подношением подарков. Для тех, кому эти подарки предназначались, подобное «услужение» приносило весьма незначительную выгоду, давало ничтожную ренту, главным образом, было знаком преданности. Во время больших ежегодных праздников — на Рождество, на Пасху, в день Св. Мартина, в день Св. Жана Летнего ко двору покровителя направлялась процессия тех, кто находился под его защитой. Каждый приносил патрону одну-две монеты, свиной окорок, кувшин вина, а патрон должен был в ответ всех угостить. На пирах поглощалась большая часть принесенного гостями. Патрон, восседавший во главе стола, щед-

рым угощением подтверждал свое право и свой долг выступать посредником в случаях ссор между домами-сателлитами. С помощью такой церемонии, вошедшей в традицию, в отношении патрона должно было демонстрироваться уважение, и именно это для него являлось важным. Так на сельском уровне происходила самоорганизация системы, в которой переплетались различные элементы. Эта система была схожей с той, которая на самом верхнем уровне интегрировала в королевство франков крупные нижестоящие центры управления. Внутри всей большой системы накладывались друг на друга различные ступени богатства и мощи, начиная с обширных угодий, где господа развлекались конной ездой и игрой с блестящим оружием, и вплоть до хижины, в которой семья рабов с трудом спасала от голода и холода свое потомство.

Когда монах Рауль говорит о социальном разнообразии, он подчеркивает существование обширного срединного слоя, который включает в себя «средних» людей, находящихся между «знатными», «богатыми» и «совсем малыми». Судя по внешним признакам, именно внутри этой промежуточной страты и замышляются в начале XI века заговоры, создаются союзы сопротивления. Здесь вызревали восстания в Нормандии и в провинции Мен, но также в Провансе — против виконта Марселя или сеньора Жавии. Дело в том, что в тот момент происходил передел власти. Описанные мною выше социальные отношения с их оттенками, полутонами уступили место обществу, жестко разделенному на два полюса, на два класса, одному из которых было уготовано право господствовать над другим, эксплуатировать его. Наверху — сеньоры, внизу — те, кто трудится, подневольный народ; наверху — «сильные люди», внизу — «бедняки»; наверху — те, кто обладает законным правом носить оружие, внизу — те, кто отныне такого права лишен. Таков разрыв. Он проходит и через слой *mediocres* — средних людей. Некоторым из них удастся попасть в число тех, кто получил выгоду от перемен. Но большинство осознает, что его социальное положение понизилось, стало похожим на то, которое характерно для называемых рабами. Это жестокое, мучительное потрясение было следствием двух процессов, которые сближались друг с другом, усиливая свои результаты. Одно движение шло снизу, укрепляя сельские структуры. Другое — сверху, дробя пространство, в котором действовала ранее государственная власть.

СЕНЬОРИЯ

V. ДЕРЕВНЯ

Из-за скудости источников трудно увидеть то, что именно во времена описываемых нами социальных сдвигов затронуло крестьянское сообщество и окружавший его ландшафт. В первую очередь отметим давление демографического роста. Вкупе с расширившимся употреблением хлеба в пищевом рационе (после 1100 г. он на века становится основным продуктом питания) это давление привело к уменьшению площадей, где собирали дикие плоды и пасли скотину, за счет увеличения земель, на которых сеяли и собирали зерновые. Вследствие этого крестьяне все реже меняли места своего проживания. Оседлость выросла на тех землях, урожайность которых увеличивалась по мере того, как их усердно улучшали укоренившиеся на них семьи. Можно привести множество примеров перехода на оседлый образ жизни. Приведу один — судьбу мужчины и женщины, которые упоминаются в одной из записей картулярия Клунийского аббатства. Эти бродяги пришли с разных сторон, в конце концов осели около 1000 года в деревне на берегах Соны; брачные узы соединили их; от законной супружеской пары пошел крестьянский род, частично расселившийся по соседству с этой деревней, там, где еще оставались необрабатываемые, незанятые земли. Документ, который я привожу, содержит сведения и о том, что эти два мигранта должны были после своего прихода отдаться под покровительство и под власть местных сеньоров. Таков второй фактор, определивший историю, набросок которой здесь дается, историю занятия земель. Ее невозможно отделить от истории власти. Обладатели

власти поощряли переход на оседлость и компактное проживание населения, благодаря чему они могли крепче держать его в своих руках.

Французских историков, которые пытаются понять, как сформировалась деревня, уже полтора десятилетия заораживают две модели этого процесса. Обе они построены на материалах других европейских краев. Первая основана на данных, полученных в странах Севера, в частности в Германии. Эта модель предполагает, что в течение длительного времени не уступало своего места примитивное сельское жилье, «бросовые дома», как называют их этнологи. Такие дома не имеют никакой ценности по сравнению с пахотной землей, их можно быстро построить, передвинуть, но они непрочны. Таким образом, эта модель побуждает считать непостоянным характер заселения, бытовавшего вплоть до XI века. Значительно большим оказалось влияние второй модели. Она надежно покоится на изысканиях, которые проводил в Лацио (средняя Италия) Пьер Тубер. Используя итальянское слово *incastellamento* — строительство укреплений, он описывает процесс, который между X и XII веками привел к изменениям в местоположении семейных ячеек. Первоначально они были разбросаны по долинам, но в конце концов «приклеились» друг к другу (большой частью — под властным нажимом), образовав населенные пункты. Обычно такие скопления домов находились на возвышенности, выглядели как крепости, становились центрами новой территориальной структуры. Робер Фоссье объединил обе гипотезы, предложив концепцию «*encellulement*» — «оклеточивания». С его точки зрения, выявленный П. Тубером феномен представляет собой региональный вариант общего сдвига, который в те времена затронул и французские края. Наибольшую силу он приобрел между 990 и 1060 годом, став, таким образом, с эпохой всех тех изменений, которые поразили монаха Рауля. Он говорит о «рождении деревни». Жилища, которые до той поры были разбросаны, соединяются внутри пространства, иногда огороженного и часто получающего особый правовой статус. Эти жилища не раз придется перестраивать в соответствии с нуждами разрастающихся семей и требованиями производства. Но их уже невозможно будет перемещать с места на место, ибо они сооружены из более прочных, чем прежде, материалов. Однажды родившись таким образом, скопления жилищ сами станут ядрами ячейки — «земли». Эту округу, скрепляемую сетью дорог, постепенно упорядочит разумное размещение пахотных участков, паст-

бищ, виноградников и площадей, предназначенных для общего пользования. Такое «отверждение» произойдет вокруг какой-либо точки притяжения. Иногда ее роль играет большое укрепленное поместье, замок, чаще всего — приходская церковь и ее *atrium* — предхрамие, то есть кладбище. С давних времен усопших собирали в одном месте. Они лежали рядом друг с другом, но поодаль от обитаемых мест. Кладбище переместилось в период между ранним Средневековьем и XII веком, приблизилось к церкви; в само церковное здание покойники не проникали, но они теснились у его стен. Можно задаться вопросом: не предшествовало ли их собирание рядом с церковью собиранию вокруг нее живых? Не являлся ли самым мощным ускорителем этого процесса приходской институт, создавший рамки для нового типа социальных отношений, распространяясь одновременно на мир дольний и мир горний, тесно связывая живых и мертвых в ожидании Воскресения?

История французских деревень вплоть до XIV века фактически больше всего изобилует белыми пятнами из-за отсутствия информации. Письменные источники редки, туманны, топонимика обманчива; наиболее убедительные материалы дают археологические изыскания, которые приобрели в последнее время значительный размах. Однако раскопки, обходящиеся дорого, всегда носят точечный характер, тогда как анализ должен основываться на данных обо всей территории. А поскольку трудно вести раскопки в зонах, которые застроены, эксплуатируются, то наиболее известные места обитания, обнаруженные во Франции (такие, как в районе Шаравин), являются маргинальными. Кроме того, невозможно датировать найденные развалины, выявляя среди них новые, покинутые, восстановленные строения, чтобы на удовлетворяющем науку уровне составить их плотную хронологическую сетку и сопоставить выводы археологов с теми материалами, которые дают письменные источники, помимо содержащихся в них сведений о текущих событиях. С учетом всего этого я отнюдь не могу выразить убежденности в том, что поселения во Франции были непостоянными вплоть до фазы, которую Робер Фоссье называет «оклеточиванием». Верно, что крестьянские жилища еще представляли собой (по крайней мере, в некоторых областях) «бросовые дома». Однако сразу же после появления документов, дающих нам четкие сведения о владельцах земли (то есть начиная с VIII века, а в некоторых частях северной Галлии — даже с VII века), становится очевидным следующее: когда в

этих документах говорится о «дворах», «огородах», «мансах», то в расчет принимаются не имеющиеся на этих участках «здания», действительно ненадежные, но ограда и замыкаемое ею пространство. Именно они придают участку особый статус, причем статус прочный, поскольку он не меняется, даже если участок остается на какое-то время незанятым. Добавлю, что огороженная земля используется интенсивно под сады и огороды, так как почва здесь более плодородна уже благодаря самому по себе присутствию людей, скота и птицы; доходность такой земли гораздо выше доходности пахотных площадей. Я верю в длительное существование «кочующего» земледелия, но я не верю в то, что оно сохранялось на огороженных участках. И не потому, что там находились постоянные строения (и другие огороженные участки, отведенные под виноградники, своего предназначения по необходимости не меняли), но потому, что в огороженном, стало быть, надежном пространстве собиралась основная и самая ценная доля средств пропитания.

Я принимаю во внимание концепцию «оклеточивания», но убежден в том, что в различных французских провинциях этот процесс не шел с одинаковой скоростью и развивался не в одинаковых формах. Очертания современного ландшафта служат тому подтверждением, это в данном случае наилучший документ, по своей содержательности намного превосходящий другие. По всей видимости, укрепление сельского сообщества шло в Лотарингии или в Нормандии не так, как в Провансе, где нашему взору открываются остатки структур, подобных структурам Лацио. Здесь в период между серединой XI века и серединой XII века мало-помалу слово *castrum* (укрепление, лагерь) утверждается в грамотах для обозначения скоплений жмущихся друг к другу домов, скоплений, которые пришли на смену прежней распыленности жилищ. В провинциях поселения формировались под воздействием различных факторов. Остановлюсь на примере небольшого края, прошлое которого мне лучше известно. Это окрестности Ключийского аббатства и холмы Маконнэ.

Ныне здесь взору представляются разбросанные деревни и хутора, большая часть которых расположилась на местах бывших римских «вилл». Прежде всего поражают древность сети расселения и ее устойчивость. Однако набор признаков подтверждает, что в течение X, XI и XII веков между местами обитания происходил своеобразный отбор. До последней войны в сегодняшнем кантоне Ключи насчитывалось 25 деревень,

71 хутор, 283 жилища на выселках. Необыкновенно богатые письменные источники свидетельствуют, что около 1000 года здесь находилось 161 место обитания с собственным названием; 77 из этих топонимов затем исчезли. Некоторые места получили новые названия, но многие из них обозначают селения, покинутые жителями. То есть в целом произошла концентрация населенных мест. «Оклеточивание». Однако имеются веские основания утверждать: полностью такие места никогда не умирали. Одна или две крестьянские семьи оставались там, пользуясь открывавшимися преимуществами. Добавлю, что в рассматриваемую мною эпоху область, о которой идет речь, не претерпела каких-либо коренных изменений в системе сельскохозяйственного производства, вынуждающих людей менять род занятий. Вполне очевидно, что к такой смене их толкало властное давление. Приведу примеры такого давления.

Начну с рассказа о том, как опустела *villa Secriacum*. В середине XI века здесь насчитывалась по меньшей мере дюжина огороженных садов. Неизвестно, были ли они разбросаны среди полей или примыкали друг к другу. Интендант Ключийского аббатства, монах, ведавший денежными делами, около 1080 года выкупил, причем по очень высокой цене, права всех земельных собственников — 18 сеньоров и 14 крестьянских семейств, а также права всех землепользователей. Крестьяне покинули свои насиженные места, здесь образовался единый домен, новый собственник которого стал эксплуатировать землю непосредственно. Эта местность и по сей день носит название домена — Гранж-Серси.

Теперь — примеры концентрации поселений. Вокруг крепостей в XI веке образовались скопления жилищ. Каждое из таких скоплений представляло собой как бы выходящую за пределы главной усадьбы артель работников, обязанных обслуживать воинов. К этим работникам, обосновавшимся вместе со своими домашними вокруг башни и внешней замковой стены, присоединялись и некоторые крестьянские семьи. Так рождались деревни, которые по своей ткани напоминали городок-«бург», развивавшийся в то время у ворот Ключийского монастыря и ставший настоящим городом. Население «виллы», где возвышался замок, разделилось, образовав Берзе-ла-Вилль и Берзе-ле-Шатель, которые сегодня находятся на некотором расстоянии друг от друга, равно как Баже-ла-Вилль и Баже-ле-Шатель.

Как очевидно, центром кристаллизации в других местах становилось кладбище. Окружавшее церковь предхрамие «атриум» не только принимало усопших, оно предлагало безопасность живущим. В этом пространстве, признававшемся сакральным, запрещалось любое насилие; люди меча не могли там силой вымогать налоги. Некоторые церкви оставались вместе с захоронениями усопших в стороне от селений, как, например, в Мазиле; крестьяне — вилланы этого прихода расселились вокруг усадьбы сеньора. Напротив, в Пьеркло, где владелец замка Берзе после длительных переговоров подписал документ, в котором обязывался сохранять мир на кладбище, люди из окрестных хуторов переселились поближе к этому безопасному месту. Позже, в конце XII века, увеличилось население в Кортве, Салорней, Приссе благодаря сознательной политике местных сеньоров: они привлекали сюда переселенцев обещаниями налоговых послаблений, тем, что сеньоры называли «льготами».

Таким образом, при внимательном рассмотрении выявляется известная сложность процесса. Он продолжался очень долго, развивался медленно. Ко времени Людовика Святого относится «рождение» всех деревень на склонах холмов Маконнэ. А совсем рядом, в Брессе, заселение территории только начиналось, «хутора» разбрасывались среди разделявших их рощ. Во всяком случае, во всех кантонах, которые были плотно заселены еще в римскую эпоху, отчетливо видны формы «оклеточивания», появившиеся гораздо ранее X века. Так, активные археологические изыскания позволили отнести к VIII и даже к VII векам изменения в системе заселения на Французской равнине, к северу от Парижа. «Виллы», о которых содержатся упоминания в земельных описях той эпохи, представляют собой уже деревни, в центры которых переместился некрополь. Такова картина в Тилле, неподалеку от Гонесс. Аэрофотосъемка, произведенная в Плесси-Гассо, четко показывает преемственность: сеть жилищ более редка в каролингскую эпоху, затем эти жилища стягиваются вокруг церкви и господской усадьбы; в одном из углов ее в XI веке насыпан защитный вал, что, по всей видимости, способствовало концентрации населения. Нет сомнения, такую концентрацию поощряли те, кому на местном уровне вменялось поддержание порядка среди деревенского народа, — носители власти. При этом надо отличать ту долю власти, которая принадлежала священникам, от той доли, которая принадлежала воинам.

По всей видимости, приход в большинстве случаев создавал рамки для того, что в итальянских документах называют «конгрегацией селян», причем рамки самые древние. Я склонен полагать, что усопшая часть сельского общества первой оказалась под контролем, и именно поэтому ее поместили в центре приходской территории. Необходимо было охранять покой мертвецов и не давать им вредить живым. Историк нормандских герцогов Вас передает услышанный в XII веке рассказ о том, как Ричард I, на которого напал мертвец в уединенной часовне, приказал не оставлять тела усопших без присмотра; коллективная память относит к концу X века решение блюстителей порядка приблизить к живущим места погребения. В действительности же такое решение, как свидетельствует археология, было принято гораздо раньше. Робер Фоссье приводит соответствующее установление германского церковного собора, состоявшегося во Фрибуре в 895 году. Мне представляется, что еще задолго до этого установления происходил перенос кладбищ ближе к приходским церквям. Его начало совпало с тем временем, когда — в VII и VIII веках — перестали класть в могилы всякую утварь, необходимую для загробной жизни. Погребение в присутствии священника помогало изживать «суеверия», в особенности не давать женщинам возможности совершать, как прежде, дохристианские обряды. Такие погребальные обряды пытался искоренить в начале XI века епископ Вормсский Бурхард, как и сто лет до него — Регинон Прюмский. Тщетно. И даже в XIII веке духовенство продолжало эту борьбу, будучи не в силах воспрепятствовать деревенским парням, устраивающим на кладбищах, у самого порога святилища, в определенные дни магические пляски, имитирующие метания душ мертвецов.

Что касается живущих, то Церковь с самых ранних времен стремилась превратить их в «пасомых», в «паству»; таков смысл слова «приход». Это округ, пределы которого устанавливаются, как свидетельствуют источники из Оверни и Маконнэ, в каролингскую эпоху. Внутри такого четко определенного пространства надзорные процедуры в лотарингской деревне существуют с начала X века. Очевидно, однако, что приходские структуры были укреплены в начале X века, в период Великого Потрясения ради искоренения ереси и в порыве коллективного очищения, о котором рассказывает Рауль Безбородый. Сельские церкви были тогда восстановлены; к этому времени относится сооружение почти всех храмов в областях, где люди не были особенно набожными, таких, как Маконнэ

и Сентонж; позже, во времена процветания, эти храмы не обновлялись. Именно в описываемый период были приняты меры, причем решительные, чтобы обеспечить святилищам и окружающим их местам надежный покой. Кладбище, границы которого строго очерчены крестами, становится убежищем для окрестного люда, устремлявшегося туда, чтобы укрыться от притеснений со стороны людей войны. Новые церкви, сооруженные впоследствии в землях, заселение которых продолжалось (в Шаранте было построено в последней четверти XI века большое число таких церквей), также способствовали «оклеточиванию» крестьянства.

На взгляд историка, активность обладателей светских властных функций проявляется прежде всего в мерах, имеющих целью направить потоки аграрной экспансии на незанятые земли. Держатели королевских прерогатив в таких землях, а точнее, их помощники, обязанные извлекать пользу из этих прав, обнаруживают (в одних местах — в конце XI в., в других -- в XII или в XIII вв.), что леса, болота способны приносить большой доход, если их заселить, если там пустят корни новые подданные, которых можно было бы обложить налогами. Власть принимала меры для привлечения новоселов, обещая им послабления, которые отсутствовали в старых землях. Выдавая «грамоты на поселение», составляя планы слобод, включающие все обустраиваемые на их территории участки, власть создавала модель, которой продолжают следовать и поныне. Это модель *villes-neuves* — новгородов, где дома стоят кучно или тянутся вдоль единственной улицы. Расселение на еще не освоенных землях начиная с XIII века приобрело скорее стихийный характер, но во времена своего наивысшего подъема оно создало деревни.

За пределами новых земель перед взором историка предстает власть сеньоров, которая также поощряет концентрацию населения. Сеньор действует исходя из военных соображений (и тогда он защищает деревню оградой) или ради поощрения торговли (и тогда открывает рынок, ярмарку, очень доходные для него места). Иногда возникает нечто новое. Но чаще всего благодаря налоговым послаблениям растет какой-либо старинный городок, а соседние населенные пункты хиреют, а то и вовсе умирают. Подобное движение ощутимо во всех областях Франции. Его ростки особенно четко просматриваются после 1000 года. Этот процесс усиливается к середине XI века; именно тогда на Юго-Западе начинают создаваться «*castelnaus*»,

«кастели» — укрепленные населенные пункты; название их несет оборонительный смысл. Что касается «бургов» (этот термин также имеет военную окраску), то главный двигатель роста здесь все же другой — еженедельный рынок. Такие городки появляются около 1060 года в Пуату, в Нормандии; число их множится век спустя, в условиях наивысшего подъема торговли.

Сосредоточение населения в деревне обусловлено, таким образом, политическими факторами. Оно во все времена осуществлялось под наблюдением господ. Кладбища находились под защитой сеньора — Господа. Церковь же осталась в руках своего земного покровителя даже тогда, когда, в XI веке, в порыве к изгавлению духовного от засилия мирского, алтарь, эта самая священная часть храма, был отделен от остальной его части (такое отделение предписал в 1049 г. церковный собор в Реймсе). Покровитель выбирал священника. Распоряжаясь церковными светильниками, хоругвями, всеми магическими эмблемами, отпуская грехи усопшим и обещая спасение души живущим, совершенно очевидно, этот человек имел большую власть над сельскими жителями. В значительной степени именно с помощью кюре сеньор удерживал в своих руках сообщество бедняков. Что касается городков-«бургов», то они часто являлись лишь придатками замков. Однако в подавляющем числе случаев деревня вырастала на расстоянии от усадьбы сеньора. Когда в конце XII века началось строительство «укрепленных домов», они обосновались на рубежах деревенских земель. Такое разделение как бы на два противостоящих друг другу лагеря не могло не сказаться на игре властных сил.

Нельзя рассматривать феномены концентрации населения в отрыве от того мощного потока, который мало-помалу размывал замкнутость крестьянских хозяйств. В «бургах», выраставших у ворот замков и монастырей, на господ трудились ремесленники, кузнецы, шорники; вскоре они стали выполнять заказы сельских хозяев, в руки которых начинают попадать деньги. А деньги появляются потому, что расширяются торговые обмены. Для сельских хозяев стало привычным производство на продажу, некоторые в торговле преуспевают более других. С конца XI века внутри крестьянства возникает дистанция между богатыми и бедными, в течение XII века она быстро растет, порождая тенденцию к расщеплению сельского сообщества. И напротив, сельское сообщество укреплялось благодаря более плотному расселению и соответствующей ор-

ганизации обрабатываемых площадей. В провинциях, где сила деревенского сцепления оказывалась наибольшей (например, в Лотарингии, в Бургундии, где запрещалось строительство вне зоны, отведенной для домов и садов), устанавливался и постепенно укоренялся обязательный порядок, который побуждал к совместному использованию земли-кормилицы. Наконец, повсюду укреплялись узы солидарности вокруг церкви и против власти сеньора.

Внутри приходской общины умерших погребали в одном и том же месте, младенцев крестили в одной и той же купели, в определенные дни вокруг священника собирались все мужчины (может быть, женщины все еще оставались у входа в церковь, так как считались порочными), для всех сиял свет в святых и все совершали в определенные дни крестный ход, чтобы небеса даровали дождь. Несомненно, внутри приходского пространства существовали анклав; в знатных семьях все, относящееся к сакральной сфере, было расположено в частной молельне патрона, в его часовне, где служил домовый священник. В этом тоже проявлялось стремление властвующих держаться поодаль от простолюдинов. Но именно простолюдины, исполняя христианские обряды, сильнее чувствовали то, что объединяет род человеческий, и это смягчало различия между крепостными и другими людьми, между теми, кто владел быками, и теми, у кого быков не было. В церкви, являвшейся единственным прочным сооружением, собирались во время опасности запасы продовольствия. В начале XII века, когда в Нормандии бушевала гражданская война, колокольни были забиты сундуками, мешками, кувшинами. После 1000 года обнаружилось также ростки будущих братств, продолжавших наистарейшие обычаи. Церковная власть была этим встревожена; состоявшийся в 1034 году в Лизьё собор запретил *religiones* — «отправления культа», мужские пиршества, — все то, где мог бродить дух мятежа. Налицо недоверие, осуждение. Им противостоит, однако, упорное сопротивление; но в конце концов эти братства были признаны, а позже, в XII веке, на них возлагаются обязанности по уходу за местами отправления культа и по раздаче вспомоществований.

Такие формы приходской солидарности помогали крестьянству лучше защищаться — сопротивляться владельцу права на взимание десятины, для которого церковь была, наряду с мельницами и печами, источником самых доходных рент. Сопротивляться владельцу самого крупного хозяйства в округе, который претендует на то, чтобы перекроить календарь сель-

скохозяйственных работ себе на пользу, получить в нужный момент всю непостоянно занятую рабочую силу. Сопротивляться владельцу проточных вод, пастбищ, залежных земель, лесных угодий, который хочет строго контролировать пользование всеми этими богатствами, в одном случае устанавливая запреты, в другом — претендуя на право первому выводить своих свиней в места сбора желудей, преследуя охотников, взимая поборы за все. Сопротивляться владельцу крепости-убежища и помещений, где они хранят зерно; господин берет под свою защиту приход, но заставляет дорого за это платить, выискивает проступки, а когда нужно, их провоцирует ради того, чтобы наказывать, забирать имущество, вымогать штрафы. Наконец, сопротивляться еще более опасным людям — хозяйским подручным, посредникам. Это люди одновременно и свои, деревенские, и чужие; их подбирают из числа самых надежных крестьян, то есть тех, кто более всего зависим, — из потомков рабов. Они возвышались благодаря тому, что господа передоверяли им права на принуждение, права весьма доходные. Все эти приказчики — прево, все эти лесничие, все эти кюре (которые были женаты и передавали свое место от отца к сыну) обогащались. Они образовывали нечто вроде народной аристократии. «Должность», которую они отправляли («*métier*», в документах — *ministerium*), была тогда самой сильной пружиной для социального восхождения, единственным способом преодолеть преграду, возведенную в XI веке для того, чтобы удерживать народ, перераспределяя власть. Но примерно к 1100 году становится заметной тревога правителей; возникает вопрос: как удержать под контролем самих этих помощников? Они ведут себя вызывающе, дружат с воинами, мало чем от них отличаясь, подобно им красуются в седлах с оружием в руках.

Не желая сдаваться, соседи по приходу старались улаживать споры в своем кругу, избегая обращений с жалобами к господину-мироохранителю. Они договаривались о том, как распределить между домами все, что нужно было платить каждый год за поддержание мира. Грубые формы сеньориальной налоговой системы побуждали крестьян теснее сплачиваться. Они вместе защищали «добрые» обычаи. Господин же нарушал их как мог. Крестьяне периодически напоминали о своих обязанностях и своих правах, перечисляя их перед лицом прево, забывая о первых и настаивая на вторых. Они поступали точно так же, как во времена предков, когда их доверенным поручалось говорить о том, что тогда было справедливым. Именно

в этом прошлом подданные черпали свою силу. Они хранили память об обычаях, и обычай оказывался сильнее господ, какими бы могущественными они ни были. Господь различал, конечно, в этой системе тех, чьим уделом было повиновение, и тех, кто мог повелевать. Но власть вождей наталкивается на обычаи, то есть на власть сообщества подданных, единственно правомочных толковать эти обычаи. Осуществление властных полномочий предполагало постоянный диалог. Приход создавал своеобразные рамки для такого диалога и, следовательно, для эксплуатации — ограниченной, всегда неопределенной по характеру — всех тех, кого называли «селянами» или же «деревенщиной» и кто был обречен оставаться объектом эксплуатации в силу своей оседлости.

Слово «оклеточивание», как видим, весьма подходит для определения процесса. В самом деле, речь идет о клетках с более или менее твердыми ядрами, более или менее колючих; и «плебс» — «чернь» (так называли этих людей авторы того времени, более всех других уверовавшие в свое превосходство, полученное при рождении) участвовала внутри этих клеток в общественной жизни. В большинстве провинций такие клетки уже были достаточно прочными на пороге XI века, когда люди Церкви вознамерились превратить «бедных людей» в миротворцев, и именно тогда, в 1038 году, Эймон, архиепископ Буржский, решил установить общественный порядок, опиравшийся на коллективную клятву всех взрослых мужчин. Во главе с кюре, осененные хоругвями, крестьяне выступили против «плохих» господ. Приходская территория уже тогда стала основой для системы регулирования крестьянского общества. Веком позже король Людовик VI, ведя с «тиранами» борьбу, подобную той, которую развернул архиепископ Эймон, воспользовался этой системой. Его придворный летописец Сугерий рассказывает о сельском кюре, который вместе со своей паствой преодолевал оборонительные сооружения замка Пьюзе. Наблюдавший за событиями из Нормандии Ордерик Виталий уделяет большое внимание этим приходским сообществам; по его словам, король Франции опирается на них, отвоевывая незаконно отнятый у него титул «отца общин». И когда в середине XII века епископы юга королевства также пытались поддержать общественный порядок, они предписали миротворцам принимать поочередно в каждом приходе клятвенные обещания взаимной помощи и содействия коллективной безопасности.

В эту эпоху завершалось создание сети, следы которой сегодня отчетливо видны в административном делении страны. Каждую ее ячейку отделяли от всех других свои традиции. Поэтому одновременно с распространением письменности подданные и правители договаривались о том, чтобы с ее помощью зафиксировать положения обычного права и покончить, таким образом, как с забывчивостью при его толкованиях, так и с нововведениями властей, по крайней мере, выявить спорные моменты. Это уменьшение сферы неопределенности, произвола было воспринято как освобождение. Его утверждают слова, смысл которых не перестает волновать: льгота, освобождение от налогов; права, вольности; община, коммуна. Народное сообщество укреплялось по мере сельскохозяйственного подъема, реорганизации властных структур и обновления христианства в результате успешной пасторской деятельности. Процесс шел маленькими шажками. Движение продолжалось и после воцарения Людовика Святого, постепенно приближаясь к завершению. Возникла и распространилась привычка различать крестьян по приходам, в которых они постоянно проживают, а сеньория на своем нижнем уровне смешивалась с деревней. На этой ткани тогда отпечатались те контрастные формы, которые и сегодня отличают французский ландшафт.

Около 1170 года один нормандский поэт противопоставлял обитателей «бокажей» (окультуренных ландшафтов) и обитателей «равнин». Первые живут в замкнутых пространствах, отделенных друг от друга изгородами, их хозяйства разбросаны далеко одно от другого, узы солидарности там слабее; по большей части в тех краях почвы неплодородны, туда пришли поэтому последние волны колонизации. Вторые, люди равнин, занимают широкие и светлые пространства, застроенные большими деревнями. А романы, которые читали вслух в домах знати, повествовали о еще более глубоком контрасте между двумя мирами. В одном из них — ухоженные, приведенные в порядок земли. Этот порядок здесь поддерживают священники, воины и находящиеся в их услужении люди — управляющие, сборщики налогов, крупные арендаторы, а также наполовину независимые от них предприниматели — мельники и кузнецы. Церковь, замковая башня, люди в услужении — три порядка — сословия. Действительно, вновь возникает идеология трех дополняющих друг друга функций, которую сформулировали епископы Камбрейский и Лаонский полтора века назад. В эту эпоху завершается обустройство сельской местно-

сти, имевшее целью крепче привязать к своим управителям вилланов. Другой мир, беспорядочный и вольный, — «лес». Он приобретает ценность в течение XII века. Потребности города и богачей обуславливают возрастающий спрос на то, что дают невозделываемые земли, — древесину, уголь, железо, стекло, шерсть, говядину. И владельцы этих земель начинают думать о том, что необходимо их оградить от вторжения корчевателей. Остававшиеся большие леса, ланды, болота приглашали к приключениям. Там обитали сказочные существа — феи, драконы. Там проходили инициации, испытания, которые готовили молодых людей к обрядам, позволявшим им войти в круг взрослых. В лесах по-прежнему таились дурные верования. Но эти скрывавшие опасность земли не были пустынными. В дебрях появлялись отшельники, странствующие рыцари, угольщики. Мы снова видим носителей трех порядков, но на этот раз — находящихся вне закона, никому не подвластных. И не случайно Жан из Мармуте, сочиняя надгробное слово в честь Жоффруа Плантагенета, делает этот потусторонний мир местом встречи своего героя с вилланом, человеком из леса, который его пугает, но одновременно ему помогает. Выводя графа Анжуйского из чащобы, где тот заблудился, виллан во время пути наставляет графа. Человек призывает графа, говоря, что следовало бы править по истинной справедливости, действовать так, чтобы законную власть, которой он обладает, не извратили те, кто выступает от его имени, — воины, кюре, прево, дабы умерился гнет, заставляющий страдать бедняков в равнинном краю.

VI. ЗАМОК

Процесс, который в сельской местности привел к укреплению «сообществ жителей», как их называли при «старом порядке», трудно проследить. Рассмотрению легче поддается другая тенденция развития, ибо она проявлялась значительно резче и была характерна для верхних этажей общественного здания, которые освещаются в документах более подробно. Эта тенденция привела к образованию сеньории. Латинские слова, которыми в текстах той эпохи обозначают данный феномен, это *dominatio* (владычество), *dominium* (владение) или просто *potestas* (властная сила, мощь). Все они входят в словарь публичной власти — той, которую император, король доверяли своим помощникам. Писцы княжеских канцелярий счи-

тали эту власть государевой; в самом деле, она принадлежала принцам — государям; титулом *dominus* именовали лишь короля, епископов и «друзей» короля — графов, которые делили свой титул только с Господом. Действительно, с помощью таких терминов обозначалась власть, отличная от власти частной, которую имеет крупный собственник над ленниками, обязанными возделывать клочки земли, выделенные им из своего домена, от власти патрона, хозяина дома, начальника над мужчинами и женщинами своего рода, над домашними, его слугами, над рабами, ютившимися в хижинах, а также над вольными людьми, обязанными периодически делать ему подношения в знак признательности. Для обозначения власти народных предводителей, наделенных правом вершить суд и восстанавливать мир, в принципе служили слова: *potestas*, *dominatio*. Но в период после 1000 года эта власть раздроблена; ее бразды находятся в руках гораздо более многочисленных, чем прежде, а зона, в которой она осуществлялась, заметно сокращается.

Такая фрагментация была завершением весьма медленного процесса, в ходе которого политические структуры приспособлялись к задачам эффективного управления с дальнего расстояния. Прежние положения вырабатывались исходя из наличия городов, дорог, денег. В эпоху раннего Средневековья и города, и дороги, и денежное обращение приходят в упадок. А когда наступило оживление этих факторов развития в результате военной экспансии одного из народов Франкии, то оказалось, что в новой ситуации они больше не работают. Глубокий паралич денежного обращения и успехи сельского хозяйства на основе оседлости обусловили превращение всего общества в крестьянское по характеру. Властное регулирование в полном объеме могло осуществляться лишь на ограниченной территории, охватывая самое большее два десятка приходов, какую-то часть старинного «края», находящуюся под графским надзором. В этом пространстве произошло смешение публичных служб правосудия и поддержания мира с весьма активными системами господства, которые «богатые люди» выстроили в частном порядке вокруг своих усадеб и земель. Эти системы распространялись на мужчин и женщин, зависящих каким-либо образом от господ. Посредничество «богатых людей» было необходимо, чтобы публичная власть, и старая, и новая, могла охватить самые глубокие слои «плебса». В конце концов было признано, что эти люди обладают властной силой, обозначаемой словом *potestas* и равнозначными ему тер-

минами. Как я уже говорил, изменение было резким. Таковым оно оказалось и в языке текстов, из которых историк черпает сведения. То, что он чуть ли не принял за революцию, на самом деле раскрывало явление, долгое время уже существовавшее, но не видимое за старыми формулами. В конце концов писцы отказались от этих формул, уже не отражавших, как стало очевидным, конкретной реальности социальных отношений. Когда явление созрело, пелена исчезла сама собой, причем мгновенно. Во всех областях Франции, где проводились серьезные исследования, их участники ощутили разрыв, «коренное изменение», по выражению П. Боннасси. Критическими оказались 20-е годы XI века, и в следующие за ними три-четыре десятилетия мы наблюдаем, как закрепляются границы новых территорий властвования.

Действительно, сеньория, в отличие от частных патронажей, обладает публичными функциями, и поэтому ее власть, подобно власти короля, подобно власти графа, должна распространяться на всю территорию. Такую территорию иногда называли *vicaria* (викариатство, наместничество); этот термин когда-то использовался для обозначения группы «вилл», обитатели которых, обладая статусом свободных людей, собирались вместе, чтобы вершить правосудие. Но возникли и новые термины: *mandamentum*, который делает упор на делегировании полномочий сеньору, узаконивающем власть этого мандатария; *salvamentum*, подчеркивающий охранительную функцию данной власти; наконец *castellania*. Последний термин появляется в краях Шаранты около 1060 года; он напоминает об объекте, ставшем ядром новой политической ячейки, — *castrum* — замке, башне. Такая башня, устремленная вверх, представляющая вертикаль в пейзаже, появляется как ответ на вызов городских стен, внутри которых утверждались королевские прерогативы, дальние наследники античных форм государственности. Находясь в центре контролируемого им пространства, это сооружение является одновременно и резиденцией, и знаком принуждающей мощи, обязанности быть защитником, права приказывать и карать.

Археологические изыскания показывают, что французские земли, едва выйдя из протоисторического времени, покрываются защитными сооружениями. Возвышаясь над зубцами скал или прячась в низинах, среди вод, эти сооружения представляли собой земляные валы с палисадами, окружали довольно обширные площади, способные уместить все население, вместе со скотиной и припасами. Какое-то количество оград исполь-

зовалось в раннее Средневековье, некоторые служили и накануне тысячного года. Однако система укреплений, которая возникла на рубежах феодальной эпохи, оказывается совершенно отличной от былой примитивности. Прежде всего, увеличилось число укреплений — замков, фортов. На территориях городов-ситэ возникло немало крепостей, которые строились на остатках римских сооружений, на сохранившихся частях ворот, амфитеатров, терм. В равнинных краях старинные укрепления были по большей части заброшены, их заменили новые. Они не размещались по какому-то единому замыслу. Некоторые воздвигались рядом с другими. Так, в Сеньоне, поблизости от Апта, или в Амбуазе в конце XI века три замка выстроились в ряд на расстоянии, не превышающем 100 метров, причем каждый из них был самостоятельным источником власти. С другой стороны, набор оборонительных сооружений сузился, основным в нем стала башня — *donjon*. Этот термин, как и слова «опасность», «угроза» (*danger*), является производным от *dominium*, под которым понимается власть сеньора. Донжоны сооружались из дерева, иногда из камня (на юге и с конца X в. — на севере), они имели по три этажа, но в большинстве случаев там находились очень тесные помещения, не предназначенные для жилья. Жилой дом воздвигается на расстоянии, включает в себя «залу», в которой происходят публичные отправления власти. Башня же имеет военное предназначение и, может быть, прежде всего символическое. Но она используется и как место, где укрывают все самое ценное. Так, хранитель одного из замков в Амбуазе (который вместе со своими людьми ночует в другом помещении) именно в башне, на промежуточном этаже, куда попадают лишь с помощью приставной лестницы, укрывает сокровище — свою жену; она только что произвела на свет возможного наследника и еще не оправилась от родов. На самом верхнем этаже находятся дозорные, которым оттуда видна вся округа; здесь развивается стяг, эмблема мощи. Если невозможно установить башню на крутом спуске, скале, то ее поднимают на земляной насыпи, высотой примерно в десять метров, в этом случае площадь основания этого сооружения не превышает десяти квадратных метров. Земля, взятая для насыпи — «мотты», образует ров. Башня возвышается над «двором», окруженным менее высокими земляными насыпями, где находятся жилые помещения и хозяйственные службы. Таков образ замка в представлении его современников. В частности, таким было предложено его изобразить около 1090 года (в Англии, ко-

нечно) вышивальщицам ковра из Байё, на котором перед нами предстают картины нормандских крепостей и даже городов.

Упорный труд археологов в Шампани, Ангума, Провансе, Нормандии, Брессе позволил установить, что некоторые «моты» были насыпаны на тех местах, где ранее находились большие здания, резиденции представителей публичной власти. Выявлено также некоторое количество незавершенных укреплений, относящихся, в частности, к 60–70-м годам XI века. Наконец, обнаружилась необыкновенная плотность сети таких укреплений. В маленьком нормандском кантоне Сенгле (сегодня в нем 48 местных общин) в XI, XII веках существовали три замка, что подтверждают и письменные источники, и по меньшей мере 13 насыпей. Согласно А. Дебору, число последних в Шаранте достигало 150. В обоих случаях такое количество превышает то, которое было определено на основе письменных источников. Эти цифры заставляют усомниться в том, что все обнаруженные сооружения были центрами миротворчества. Без сомнения, значительная их часть всегда оставалась придатками к нескольким замкам, в которых сосредоточивалась мощь сеньоров.

Чтобы точно датировать эти укрепления, необходимо обращаться к текстам. Раскопки в редких случаях позволяют решить данную задачу. Таким образом, полученная информация неточна. Когда в тексте содержится упоминание о каком-либо замке, это означает, что он в тот момент существовал. Но мы никогда не узнаем, с какого именно времени. Были, однако, попытки воссоздать хронологическую картину на основе скудных источников. До 1000 года около 15 таких крепостей располагались в Анжу, примерно 10 — в Шаранте, где изыскания проводились особенно интенсивно. Все крепости представляли собой общественные сооружения, находившиеся в ведении графа или епископа. Но не объясняется ли это число тем, что писцы, еще не отрешившиеся от старых образцов, называли только общественные строения? Упоминания о замках множатся в первой половине XI века. Обнаруживаются 10 новых замков в Анжу, 36 — в области Шаранты. Каждый третий из их числа принадлежит лицу, политическую связь которого с представителями королевской власти невозможно выявить. В Анжу, как и в Лотарингии, более яркий свет на проблему проливают источники, относящиеся к периоду между 1050 и 1075 годами (и сами эти источники становятся гораздо более многочисленными). По мнению А. Дебора, большую часть

обнаруженных там замков соорудили крупные земельные собственники для поддержания своей власти. Эта власть не доставалась им «ни по наследству... в качестве бана (здесь *ban* — право поддерживать мир и вершить правосудие), полученного от слабеющей королевской власти, ни как продолжение старинных патронажей». Разрыв преемственности. Без сомнения, соблазн строить «мотты» и башни широко распространился в период, когда слились власть публичная и власть частная. Строили свободно, в зависимости от обстоятельств. Об этом свидетельствует установление, обнародованное в Нормандии в 1091 году и известное под названием *Constitutiones et justitiae*. Оно в письменной форме закрепляло принципы, которые провозгласил четырем десятилетиями ранее Вильгельм Завоеватель, когда вновь твердо взял в свои руки княжескую власть и пытался пресекать подобные инициативы. А они были многочисленными, угрожающими. Несомненно, таковыми эти действия оставались и в 1091 году, поскольку авторы установления не преминули напомнить, что «никому в Нормандии не дозволено ни выкапывать рвы на равнинной местности, кроме такого рва, со дна которого можно выбрасывать грунт без помощи приставной лесенки, ни ставить более одной палисадной линии, и она не должна иметь ни редана (уступа), ни дозорного хода; никому не дозволено возводить укрепления на скале или острове». Сюзерен разрешал ограждать «дворы», но предписывал делать ограды легкими; никаких насыпей, никаких новых замков. Это с очевидностью выявляет тенденцию к умножению числа замков, стремление государей в середине XI века такую тенденцию переломить.

От башни исходит господство. В некоторых случаях ее хранитель отдает приказы от имени вышестоящего лица, властителя *regnum* — королевства или графства. Тогда этого человека называют по функции, которая ему доверена, — *castellanus*, шателен, владелец замка. Однако в большинстве случаев такой владелец ни от кого не зависит. Это господин, о чем красноречиво свидетельствует титул, которым он сам себя величает, — *dominus*, «сир» на языке простонародья. В его руках все полномочия верховной власти. Независимо от того, обладает или не обладает замок независимостью, его глава хранит меч правосудия, то оружие, которое доверил Господь воинам, чтобы они защищали мир Божий на земле. И когда взвывается стяг, когда из замка раздастся боевой клич, то поднимается вооруженный отряд. Только сир может отдавать приказы, ибо любая командная функция, считающаяся публичной, есть дело чести,

а честь нераздельна. А когда сир становится немощным, когда приближается смерть или старческая дряхлость, он передает свои функции одному из сыновей, старшему, а в случае бездетности — одному из братьев, одному из племянников, наконец, не без опаски, — супругу старшей дочери. По приказанию сира все его помощники должны собраться в зале для торжественного признания наследника. Главе рода подобает в этот момент обратиться к присутствующим с речью, напомнить тому, кто сейчас займет его место, об обязанностях сира. Этот ритуал, в том виде, в каком он был описан в середине XII века в хронике сеньоров Амбуаза, очень напоминает церемонию, которую, по словам Дудона из Сен-Кантена, устраивали предводители нормандских пиратов, когда они чувствовали приближение кончины или когда они отправлялись в Святую Землю.

При всем этом «господин» является начальником, «главой». «Глава дома», говорится об одном из них в грамоте, составленной в Маконне около 1100 года. Под его началом находится «семейство», «паства», состоящая из двух частей. Первая — челядь, в обязанности ее входит уход за лошадьми и ратными доспехами; вторая — сами ратники, связанные одновременно с башней и со своим предводителем. Его называют «господином замка», а их — «воинами замка». Последнее определение составители грамот и хронисты используют для обозначения всего отряда. Члены такого «семейства» смотрят на сира как на отца. Семейная модель отношений проявляется здесь в том, что сир должен интересоваться мнением воинов замка относительно женитьбы своего сына или замужества дочери, что согласие воинов необходимо при передаче власти преемнику.

Иногда (в частности, когда в наследники прочат зятя) слова согласия цедят сквозь зубы, ибо часть гарнизона может считать такого наследника чужаком, от которого надо избавиться. Если новый сеньор умирает от загадочной болезни, то подозрение падает прежде всего, разумеется, на его жену, но затем сразу же — на воинов замка. Действительно, в отряде, привязанном к крепости, имеются потенциальные претенденты на наследство: в их жилах течет кровь покойного господина. Это — его младшие братья, племянники, двоюродные братья и особенно побочные дети — бастарды. Такую «семью» в известной мере объединяет кровное родство. Однако главный источник ее сплоченности — «дружба», товарищество, укрепляемые совместными трапезами, совместными ратными делами. Об этом свидетельствуют прозвища, которыми часто награждают друг друга братья по оружию, — Толстяк, Босо-

ногий, Рыжий. Такие клички даже передаются по наследству. Наконец, подобно монахам монастыря, являющимся вместе со своим отцом-аббатом коллективными владельцами имущества и прав, которые принадлежат почитаемому в этой обители святому покровителю, воины замка являются совладельцами власти, связанной с крепостью, и сир не может принимать решения, не советуясь с ними. Воины помогают сиру упрочить власть. Я разделяю мнение П. Боннасси о том, что сеньория представляла для крестьян двойное бремя, ибо они становились жертвами набегов, которые совершали для их устрашения воины замка. Такие набеги на языке того времени называли «кавалерийскими наездами», «кавалькадами» — их участники были конными воинами. Именно положение всадников отличало этих воинов от простонародья, которое они подавляли, устрашали, будучи солидарными с сеньором. Солидарность проявлялась и при поражении. Не были редкими случаи, когда победитель, взявший крепость, не только сжигал ее укрепления, но и уничтожал ее гарнизон, предавая смерти всех воинов замка или же ослепляя их, или отрубая правую руку.

Эти грубые люди беспрестанно соперничали между собой. Живя в одном помещении, как монахи, они испытывали друг к другу одновременно и приязнь, и ненависть. В этом помещении они спали, сюда заносили столы, превращая общую спальню в трапезную. Постоянный гарнизон крепости получал время от времени подмогу от других конных воинов, которые также были связаны с этой крепостью, но проживали в своих собственных домах, находившихся чаще всего на территории, непосредственно подвластной сеньору, а иногда и за пределами этой округи. Вот как около 1025 года была организована охрана графского замка в Вандоме. В апреле и в мае (эти месяцы отличались особой военной активностью, на каменных календарях, высеченных на порталах больших церквей, их изображали в виде вооруженного всадника, гарцующего среди деревьев с молодыми листочками) замок сторожит сам граф вместе со своим «ближним кругом» (т.е. людьми, делящими с ним кров и стол); но в остальное время гарнизон крепости составляют «воины» другого рода. Их называют тем же латинским словом — *miles*, но на этот раз не применительно ко всей группе. Это уже личное звание, которое судейские писцы, стремящиеся обозначить социальную принадлежность свидетелей, записывают вместе с именем собственным. Звание такого воина (обычай давать их распространяется в начале XI в.)

уже не походит на кличку, но указывает на место, где находится его усадьба. Хронисты того времени хорошо чувствовали, что существуют две категории воителей: одна — имеющая более высокий ранг, и другая — живущая в тени своего господина. Последнюю составляют *milites gregarii* — рядовые или же «воины второго разряда», второго сорта. Более высокую ступень занимают люди, которые также должны «служить», то есть выполнять свой общественный долг, взяв оружие, охраняя крепость. Но это служба добровольная, привилегию на нее дает происхождение.

В самом деле, благодаря необыкновенно богатым источникам удалось установить, что в начале XI века воины, которые служили в окрестностях Ключийского аббатства, имея личные звания, будучи опоясанными «военной перевязью», знаком достоинства, происходили из тех крупных родственных групп, в которых каролингские короли когда-то находили будущих епископов и графов. После утверждения замковой сеньории эти люди благодаря кровным связям, землям своих предков оказались стоящими над подчиненным народом. Однако они не вошли в число тех, кто смог соорудить в своем дворе собственную «мотту». Поэтому местом их службы была соседняя крепость. Они собирались там в момент опасности. В середине XII века такие люди образовывали небольшие отряды в различных замках Маконнэ, когда в этом краю оказывались шайки разбойников или когда к нему приближалась королевская рать. Если сир поднимал свой стяг, желая защищаться или нападать, эти воины шли к нему на подмогу. Они приходили к нему и на «стаж» («*stage*» — это выражение той эпохи), оставаясь в стенах замка какое-то время. Так, в Вандоме семь воинов «первого разряда» жили в замке поочередно, по месяцу каждый, в течение «мертвого» военного сезона, в тесном общении с господином. Сир кормил их во время «стажа», одаря милостями. Кроме того, им предназначалась часть поступлений, которые держатель власти получал из различных источников доходов. Часть эта была скромной, но в те времена стоимость дара значила меньше, чем сам дарственный жест. Такое пожалование обозначало привязанность, прикрепленность. В документах, составлявшихся на латыни, ее называют «*fevum*»: «фьеф» (лен, феодал).

В число милитов старшего ранга постепенно вошли некоторые воины замка, которым сир находил жен, предоставлял землю для обустройства, то есть «сажал на землю». Таких людей связывали с крепостью самые прочные узы. Например,

в конце XII века из 55 милитов, прикрепленных к замку Пикиньи, 25 постоянно проживали рядом с крепостью и оставались там на более продолжительную «стажировку». Не происходили ли они из домовых конников, обустроенных таким образом? «Местное воинство», следовательно, не составляли исключительно выходцы из старинной знати. Но обладание привилегиями превращало это воинство в закрытое сообщество. Действительно, его члены благодаря своей службе избавлялись от принуждения и эксплуатации, которые шли из крепости. При этом такое освобождение было благотворным для всего дома милита, для всех тех мужчин и женщин, которые от него каким-либо образом лично зависели. Каждая из их усадеб, окруженных неглубокими рвами, часто с расположенной рядом приходской церковью, представляла собой анклав на территории, подвластной государственной крепости. На милите лежала обязанность поддерживать порядок, карать, наставлять. У себя дома, в своем частном кругу, воин отвечал за спокойствие и правосудие. Над небольшим обществом людей, лично от него зависимых, он имел такую же власть, какой обладал владетель замка над крестьянами, постоянно живущими в опекаемой им округе. Пользуясь подобной властью, освобождаясь от уплаты налогов сеньору и участвуя в его доходах, получая от него дары в самой различной форме, все эти воины оказались соединенными в один настоящий класс, который эксплуатировал другой класс, состоящий из работников. Не будучи совершенно закрытым, класс воинов имел наследственный характер, а потому обладал удивительной устойчивостью.

В тех немногочисленных областях, где взору историка предстает более ясная картина, он приходит к выводу, что число привилегированных семейств не возросло на протяжении XI и XII веков, а скорее уменьшилось. Как мне представляется, это произошло в результате того, что семейные отношения стали строиться по примеру отношений между государями, которые основаны на том, что именно государи обладали «честью», публичными функциями. Мы уже видели, что в X веке властная сила государей была неделимой; выпадая из рук предыдущего ее держателя, она полностью передавалась в руки одного-единственного наследника, лица мужского пола. Таковым оказывался старший сын или брат. Для предотвращения разрывов применялись строго выверенные стратегии. Глава дома стремился выдать замуж всех дочерей, чтобы благодаря им, или вернее, благодаря их будущим сыновьям, которые должны

полюбить его как племянники, завязать полезные связи с другими родами. Но глава дома остерегался того, чтобы каждый юноша заключал законный брак. В такой брак мог вступить лишь один из сыновей, за исключением тех случаев, когда кому-либо из младших братьев не выпадал шанс заполучить в жены наследницу имения, в котором ее супруг мог бы обосноваться. Следование этой осторожной практике позволяло из века в век сохранять единство королевской чести, княжеской чести, которые передавались от поколения к поколению по мужской линии на основе единонаследия. Властные функции шателена также представлялись честью. И поэтому тогда, когда обязанности по руководству народом раздробились и распределились по замкам, на замковую округу, оберегая ее целостность, распространились обыкновения; схожие с теми, что были описаны выше. Такие обычаи утверждаются и в домах воинов, которые в качестве держателей фьефов исполняют публичные функции, и мало-помалу — среди воинов, охраняющих дом господина, после того как последний обустроивает их в своем владении. Когда каноник Ламберт из Ватрело рисует в конце XII века свое генеалогическое древо, то основателем рода называет прапрадеда, который являлся воином в епископском доме; и этот воин в самом деле основал свой род, получив от патрона в пользование часть его домена.

Обычаи, ограничивавшие возможности мужчин иметь законное потомство, посеяли в знатных родах семена опасного беспокойства. Брачные отношения большинства зрелых мужчин становились незаконными, умножая таким образом число бастардов. Но не побочные дети были главными возмутителями спокойствия. Большая часть бастардов выучивалась военному ремеслу, и, может быть, они лучше своих братьев, рожденных в законном браке, были приспособлены к жизни в семейном кругу, ничего не наследовали и оставались жить в доме. А законные сыновья и племянники обычно покидали этот дом, вступив в отроческий возраст. Подобно сюзеренам раннего Средневековья, «питавшим» сыновей их верных людей в годы ученичества, подобно князьям, принимавшим в свой двор отпрысков сиров из замков-сателлитов, эти последние брали на такое же обеспечение мальчиков, родившихся в усадьбах «местных воинов». Такая система воспитания порождала одновременно и порядок, и беспорядок. Получив в свои руки оружие, младшие дети не возвращались к родительскому очагу, но оставались в отряде их приемного отца, стараясь верно служить ему в надежде получить из его рук самый драгоцен-

ный дар — супругу и землю для обустройства. Патрон же хотел, чтобы его постоянно и в большом количестве окружали «молодые». Их присутствие служило залогом его силы и его славы. Но одновременно эта многочисленная «молодежь» втягивала его в схватки. Она являлась поэтому мощным источником беспокойства. Слишком большие отряды молодых воинов, отличающихся непостоянством, непомерными требованиями, рвущихся в бой, стремящихся к грабительским набегам, представляют серьезную угрозу миру, который их предводители должны были обеспечивать. Политическая система, установившаяся в ходе кризиса, поразившего Рауля Безбородого, стала источником беспорядка в военной области, который трудно было обуздать. Однако эта система все же имела одно достоинство — она позволяла сдерживать другие силы, столь же взрывоопасные, таившиеся в крестьянстве, рост которого ничем не ограничивался, в отличие от закрытого общества воинов, рыцарей, где такому росту ставила пределы родовая дисциплина.

В глазах людей Церкви, составлявших грамоты в XI веке, структура общества мирян представлялась очень простой. Оно делится на две группы. С одной стороны, военные, служилые люди, *milites* — этим латинским словом передается слово из простонародной речи *chevalier* (рыцарь); с другой стороны, *rustici* — селяне, люди, работающие на полях. Они находятся под началом замка. Ему подчиняются все, будь то вилланы, постоянно живущие в этих местах, родившиеся здесь, или же пришлые люди, принимаемые в качестве «гостей», которые после своего прибытия обязаны «довериться» сиру, совершая ритуальные жесты (историк плохо в них разбирается), либо «чужаки», то есть прохожие люди, которые на время пребывания в округе попадают под покровительство того, кто здесь управляет. Таких людей называют также «бедными», ибо они уязвимы, неспособны сами себя защитить. По отношению к ним хозяин замка должен, как и король, выполнять двойную миссию. Он обязан брать их под свою охрану, в частности обеспечивать «проход» тех, кто пересекает округу, защищать их от местных жителей, готовых все отобрать у путников. Сир должен мстить за бедных людей, если те оказываются жертвами преступления, карать за убийство, за воровство, за похищение людей, за поджог, за прелюбодеяние. Мщение в таких случаях происходит публично, ибо подобные преступления чернят сообщество. Отнюдь не требуется жалоба («воплъ»)

тех, на кого покусились, чтобы виновный стал объектом телесного наказания, был выставлен у позорного столба, подвергся бичеванию или казни через отсечение части тела, повешению. От такого «высокого» правосудия, полномочного выносить смертные приговоры и называемого «кровным» правосудием, не ускользают члены тех семей, жилища которых обороняют поставленные вокруг них рыцари.

В обмен на безопасность, которую обеспечивает хозяин замка, он выдвигает свои требования. Во-первых, он, как и король, ждет помощи для выполнения своих функций. От крепких вилланов (теоретически они безоружны и фактически не носят меч, не садятся на коня, но они владеют другими видами оружия, отнюдь не безобидного; зная живет в страхе перед народными мятежами) он требует сопровождения в пешем строю конных отрядов во время наступательных действий. Но прежде всего сир рассчитывает на участие вилланов в оборонительных работах — на их руки, физическую силу. Именно крестьяне выкапывают рвы, насыпают валы, рубят лес для палисадов и ставят их. Подсчитано, что для сооружения небольшого «форта» 50 человек должны были трудиться в течение 40 дней. Иногда же необходимость заставляла строить оборонительные сооружения гораздо быстрее — за три дня, как повествует история графов Ангулемских; тогда были мобилизованы 700 землекопов, все мужское население охраняемой территории. Именно люди из деревень, разрушая замковые ограждения, помогли Людовику VI сбить спесь с порочных сеньоров. В этом случае чернь совершала богоугодное деяние, благословляемое свыше. Но другие свидетельства заставляют думать, что этим людям чаще всего в сражениях военачальники поручали грязные дела. Во всех хрониках на вилланов возлагается ответственность за гнусные насилия, осуждаемые рыцарской моралью. Если верить придворному летописцу сеньоров Амбуаза, именно крестьяне, мобилизованные для сопровождения отряда воинов, в одной из стычек отрубили голову неприятелю-шателену, хотя этот несчастный находился в родстве с названными сеньорами. Наконец, окрестных жителей заставляли нести дозорную службу в башне. В июне, июле и августе защиту замка в Вандоме должны были обеспечивать жители «бурга». Не потому ли было создано столько таких городков, что сеньоры хотели собрать в нескольких выбранных ими точках бойцов из простолюдинов, обязанных подключаться к военным действиям или же поддерживать их, отдавая сирю часть денег, заработанных на рынке?

В самом деле, первейшим долгом обитателей хижин было снабжение хозяев замка. Поставки назывались двумя словами: *exactio*, не имевшее тогда пренебрежительного оттенка, обозначало «сбор», «изъятие»; *consuetudo* — «кутум», «обычай». Второй термин получает распространение при приближении к тысячному году. В сохранившихся записях, особенно в королевских грамотах, которыми жаловали церковные учреждения и которые подтверждали их привилегии, этот термин встречается большей частью при перечислении льгот, получаемых церквами. Они с успехом добиваются отмены некоторых повинностей, лежавших на людях, которые, как считали эти церкви, им принадлежат. В таких случаях обычаи признавались «дурными» или, что имело тот же смысл, «новыми». Не будем сразу же считать их несправедливыми. Прежде всего очевидно то, что, требуя отмены некоторых сборов, взимаемых другими лицами, епископы, каноники намеревались сами получать такие сборы. Часто церковные учреждения имели свои башни с отрядами воинов. Епископы и каноники хотели бы на законных основаниях облагать поборами крестьян на территориях, находившихся под защитой этих башен, жителей церковных домов, льготы для которых духовенству удавалось сохранить, наконец, людей, находившихся в зависимости от их «семей». При этом содержание поборов не менялось, иногда тяжесть их увеличивалась, в любом случае они собирались более регулярно, ибо церковные сеньории управлялись более разумно.

В самом деле, признание некоторых обычаев «дурными» подразумевало, что существуют и «добрые» обычаи. Само употребляемое для их обозначения слово предполагало согласие людей, с которых взимались сборы, и которые сохраняли память о справедливых обыкновениях. Справедливых потому, что в обмен эти люди получали определенные выгоды. Утверждавшуюся сеньориальную налоговую систему характеризовало равновесие, которое устанавливалось благодаря непрекращавшемуся противоборству между алчностью управителей и сопротивлением управляемых, способностью последних удовлетворять требования их покровителя («испрашивания», как тогда говорили), не оказываясь раздавленными. Анахроничным было бы осмысление сеньории в понятиях угнетения. Нельзя забывать, что в обмен на свой вклад ее подопечные получали выгоды, сравнимые с теми, которых мы ожидаем от современного государства.

Наконец, система изъятий не была создана на пустом месте. Она явилась продолжением той системы, которая с самых

древнейших времен поддерживала государство. Во времена поздней Римской империи «публичные персоны» и сопровождавшие их лица, совершая официальные поездки, имели право на кров и на стол в тех домах, хозяева которых извлекали пользу от этих поездок. Таким образом, в XI, XII веке сир следовал уважаемым традициям, когда он вместе со своими рыцарями, с их лошадьми останавливался на день-другой в крестьянской усадьбе или в городском доме. Это право на «кров», на «приют», на «постой», каким бы стеснительным, разорительным для домохозяев оно ни было, признавалось ими в силу традиции. И возможно, что в те времена предоставление крова являлось единственной формой участия в поддержании общественного спокойствия, которое требовалось от домашних очагов в округе. В позднеримской Империи пользователи дорогами, мостами, водными путями, рынками покупали у тех, кто от имени государства обеспечивал безопасность их передвижения, необходимый для совершения сделок мир, гарантии доброго к ним отношения. Преемниками сборов, которыми облагались перевозимые товары, естественно стали дорожные (или мостовые) пошлины.

Новизна ситуации была в том, что фискальные полномочия из рук магистратов перешли в руки лиц, которые мало на них походили, — превё. Этим приказчикам хозяева замков поручали сбор средств, на которые имели право в силу своей власти, причем посредники оставляли себе долю доходов. Новым явлением стала возрастающая алчность всех тех, кто присваивал себе публичные функции. Для хозяев замков и особенно для их помощников сеньория являлась доходным делом, предприятием. По мере того как существование крестьянских сообществ становилось менее голодным, их защитники стремились извлекать из этого все большие выгоды. Им удалось включить в круг обычаев право *«tailler»* — отрезать, изымать, облагать, которое в словаре той эпохи без обиняков названо правом *«tollir»* — брать столько, сколько заблагорассудится. Такова была цена защиты, и платить за нее приходилось все дороже. Но деревенский люд, вынужденный нести коллективные повинности, сопротивлялся нажиму и смог ему противостоять. Однако в любом случае функция защиты и отмщения включала в себя отправление правосудия, и с незапамятных времен обычай позволял судье в возмещение того ущерба, который нанесен миру, налагать штраф на виновного в преступлении, подвергать конфискации его имущество в случае покушения на жизнь.

Сеньориальные налоги, основанные на обычае, по самой своей природе обладали тенденцией к росту. И они на самом деле становились тяжелее. Но этот процесс явно не поспевал за увеличением числа подданных и за повышением доходности их деятельности. На практике это привело к облегчению налогового бремени. В XII веке крестьянские семейные хозяйства кажутся менее обездоленными, чем в тысячном году. Во всяком случае, описанная система эксплуатации оказала серьезное влияние на экономическое и социальное развитие французских краев. Побуждая крестьян лучше использовать землю и добывать себе звонкую монету, налоговые платежи обусловили сокращение свободного времени работников и включение в торговый оборот излишков продукции их хозяйств. В рассматриваемый период богатства стали значительно быстрее переходить из рук в руки. Источником такого движения в первую очередь оказывалась набожность, побуждавшая людей к пожертвованиям в пользу Церкви во имя собственного спасения; вторым же источником было право на изымание средств для поддержания общественного мира. Это право питало щедрость сеньоров и расточительность их рыцарей. Указанное движение привело также к тому, что эксплуатируемый класс стал более однородным. С одной стороны, благодаря податям, которыми в равной мере облагались все крестьянские очаги, сгладились различия в правовом положении свободных людей и других категорий населения. Как показывают изыскания, в течение XI века выходят из употребления старые термины, обозначавшие рабов. С другой стороны, в первое время груз податей был достаточно тяжелым, чтобы устранить разрывы в имущественном положении тех, кого рыцари без всякого разбора называли словом «селяне». Наконец, благодаря податям образовалась глубокая пропасть между эксплуатируемыми и другими — людьми молитвы, военными людьми, освобожденными от обложений, ибо они несли служебные обязанности, в силу чего каждый из них получал свою долю доходов от этих обложений. Фискальная сеньориальная система обусловила разделение общества на два лагеря. В одном из них люди были солидарны в сопротивлении, в другом царили гордость за свои привилегии, презрение к тем, кто ими не обладал.

Писцы называли округом, «дистриктом» (от латинского глагола *distringere* — принудить) территорию, находящуюся под защитой башни. Действительно, порядок там устанавливался путем принуждения, причем принуждения неумолимого,

когда его объектом являлся народ. Для крестьян, для путников человек, который распоряжался в крепости, был *dominus* — господином. Но в разговорной речи его называли сиром, производным от слова *senior*, что означает самый старший. Этот термин прекрасно определяет другой вид власти — военачальника над своими рыцарями.

Они также испытывали принуждение, но следовали вольному порыву своего сердца. Им полагалось любить человека, который собрал их под своим стягом, как в семье молодые любят старшего. Между господином и его рыцарями должны были бы устанавливаться такие же отношения любви, какие привязывали Роланда к Карлу Великому, Тристана — к королю Марку, племянника — к своему дяде по матери. Такое чувство естественно объединяло людей одной крови, что определяло для их круга особую важность продолжения потомства и брачных союзов. Однако не всех рыцарей округа соединяли узы крови. И тогда необходимое чувство любви порождалось с помощью символических жестов. Совершался обряд усыновления. Рыцаря приглашали преклонить колена, соединить свои руки и вложить их в руки патрона, которому отныне необходимо было выказывать преданность. Но вслед за первым жестом, который символизировал отречение от себя и совершения которого требовали от самых обездоленных в знак их подчинения, следовал другой жест, обозначающий союз. Патрон и рыцарь целовались в уста, дыхание их соединялось, они теперь стояли вместе в позах, выражающих равенство. Участники ритуала оказания чести — принесения оммажа — должны были отныне оберегать друг друга как добрые родственники, помогать друг другу делом и советом. Затем произносилась клятва верности. Вассал — «мальчонка» давал слово сеньору — «старшему», «старику» — сдерживать свой пыл, не предавать его, не причинять ему вреда.

Принятые таким образом — совершенно свободно, «чисто-сердечно» — обязательства основывались на той морали, в которой наставлял будущего вассала тот, кто руководил двором, вместе со своими помощниками, учеными мужами. И когда в XII веке эта мораль выражается уже не только устно, когда она находит воплощение в героических персонажах, которые литература ставит в пример воинам, историк обнаруживает ее несущую конструкцию — лояльность, преданность. Создатели нравоучительных поэм того века, заимствуя у Сенеки и Цицерона понятие дружбы, трудились ради того, чтобы придать больший положительный смысл взаимным обязатель-

ствам сеньора и вассала, которые должны полностью принадлежать друг другу, забывая о себе во имя блага другого. От силы этого императива зависело сохранение мира в среде людей, ездивших на лошадях и владевших мечом, живших за счет того, что они отбирали у черни. Чувство долга должно было иметь достаточную силу, чтобы пресекать раздоры в военном обществе, которое отличали алчность, склонность к насилию, беспрестанно порождавшему озлобленность и мстительность. Хозяину замка постоянно приходилось мирить споривших между собой рыцарей «первого разряда», которые не жили под его крышей. Все они кичились своими знатными предками. Именно благодаря происхождению эти рыцари считались людьми благородными. Благородство обязывает быть добродетельным по примеру предков, но оно и освобождает от любого подчинения. Адальберон Лаонский говорит об этом в своей поэме, обращаясь к королю Роберту: «Людей благородных отличает привилегия — свобода от всякого принуждения со стороны любой власти, при условии, что они не совершат преступления, которое карает королевский скипетр». Неприкосновенность не была полной. Но если королевская власть становится шаткой, как это произошло в XI веке, то кто будет карать преступников, в жилах которых течет голубая кровь?

Поскольку рыцари округа благодаря оммажу становились как бы сыновьями сеньора, на них распространялась его юрисдикция. Этим правом он, однако, пользовался с осторожностью. Иногда сеньор прибегал к магической процедуре «суда Божия» — ордалии, организовывал «баталии», чтобы погасить «смертоубийственную ненависть». Такие «баталии» представляли собой некую узаконенную форму вендетты. Происходила схватка двух противников, один на один, при публике, в огороженном пространстве. Поиск справедливости в данном случае приобретал вид игры, спортивного состязания. В иных же случаях сеньор выступал как посредник, выслушивая друзей каждой из противных сторон. Он был рад, если по достижению договоренности между ними, когда противники в чем-то уступали друг другу, совершался обряд примирения, скрепляемый ритуальным целованием. По существу, вся действенность власти сира зависела от его гостеприимства, застольного общения. Рыцари вели себя более миролюбиво, если они росли рядом с товарищами. Именно поэтому, выполняя клятву верности, воин, который не жил постоянно в замке, должен был приезжать туда на несколько дней по приглашению его хозяина, оставлять там своих сыновей на время их отрочества.

Когда людей войны «оклеточивали», включали в «ячейку», среди них тоже воцарялся порядок. Этот процесс происходил в товарищеских компаниях, участников которых тесно спланивали совместные боевые вылазки, застолья во главе с их патроном. В пирах проявилась прежде всего еще одна его добродетель — щедрость. Расточая милости, сеньор поддерживал преданность своих вассалов, залог согласия. Он был обязан одаривать их всем, что доставляла ему власть. Так он платил за то, что ему служили. Единственный вид ограничения, который терпят рыцари в тесном пространстве округа, проистекает из того, что дар предполагает взаимность. От хозяина башни ждут удовольствий, праздников, жены, средств на обустройство, наконец, фьефа, позволяющего участвовать в доходах от сеньориального хозяйства. В обмен рыцарство помогает сеньору делом и словом. Так удается несколько умерять страсти в дружинах, привязанных к каждой крепости.

Однако удовольствием, которое более всего приходилось по вкусу воинам, были боевые схватки, совместные вылазки, когда одни грабили других, отбирали у них имущество. Таким образом, беспорядок стремился выйти за пределы пространства, охраняемого замком. Нарушителями спокойствия были банды весельчаков, которые время от времени вырывались из каждого замка, подобно всепожирающей саранче. Поэтому для монахов, описывавших происходившее, *militia* — войско — представлялось исчадием зла (от слова *malitia* — зло), а само зло отождествлялось с рыцарством. Чтобы искоренить это зло, недостаточно было крепче держать в руках каждого рыцаря — его уже удерживала «стая», эскадрон, собиравшийся вокруг оборонительной насыпи. Проблему представляли сами боевые отряды, подстрекаемые к грабительским подвигам, к насилию той моралью, которая обуславливала сплоченность их рядов. Такова была коренная политическая проблема, вызванная новым распределением властных сил. Ради ее решения истощали свои силы государи, которым в каждой провинции, в принципе, подчинялись крепости.

Мне представляется уместным рассмотреть здесь, причем подробно, один конкретный случай, опираясь на текст, переписанный монахом из монастыря Сен-Сибар в Ангулеме в середине XI века. Автор этого повествования использует латинский язык, очень похожий на вульгарную латынь, что определяет особую ценность свидетельства; на сей раз мы видим события не глазами интеллектуалов из высшего духовенства. Рукопись принадлежит перу клирика, но клирика домашнего,

выполнявшего мирские и практические обязанности; он стремился излагать факты простым языком, чтобы его могли понять как можно больше людей. Отсюда — бесхитрость, свежесть повествования. Это отнюдь не означает искренности, правдивости: текст содержит неправду, причем очевидную. Но меня интересует то, как люди прошлых времен представляли себе происходившее вокруг них.

Нас осведомляют о распри, которая долгое время разделяла владельца замка по имени Гуго, являвшегося сиром Люзиньяна, и Гильома, представленного здесь в качестве графа аквитанцев, или графа Пуатье. Теперь эти два лица примирились. Гуго вновь стал «человеком» графа и его старшего сына. Последний помогает своему отцу точно так же, как сын короля Роберта — своему родителю. И король, и граф уже немолоды, озабочены преемственностью в предстоящем наследовании. По приказанию Гуго составляется записка (меморандум), которая должна, по его замыслу, быть гарантией выполнения только что заключенного соглашения, но также, без сомнения, открывать возможности для новых разрывов, являться аргументом в будущих торгах. В этой части королевства Франции письменный документ играет большую роль во властных отношениях. Разумеется, главным были жесты и слова, которые совершались и произносились в многолюдном собрании. Но считалось необходимым и, без сомнения, согласным с обычаем начертать на пергаменте слова латинскими буквами, на латыни вульгарной, испорченной ее употреблением за стенами школ и храмов. Документ не датирован. Однако по некоторым надежным признакам можно определить момент его составления: 20-е годы XI века.

Записка освещает отношения между властителем *regnum* — королевства (самого выдающегося из всех, находящихся под верховной властью короля франков) и владельцем одной из крепостей, сооруженных в этом государстве, неподалеку от города Пуатье, резиденции его главы — графа Гильома. Его называют, между прочим, Великим. Я уже говорил о том, как прославляли этого графа придворные летописцы. Адемар из Шабанн заявлял, что он «подчинил всю Аквитанию своей сеньории», что граф Анжуйский «отдался в его руки», что Гильом удостоился милостей короля франков, дружбы императора; в Риме, утверждает летописец, папа приветствовал его, назвав Августом; «и где бы он ни устраивал публичное собрание, всегда он в нем был скорее королем, чем герцогом». Но в документе, который я исследую, Гильом выглядит менее величе-

ственно. Он не держит слова, он лжет, а власть ему удается сохранять в своих руках лишь с помощью уловок и козней. И власть эта на самом деле невелика. Гильом не выполнил свой долг: Аквитания в огне и в крови. Продолжают калечить людей. Поджоги, грабежи, раздоры стали привычными.

Объектами раздоров, нападений являются расстроенные элементы прежней политической системы. На них должен был бы покоиться мир, поддержание которого — долг государя. Таких элементов три: «фиск», то есть публичный домен, общественное достояние; «честь», то есть функции, которые выполняют виконты, а также сеньоры замков; наконец, «замок». Последний термин отражает реальность, которую два других в какой-то мере скрывают. Именно крепости и окружающие их территории являются ставками в распрях, раздирающих Аквитанию.

Анализируемый текст ясно показывает, что представляет собой замок — *castrum*. Это совокупность оборонительных сооружений, вооруженных всадников, размещенных в них, узаконенных поборов (*rectitudines*), обременяющих безоружный народ. Стоимость всего этого комплекса внушительна. Ущерб, который нанесло вражеское вторжение округе лишь одного замка в Конфолане, оценивается в тексте (который, правда, завышает размер убытков) в 50 тысяч су, целую гору небольших монет из почерневшего серебра. Но это богатство ненадежно. Крепость легко уничтожить огнем. Иногда, правда, он не может одолеть ее более прочное ядро, которое, очевидно, составляют сооружения из камня. Так, в Конфолане «старый замок» выдержал нападение, но «частоколы», палисады, окружающие двор, неприятелю удалось разрушить. Отряд воинов не менее уязвим. Гуго захватывает один из замков, не повреждая его, приказывает сбросить с высокой башни всех защитников, очищая таким образом место. Виконт Туара, предав огню другой замок, не убивает его рыцарей, а приказывает отрубить каждому из них кисть руки. Несомненно, он был разгневан, но, во всяком случае, действовал нерасчетливо. Когда Гуго из Люзиньяна берет реванш и пленяет 43 рыцарей этого виконта, он проявляет большую рассудительность. Рыцари объявляются заложниками, выкуп которых, по расчетам Гуго, должен принести ему 40 тысяч су — сумму, равную или почти равную тому богатству, эксплуатировать которое помогал отряд воинов. Сам по себе замок не представляет большой ценности, она не больше той, которую имеют хижины, где живут крестьяне-арендаторы. Он столь же хрупок, как и эти хижины, обладает ценностью лишь тогда, когда «наполнен», «оснащен»,

то есть если в нем стоит гарнизон. Замок можно быстро разрушить, быстро «наполнить», вновь отстроить. На еще дымящихся развалинах, на том же самом месте победитель сразу воздвигает новую крепость или, по крайней мере, пытается это сделать. Иногда — безуспешно. Имеются свидетельства о начатых постройкой, но так и не достроенных замках. Как кажется, это объясняет многочисленность «могт», остатки которых были обнаружены археологами. Во всяком случае, опоры старой политической системы — то, что по-прежнему рассматривается как фикс или как почетные функции, — все это беспрестанно переходит из одних рук в другие. Идет игра — бурная, жестокая. Кто же главенствует в ней?

Не следует доверяться первому впечатлению от нашего знакомства с графом аквитанцев, что его коварство происходит от бессилия. Именно этот «будто бы король» ведет игру, во всяком случае, довольно часто. Действительно, усобицы малопомалу утихают. Термин, который чаще всего употребляется в этом пространном повествовании, — «окончание», «прекращение». *Facere finem* — «покончить с этим» — с наездами конных отрядов, с грабежами. Призвать людей, вызвать их на разговор друг с другом, полюбовно решить их споры. Употреблять не меч, а слова, договариваться. Появляется и очень древнее слово *placitum* (судебная ассамблея), которое напоминает о том, как когда-то все вельможи Священной империи собирались вместе, вокруг Карла Великого, вершившего суд ради восстановления мира. И действительно, мы видим, как граф Гильом периодически направляется в окружении многочисленных помощников к границам территории, на которой он правит. Там он вместе с соседними государями обсуждает спорные дела. Гильом встречается в Блай (на Жиронде) с гасконским князем Санчо, на северной границе — с Фульком, графом анжевенцев. Это — встречи ради дружбы и примирения в «пограничьях». Но и внутри своего герцогства граф Пуатье выступает как великий миротворец. Тем, кто оспаривает друг у друга право распоряжаться в каком-либо замке, граф первоначально навязывает «перемирие». Благодаря «перемирию» на три дня приостанавливаются военные действия между Гуго из Люзиньяна и Бернаром Маршским. В следующие две недели достигается решение о прекращении боев, и сам граф «берет за правую руку» двух противников, заставляет их совершить рукопожатие, в соответствии с ритуалом, странно напоминающим тот, которому следуют на помолвке, предшествующей свадьбе.

Вообще, «окончание» — это пакт, заключенный между двумя примирившимися сторонами. Часто употребляется также слово *conventum*, означающее договор, основанный на «дове-рии». Документ подкрепляют гарантии. Так, епископ Ангулемский принимает на себя обязательства в связи с первым соглашением, достигнутым между Гильомом и Гуго, подтверждая: «Он увидел, он услышал, он поцеловал руку графа» — руку, держащую меч правосудия. «Увидеть», «услышать» и «исполнить» (как тогда выражались) означало присоединиться к обязательствам сторон, обещать военную поддержку той из них, права которой будут ущемлены. Другую форму поддержки соглашения выражает слово «залог». Если предметом спора является замок, то таким залогом могут быть охраняющие его конные воины, которые, как мы видели, имеют рыночную стоимость. Закладываться может также имущество, вплоть до фьефа. Но каковы бы ни были предоставленные сторонами соглашения залогов, на исключительное распоряжение ими претендует государь как хранитель всеобщего мира.

Разумеется, граф не в состоянии следить за соблюдением всех соглашений. Главари военных отрядов часто договариваются за его спиной. Какое-то количество «прекращений» «совершается» без всякого его участия; некоторые разбирательства, которые он организует, кончаются безуспешно, приводя участников «в гнев»; все они «в печали» возвращаются к себе домой. Очевидно, однако, то, что государь способен расстроить соглашения, которые заключены без его ведома и которые его стесняют. Но поразительно то, что государь по-прежнему является центральной фигурой в деле умиротворения. Вокруг него веют вихри нападений и ответных атак. Государь отнюдь не в силах с этой стихией совладать, но и она не может его поглотить, он остается на поверхности.

Граф сохраняет также значительные права на укрепленные места. Он обладает властью государя именно потому, что распоряжается крепостями, «милостиво» раздавая их, демонстрируя щедрость, на которой основывается его сила, точно таким же образом, каким граф отдает на попечение своим «друзьям» вдов и сирот покойных обладателей «чести». Функции виконтов ныне не существуют отдельно от крепостей, граф предоставляет их в пользование, и только в пользование. Тот, кто желает воздвигнуть на развалинах крепости насыпь, должен, в принципе, получить согласие графа. Власть графа оказывается выше власти наследников; только «по его милости» племянник может реализовать права на замок, которым владел его

дядя, и при передаче наследства граф удерживает свою долю. Гильом широко использует возможность брать себе часть наследства, ибо его пугает перспектива сосредоточения в одних руках целых созвездий замков, получаемых по наследству или иным путем. В меру своих сил граф разделяет, дробит наследства. Нередко просители получают от него лишь части замкового комплекса. Есть ли у сына уверенность в том, что именно к нему перейдут все те права, которыми обладал его отец? Если верить Гуго, то его обездолили, отобрав кое-где какие-то доли отцовского достояния. У такой политики графа имеется обратная сторона: ущемление наследников порождает обиды, возбуждает новые притязания. Замок становится «яблоком раздора». В бесконечных спорах сталкиваются, с одной стороны, те, кто получил замок в пользование от государя, с другой — те, кто заявляет: «когда-то этим замком владел один из моих кузенов», с третьей — «люди замка», у которых также есть что сказать. Они делают выбор среди конкурентов, и башня передается в руки одного из них. Государь сохраняет властную силу, унаследованную от старой системы, но эта сила оспаривается. Ее можно применять, лишь лавируя. Гильому приходится искать подкрепление в иной сфере, в обычаях частной жизни. Он обращается к отношениям личной зависимости. Вот что ведет к другой политической системе — той, которую мы называем феодальной.

Документ, дающий пищу для размышлений, был составлен потому, что Гуго из Люзиньяна только что вновь признал: он — «человек» графа аквитанцев. *Ното.* Заметим, что писец выбирает отнюдь не этот термин, когда говорит о воинах, находящихся в распоряжении владельца замка, фьеф которого они с ним разделяют. Он называет их словом «вассалы». Для обозначения отношений между господином и государем скриб считает необходимым использовать иной словарь, ибо эти отношения имеют другую природу. Судя по его рассказу, связь между господином и государем представляется очень крепкой (но повторю, рассказ лукав, ибо в нем выпячиваются факты, оскорбительные для Гуго, чтобы оправдать его прошлый мятеж и, может быть, будущие возмущения). Прочность эту обуславливает чувство, которое автор текста в одном месте называет «дружбой», в двух других — «любовью». «Человек» является «другом», добрым другом сеньора. И одновременно — «верным человеком» сеньора. Взаимная приязнь порождает взаимные обязательства сторон. В записке, которую заказал Гуго,

упор делается, естественно, на обязательства патрона, который также должен блюсти верность. Если он что-либо обещает, то как «сеньор должен приходить на помощь (*adjuvare*) своему человеку». Через эту невнятную латынь просвечивает мысль о верности как высшей ценности; она связывает сеньора и его друга намного прочнее, чем каких-либо других людей; верность проявляется прежде всего по взаимной помощи. Однако при ее оказании стороны не равны. На добросердечие «сеньора» «человек» отвечает самоотречением. Он более не хозяин самому себе, он принадлежит своему сеньору. «Ты есть мое (или, скорее, «ты есть от меня» — *ex te*: не проглядывает ли здесь идея родства, отцовства?), ты есть мой, дабы исполнять мою волю», — обращается граф Гильом к Гуго, и на протяжении всего рассказа последний заверяет графа в своем полном ему подчинении. По словам Гуго, он всегда покорялся, несмотря на свою горечь, печаль, несмотря на то, что чувствовал себя обманутым: «Я во всем тебе доверился», «Я нес службу».

Гуго соглашался, в частности, быть человеком других сеньоров, хотя это ему претило; но он испытывал давление Гильома, который говорил ему: «Ты настолько принадлежишь мне, что если бы я приказал тебе сделать сеньора из крестьянина, то ты должен был бы это сделать». Гуго из Люзиньяна предстает здесь фактически как человек, служащий трем другим сеньорам — графу Анжуйскому, епископу Пуатье и графу Маршскому; у двух последних он был временным пользователем части одного из замков. Представляется прежде всего, что обязательства одновременно по отношению к двум, трем, четырем сеньорам были взяты по инициативе графа аквитанцев. И дело здесь не в том, что этот государь пошел, скрепя сердце, на раздел дружбы. Граф вынудил того, кто его «любил» (причем заставил с трудом — в одном случае Гуго сопротивлялся целый год), «любить» еще и другого. Можно предположить, что сиру Люзиньяна отводилась роль, подобная роли пешки в шахматной игре; Гильом продвигал своего человека на территорию, подчиненную тому или иному его сопернику — епископу, графу, носителем власти такого же уровня, как и его собственный. С помощью Гуго Гильом получал доступ к той или иной крепости, ранее для него недосягаемой; он действовал точно так же, как отец, который отдает свою дочь замуж в тот дом, где намерен укрепиться. Отмечу далее, что дополнительные обязательства носят такой же принудительный характер, как те, которые ставят Гуго в зависимость от Гильома. «Ты есть от меня», — обращается граф Анжуйский к Гуго,

желая помешать ему захватывать все то, что тот не получил «в знак милости». Таким образом, в данном случае оммаж дается в обмен на «благодаяние».

В самом деле, любой сеньор обязан «совершать благодеяния» для своих людей, что практически означало — женить их, «доверить» им какую-либо «честь», какой-либо «фиск». Без щедрости нет служения. Имея под своей властью крепости, граф Пуатье должен их раздавать в пользование, по крайней мере, обещать это и держать свое слово. В противном случае эти крепости у него возьмут силой. Злейшими врагами сеньора оказываются его «друзья», если им приходится слишком долго ждать милости, если они разочарованы и начинают чувствовать себя жертвами предательства, обмана. К их числу относится и сир Люзиньяна, который, по его собственному признанию, мало-помалу начал «сомневаться в графе из-за всего того коварства и зла, жертвой которого он столь часто оказывался». Граф постоянно нарушает слово, «которое сеньор должен своему человеку», ибо он не в состоянии без конца раздавать замку или доли замков. Именно поэтому Гуго чувствует себя обманутым. Гильом не пришел к нему на помощь, когда рыцари замка Сивре, на который Гуго заявлял свои права, полностью сдали его графу Маршскому; «сеньор, которому он доверился по совету графа Пуатье, отобрал от него его фиск». Гуго разорвал связь с этим сеньором, он отдает себя в руки своего первоначального господина, желая вернуть утраченное. Однако этому государю не остается ничего другого, как только мирить двух конкурентов, но согласие между ними длится недолго: сир Люзиньяна атакует укрепления, которые держит Бернар Маршский, сжигает их, а затем обращается к Гильому за разрешением их «восстановить». Между тем этот замок находится под властью графа Анжуйского. Гильом вновь проявляет осторожность, приказывая Гуго оставить замок. Следуют длительные переговоры, даются обещания, возникает подозрительность: «Ты уже мне много наговорил, мой господин, и ты меня обманул»; «Не причиняй мне зла, иначе я не буду более твоим верным человеком, я не буду более служить». В конце концов Гуго уступил, вывел из замка своих воинов, стоявших там гарнизоном. Но одновременно счел себя свободным, полагая, что поскольку ему не была оказана помощь, то его более не связывает клятва верности, данная герцогу Аквитанскому. В руках этого государя фьеф спорного замка являлся «залогом», гарантией на тот случай, если сир Люзиньяна захочет избавиться от службы и под его началом.

Однако мне представляется очень важным то обстоятельство, что Гуго сразу же высказал желание вновь связать себя обязательствами, снова служить государю. Я вижу в этом доказательство авторитета, который тот сохранял. Представлялось ненормальным положение, при котором человек никак не зависит от князя. Княжество, как и все королевство Франции, продолжало жить. И держалось оно благодаря всеобщей убежденности в том, что те, кто командует в крепости, являющейся публичным устроением, должны быть каким-либо образом привязаны к главному охранителю общественного мира. Но в качестве условия своей службы сир Люзиньяна потребовал дополнительных благ. Выступая с позиции силы, граф ответил ему отказом: «Если бы мне принадлежал весь мир, то и тогда я не отдал бы тебе даже того, что могу удержать одним мизинцем». Последовало испытание сил, а затем торжественно обставленный разрыв, представление, устроенное в графском дворе, в Пуатье. Гуго явился туда, потребовал от сеньора признать справедливость своих прав, но ничего не добился. Тогда в присутствии всех собравшихся «слушателей» (ибо речь шла о словах, а не о жестах) он «бросил вызов графу». Гуго уточнил, однако, что он «не покушается ни на его ситё, ни на его персону». Надо понимать, что Гуго не намеревается восстать против общественного порядка. Как кажется, он хочет оставаться верным государственному делу, которому обязан служить как «гражданин», зависящий от города Пуатье; эта верность требует не наносить телесного вреда главному миротворцу. Разорвана лишь связь частного характера. Удержался костяк публичного права, которое отнюдь не исчезло. Но для «любви» уже места не было. Служение исчезло, пришла его противоположность — враждебность. Однако эта враждебность не выходит из рамок частной сферы. На это четко указывает применяемый термин — *werra* — война, «частная (усобная) война». «Во имя» такой войны Гильом приказывает отобрать от вассалов Гуго ту часть общественного достояния, которую они имели в качестве фьефов, а сам Гуго, захватив плохо охранявшуюся крепость, получил возможность вступить в переговоры. И вот оружие отложено, начинается словесный спор, похожий на многие другие разбирательства. На этот раз граф является одной из спорящих сторон. Предметом переговоров становится дар, сделать который необходимо.

Гуго желал получить все — и «честь» своего отца, и ту долю только что захваченного им замка, которой владели его родные, и другой замок, ранее им самим захваченный и сожжен-

ный, а позднее отобранный у сира Люзиньяна графом Анжуйским, и, наконец, всю «честь» своего дяди, подаренную ему этим графом, но потом, без сомнения, взятую назад. Граф же ничего не хотел уступать, за исключением «честь» дяди. Диалог (в том виде, в каком он нам передан) весьма поучителен. Он показывает, к каким уловкам прибегают участники спора, чтобы удовлетворить свои аппетиты, как они их скрывают, используя в качестве ширмы обращение к морали. Гуго говорит: «Я боюсь того, что ты причинишь мне зло, как ты уже делал много раз». Гильом: «Я тебе даю «заверения», чтобы ты меня более не опасался». Гуго: «Ты есть мой сеньор, я не приму от тебя «заверений» (ибо его связь с графом имеет другую природу, и не подобает эту связь поддерживать с помощью формальных гарантий, которые включаются в соглашения более низкого порядка, но не создают отношений любви), я отдаюсь на милость Божью и на твою». В конце концов Гуго, прекрасно играя роль блудного сына, умоляет лишь о том, чтобы «на этом Святом Распятии с Иисусом Христом» граф поклялся не наносить ему никакого вреда. Заключенный сторонами договор содержал такие положения: «Граф и его сын дают Гуго слово не чинить ему злого умысла; они будут принимать его как своего человека, веря и доверяя ему; они решили оставить за Гуго все то, что он испрашивал; а он поклялся им в верности, и они передали ему честь его дяди в том виде, в каком он пользовался ею за год до своей кончины». На этом текст обрывается. Ясностью он отнюдь не отличается, но позволяет высветить четыре черты.

Замки оберегают весь порядок, но сами они включены в сите, являются частью того, что очевиднее всего сохранилось от былых государственных структур. А хранители замков обязаны питать по отношению к государю чувство преданности, государственной преданности, если можно так выразиться. Их обязанности рассматриваются в качестве «честь», а то, что даровано им в замке, — в качестве «фиска».

Напротив, помощники этих хранителей, называемые «васалами», являются пользователями (концессионерами) фьефа. Посредством его они участвуют в отправлении принуждающей власти, которая исходит от башни, а также в доходах, получаемых благодаря этой власти. В документах того времени упор делается на частный характер отношений зависимости, завязывающихся вокруг каждой крепости.

Беспорядок же происходит из-за того, что граф, наследник «княжеской мощи», вынужден считаться с конкурентами —

епископами и соседними графами, готовыми покуситься на его территорию. Предмет особого беспокойства — «верные люди». Они оспаривают друг у друга замки, вступают в яростные схватки, которые прерываются лишь на время, благодаря соглашениям, основанным на «заверениях». Выступая как верховный хранитель мира, граф стремится поставить под свой контроль эти недолговечные договоренности. Он желал бы, чтобы все мирные соглашения заключались в результате разбирательства, куда он сам приезжает и где председательствует, он хотел бы, чтобы стороны следовали этим соглашениям. Но именно последний пункт оказывается слабым. Навязываемые графом «прекращения» не становятся таковыми.

Граф пытается исправить ситуацию, опираясь на личную преданность, собирая вокруг себя обладателей «чести» — подобно тому, как вокруг последних собираются «рыцари замка». При этом подчеркивается различная природа связей. В первом случае речь идет об отношении, укрепляющем гражданскую преданность с помощью «любви». В числе «людей», которые его любят, граф «принимает» того или иного владельца крепости. Отдаваясь в руки своего государя — графа, владлец крепости отныне привязан к нему, как сын к отцу. Но такой дар обязывает государя к взаимности, к «благодеяниям». Все покоится на «доверии» (*credentia*), человек сеньора должен верить в него, в его щедрость. Он ждет, он охвачен желаниями, он становится все более ненасытным. Как утолить эту жажду? Ведь ни в чем нет определенности — ни в служении, ни в его цене. Поэтому сеньор постоянно становится жертвой обвинений в «злом умысле», ибо он запутывается в своих обещаниях, бессилён полностью их выполнить. В отношениях такого рода ложь неустранима. Очевидно, государь еще способен удерживать всех в «ежовых рукавицах». Гуго, желавший получить все, почти ничего не добился. На какое-то время его удовлетворит немного. Но составленный по приказу Гуго документ заставляет думать, что он таит надежду в один прекрасный день добиться большего и будет тогда обвинять графа в обмане.

Таким образом, налицо тенденция замены былой публичной организации отношениями, основанными на привязанности. Они лишены той прочности, которой обладала публичная организация. И тем более им не свойственна сила, объединявшая рыцарей и их господина в замке. Для восстановления порядка необходима была кодификация складывавшихся отношений. Именно потому Гильом Великий в те годы обратился к одному

из самых опытных законников — к епископу Шартрскому Фульберту. Выбор пал на епископа, что было естественным по двум причинам. Во-первых, потому, что отношения доверия между господином и его человеком строились на клятве, то есть на сакральном акте. Во-вторых, потому, что Церковь жила «по закону», управлялась в соответствии с писанным правом, которое быстро совершенствовалось. Выполняя заказ, ученый опирался на «авторитет книг», однако то были не сборники по каноническому праву, но, как показал С. Кароччи, произведения Цицерона.

В чем заключается долг «верного человека», который поклялся быть преданным своему *dominus* — господину? — Ни-коим образом не причинять ему вреда. Епископ использует шесть взятых у Цицерона понятий для определения того, что оберегается благодаря верности от любой «вредоносности». В первую очередь, это личная неприкосновенность сеньора, затем следуют: его «тайна» (то есть частная жизнь его дома); замки, с их помощью он себя защищает, он держит их в своих руках (именно этот пункт сир Люзиньяна соглашается соблюдать, когда разорвана его частная связь с господином; но государственную преданность он все же сохраняет); далее следуют: право сеньора вершить суд, дела, затрагивающие его честь, его владения, наконец, задуманные им предприятия. Верность оказывается не чем иным, как клятвенным ручательством обеспечивать безопасность. А безопасность включает в себя все те элементы, которые содержатся в еще сохранившихся на пороге XI века осколках прежней политической системы. Однако Фульберт дополняет понятие безопасности новым позитивным содержанием. Если сеньор обустроил, «посадил на землю» своего человека, то последний должен не только воздерживаться от причинения зла господину, но и совершать добрые дела, дабы быть достойным благоденствия. В соответствии с шестью перечисленными статьями он обязан оказывать сеньору поддержку словом и делом (именно это подразумевал Гуго под «служением»), при условии что сам сеньор (вот чего требовал Гуго) на все ответит взаимностью. В противном случае сеньор окажется человеком «недобросовестным», имеющим преступные намерения. Но еще более преступен «обустроенный» человек, если он не исполнит свой долг; его называют предателем, клятвопреступником. Действительно, сеньор только обещал, человек же давал клятву. Как нарушитель клятвы он подлежит наказанию, налагаемому по «божественному закону».

Епископ Шартрский не преминул вспомнить об интересах Церкви. По его мнению, церковное правосудие могло бы рассматривать и случаи клятвopреступлений. Подобно тому, как Церковь стремилась решать брачные дела, ей следовало бы заниматься конфликтами между противостоящими светскими силами. Но особенно Фульберт настаивал на необходимости заменить неустойчивое взаимодействие морали, основанной на родстве, и обязательств, вытекающих из клятвенного обещания, системой, которая была бы санкционирована законом. Это предложение как бы переворачивало составляющие, которые должны были войти в новую систему. Фульберт делает упор на характеристике, которая лишь смутно видится в записке, заказанной Гуго из Люзиньяна, а именно: только благодеяние или, точнее, обустройство на земле сеньора создает обязательство служить ему, любить его. То есть отныне основанием службы и любви является не дар, который только лишь обещан, но реальное предоставление благ, позволяющих человеку осесть на земле, обзавестись хозяйством. Обзаведение отличается от фьефа, представлявшего собой лишь участие в доходах от властного принуждения. Именно благодаря названному переворачиванию вырисовывался феодализм, настоящий феодальный порядок, при котором передача какого-либо блага в пользование неразрывно связана с принесением присяги на верность и оммажа, делающим фьеф главным элементом.

Такова была модель, представленная князю ученым мужем. Предлагалось перейти от доверия, от упований к пожалованиям, создающим положительные обязательства, от преданности — к феодальному принципу, от импровизации — к системе. Но для исполнения этого плана на практике нужны были время, длительное самообучение. И особенно необходимо было согласие государей на то, чтобы «обустройство», предоставление фьефов в обмен на службу пришло на смену той «чести», которой их предки когда-то наделяли предков сегодняшних верных людей.

Благодаря сведениям, почерпнутым из пуатевенского документа, мы можем лучше понять, как осуществлялась в те времена княжеская власть на французском пространстве. Везде она сталкивалась с одной и той же проблемой: удержать замки. В некоторых провинциях власть государей была крепче. Таково было положение в графстве Фландрии, краю диком, где укоренилась франкская система. Здесь в каждой крепости имелся шателен, зависимый от графа, который время от вре-

мени останавливался поблизости от башни. В отсутствие графа шателен председательствовал на судебных собраниях, в которых, как и в каролингские времена, участвовали свободные люди, так называемые эшевены — должностные лица. Все воители края собирались в один отряд, сопровождая графа во время его выездов за пределы своих владений. В пограничьях Фландрии ее государь получал знаки признания своего верховенства от подвластных ему графов, таких, например, как граф Гина.

Похожей была ситуация в герцогстве Нормандии. Дудон прославил порядок, установленный Роллоном и оказавшийся устойчивым. Роллон учредил «бан» (*ban*). По объяснению Дудона, «бан» — это «запрет». Этим словом обозначали санкции, которые епископы накладывали в своих округах на нарушителей мира. Таким же образом стали наказывать людей, нарушивших общественный порядок, — их изгоняли из общины, объявляли вне закона, ставили вне общества. Мера оказалась действенной, прекратились грабежи. Герцог пожелал лично в этом убедиться: он приказал вечером оставить в чистом поле плуги, дабы удостовериться в прочности мира в герцогстве. На весьма обширной его территории представители герцога — виконты — подчинялись ему точно так же, как шателены во Фландрии подчинялись ее графу. Что касается знати, «первых лиц», то их привязывало к государю «клятвенное слово и добровольно протянутые просительно сложенные руки». Однако порядок установления нарушался распрями, которые вспыхивали там, где должна была бы царить самая тесная дружба, — в родственном окружении государя. Это окружение было слишком многочисленным, ибо вожди скандинавских викингов имели по несколько жен. Испытывая ревность к тому, кто станет единственным наследником, его братья, дядья, кузены объединялись, чтобы занять освобождающееся место или захватить часть наследства. Герцогская власть оказывалась в кризисе. Самый тяжелый из них разразился в первой половине XI века. Вильгельм, равно как и его предшественники, не был рожден в законном браке, он был бастардом. Однако Церковь стала осуждать внебрачные связи «на датский (т.е. скандинавский) манер». Незаконнорожденность Вильгельма на самом деле была использована как повод, чтобы оспорить его право на наследство. Будущий герцог оказал сопротивление, опираясь на очень сильный замок — в Кане. В споре с его родней Вильгельма поддержал король Франции, который был рад тому, что может упрочить свой патронаж над одним из госу-

дарей, а также новые люди, составлявшие собственную клиенту герцога. Вильгельму удалось обуздать виконтов, восстановить гражданский мир, щедротами привязать к себе воинов. Платой за эти благодеяния было служение герцогу с оружием в руках, в кольчуге, в добрых доспехах. Ради окончательного утверждения своей власти герцог отправился завоевывать Англию. Он бросил клич «молодым», причем не только в Нормандии, но и во всех краях по берегам Ла-Манша, поднял папский стяг как рыцарь Божий, оберегаемый святыми реликвиями. При Гастингсе Господь даровал ему победу, полную победу; соперник герцога был убит, а сам он стал королем земель по ту сторону пролива. Там государь расселил своих друзей, добыл немало денег. Их оказалось довольно, чтобы построить в Кане два прекрасных монастыря, один — мужской, другой — женский. Они должны были стать знаками благодарности Вильгельма за милость небесную, а также искупления за кровосмесительный грех, в котором его обвиняли строгие клирики. Кроме того, добытые деньги позволяли проявлять щедрость, удерживать таким способом местную знать. После смерти Вильгельма между его сыновьями вновь вспыхнул спор. Верх в нем взял в конечном счете самый младший. Он добился на съезде всех знатных людей нового одобрения старинных положений, которые недвусмысленно запрещали возведение частных замков: установление контроля над системой замков представлялось первостепенной задачей.

Княжеская власть в Анжу также оказалась прочной, ибо ее граф ставил каменные крепости и устраивал успешные военные походы на бретонцев, нормандцев, франков и готов. Таким же образом действовали граф Барселоны, граф Арля, герцог гасконцев, выводявшие все конное войско на грабежи в соседние пределы, сохраняя в самом княжестве полную власть. Сила властителей жиддилась на угрозе: ведь враг стоял у границы, и он мог вторгаться на его землю, чтобы возвращаться с добычей, предназначенной для щедрого раздаривания. Государь, перед которыми открывались ворота замков, появлялись на угрожаемых границах королевства в приграничье как завоеватели или как освободители «отечеств».

Государь глубинной Франции, такие, как герцог аквитанцев, пользовались, конечно, большим уважением. Они были связаны кровным родством с императорами, с великим блеском совершали дальние паломничества, собирали вокруг себя других государей на пышные церемонии по случаю обретения или перенесения славных реликвий, приглашали на церковные со-

боры епископов, делали щедрые пожертвования на украшение святых мест. На огромных пространствах они с охотой выполняли свои миротворческие властные функции, внешне напоминая те, которыми обладали такие властители, как Карл Лысый или Оттон III. Можно задать вопрос: а не позволяли ли эти государи, переезжая из замка в замок, обманывать себя подобным великолепием, забывая о том, что надо прежде всего утвердиться на местном уровне? Фактически их властная сила распалась, и независимость крепостей заставляла юрисдикцию князя и юрисдикцию графов, его подчиненных, по выражению А. Дебора, «съезжаться». Продолжалось раздробление «бана» — права вершить суд. Это ясно просматривается на юге бургундского края. В начале XI века граф Макона, член очень древнего рода герцогов Бургундии, уже в течение некоторого времени не имеет верноподданнической связи с герцогом. Но именно в этот период сиры замков перестают приезжать на съезды, на которых герцог разбирает споры, и поэтому решения съездов уже не действительны. 50 лет спустя в руках у графа остаются лишь ниточки и узелки той пространственной сети, на которую распространялись его мироохранительные полномочия. Такими узелками и ниточками являлись городские цитадели, источники его власти, старинные дороги, вернее, то что от них сохранилось с римских времен, несколько мест сбора дорожных пошлин, несколько башен, разбросанных тут и там. Владельцы главных крепостей сами вершили правосудие, выступали посредниками в спорах между своими рыцарями, а их приказчики-прево судили бедняков в свою пользу. На южной границе графства, которая являлась также границей королевства, господин замка Боже завершал создание небольшого княжества. Оно, не в пример другим, не было разодрано на части и поэтому его ожидало блестящее будущее.

Сходный процесс разъединения наблюдается в герцогстве Франции. Роберт Благочестивый рассуждает вместе с императором о всеобщем мире. В то же время на территории, унаследованной Робертом от своего предка Гуго Великого, из-за нерадения и беспечности его потомка усиливается самостоятельность сеньоров башен, некоторые из них присваивают себе графские титулы. Конечно, эти сиры приходят на помощь своему государю, во второй трети XI века они вместе с его родней и старшими слугами образуют самую значительную и самую устойчивую часть королевского окружения. Но в своих собственных владениях эти господа пользуются всеми королев-

скими правами, которые рассматривают в качестве наследственного достояния.

Но как бы далеко ни зашло раздробление власти, всюду сохранялась опиравшаяся на слова, на титулы идея о том, что эта власть носит публичный характер. Благодаря посредничеству графа, благодаря посредничеству герцога она поднимается с одного уровня на другой, но источником ее является Господь, которого представляет на земле король — помазанный Божий. На князей король смотрел как на своих подданных. И они считали себя таковыми, если даже добивались, подобно Вильгельму Нормандскому, короны вне королевства Франции. У этих государей, однако, существовало свое собственное представление о верности. Об этом свидетельствуют два письменных источника, относящихся к тому же времени, что и письмо Фульберта Шартрского, и договор между Гуго из Люзиньяна и герцогом Аквитании.

Дудон из Сен-Кантена был столь же образован, как епископ Фульберт, но являлся ревностным слугой, говорил лишь то, о чем думал его патрон. Дудон рассказывает, как при Руанском дворе представляли себе историю становления отношений, связавших герцога Ричарда Нормандского с королем франков. У истоков этих отношений находилось «благоденствие», хотя оно ни к чему не обязывало. Речь идет о заключенном в 911 году в Сен-Клер-сюр-Эпт договоре, в соответствии с которым король «подарил» Роллону это «королевство» «в качестве аллода навечно». Аллод — это земля, полученная в полную наследственную собственность, свободная от обложений. Конечно, Дудон не скрывает, что в тот момент нормандский князь вложил свои руки в руки короля, однако настаивает на следующем пункте: Роллон отказался встать на колени, как то предписывал обряд, не склонился, а значит, остался свободным. Никакого обещания он не давал. А вот с франкской стороны король и его вельможи поклялись не покушаться на его «жизнь, тело и честь». Мы узнаем здесь слова Фульберта Шартрского, когда он говорил о присяге на верность, которую должен давать сеньору его верный человек. Совершенно очевидно намерение перевернуть отношения: франки берут на себя все обязательства, нормандцы — никаких. Что же касается Ричарда I, внука Роллона, то он, по словам Дудона, распорядился Нормандией «подобно королю, не будучи подчинен никому, а единственно Господу, не служа ни королю, ни герцогу» (франкам, Гуго, отцу Гуго Капета). Нормандия не является фьефом.

Эрудиту на жаловании приходится, однако, отдавать себе отчет в том, что в момент составления его рассказа фактически существует личная связь, привязывающая Ричарда II к королю Роберту. По мнению Дудона, эта связь является продолжением союза, заключенного в прошлом веке, союза свободного, который обязывает лишь поддерживать мир. Вот диалог, сочиненный автором, желающим определить значение договора. Гуго Великий заявляет тому, кто хочет посредничать между ним и Ричардом I: «Не принято во Франкии (один из предметов рассуждений Дудона — включена ли ныне Нормандия в ее состав), чтобы какой-нибудь князь или герцог оставался на своей сеньории, не будучи добровольно или по принуждению привязанным к императору, королю или герцогу. В противном случае его ожидает самое худшее». В этих словах выражено мнение, которое утверждается в начале XI века: княжества являются частями королевства франков, следовательно, их властители должны быть каким-либо образом привязаны к королю. Собеседник Гуго отвечает, что Ричард должен был бы служить королю, но тот его предал: «Лучше было бы, чтобы он тебе служил». Таким образом, все становится на свои места. Князь пиратов соглашается выполнять военные обязанности, служить, занять место в организации общественного мира на том уровне, который ему подходит, непосредственно под началом властителя Франкии, куда включена Нормандия. Следовательно, Ричард вкладывает свои руки в руки Гуго. Этот жест выражает оммаж. Разумеется, сеньор отвечает дарением. Но дарит не Нормандию — Гуго отдает Ричарду в жены свою дочь. Оммаж скрепляет семейный союз, запрещая лишь наносить вред. Правящий ныне герцог дает такое обещание королю, наследнику герцога франков, но делает это «в марке», на границе своего княжества, как равный с равным.

Второй текст выводит на сцену государя менее высокого ранга, не владеющего «королевством». Это граф Блуа, которого король подозревает в неверности и у которого хочет отобрать «честь». Граф отвергает обвинения в свой адрес в письме, составленном, вероятно, Фульбертом. Этот законник и в ситуации, когда шел развал прежних структур, пытается опереться на нормы права. Да, соглашается он, граф нарушил личные обязательства. Но и король Роберт не выполнил по отношению к нему свой долг. С другой стороны, что особенно важно, графские функции не являются таким благодеянием, которое сеньор может взять назад, если ему плохо служат. Конечно, король мог бы лишить графа его прав, если тот повел

бы себя как «тиран». Но ведь тиранства не было. Таким образом, важно не смешивать ни «честь» с фьефом, ни отправление публичных функций с преданностью вассала.

Это письмо датировано 1023 годом. Именно к этому времени, точнее — к 1028 году, Ж.-Ф. Лемаринье относит точку перелома. До этого момента королевский двор (как и во времена великих каролингских съездов, в соответствии с принципами, которые изложил 30 годами ранее Аббон из Флёри) состоял на три четверти из «знатных людей» — архиепископов, епископов, аббатов, князей, графов. После указанного момента доля таких людей при дворе падает до одной трети и остается на этом уровне. Князья участвуют в церемониях миропомазания, чувствуя себя «делателями королей». Но они перестают прилежно приезжать ко двору сюзерена. Почтение, которым тот был когда-то окружен, исчезло. Король уже не может одаривать, от него уже нет пользы. Да и способен ли он выполнять свой королевский долг, поддерживать мир во имя Господне? Разве не утверждают ныне этот мир сами небеса с помощью новых учреждений, которые укрепляются в течение последних пяти десятилетий?

Когда в преддверии середины XI века монах Рауль завершает свой труд, он видит, что вызванная воинами смута утихает. Летописец объясняет это тем, что люди, покаявшись, решили заменить многочисленные и несовершенные соглашения между патронами и их клиентами обширными объединениями, способными утвердить прочный мир. По словам Рауля, «началось это в областях Аквитании, где епископы, аббаты и другие люди, преданные истинной вере, стали созывать весь народ на сборы, куда приносили многие святые мощи и бесчисленные раки с реликвиями». Действительно, инициатива соборов исходила из южных провинций, где короля почти не видели и где распространялось влияние клюнийских монахов. Первые соборы состоялись незадолго до 1000 года в Пюи, Нарбонне, Шарру по призыву «руководителей». Добавим, однако, что к прелатам присоединились светские государи.

Итак, духовные соборы. Их участники выносят в центр тех, на кого отныне возложена высокая миссия поддержания общественного мира, — святых в ковчегах. К ним обращаются как к высшей инстанции, ибо верят в их силу, ужасающую силу. Каждый помнил, как эти святые защищали свое собственное достояние — монастыри, хранившие их мощи, их сеньории. Вот что произошло в Конке. Там рассердили Св. Фуа, и она,

воспылав жаждой мщения, поразила апоплексией, параличом, поносом рыцарей, которым достало безрассудства похитить ее вина, ее баранов. А Св. Бенедикт напустил на грабителей бешеных черных псов. Участники всеобщих соборов призывали великих чудотворцев и малых святых, составлявших их двор, не заниматься исключительно своими делами, но замещать светские силы, не способные восстановить согласие. Как продолжает Рауль, «начиная оттуда, а потом по провинции Арля, по провинции Лиона, а также по всей Бургундии, вплоть до самых отдаленных уголков Франкии, во всех епархиях было объявлено, что в назначенных местах прелаты и знатные люди всего края соберутся на соборы для восстановления мира и для утверждения святой веры». Заметим, что поскольку операцию по восстановлению справедливости брал в свои руки Господь, то осуществляться она должна была в рамках провинций и диоцезов, то есть, совершенно естественно, в границах церковных округов, совпадавших с административными границами Римской империи. Часто соборы проходили на стыках нескольких церковных округов, иногда — на границах королевств, как в Ансе, между Маконом и Лионом, или в Верден-сюр-ле-Ду. А поскольку мир означает возвращение к райскому совершенству, то его восстановление казалось неотделимым от утверждения веры. Прощание с оружием проходило в обстановке всеобщего покаяния. «На этих соборах... все были согласны с тем, чтобы отныне на каждой неделе святыми днями будут пятница — с воздержанием от вина и суббота — с воздержанием от мясной пищи». Среди правил, установленных в 994 году собором в Ансе, было уважение святости воскресного праздника; в этот день запрещалось иметь дело с деньгами, разрешалось «покупать лишь то, что надобно для дневного пропитания». Не случайно на соборах в Бургундии предусматривалось возобновлять обязательства по сохранению мира каждые семь лет. Дело в том, что именно семилетний срок в ритуалах покаяния определялся для очищения от греха смертоубийства, виновные в нем были обязаны в течение этого времени не брать в руки оружие, поститься, не прикасаться к женщинам. Божий народ связали системой коллективного воздержания.

Рауль упоминает также о «статьях, разбитых на главы». Таким образом, «священные обязательства перед всемогущим Богом, которые решено было взять», закрепляются на бумаге, подобно тому, как это происходит на юге Франции при *convientiae* — обмене устными клятвенными обещаниями не на-

носить вреда друг другу. Фактически все, участвовавшие в соборах, приносили клятву, аналогичную той, которую каролингские короли считали вправе требовать от своих подданных. Эта клятва походила и на обет, также облакаемый в письменную форму, который брали на себя те, кто становился монахом Ключийского аббатства. Было что-то монашеское в этих собраниях мира и покаяния. На них давалось обещание «нерушимого мира». Обещание предполагало отказ от мщений. Оно превращало в убежища «святые места всех церквей». В такие «спасенные» места не принимали только нарушителей соглашения, их можно было «оторвать от алтаря», чтобы затем подвергнуть наказанию. С другой стороны, все служители Господа ставились под особую защиту.

Рауль ограничивается этим рассказом. Но благодаря другим текстам можно оценить значение новых учреждений. Они были созданы прежде всего — и это очевидно — в интересах Церкви, чтобы избавить ее домены от подчинения владельцам башен, от поборов, от «дурных обычаев». Из решений собора в Ансе мы выделим те, которые посвящены Ключийскому аббатству, расположенному по соседству. Два ключевых слова этого документа — «замок» и «захват». В решениях запрещается «делать» крепости поблизости от монастыря, «создавать *pote-states*», сеньории; запрещается совершать захваты, причем в тексте уточняется — скота, лошадей. Наконец, запреты недвусмысленно обращены к «сановничеству века», к светским магистратам, к «благороднейшему воинству», к военачальникам и еще более конкретно — к тем, кто отправляет государственное правосудие, кто собирает налоги. Очевидно стремление сдерживать силу, идущую из замков, оградить от нее блага, принадлежащие Господу и его святым, которыми отныне должна была распоряжаться только церковная власть.

В первое время светские государи поддерживали эти требования, ибо монастыри, хранившие останки великих святых покровителей, представляли самую надежную опору их власти, которую подтачивали непокорные шателены. Вот почему Гильом Великий оказался в Аквитании одним из инициаторов движения за мир Божий. Вот почему король Роберт председательствовал на соборах во имя мира в Бургундии, которую он тогда удерживал в своих руках. Вот почему граф Фландрии, герцог Нормандии в своих «королевствах» также председательствовали на таких соборах. Но и тот и другой прочно удерживали крепости в Нормандии и Фландрии. От учрежде-

ний мира Божия они ожидали более жесткого контроля за той частью общества, которая была источником насилий и грабежей, — за военными людьми.

Действительно, запреты специально были направлены против *caballarii*, милитов, рыцарей, против их «спеси», их «разбойничества». В более подробных описаниях прямо называется нижняя страта рыцарства — корпус «простых», «рядовых» рыцарей. Именно на этих конных людей епископ Лиможский Журден обрушил на церковном соборе 1031 года торжественное проклятье. Именно от них организаторы всеобщих собраний в первую очередь ожидали клятвенных обещаний соблюдать правила, разработанные с учетом опасности, которую эти люди сами представляли.

Вот в чем пришлось клясться рыцарю в долине Роны, в долине Соны, а затем во Франкии после 1020 года: «Я не буду нападать ни на церковь, ни на ее двор, ни на находящиеся там хранилища, ни на клириков, ни на монахов, ни на сопровождающих их людей, если те не вооружены». Во время «частных войн», которые вели под своими знаменами «мелкие» вожди, чтобы отомстить за убийство, за оскорбление (а такие войны были разрешены, и в голову не могла прийти идея их запретить), нельзя было захватывать ради получения выкупа ни скот (он был излюбленным объектом захвата), ни крестьянина, ни крестьянки, ни торговых людей». Воин обязывался не избивать кнутом, не обирать плетс. Он клялся также не вырубать виноградники, не опустошать мельницы, а в период между Великим постом и Днем Всех Святых не захватывать на пастбищах животных, имеющих наибольшую ценность, — мулов, лошадей, кобыл, объезженных жеребцов. Воин давал клятву не предавать огню дома, если только в них не укрывается неприятель, также если только они не примыкают к замку (и здесь ясно видно, что «бург» составляет часть военных укреплений). Однако «частные войны» отличались от публичных экспедиций, возглавляемых королем и епископами, теми, кого миропомазание делало ответственными за мир Божий. Во время таких операций по восстановлению порядка разрешалось, как и прежде, изымать необходимые для воинов припасы на мельницах и в церковных зданиях. Но эти воины должны были воздерживаться от любого грабежа.

Итак, рыцарь клятвенно отказывался от насильственных захватов. Исключение составляли два случая: «Если я двигаю или если я осаждаю замок (в отличие от пространства, окружающего церковь, где мир достигает своей полноты, про-

странство вокруг башни является тем местом, где насилие существует в его естественном состоянии), и лишь на земле, которая принадлежит мне как аллод или как фьеф, находится под моей защитой». Таким образом, новые учреждения не покушались на сеньорию. Более того, кодекс, который они учреждали, узаконивал эту сеньорию. На территории, в пределах которой воин сам поддерживал порядок, он сохранял право захватывать все то, что хотел. Установления во имя мира рисовали топографическую карту властной эксплуатации народа; они ограждали церковные анклавы, устанавливали такие же ограды вокруг мест, находящихся под защитой, «в тени» замка, предоставляя праву сеньору каждого из этих замков облагать повинностями сельских жителей и прохожих людей, покровителем которых он является.

Присоединяясь к мироохранительному кодексу, воин обязывался также не оказывать вооруженной помощи — в силу родства, дружбы или вассальных отношений — «разбойнику», исключенному из сообществ естественной солидарности, действуя таким же образом, каким для такого человека делались недоступными «спасенные» места, святилища. Воину вменялось в обязанность в первую очередь обеспечивать безопасность благородных женщин, вдов и монахинь, которые путешествуют без сопровождения, а равно тех, кто «перевозит вино на повозках». Такие положения демонстрируют классовые границы: к женам воинов должно относиться иначе, чем к женам простолюдинов. Становится очевидной опасность, которая угрожает наследницам — прекрасной охотничьей добыче. Наконец, перед нами доказательство нового оживления торговли, неожиданно оказавшейся весьма прибыльной для сеньориальной налоговой системы.

Формулировка клятвы проливает яркий свет на отношения между людьми войны и простонародьем. «Крестьянину, который нанес ущерб другому крестьянину или рыцарю, мною будет дана отсрочка на две недели; после этого я буду иметь право его захватить, но из его имущества я изыму лишь то, что положено по обычаю». Это показывает, что селяне не были беззащитными, но также то, что на них давит карательное правосудие, что в функции рыцарей входит их наказание, что правосудие разрешает изымать имущество у «бедных людей». Таким образом, власть сеньоров предстает в морализованном виде; она не может преступать установления обычного права; отсрочивая принудительное вмешательство, эта власть должна давать время для полюбовных соглашений «через посредство

соседей», как позднее записано в сборнике кутюмов бурга Ключи.

«На рыцаря, разъезжающего без оружия в Великий пост, я не буду нападать, я не буду ничего у него отбирать». Иными словами, любой всадник, если только это не товарищ по оружию, рассматривается как предполагаемый противник, а любая встреча людей войны начинается, как это описано в романах XII века, со схватки. Наконец, обнаруживается зревшая в ту пору идея о том, что бывают времена, когда любое нападение запрещается, даже если речь идет о войнах, от которых ожидают того, чтобы они истребляли друг друга, чтобы самые неистовые погибали в схватках. На период самого строгого покаяния должно устанавливаться всеобщее перемирие. Такие перемирия имели место на севере королевства начиная с 1023–1025 годов. Здесь следует исправить свидетельство Рауля, который относит к 1040 году появление соглашений нового типа, первоначально — «в краях Аквитании». Дополняя систему поддержания мира, эти документы, как пишет Рауль, под страхом отлучения от Церкви запрещали «любому смертному, начиная с вечера среды и до утра следующего понедельника, силой отбирать что бы то ни было у кого-либо ради отмщения врагу или даже ради получения залога для выполнения договора».

Таким образом, благодаря миру и перемирию Божиим удалось ограничить вооруженное насилие рамками, внутри которых мог свободно продолжаться беспорядок, творимый людьми меча. Успех миротворческого движения обусловил созревание теории общества, на которую во Франции вплоть до гибели «старого порядка» опирались все рассуждения о распределении властной мощи. Эта теория исходит из того, что Господь, сотворив мир, разделил людей на три категории: одни молятся, другие сражаются, а третьи трудятся; политический порядок покоится на взаимном обмене услугами, которые каждый предоставляет другим в соответствии со своей функцией. Эта идеальная модель позволяет также узаконить открытый разрыв внутри светского общества: военное поприще, уготованное некоторым, дает им право жить за счет труда других; повинности в пользу сеньора осенены Божественной волей. На основе такой модели претерпевает изменения и система запретов для людей войны. На них возлагаются позитивные функции. Получение воинами материальных благ оправдано только тем, что они несут службу.

Смыкаясь с рассуждениями Фульберта Шартрского относительно обязанностей вассалов, эти представления о совершен-

ном обществе содержат в себе зародыши идеологии рыцарства. Она опирается на прогрессирующую сакрализацию жестов (идущую одновременно с сакрализацией брачного обряда), которыми сопровождается вручение молодому рыцарю оружия, когда, после завершения ученичества, он допускается в дружество зрелых воинов. Вполне естественно, что священники потребовали возлагать на алтарь меч и перевязь, символ военного звания, которые они затем вручали новому рыцарю, подобно тому, как опоясывали перевязью с мечом нового короля во время коронации. Мы увидим, что священники, достигнув своей цели, становятся к концу XII века участниками церемонии посвящения в рыцари. На новоиспеченного рыцаря возлагались обязанности, сходные с теми, которые принимал на себя король перед миропомазанием: оберегать церкви, защищать вдов и сирот, расширять мечом, имеющим форму креста, пределы царствия Христова. В течение XI века, когда мироохранительные учреждения доказывали свою действенность, на теорию трех людских функций привили концепт священной войны.

Теория была сформулирована в тот самый период, когда на севере Франции проходили первые соборы во имя сохранения мира. Епископы, которым принадлежало авторство этой теории, противились миротворческим нововведениям. Епископы боролись против своих собратьев, оспаривая друг у друга влияние при королевском дворе, они выступали и против концепции монашества, согласно которой монахи стоят выше белого духовенства, выводятся из-под власти епископов. Они считали опасным собирать на моления всех людей как равных: не приведет ли это к возрождению товариществ, упразднения которых прелаты так яростно добивались в IX веке? Наконец, Герард Камбрейский, Адальберон Лаонский хотя и призывали в своих епархиях к перемирию Божью, уважая каролингские традиции, но все же опасались того, что миротворческая система ущемит державную мощь сюзерена.

На самом же деле эта система уважала королевские прерогативы. Во Франкии, в Бургундии, даже во Фландрии, где необходим был союз с графом, короля — помазанника Божия призывали возглавлять благотворные конные походы против воинов, которые употребляли меч для недобрых дел. Мир Божий установился в тот период, когда королевская власть проявляла слабость, но как только «королевский скипетр» вновь обрел способность «карать злодеяния сильных мира сего», миротворческие учреждения превратились в опору для восста-

новления монархического государства. Верно, однако, и то, что эти учреждения в принципе сводили роль светских государей к роли своих второстепенных помощников. Такая картина наблюдалась в Аквитании. Ее герцог первоначально опирался на мироохранительные учреждения, после 1025 года он теряет контроль над ними, с этого времени его власть затмевается властью людей Церкви. Установление мира и перемирия Божиих привело в первую очередь к укреплению мощи епископов, дав им в руки новое оружие. По рассказу Адемара из Шабанн, «ограбление, разорение бедных людей вынудило епископа Лиможского прибегнуть к новой практике. Состояла она в том, что в церквах и монастырях приостанавливались отправление культа и прославление святого мученичества, народ лишался возможности славить Господа, как если бы он был народом языческим; и называлось это отлучением». Такое наказание накладывали прелаты. Судебная власть, которой они обладали над духовенством и монастырями, была дополнена «правосудием христианским», карающим за преступления против мира и распространяющимся на мирян. Таким образом, носители епископских функций все более вовлекались в дела брэнного мира. Усиливался политический характер этих функций. Власть епископа превратилась в предмет самой острой зависти, что усугубило, на взгляд ригористов, те беды, от которых страдала немонастырская Церковь. Ее реформирование представлялось поэтому все более неотложной задачей.

VII. ЦЕРКОВЬ

В 20 — 30-е годы XI века в истории Франции наблюдались две противоречивые тенденции. Первая, приведшая к раздроблению власти, ее сосредоточению вокруг замка, уже близилась к своему завершению. Силу набирала вторая тенденция. Она была связана с ростом населения, оживлением торговых обменов и свидетельствовала о восстановлении более крупных политических образований. Эта тенденция, которая затронула прежде всего Церковь, пережившую меньший упадок по сравнению со всеми другими институтами, воспринималась людьми того времени, еще сохранявшими убеждение о развращающем воздействии на человека движения земной истории, как возврат к прошлому, восстановление.

Реформационный замысел исходил от ученых, размышлявших над понятиями древней политической системы — рим-

ской. Во имя *libertas* — свободы — они утверждали, что Церковь нельзя покорить, что все, чем она обладает в этом мире, должно быть неподвластно мирским силам. Устанавливая различие между *auctoritas* — авторитетом и *potestas* — мощью, властной силой, ученые признавали, что миряне осуществляют «власть-силу» при условии, если их контролирует церковная «власть-авторитет». Эти принципы были реализованы в учреждениях мира Божия, в теории трех функций. Но реформа предполагала обновление Церкви, которая в силу своей беспорочности занимает господствующее положение в иерархии заслуг и земных властей. Церковь надо было сделать еще более чистой. Следовало также изменить неправильный порядок, в соответствии с которым монашество ставилось выше епископата.

Бесспорно, до начала XII века монахи обладали в королевстве Франции самой высокой властью. У нее были два источника. Первый — святые. Местами поклонения, самыми действенными из их числа, были отнюдь не соборы. Яркий пример тому — события, произошедшие в 1128–1129 годах в Париже. Его жителей поразила язва. Проповедники обрушили свой гнев на пороки. Небеса, восклицали они, возмутились теми опасными привычками, которые завели ныне мужчины, чересчур заботясь о своей прическе, отращивая длинные волосы на женский манер, наряжаясь, как женщины, надевая сапоги с длинными носами. Напрасно приходили в Нотр-Дам больные; чтобы эпидемия отступила, понадобилось перенести с холма в собор мощи Св. Женевьевы. Умело распространяемая молва о чудесах направляла набожность верующих к ковчегам с мощами, а пожертвования шли монахам, хранителям мощей. Они извлекались из склепов, когда это было необходимо. Поток приношений не переставал увеличиваться в течение двух первых третей XI века, обогащая крупные монастыри, хранившие реликвии, землями, рабами, правами на распоряжение и покровительство, на доходы от кутюмов.

Свои благодеяния святые оказывали тем охотнее, чем меньше их служители были запятнаны грехом. Спасение и процветание отечества зависело от чистоты сообщества людей, собравшихся вокруг святых могил. Поэтому в первую очередь были реформированы аббатства, немало пострадавшие в X веке от нападений язычников. Реформу проводили государи, многие из которых имели сан аббата. Все они, и великие, и малые, сознавали свой долг, понимали, что очищение могло бы поднять их престиж. В Марселе находился очень древний мона-

стырь с мощами Св. Виктора, разрушенный сарацинами и затем восстановленный, он принадлежал семейству виконтов. В 1005 году глава семейства решил дать монастырю «вольную». По его настоянию епископ (епископскую должность занимал брат виконта, только что унаследовавший ее от своего дяди) произнес, в согласии с епископом Римским, словесные формулы, в соответствии с которыми аббатство и его владения освобождались от всякого вмешательства. Так обеспечивалась стабильность, необходимая для возрождения добрых нравов.

Как видим, очищение началось с освобождения. Оно продолжилось благодаря объединению монастырей. Набожные священники, которым государи поручали преобразования, переходя из одной обители в другую, брали с собой из уже реформированных сообществ нескольких достойных монахов, чтобы те могли на новых местах сеять семена добронравия. Для всех членов сообществ, которые реформатор стремился усовершенствовать, он представлялся отцом, там чтили память о нем. Иногда реформатор соглашался остаться единственным главой обители, в его отсутствие аббатские функции выполнял один из монахов — настоятель, приор. Возникало семейство. Одновременно завязывались братские связи между самими монастырями. Они не были слишком тесными, однако обладали достаточной прочностью, содействовали укреплению единства монашеского корпуса, объединяя в молитве монахов многочисленных монастырей, имена живущих и покойных их собратьев. Благодаря распространению того, что отцы Церкви называли *caritas*, любовью к Господу и любовью к ближнему во имя Господа, произошло своеобразное собирание многолюдных монашеских сообществ, живших на всем пространстве христианского латинского мира, то есть Империи. В первой половине XI века в Галлии не было более мощного, более устойчивого организма, чем реформированное бенедиктинское монашество. Несомненно, именно благодаря этой силе удалось потеснить ересь.

Однако конгрегации монастырей намеревались избавиться от опеки епископов и с этой целью становились под дальнейшее покровительство епископа Римского, используя имперские скрепы. В 1005 году епископ Марсельский с согласия папы объявляет запрет: «Ни один епископ... не смеет отбирать... у монастыря какое бы то ни было владение». К этому времени аббат Флэри уже успел получить от папы такую же привилегию; в 1025 году епископ Римский освободил от обложений все сообщества клюнийского семейства. Таким образом, в резуль-

тате монастырской реформы на территории епархии появляются «дыры» — самостоятельные анклав. Епархия расчленяется подобно тому, как расчленялась территория графства, на которой утверждалась независимость владельцев замков. Реформа способствовала подъему престижа Рима, и вновь вспомнилось великолепие Империи. Реформа представлялась новым Возрождением.

Возглавить это Возрождение мечтали монахи, которые читали псалмы в бесчисленных обителях, зависевших от Ключийского аббатства. То были лучшие из монахов, самые многочисленные, самые могущественные. Они были убеждены в том, что указывают путь, выполняют предназначения свыше, идут первыми, ведя за собой всех других к неземному совершенству. Поэтому в их глазах епископы выглядели как простые помощники, приглашаемые из внешнего диоцеза для совершения в нужное время благословений, помазаний и в некоторых случаях — обряда посвящения в монахи. Ибо аббатство Ключи отныне брало на себя священническую функцию. Монахов, которые до той поры являлись кающимися мирянами, Ключи намеревался превратить в священников. Отнюдь не для того, чтобы послать их нести народу слово Господне. В приходские церкви, принадлежавшие ключийским филиалам (а количество таких филиалов не переставало увеличиваться благодаря пожертвованиям, доходы от которых использовались и светскими сеньорами), направлялись духовные лица низшего ранга; выполнявшиеся ими пастырские обязанности были столь заурядными, что монахам не приходила в голову мысль возложить их на себя. Монахи витали в облаках. Если они и соглашались быть священнослужителями, то для того лишь, чтобы в своих роскошных и закрытых для посторонних базиликах совершать литургии, «непрерывно, начиная с первого утреннего часа и до часа покоя», с такой пышностью, что их можно было принять «скорее за ангелов, чем за людей». Благодаря своему ангелоподобию они возвышались над всеми другими священниками, прежде всего — епископами.

Ключийцы стояли выше и светских государей, стремились включить их вместе с предками в молитвенное сообщество, в братство, подобное тому, которое связывало дружественные обители. Этой цели удавалось достичь благодаря высокому молитвенному искусству в материнском аббатстве и в бесчисленных его общинах. В Ключи хранились немногие чудотворные реликвии. Своим влиянием на внешний мир Ключийское

аббатство было обязано литургическому искусству. Его монахи покинули этот мир, но сохраняли связь с ним благодаря «бургам», разраставшимся у ворот главных обителей, благодаря обширным помещениям внутри монастырской ограды, предназначенным для приема посетителей: как знатных людей, так и бедняков. Задача монастырского устава Св. Бенедикта в его клюнийском варианте как раз и заключалась в том, чтобы путем духовного напряжения, благодаря которому монахи стремились уподобиться ангелам, множить «деяния во имя Господне», возносить хвалу Всевышнему со все большим блеском и улавливать в сети Св. Петра чарами этого праздника, предвосхищающего райское величие, всех живущих христиан, но в особенности и прежде всего — усопших. Усилия клюнийцев в то время были направлены главным образом на то, чтобы поднять искусство поминальных церемоний. И в этом они преуспели. Император, короли, все земные владыки вместе со своей покойной родней оказались благодаря таким церемониям плененными.

Под покровительством двух других усопших — римских мучеников Петра и Павла — строился и распространялся между 1020 и 1090 годом своеобразный *ordo cluniacensis* — Клюнийский орден. Первоначально во главе его стоял аббат Одилон, затем — Гуго, каждый из них возглавлял конгрегацию на протяжении полувека. Орден представлял собой монархию, устроенную по семейной модели: государство в ту эпоху не могло и мыслиться в другой форме. Политические притязания клюнийцев сильнее всего выразились в их строительных предприятиях. Именно эти предприятия поглощали в отмеченный период те возросшие ресурсы, которые аббатство получало благодаря окружавшему его почитанию, в основном в виде поминальных пожертвований. Одилон распорядился перестроить в классическом романском стиле большую церковь, приказав доставить с юга римские колонны, которых там еще сохранилось немало. Гуго, в свою очередь, решил снести только что завершенную постройку, возвести нечто новое, превосходящее прежнее по пышности и по величине. Новая церковь, освятить которую прибыл папа, по своим размерам была больше базилик, сооруженных в Риме на могиле Св. Петра и Павла. Ее непомерно вытянутый неф напоминал долгий путь, ведущий в ангельскую обитель. У входа в церковь, над дверями, были установлены каменные статуи, напоминающие те, которые можно было увидеть в Арле, в Нарбонне на развалинах языческих храмов. Нам трудно представить себе то потрясе-

ние, которое вызвало это нововведение. Скульптуру более не скрывал полумрак сводов, как смущавшее взоры изображение Св. Фуа. Статуи открывались всем взорам, всем ветрам, как в Риме.

Клюни есть новый Рим. Ключийцы мечтали заменить своим орденом разрушавшуюся королевскую власть (и проницательный Адальберон Лаонский уже писал об этом начиная с 1025 г.). Они извлекали выгоду из укрепившегося престижа папского престола, выступая ныне в качестве посредника в спорах между папой и императором, проповедуя великодушие в Каноссе, а великий приор Клюни, второе лицо после отца-аббата, стал понтификом в 1088 году, приняв имя Урбана II.

На пути осуществления мечты ключийцев о всевластии стояло, однако, препятствие — другая структура, также унаследованная от прежней Империи, — епископский корпус. Этот корпус не оторвался от земли ради божественных высот. Он оставался на своем законном месте, прочно укоренившись в мирские дела, будучи по крови связанным со всей высшей знатью, а институционально — с королевской властью. Как утверждали монахи, именно по этой причине епископы слишком глубоко погружены в плотский мир. Не без оснований их обвиняли в еретической симонии. Между тем, первым и необходимым союзником Ключи был как раз епископ — папа, хотя папский престол с некоторого времени неизменно занимали монахи. Именно он, епископ Римский, взял в свои руки в середине XI века дело проведения второй реформы — преобразования епископата.

Очищение духовенства является задачей неотложной, утверждали ригористы, ибо его покрывают позором два зла — женолюбие и сребролюбие. В XI веке все или почти все священники являлись людьми женатыми, как и каноники. Но отнюдь не епископы, хотя имелись основания сомневаться в их целомудрии. Они должны были хранить эту добродетель, подавать пример воздержания, заставлять всех духовных лиц следовать их примеру. Весь народ поддерживал такое требование: священники совершают таинства, их руками сообщается святость, но она не передается, если эти руки коснулись тела женщин. В соответствии с теорией трех функций, люди, выполняющие самую высокую из них — религиозную, должны быть если не девственниками, как добрые монахи, не совершенно чистыми, то хотя бы отказаться от сожительниц. Реформирование, восстановление порядка, согласного с волей

Господней, предполагало разделить лиц мужского пола почти такой же резкой границей, какой разделен род человеческий на мужчин и женщин, причем это новое разделение также связывалось с отношениями между полами. Реформа состоялась. В конечном счете она привела к некоему дуализму не только в социальном, но и в культурном устройстве Западного мира. Священнослужителей, обязанных соблюдать безбрачие, строго отделили от верующих, которым следует вступать в брак.

Реформаторам представлялось возмутительным и то, что священники, освобожденные таким образом от плотского, возводятся в духовный сан нечистыми руками — руками мирских владык, которые должны продолжать свой род, законно занимаясь плотской любовью. Важно было лишить этих государей права избирать епископов, от которых зависело все, ибо епископ как бы духовно порождал свое духовенство. Это второе требование непосредственно затрагивало область политического. Инициаторы реформы намеревались превратить Церковь в настоящее государство, обладающее властью-авторитетом и свободой, то есть в институт, стоящий выше всех остальных и полностью самостоятельный. А это предполагало, что духовенство должно пополнять себя само. Однако государи, продолжая следовать каролингским традициям, назначали епископов. Лучшие из государей выбирали их из своей родни. Когда взшел на трон Вильгельм Завоеватель, архиепископ Руанский являлся его дядей, епископы Лизьё, Авранша — его кузенами, его брат должен был вскоре стать епископом Байё. В то же время Вильгельм сохранял верность союзу с папством. *Episcopatus* — епископская власть и приношения мирян, позволявшие ее отправлять, большей частью составляли, как в Марселе, неотъемлемое семейное достояние. Разумеется, никакой передачи денежных средств не было, если глава дома ставил на епископскую кафедру кого-либо из своих сыновей или племянников. Однако можно было говорить о денежной сделке, симонии, ибо все родственники по мужской линии сообща владели благами, которые давало епископство, в их распоряжение поступала звонкая монета, получаемая за свершение таинств. Симония проявлялась более очевидно в тех случаях, когда материнскую церковь вместе с правами на юрисдикцию, усиленными благодаря учреждениям мира Божия, государь доверял лицу, доходы которого проистекали из другого дома. К этому присовокуплялись — внутри ситё и за городскими стенами — башни с рыцарскими гарнизонами и с крупными сень-

ориями вокруг. Передача столь значительной доли властной силы представлялась «благодеемием». Ничто ее не отличало от передачи в пользование «чести». Облагодетельствованный чувствовал себя обязанным «любить» господина, проявившего щедрость, служить ему. Получивший благодеяние как бы отчуждал себя. Ему прежде всего следовало сделать ответный дар. Таков был обычай. Поэтому в условиях возрождения торговли то, что фактически вытекало из церемониала дружбы, принимало вид торговой сделки. Чтобы внести большую ясность в проблему, я вновь обращусь к конкретному случаю. Случаю необыкновенному, как и все те, о которых повествуют наши источники, столь немногочисленные в ту эпоху. Но текущую практику легче разглядеть, если рассматривать события, выходящие за рамки обыденного. Речь здесь пойдет об архиепископстве Нарбонны.

В Нарбонне, обширном ситэ, основанном римлянами, в середине XI века еще сохранялась значительная часть античных сооружений, в частности городские стены. В базилике, возведенной на могиле местного святого — Павла, существовала самостоятельная духовная коллегия. Она имела собственную сеньорию, свой бург, заселенный церковными служителями и теми, кто жил за счет паломников. В кафедральном соборе имел свою резиденцию и вершил суд архиепископ. По крайней мере в течение уже сотни лет город оживляло его близкое соседство с морем и с границей мусульманской Испании. Через Нарбонну пролегал Домицианова дорога, горожане получали выгоду от движения по ней, а также от добычи соли. Наряду с вином соль являлась единственным тяжеловесным продовольственным товаром, который тогда перевозили на дальние расстояния. В XI веке Карл Лысый уступил архиепископам права на половину доходов, получаемых графом в качестве дорожной пошлины, сборов с кораблей, с добываемой соли. Прелаты также эксплуатировали довольно многочисленную еврейскую общину, несомненно крупнейшую в Галлии, собравшую весьма искусных ремесленников, первостатейных ученых мужей, умелых и очень богатых торговцев. Они дорого платили тем, кто обеспечивал им хотя бы частичную безопасность. Доходы от всех этих исключительных прав не переставали возрастать. В начале века вблизи собора выросли еще три бурга. Один носил показательное название — «новгород». Бурги развивались, будучи отделенными друг от друга. Каждое из трех скоплений домишек окружали рвы, а в старых римских стенах стояли лагерьм воины. Все это держал в руках

архиепископ, но не один. Свидетельство, которое я привожу, принадлежит его главному конкуренту — виконту. Как и Гуго из Люзиньяна, он приказал составить этот документ домашнему клирику — для защиты своих прав перед церковными судьями, которые требовали письменных доказательств. Претензии виконта к архиепископу были изложены на Великом соборе, состоявшемся в 1059 году под председательством архиепископа Арльского, Раймбауда де Рейана. Как и его собрат в Нарбонне, этот духовный владыка жил в тени императорских дворцов былых времен, владел солью, был сеньором рыцарей.

«Я, Беранже, виконт ситэ Нарбонны, гласно обращаюсь с жалобой против моего митрополита, вашего собрата, к святому собранию викариев Господа, легатов верховного римского папы, который является наместником Святого Петра, первого среди апостолов, [к собранию] архиепископов и епископов, выступающих от его имени, и аббатов... приверженных католической вере... с тем чтобы моя жалоба была выслушана, рассмотрена и решена». Таким образом, Рим присутствует в Арле, и не только как память о его легионерах, но и в лице самого епископа Римского, который только что взял в свои руки реформу, решил проводить ее самолично или с помощью своих специальных посланников — легатов. Операцию он начал с той части христианского мира, где почва для реформирования была наиболее благоприятной, — с юга Галлии. Шестью годами ранее один из таких легатов — монах Гильдебранд, будущий папа Григорий VII, был вдохновителем решений подобного собрания — собора в Эмбрене, и этот собор сместил епископа, виновного в симонии. Оздоровление продолжалось. Тот факт, что вошедший в конфликт с прелатом светский государь вынужден был жаловаться архиепископальному Синоду, в составе которого не было ни одного другого светского лица и где доминировала римская власть, ясно указывает на переход *imperium*'а в другие руки. Державная мощь принадлежит ныне церковным владыкам; принципы и учреждения мира Божия победили, а церковная реформа позволила полнее реализовать эти принципы, отодвинув в сторону светских держателей власти.

В своем прошении Беранже сначала описывает ту картину, которую представляло собой *archiepiscopatus* — архиепископство. То было, по его словам, прекраснейшее владение, «одно из наилучших» в южной Галлии. Заметим, что в связи с этим виконт называет имя Карла Великого. Его хорошо помнили в древней Септимании, король франков не забыт в готском краю.

Документ разумно начинается с описания того, что составляет основу архиепископской мощи, — прекрасных поместий и особенно замков. На этом земельном богатстве держится кафедральный собор. Когда-то он был «наполнен книгами, украшен алтарями, ковчегами, золотыми крестами, блистал золотыми венцами, драгоценными камнями». Собор сиял, как он должен сиять, превосхищая Иерусалим небесный. Наконец, добрые прелаты отправляли богослужения, следуя небесным предначертаниям; замки и домены не передавались мирянам, а непосредственно управлялись служителями Господа; коллегия каноников совершала в назначенные часы публичные молебны. И вот этот прекрасный, столь отлаженный механизм оказался ныне испорченным из-за небрежения нынешнего архиепископа, и именно поэтому Беранже обращается с иском; как рачительный государь он желает, чтобы в его ситё служение Господу было таким, каким ему подобает быть.

Если епископ плох, то не потому ли, что он заплатил деньгами за свое поставление в должность? По правде говоря, виконт не считает злом то, что должность куплена. Когда-то он дал на это согласие; покупка была совершена 40 лет назад при его участии. В 1019 году, после смерти предыдущего прелата, граф де Сердань хотел приобрести архиепископство для одного из своих сыновей, Гифреда. Тот был еще совсем ребенком, десяти лет от роду. Не будем удивляться: лишь четыре года отделяли мальчика от зрелости, а малолетство являлось залогом его непорочности. Завязались переговоры с людьми, которые распорядились правами на это имущество, поскольку они управляли делами ситё Нарбонны. Эти люди выступали совместно — граф Руэрга, маркиз Готию, и его виконт. Покупателю было чем платить, ибо он обосновался на границе в те времена, когда мусульманские царьки платили франкам дань серебром и золотом. Будучи очень набожным человеком, родич Олива, аббат Риполла, епископ Виша оказался в числе самых горячих сторонников реформы. Он основал монастырь Сен-Мартен-дю-Канигу, куда удалился на покой в 1035 году, за 15 лет до своей кончины. Сеньор хотел достойным образом устроить одного из своих сыновей — так, чтобы тот молитвами помогал спасению его родни. За такое устройство он предложил 100 тысяч су, представив доказательства своей добросовестности. Беранже в тот момент также был молод, хотя уже участвовал в делах своего отца, правда, не имея права решать. Его отец и мать не приняли предложения. Архиепископство принадлежало их дому уже несколько поколений. По

завещанию деда Беранже, в 977 году один из его сыновей стал виконтом, другой — архиепископом, — тот, который умер накануне описываемых событий. Как и во многих других сите, семья имела в Нарбонне в совместном распоряжении архиепископство и виконтство. Здесь царил порядок. Он был нарушен лишь из-за того, что старый виконт и его жена в конце концов уступили давлению маркиза, а также давлению их сына. Беранже женился на дочери графа де Безалю, брата графа де Серданы; Гифред приходился ему кузенком, был моложе его. Для Беранже продажа представлялась способом оттеснить своего отца. В те времена семьи раздирались конфликтами поколений, обусловленными становлением родовых структур. Беранже признается: чтобы побороть своего отца, он даже угрожал ему смертью.

Гифред был возведен в архиепископский сан, но после того лишь, как клятвенно обещал виконтам безопасность: никоим образом не покушаться на их личную безопасность, на их имущество, «честь». В первое время он тщательно и примерно выполнял свои обязанности. Противник прелата приводит два примера его добропорядочности. По приказанию Гифреда в Испании были найдены, выкуплены и перенесены в городской собор реликвии двух святых покровителей этой церкви, мучеников Жюста и Пастора. Таким образом возрос капитал святости, что шло на пользу всей Нарбонне. По всей видимости, подобная операция была проведена в рамках военных мероприятий, с помощью которых начиналось вытеснение мусульман в *Ispania*: война отнюдь не казалась противной очень молодому архиепископу. Гифред также созывал соборы для распространения мира Божия. На одном из них, в 1043 году, священникам запрещено было брать в руки оружие. Архиепископ отказался отныне возглавлять конные наезды, торжественно объявил о том, что он лично в них более не участвует, что анафеме может подвергнуться тот из его викарных епископов, кто не лишит себя радости боевых схваток. Несколько позже, в 1054 году, на новом соборе он добился того, что под защиту мира Божия были поставлены торговцы, что предписано было запрещение воевать с вечера среды до утра понедельника, что, наконец, было осуждено всякое насилие между христианами: «Христианин, который убивает другого христианина, проливает Христову кровь». Воины должны отныне обращать оружие только против неверного и в войне, единственно из всех признаваемой справедливой, — в священной войне. Таким образом, даже сама жалоба на Гифреда рисует его как рефор-

матора, идущего в первых рядах обновляющих Церковь. Несомненно, что именно эта деятельность поссорила его с виконтом.

Применяя принципы реформы, архиепископ хотел освободить достояние своей церкви от мирской власти. С этой целью он возвел новые замки, окружил себя своими рыцарями. А для того чтобы крепче привязать рыцарей к себе, чтобы они с большим рвением защищали «вольность Церкви», прелат щедро наделял их землей. Беранже чувствовал себя одураченным, он видел, как у самых дверей залы, где он пировал с товарищами, крепнет конкурирующая сила. Виконт обвинил архиепископа в том, что тот расточает наследие собора, осыпая милостями своих людей. Как это обычно случалось, между отрядами двух противников вспыхнули стычки. «Рыцари замков» пошли друг на друга. Множились их столкновения, а затем и убийства из мести. Однажды, рассказывает Беранже, из башни архиепископа появились рыцари, которые убили одного из его людей; архиепископ же встал на защиту своих людей и отказался их судить. Во всяком случае, судить их так, как хотел бы он, виконт. В другой раз два его рыцаря, которые охраняли Сен-Совёр д'Аниан, были захвачены рыцарями Гифреда. И нет сомнения — архиепископ является жестоким человеком, покровителем шайки наемных похитителей.

Другой аргумент истца — симония. Для того чтобы устроить своего брата, прелат приобрел за 100 тысяч су епископство Юржея. И на этот раз возмущение Беранже вызывает отнюдь не сам по себе факт сделки. Он изобличает два преступления. По его словам, Гифред прежде всего не должен был в связи со сделкой приносить оммаж, влагая свои руки в руки графини Юржея, которая держала графство от имени своего несовершеннолетнего сына. По рассказу виконта, у всех местных вельмож это вызвало отвращение. Почему? — Как же может архиепископ выполнять этот обряд? И как же он может вкладывать свои руки в руки женщины, существа нечистого? Далее, для оплаты покупки Гифред приказал содрать золотые и серебряные пластины с алтарей, ковчегам, крестам, отдать священные сосуды на переплавку ювелирам, причем еврейским ювелирам. Прекрасный пример детезавраци, возвращения в оборот накопленных сокровищ. Книги также пошли на сторону. Нарбоннский кафедральный собор лишился своего наряда, и совершение культа утратило подобающее ему величие. Будучи признанным покровителем этой церкви, потенциальным

наследником богатства, которое таким образом расточается, Беранже выступает с обвинением.

В этом месте текста упоминается длительный конфликт между двумя властными силами, когда военные действия перемежаются перемириями, соглашениями-«конвенансами». Одно из таких соглашений, заключенное при посредничестве викарных епископов, приводит к разделу на две равные части доходов, получаемых от «правосудия христианства», то есть от судов, наказывавших нарушителей перемирия Божия. Свою долю виконт оставляет на содержание собора. Это сумма в 10 тысяч су, что дает представление о величине ренты, ставшей предметом соперничества, а также показывает, сколь прибыльным может быть капитал, вложенный в епископскую кафедру. Наконец, тот факт, что виконту пришлось уступить причитающуюся ему долю, свидетельствует о победе архиепископа, который добился полноты своей юрисдикции в городе по делам мира Божия. Но эти хрупкие договоренности вскоре были нарушены. В конце концов виконту, кажется, удалось поднять против своего конкурента каноников кафедрального собора и их главу — архидиакона, использовав спор о мощах Жюста и Пастора и о пожертвованиях, которые благодаря этим реликвиям притекали. Беранже предложил свое посредничество; спор должен был бы разбираться судом под председательством архиепископа Арля, сам виконт держал бы залог на сумму до 10 тысяч су; до суда никто не мог бы пользоваться доходами от пожертвований. Но архиепископ, облачившись в *rallium*, яркий плащ, символ достоинства, пошел на разрыв, покинул ситё, увезя с собой реликвии. Он перенес свою резиденцию в одну из деревенских церквей, поместил там книги, кресты, большое распятие, собрал новый капитул из числа добрых клириков, принявших реформу. Для Нарбонны это было несчастьем: «У благородных людей и у всего народа края был обычай приходить в ситё и в его собор, а у грешников — нести свои дары и делать вклады на церковное устройство, Гифред же их отвратил, — рассказывает виконт, — и собирая эти средства, употребил их на жалованье своим воинам». Жалоба была серьезной. Ей был дан ход. Последовали новые переговоры, обмены гарантиями, клятвами. Прелат, как кажется, обещал возвратиться, но из-за своего упрямства нарушил клятвенное обещание. Наконец, Беранже сделал опасный и хитрый ход, прибегнув как к последнему средству к помощи женщины. Эта женщина находилась в родстве с ним, но одновременно была двоюродной сестрой Гифреда. Она пришла к нему и умо-

ляла его вернуть реликвии. Напрасно. Тогда, действуя без ведома своего супруга (по крайней мере, так утверждается в документе, ибо поступок граничил со святотатством), эта добрая жительница Нарбонны похитила реликвии из маленького святилища. По утверждению виконта, это место еще не было освящено, что смягчало ее вину. Но проступок, тем не менее, оставался серьезным, входил в круг тех, которые отныне суровейшим образом карались в соответствии с кодексом мира Божия. Архиепископ немедленно нанес ответный удар, предав анафеме Беранже, его жену и детей. Тщетны были все их усилия уйти от этого страшного удара, бросившись к ногам прелата, окруженного своим двором. Как говорится в документе, отлучена была «вся земля». Надо понимать это так, что на всю городскую территорию был наложен интердикт, запрет на богослужения. Не разрешалось более проводить крещения, погребения, мессы, благословения; иссякли все источники святости для подданных виконта, им пришлось умолять его покориться. Он подчинился наполовину и решил обратиться в суд. А членами его являлись те люди, которые учредили организацию мира Божия. Отныне исключалось посредничество родственников и друзей противных сторон. Их спор должен был рассматриваться в иерархизированных структурах церковной юрисдикции.

Эти структуры, заимствованные у государства, которое умерло, у Римской империи, предвосхищали структуры будущей государственности. Именно таковой оказалась роль мироохранительного движения и церковной реформы в истории публичной власти во Франции. Решение по делу должно было вынести собрание епископов провинции, на котором председательствовал не митрополит, поскольку он являлся одной из сторон в споре, а его сосед, архиепископ провинции Арля. Беранже поклялся возместить причиненный им ущерб, выплатив сумму до 10 тысяч су. (Еще 10 тысяч, совсем недавно речь шла о 100 тысячах — в совокупности это составляет 1 миллион 200 тысяч денье. Нет ли преувеличения в документе? Или писцы в ту эпоху не умели оперировать большими суммами? Или же, наконец, деньги начинают течь рекой, которую питают рассеиваемые церковные сокровища, операции еврейских финансистов, выменивающих драгоценные металлы в исламизированной Испании?) В Арле и состоялся собор, в котором участвовали посланцы папы. Беранже представил ему свое прошение, делая упор на симонии Гифреда. Повторю, обвинял его виконт не в том, что тот приобрел за деньги место епис-

копа, а в том, что для его оплаты «продал все священные знаки, принуждал всех епископов, которых ставил, отдавать ему деньги, вплоть до последнего денье... если вы мне не верите, то спросите у епископов Лодева и Элна: они были поставлены им». Гифред обвинялся и в том, что брал деньги за освящение церквей. Каждый помнил, что именно за это только что был отстранен от должности епископ Эмбрена и что Гифред уже был отлучен от Церкви в 1055 или 1057 году самим папой (мы не знаем, почему; вероятно, из-за симонии или, скорее, из-за того, что Гифред не осудил незаконный брак графа Барселоны).

В этот конфликт, объект которого — мирская власть и ее доходы, — власть духовная проникает с двух сторон. Архиепископ объявляет анафему, виконт осуждает грех, будучи уверенным в том, что его услышат приверженцы реформы, все те духовные лица, которые обращают взоры к Риму и его легатам. Ибо не только клюнийские монахи мечтают об обновлении Империи. Немонастырская церковь также мечтает ее восстановить, но в другой форме — в виде государства, управляемого священниками, которые сами образуют иерархию. Вершину ее составляет, естественно, престол Св. Петра. Для того чтобы возвышаться над всеми другими людьми, священники должны быть чистыми. Дурных епископов поэтому следует изгонять. И реформаторы выслушали жалобу виконта Нарбонны. Он угрожал: если суд не признает мою правоту, «я буду считать ничтожным отлучение, произнесенное Гифредом, я не буду соблюдать никакого перемирия в моей земле, и я более не буду обращаться к папскому суду». Но легаты сохраняли спокойствие. Эта жалоба позволяла им обуздать могущественного прелата, заставить его признать верховенство епископа Римского под угрозой отрешения от сана, замены более послушным человеком. Что же касается виконта, то они еще крепче держали его в своих руках. И не потому, что он нарушал порядок в супружеских отношениях, обвинялся священниками в двоеженстве или кровосмешении, как это случилось с графом Барселоны, а позднее — с королем Франции. Он просто-напросто стал жертвой недавно установленной системы норм мира Божия. Его законным образом изгнали из сообщества за нарушение этого мира, его земля подверглась интердикту, ему не давали покоя его запуганные домочадцы.

Мы не знаем, какое же решение вынес собор в Арле. Нам известно лишь то, что Гифред не был смещен, что через семь лет он примирился с сыном Беранже, который являлся сопра-

вителем своего старого отца. На этот раз проводниками компромисса были не священники. Достичь его помог граф Тулузский Раймонд де Сен-Жиль, ставший графом Руэрга, а следовательно, маркизом Готии. Сыгранная этим государем роль возвещает о том, что начиная с 1066 года происходит возрождение светской власти. По соглашению, территория Нарбонны, включая и еврейский квартал, который, без сомнения, приносил самые крупные доходы, была разделена на две половины. В 1112 году документ был возобновлен, отшлифован. Более четкими стали статьи о разделе соляных разработок, башен и домов, правосудия. Под юрисдикцией виконта находились такие преступления, как покушения на жизнь во всем городском пространстве, епископ судил клириков и всех людей Церкви. Вопросы морали уже не поднимались, речь шла о практических делах, о сеньории и доходах от нее.

Спустя семь лет, в 1119 году, в церковный собор вновь поступила жалоба (являлся ли случайным этот семилетний цикл, или же он был обусловлен процедурами мира Божия, в соответствии с которыми соглашения обновлялись раз в семь лет?). На этот раз конфликт разгорелся на другом конце королевства Франции, в Реймсе. Но к папскому правосудию взывал уже не виконт, а архиепископ. К тому же архиепископ совершенный, ибо он входил ранее в римскую курию, был поставлен Римом. Поистине, Рим торжествовал.

Ни семейственность, ни подарки, которыми благодарили государей за их выбор, не привели в Галлии к значительному качественному ухудшению состава епископов. Это хорошо видно на примере Гифреда, который одновременно являлся реформатором и симонистом. Дело в том, что государи страшились Господа и его мщения. Они думали о своей предстоящей кончине и о том, что за ней может последовать. Некоторые из них (а может быть, и большинство) ясно осознавали свой долг, и почти все представляли себе ценность тех услуг, которые способны были им оказать просвещенные, пусть и не безгрешные, епископы. Несомненно, находившиеся под надзором государей епископства заботили их меньше, чем монастыри, молитвы которых обеспечивали спасение. Не стоит, однако, думать, что епископские кафедры продавались с молотка. Не следует воспринимать буквально порицания, исходившие от восторженных ревнителей реформы. О достоинствах епископов говорят их решения. Не только в Марселе они уступали свои права на аббатства. А кто из епископов упустил возможность украсить свой кафедральный собор? Могут возразить,

что их толкали на это соображения престижа, кичливость. Но епископы могли бы употребить свои доходы на удовлетворение менее похвальных желаний. Наконец, многие прелаты были озабочены исправлением нравов клириков. Они следовали примеру архиепископа Реймского Адальберона, который задолго до 1000 года обязал клир своего собора следовать строгому уставу Св. Августина, требовавшему жить сообща, в воздержании и в молчании.

В среде каноников (на севере Франции, по крайней мере) вкус к знаниям был в ту эпоху не меньшим, чем в замечательные времена каролингского Возрождения. Об этом свидетельствуют расцвет реймской школы в конце X века, а в первой четверти XI века — культурные достижения Фульберта Шартрского и орлеанских каноников (интеллектуальная смелость этих людей, размышлявших о Святом Духе, принесли им славу еретиков): Бернарда, главы анжерской соборной школы (который во время своей поездки по Оверни был поражен материализмом крестьянской набожности); другого руководителя школы при кафедральном соборе — Беренгария Турского, человека смелого, рискнувшего выдвинуть собственное учение о Святом Причастии. Продвижение во всех областях влекло за собой прогресс в изысканиях. Он позволял яснее видеть, легче распознавать то, что в прошлом, в лучшие времена поддерживало порядок в мире. Наконец, одними из первых последствий роста были увеличившаяся подвижность людей, более широкое распространение идей и координация усилий. Этот рост позволил предпринять усилия по восстановлению порядка в глобальном масштабе.

В 1049 году понтифик Лев IX, получивший папский престол в предыдущее Рождество благодаря своему кузену императору Генриху III, решил совершить путешествие. В свою бытность епископом Тула он вместе с лотарингскими собратьями трудился над реформой духовенства. Лев IX происходил из той области, из той семьи, из того рода, в которых каролингские традиции сохранились в наибольшей чистоте. Поэтому его концепция реформы была имперской. По мысли папы, реформа должна была разворачиваться одновременно на всем пространстве христианского мира. Епископу Римскому, преемнику Св. Петра, подобало возглавить реформу, а для этого — посетить каждую из провинций Империи. Выехав из Майнца, в октябре папа прибывает в Реймс. Здесь должен был состояться собор, дабы исправить то, что не ладилось на севере Франкского королевства. Были созваны епископы этой части света.

Но приглашения им посылал отнюдь не король, а папа, который взял на себя роль «государя». Эта инициатива в известном смысле принижала королевскую власть, которая в результате процесса раздробления и распыления королевских прав опускалась на нижний уровень властных структур. На приглашение с наибольшей охотой фактически откликнулись епископы Нормандии и краев нижней Луары. Некоторые прибыли из княжества, подвластного Капетингу, но в большинстве своем епископы не двинулись с места и отговорили короля от поездки в Реймс. Как показывает этот эпизод, епископы вместе с высшей светской знатью были на стороне сюзерена, ревностно защищая его прерогативы. По их совету Генрих I отклонил приглашение.

Папа стал проводить свою программу при поддержке трех архиепископов — Тревского, Безансонского и Лионского, а также аббата Клуни, то есть опираясь на прежнюю Лотарингию и прежнюю Бургундию. Программа заключалась в исправлении нравов, прежде всего — нравов духовенства. Следовало вырвать духовенство из плена разврата, искореняя симонию, запрещая клирикам носить оружие и посещать женщин. Следовало также исправлять нравы государей, внушая им отвращение к кровосмесительству и двоеженству. Собор отлучил от церкви нескольких графов, виновных в том, что они женились на своих кузинах, а также нескольких епископов — из Лангра, Нанта, Бове, Амьена, архиепископа Санского как уличенных в распутстве и незаконно избранных. Эти меры должны были служить предупреждением для других, которым дали понять, что они подвергают себя риску, не слишком спеша признать папское верховенство. Так началось в Галлии очищение епископата — без участия короля, помимо его воли и воли ряда епископов, возмущенных тем, что обошлись без короля. А инициатором в этом очищении стал строгий папа-путешественник, одержимый имперскими мечтаниями.

Лев IX получил воспитание в лотарингской монашеской среде, более строгой, чем клюнийская, и, что особенно важно, верной каролингскому духу, не отвергавшей, подобно Клуни, епископский надзор. Никаких исключений: реформированные монахи, менее греховные, чем все другие люди, признавали свою подвластность епископам в каждом диоцезе. Но поэтому епископам следовало быть еще более чистыми, чем монахи. По убеждению папы, для обновления христианского общества необходима была реформа епископата. Но сам он полагал, что король западных франков не способен вести эту реформу в

своем государстве, даже на Севере, где его власть сохранялась. Двигателем реформы должен являться папский престол, который сам был недавно очищен праведным императором. Являясь папской, реформа должна была разворачиваться не только без короля, но и вопреки его власти, грозя разорвать связь между королем и епископами, связь, которая, начиная с 20-х годов XI века, имела явную тенденцию к ослаблению. Лев IX не выступил прямо против Генриха I. Но папская программа ориентировалась на примеры, заимствованные у имперской культуры. А последняя побуждала повторять то, что совершил один из предшественников Льва IX, который на соборе, проходившем в Риме в 998 году под председательством императора Оттона, угрожал отцу Генриха, королю Роберту, анафемой за двоеженство и кровосмешительство (в этих грехах на Реймском соборе в 1049 г. обвинялись и другие франкские государи), требуя от него оставить свою жену, осудил франкских прелатов, освятивших этот незаконный брак. Таким образом, полвека назад епископ Римский уже претендовал на надзор за нравами королей, на их подчинение своей юрисдикции в альковных делах, на право отстранять от должности прелатов, слишком преданных королю, виновных в чрезмерной снисходительности к нему.

Папские претензии возрастали по мере успехов в развитии средств коммуникации, позволявших церковной организации все более решительно облекаться в монархическую форму. В то же время в окружении понтифика утверждалось враждебное отношение к королю франков. В середине XI века король представлялся главным противником папы в Галлии. Благодаря миропомазанию король находился на стыке духовного и светского миров; он наполовину был включен в епископский корпус. Король поэтому мог быть главным конкурентом для духовенства, а королевская власть — камнем преткновения. Однако помазание позволяло Церкви влиять на короля, пресекать его выходки, внимательно наблюдая за тем, что совершает в светском мире королевская особа, другая ее половина.

Папство ставило перед собой задачу действовать по всем направлениям. Лев IX не только путешествовал. Он учредил по имперскому, каролингскому образцу группу посланников, разъезжавших повсюду. Одним из таких легатов, которому было поручено проводить в жизнь в различных местах декреталии по исправлению нравов, уменьшая также отклонения от догматов (именно он боролся против Беренгария Турского),

являлся монах Гильдебранд, ставший в 1073 году папой Григорием VII. Он сразу же выступил против короля франков Филиппа, сына Генриха. Государь был обвинен в вымогательстве: как и все сеньоры, он заставлял купцов, проезжавших через его земли, оплачивать свою безопасность. А среди этих купцов уже встречались итальянцы, которые в условиях быстро оживлявшейся экономики начинали пересекать Иль-де-Франс. Но в особенности папа обвинял короля в торговле святынями: последний не отказывался от подношений со стороны новых обладателей епископских кафедр, находившихся под королевским контролем.

Агрессивность Григория VII проявлялась все сильнее по мере того, как он убеждался в падении престижа Капетингов. Папа пытался навязать свое мнение епископам Франкии. «Много времени утекло, — писал он в 1074 году, — с тех пор, как королевство Франции, бывшее прежде знаменитым и могущественнейшим, стало терять свою славу». Решив извлечь выгоду из этого упадка, папа прилагал все силы для обновления состава епископов в Готии, в Нарбоннэзе, а также за Роной, в Провансе. Объяснялось это не тем, что в перечисленных провинциях епископы были хуже, чем на Севере, а тем, что государи этих областей, поклонявшиеся Св. Петру, с большей охотой обращали свои взоры и свои стопы в сторону Рима. Расширение конгрегаций Ключи и Сен-Виктор в Марселе сильно подточило власть диоцезов, а короля в этих местах почти забыли.

В некоторых случаях требовалось срочное обновление, как, например, в Систероне. Это епископство сеньор Раймбауд приобрел для своего сына, но предпочел поставить сына на кафедру в Вэзоне, Систерон же оставался без владыки 17 лет; Раймбауд эксплуатировал эту епархию как свое наследственное достояние: «Раймбауд продавал, рыцари покупали». Легаты, архиепископ Арля и аббат Ключи, собравшись в Авиньоне, в 1060 году от имени папы подвергли Раймбауда отлучению от церкви; епископом был избран чужеземец, каноник-монах из коллегии города Улкса; однако этот человек «не смог даже пройти через город... все его отвергали». Как видно, отнюдь не всем представлялись невыносимыми те недостатки, в которых упрекали епископов. И в среде духовенства, и в городском народе меры по оздоровлению наталкивались на сопротивление упрямец. На юге Галлии это сопротивление удалось преодолеть благодаря упорству папы. В течение третьей четверти XI века немалое количество прелатов было здесь смещено и

заменено, имела место настоящая культурная революция. По мнению Э. Манью, этот «кризис» расстроил «одну из пружин старого порядка, основанного на взаимодополняемости светских и церковных правомочий». Верно, что политический порядок покоился ранее на согласии высшей церковной знати и аристократии, которых соединяли узы самого близкого родства. Эти узы были разорваны в результате борьбы, которую возглавил Григорий VII и которую вели рьяные сторонники полного разделения мирян и духовенства. Римские реформаторы достигли своей цели. Они вырвали епископат из подчинения государям, но он сразу же стал для них чужим. Был ли союз всей знати благотворным? Можно ли утверждать, что следствием его разрыва стало в следующем веке новое появление ереси? Я верю Э. Манью, который показывает, что легаты «притесняли» епископов Готии, унижали их. Но я не уверен в том, что они «навсегда утратили свое бывшее величие». По крайней мере, очевидно то, что сокрушительные удары заставили светских государей уступить. Отныне юг Галлии стал для папства надежным плацдармом. Стесняемая в Италии действиями императора, папская власть еще задолго до своего укоренения в Авиньоне получила прочную опору в долине Роны и в средиземноморской Галлии. Начиная с середины XI века эти регионы служили папе трамплином для развертывания своей деятельности в королевстве Франции.

Ради ослабления королевской власти папа стремился изолировать то, что он называл *regnum Franciae*, делая при этом ставку на расшатывание скреп, которые позволили объединить великие княжества в рамках франкского королевства. Папа попытался усилить самостоятельность других властелинов — *regna*. Сначала герцог аквитанцев в 1064 году, а затем герцог нормандцев в 1066 году получили *vexillum* — стяг Св. Петра. Передавая им эти хоругви, епископ Римский благословлял военные экспедиции государей (речь шла об экспедициях за пределы королевства, против неверных в Испании, против погрязшей в грехах церкви в Англии), но также превращал их в своих знаменосцев, помощников, включал их в свой собственный дом, распространял на них свое покровительство, мощь. Не будем принижать значение жеста человека, принимающего в свои руки стяг. Этот жест был таким же обязывающим, как принятие оружия из рук кого-то другого. И если на шпалере из Байё Гарольд изображен с оружием, врученным ему Вильгельмом Нормандским, то это означало, что в соответствии с ритуалом Гарольд как бы поступал в услужение Вильгельму.

Когда король Франции Людовик поднимал орифламму, хоругвь Св. Дионисия, то не означало ли это в начале XII века, что «в качестве знаменосца» он приносит оммаж этому святому? Равным образом не могли ли Ги-Жоффруа Аквитанский и Вильгельм Нормандский рассматриваться как подданные Св. Петра?

Более дерзкими были действия легатов в графстве Анжу. Это небольшое государство без всяких оговорок зависело от *regnum Franciæ*. Однако в 1067 году один из папских уполномоченных осмелился распорядиться «честью» владельца Анжу. Граф покусился на вольности Церкви, его преступление заключалось в том, что он установил над некоторыми религиозными учреждениями края такую власть, которую эти учреждения не могли более терпеть. Легаты решили облегчить их долю. Они отобрали Анжу у графа, передали владение его брату «от имени Святого Петра». Именно эти слова употребляет составитель документа, желавший сохранить память о них. Слова звучат двусмысленно. Можно было понять их так, что Св. Петр, епископ Римский, в результате этой передачи становился — вместо короля — сюзереном «государя», получившего графство. Король не был, правда, полностью исключен из сделки; новому графу пришлось договариваться с ним, уступить ему Шато-Ландон, землю своих предков. Не заключались ли намерения римской курии в том, чтобы использовать формы пожалования и личной зависимости для распространения на княжества папского патронажа — точно таким же способом, каким этот патронаж был распространен на монастыри Ключийской конгрегации? На Юге, в большем отдалении от центров власти Капетингов, такая политика развивалась в открытой форме. Так, в 1081 году граф Прованский принес оммаж папе, четырем годами позднее граф де Могио признавал, что получил свою сеньорию и епископство Магелонна от Св. Петра, обязывался отныне ежегодно выплачивать папе по унции золота. По форме эти выплаты напоминали сбор, который выплачивало аббатство Ключи и которое символизировало его подчинение папе. На папском престоле был в тот момент Григорий VII, проводивший наступление на Севере.

Он доверился двум епископам, выбранным в недавно реформированных областях, — Амату, епископу Олорона, и Гуго, епископу Ди. Одного из них папа сделал архиепископом Бордо, другого — архиепископом Лиона. На них была возложена обязанность вести борьбу в северных церковных провинциях. В 1080 году Гуго заставил склониться перед собой архиеписко-

па Реймского. Через восемь лет, ведя борьбу с архиепископом Санса, он поставил на епископскую кафедру в Шартре Ива, каноника-монаха из Бове. Митрополит упорствовал, отказался миропомазать избранника. В 1088 году папа сам совершил рукоположение Ива в Капе. Но король франков Филипп I поддержал архиепископа, в 1094 году созвал в Реймсе собор, чтобы изгнать Ива из Шартра. И тогда римская курия прямо выступила против сюзерена.

Граф Анжу, тот самый, которого Рим привязал к себе 17 лет назад, лишив его брата наследства, злоупотребил своей властью, бросив этого брата в темницу и доведя до сумасшествия. За это граф был отлучен от Церкви. Гуго де Ди поспешил снять наказание, а позже, в Отене, на другом соборе, проходившем под его председательством, объявил об отлучении самого Филиппа I. Отнюдь не по причине вымогательства, симонии. Король торжественно сочетался браком с супругой этого самого графа Анжу, хотя первая жена короля была жива; новая супруга приходилась ему двоюродной сестрой. Итак, и двоеженство, и кровосмешение. Этого было достаточно, чтобы если и не погубить короля совсем, то, по крайней мере, принудить его к покаянию. Посланников папы поддержал их ставленник Ив Шартрский, единственный из всех епископов Франкии, который в 1029 году публично осудил женитьбу короля. На стороне легатов выступил и граф Анжу, помирившийся с папой и послушный ему. Отныне по его приказанию на документах, исходивших из графской канцелярии, ставился не год царствования Филиппа, ибо, по словам графа, «его прелюбодеяние позорит королевство Франции», но год понтификата. Такая модификация формулы означала просто-напросто переход суверенитета, который из-за греховности короля оказывался в руках папы Урбана II, бывшего великого настоятеля Клуни.

Как некогда Лев IX, Урбан II стал путешествовать, показывая миру свою державность, созывая в избранных местах соборы для проведения реформы. На одном из них, в Пьяченце, на Севере Италии, он провозгласил каноны, которые еще более разделили духовенство и светский мир. Первому было предписано еще больше очиститься, приняв обет безбрачия; второй терял все свои права на сакральное: при инвеституре запрещались жесты, выражающие какую-либо зависимость духовного от мирского. Затем папа появился в Галлии, начав свое путешествие с тех областей, в которых его превосходство являлось неоспоримым. Из Валанса, из Пюи были разосланы приглашения на Великий собор. Он должен был состояться в Оверни,

в Клермоне, на передовой линии борьбы, перед лицом королевской Франции, тех провинций, где архиепископы и епископы, следуя каролингской традиции, изъявляли чрезмерную почтительность к достоинству и прерогативам короля-помазанника. Доказательство: они благословили брак Филиппа. Глас Ива Шартрского был гласом вопиющего в пустыне.

В конце 1095 года торжествующая теократия заявила о себе в Клермоне, устроив пышный спектакль. Все духовенство и весь народ, знать, средний и малый люд собрались вокруг папской персоны. Понтифик занимал место, которое когда-то, во времена мироустроительных собраний, предназначалось для святых мощей, то есть место отсутствующего короля, место Божие. Урбан II сразу же показал, обращаясь к Северу, что берет в свои руки реформу епископата. Постановления, принятые в Пьяченце, были дополнены следующей статьей, рассчитанной на то, чтобы еще более отделить прелатов от сюзерена: «Любому епископу или священнику запрещается давать королю или другому светскому лицу присягу на личную преданность (*fidélité lige*)». «Преданность-lige» — это выражение из лексикона периода вассальной зависимости, оно подчеркивает приоритет взятого на себя личного обязательства перед всеми другими (включая обязательное несение военной службы). Используя такую терминологию, церковный канон не запрещал любые другие формы преданности. Но он во всяком случае предоставлял аргумент тем, кто хотел бы что-то оспорить, уклониться, предать. Затем Урбан II обобщил, унифицировал предписания мира Божия, распространив их на весь христианский мир, как бы взяв на себя роль единственного наместника Всевышнего на земле, единолично ответственного за все, на ней происходящее. Эти две сцены стали кульминацией представления. Их дополнили два акта. Папа торжественно подтвердил отлучение Филиппа I. Нельзя не заметить, что король франков впервые подвергся такому наказанию, но это было и в последний раз. Затем папа выступил на лужайке у ворот старинного города, приняв позу Карла Великого из легенды, императора окончания века, верховного вождя, ведущего Божий народ к озарениям Второго пришествия Христова. Из центра Галлии он призвал к тому, что мы называем крестовым походом. Сам текст его речи потерян. Хронисты воспроизвели его следующим образом: «Спасите ваших братьев, обитающих на Востоке. Неверные дошли до моря, которое называют Пролливом Святого Георгия (оно омывает Константинополь), они их уже семь раз победили в битве, они скоро двинутся дальше.

Поэтому я вас призываю, вернее, Всевышний вас призывает, бедных и богатых, отправляйтесь... Те, кто погибнут в пути или в сражении, получают отпущение грехов. Пусть те, кто под внушением сил зла бились друг против друга, обратят отныне свое оружие против нечестивцев».

Урбан II возвращался к замыслу Григория VII. За 20 лет до описываемых событий папский престол намеревался ответить на призыв о помощи, исходивший от императора Византии, которому угрожали турки. Надо было воспользоваться этим случаем, чтобы подготовить примирение с Греческой Церковью, а может быть, и ее подчинение римской власти. Все же принятое в 1095 году решение вписывалось в идеологию мира Божия. Имелось в виду умирить внутри народа Божия воинственность людей с оружием, обратить ее вовне, против врагов Христа, чтобы раздвинуть пределы Его Царствия, помочь угнетенным христианам, защитить паломников. Меч, вложенный в руки людей второго сословия, отныне должен быть обращен только против зла. Каким образом *militia*-воинство, пыл которого пытались укротить с помощью перемирий и мира Божия, могло показать большую верность своему истинному предназначению? Естественно тем, что оно соберется на священную войну под знаком креста, символа победы. К тому же подобная война уже велась на протяжении более чем полувека. Под предводительством государей Юга рыцари из королевства Франции, королевств Аквитании и Каталонии, а также из более отдаленных мест — Бургундии, Шампани — привыкли сражаться с мусульманами на дорогах, ведущих к монастырю Сен-Жак-де-Компостель, поддерживая усилия королей Арагона, королей Кастилии по вытеснению ислама. В 1063 году папа Александр II обещал отпустить грехи тем, кто отправится в путь для участия в богоугодном деле. Обещание принесло плоды. В следующем году граф Пуатье смог собрать большую конную рать, повести ее в Арагон, взять Барбастро. Трофеи были бесчисленными. В 1073 году в поход отправился один из северных сеньоров, Эбл, граф Руси, шурина короля Арагона. Окруженный многочисленным воинством, он, по словам Сугерия, сам походил на короля. Семью годами позднее новую экспедицию предпринял герцог бургундцев, оказавшийся менее удачливым.

Повсюду рассказывали о том, какую выгоду приносили походы в Испанию. Сражения там шли в благодатных землях, щедрых на удовольствия; рискуя жизнью, можно было спасти

душу. Есть ли для рыцаря более приятный способ принести покаяние? В Испании папство захватило руководство этими сражениями: оно давало благословение отрядам, оно обещало их участникам духовное вознаграждение, оно распространяло на них такое же покровительство, какое должно было обеспечивать беднякам и безоружным паломникам. Как и эти пилигримы, «воинство Христово» ставилось под защиту Господа. На Клермонском соборе одновременно с мироохранительными учреждениями были кодифицированы каноны священной войны. Однако цель предлагалась другая: Иерусалим, Гроб Господень.

Это святое место завораживало сильнее, нежели гробница Св. Петра, нежели гробница Св. Иакова Компостельского. Какой благочестивый христианин не желал бы посетить его, пройти своими ногами путь, который прошел Христос, и умереть там, поблизости от Иосафатовой долины, где усопшие первыми восстанут из гробниц, когда наступит обещанное Воскресение! Странники приходили в Святую Землю редко, ибо путь к ней был сопряжен со многими опасностями, требовал большого самоотречения, готовности вынести многие тяготы, притеснения со сторон неверных. Однако в 1000 году количество паломников умножилось. В опасный путь отправились граф анжевенцев Фульк, граф нормандцев Роберт, попросившись с родными так, как это делают на смертном одре. Потрясения, которые в последующие годы переживал Ближний Восток, сделали паломничества еще более опасными. Но в то же время предметом более пристального внимания становится Новый Завет, текст канонических книг Евангелия, повествующих о жизни Спасителя.

Такое внимание было обусловлено общим подъемом культуры, первыми шагами движения, которое вело к тому, что христианство постепенно переставало ограничиваться областью магического, литургиями, поклонениями и начинало опираться на реальности жизни. Иерусалим, Вифания, Голгофа все более входили в сознание людей. Наконец, в сохранившихся элементах триумфальной эсхатологии еще жил великий мираж, надежда увидеть однажды, как все человечество устремится к местам Страстей Господних, Воскресения и Вознесения, как все оно соберется, расположится в порядке, установленном монархической властью, которая стала полностью духовной, ради последнего, искупительного переселения в канун Страшного Суда. Папа заменил собой императора. Папа должен был подать знак к походу. И он сделал это. В первые ме-

сяцы 1096 года понтифик прибыл в Анже, затем в Тур. Эти города стали крайними точками в его наступлении на державу Капетингов. В монастыре Сен-Мартен, аббатом которого являлся Филипп I (как и его предшественники), Урбан II приказал торжественно короновать себя и вручил графу Анжуйскому орден Золотой Розы, привязав графа к себе этим великолепным даром. Из Тура папа обратился к архиепископам королевского края, владыкам Реймскому и Сансскому, с посланиями, в которых порицал прелатов, не порвавших отношения с отлученным сюзереном. Урбан II возвратился на юг через Бордо, Тулузу, Ним. Какое же воздействие оказало такое путешествие на эволюцию властных сил?

Не будем упускать из вида то, что эта поездка состоялась в момент, когда ускорились темпы развития. Достижения в области культуры нагляднее всего свидетельствуют о подъеме жизненных сил. Примером может служить быстрый прогресс архитектурно-строительной техники. Как раз во время проезда Урбана II через Ключи мастера, работавшие в большой монастырской церкви, пришли к выводу о том, что есть возможность заменить сводами первоначально задуманную опорно-балочную конструкцию ее перекрытия. Этот общий подъем объясняет тот неожиданный, ошеломительный отклик, который получил в королевстве Франции призыв к походу в Иерусалим.

Призыв не был обращен к королю; отлучение лишало его права участвовать в предприятии. Король смирился. Его сыну исполнилось 14 лет. Достигнув совершеннолетия, он мог бы пойти в поход. Но мальчик являлся единственным законным сыном короля, его наследником по рождению, рискованно было подвергать его опасности. Все же среди старших в роду нашелся один подходящий — брат Филиппа, Гуго Вермандуаский. Он принял знак паломничества — на его одежды нашили крест. Таким образом, дом Капетингов был представлен одним из его вождей. Папа отнюдь не обращался только лишь к северной Галлии. Урбану II и его советникам экспедиция представлялась папской. Поэтому они ожидали, что основную часть войска и военачальников, которые его поведут, представят провинции южной Галлии, уже два десятилетия находившиеся в руках папы и его легатов. В соответствии с разделением общества на две части и в духе самой чистой традиции христианской империи этому войску следовало иметь двух предводителей, одного — епископа, а другого — графа. Папу

должен был представлять видный руководитель — Адемар де Монтей, епископ Пюи, а светскую власть — граф Тулузский Раймунд де Сен-Жиль. Старый франкский край охватил поразительный порыв, он оказался столь мощным и столь продолжительным, что словом «франк» стали называть всех пилигримов в Святую Землю, пока был жив дух крестовых походов. «Деяние Господа через Франков» — так называется повествование бенедиктинца Гвиберта Ножанского о первом походе.

Действительно, его участники в большинстве своем были выходцами с севера королевства. К весне 1096 года готовы были двинуться «бедные люди» этой стороны. Разумеется, призыв Урбана II был обращен и к ним. По правде говоря, никто не ожидал, что они поднимутся с места. Но они отправились в поход, были первыми. Произошло какое-то потрясение всей маргинальной народной среды. Стихийная мобилизация, восхитившая монастырских летописцев, которые, может быть, преувеличили ее размах, была следствием демографического избытка, как и голод в неурожайные годы, как и порывы сниматься с насиженных мест, возникавшие время от времени среди крестьян то одной, то другой провинции.

Толчком к такой мобилизации послужили и успехи церковной реформы, несшей зачатки протеста и беспорядка. В реформаторском дискурсе звучал, как его эхо, голос смуты, до поры заглушенный. В самом деле, реформаторы восхваляли свободу, духовные искания, призывали вернуться к чистоте, к строгости первых веков христианства. Они предлагали более внимательно читать «Деяния апостолов» и пробуждали в элите людей Божиих желание следовать примеру первых учеников Христа, жить в бедности, нести его слово беднякам. В последние годы XI века на границах установленной Церкви увеличивалось число тех, кто с пылом предавался покаянию. Многие устремились в глубь западных лесов, восточных гор. Среди них были бывшие каноники, убежденные в том, что реформирование городских церквей нельзя было приостанавливать; они уходили вдаль от городов, жили в уединении и молчании, питаясь травами и кореньями, спасаясь от полчищ фанатиков, продолжавших и там их преследовать.

Другие же не становились отшельниками, поселялись вблизи быстро растущих городов, неся слово Божие, осуждая священников, погрязших в роскоши и утехах, показывая также пути к Земле Обетованной. В устах этих агитаторов постоянно звучало имя Иерусалим. Благодаря таким людям, одного из которых называли Петром Пустынником, Клермонский при-

звук нашел отзвук в неустойчивых зонах народного общества. Толпы пришли в движение, вдохновленные старой мечтой о тысячелетнем царствии. На своем пути они истребляли евреев, сами становились жертвами побоищ.

В северной Франции поднялись и рыцари, но они не спешили. Государи постепенно выстраивали их ряды. Все или почти все рыцари приняли крест. Встретившись на границах королевства, потомки Карла Великого — герцог Нижней Лотарингии Годфрид Бульонский, его брат граф Булони, граф Эно — посчитали себя достойными по праву рождения возглавить паломничество. Его участниками стали также граф бретонцев, герцог нормандцев, граф Блуа, его шурин. К ним присоединился граф Фландрский Роберт, только что возвратившийся из искупительного путешествия в Святую Землю. К концу лета воинство Христово было готово начать движение. Рыцари шли медленно, разными дорогами, разделившись, образовав несколько самостоятельных потоков, многолюднейших семейств. Они походили на передвижные дворы, в окружении которых герцоги и граф совершали непрерывные объезды всех своих владений, а иногда и устремлялись за их пределы, когда государей охватывало желание отправиться в дальнейшее путешествие под предлогом поклонения реликвиям или участия в коронации короля. Каждый из отрядов, кроме рыцарей, включал женщин, слуг и всех безродных молодых воинов. В походе отряды ревниво оберегали свою самостоятельность, не теряя ни одного случая показать себя перед соседями. Взаимная неприязнь различных народов Галлии не утихла за время трехлетнего похода, изобиловавшего ловушками.

Но это было только начало. «Иерусалимская экспедиция» продолжалась бесконечно долго. Она как бы и не прекращалась, поскольку в промежутках между крупными предприятиями, которым историки присваивали порядковые номера, группы вооруженных паломников беспрестанно, в течение почти трех веков, пополняли ряды франков, обосновавшихся в Святой Земле, оказывая им в какие-то моменты военную поддержку. Я подчеркну здесь два последствия крестовых походов, оказавших значительное воздействие на политическую эволюцию французских земель.

Прежде всего, они позволили снять напряженность. Была удалена излишняя часть рыцарства. Несомненно, рост числа клеток военного общества тормозился ограничениями, которые мешали мужчинам иметь законное потомство. Но, как я уже говорил, такое сдерживание возбуждало в самом обществе

беспокойство. Его в значительной степени удалось смягчить благодаря восточным экспедициям, которые предоставляли возможность многочисленным младшим братьям основывать за морем свои собственные дома. Но главное, эти экспедиции были чудовищно смертоносными. Будучи лишь продолжением мира Божия, крестовые походы сделали его во много раз прочнее. Они оказались мощным фактором внутреннего спокойствия, способствовали воссозданию и укреплению государств.

Все государи, отправлявшиеся в крестовый поход, если только они не падали духом в пути (подобно Стефану Блуаскому, который возвратился, покрытый позором, и настолько себя обесчестил, что вынужден был вновь пойти в Святую Землю и там найти смерть), значительно поднимали свой престиж, проявляя отвагу. Король должен был бы совершить паломничество, быть в нем первым. Папству удалось опорочить короля, лишив его этого права с помощью отлучения. Итак, первый из крестовых походов, как его замыслили в Клермоне, способствовал тому, что престиж королевской власти еще более потускнел, усилился ее упадок, которому радовался Григорий VII (хотя этот поход и принес провинции Капетингов большее облегчение, чем любой другой провинции, ибо нигде папский призыв не вызвал такого же энтузиазма).

Однако оборот, который приняло связавшее Филиппа брачное дело, позволил выявить весьма прочные основы франкской королевской власти, выдержавшие натиск римской курии. Тот, кого объявили кровосмесителем и двоеженцем, не сдался. Он прикидывался кающимся, отделялся словами, но не оставил жену. Дело в том, что король ощущал поддержку, прежде всего со стороны государей: они защищали честь своего сюзерена как его верноподданные. Герцог аквитанцев — Гильом Песенник — силой разогнал церковный собор, который был созван в 1099 году в Пуатье, чтобы вновь подвергнуть короля отлучению. И главное, Филиппа поддержали его епископы, не отрекшиеся от сюзерена. Это было вторым сюрпризом. Сыграло свою роль не только их нежелание быть под надзором папы и его легатов, выслушивать их наставления и следовать их предписаниям. Сами функции епископов непосредственно связывали их с короной. Солидарность, удивительная солидарность, которую они проявили, заставила задуматься тех, кто проводил папскую реформу, и в первую очередь Ива Шартрского. Каролингская модель, в которой король включен в общество епископов, оказалась более прочной, чем предполагали приверженцы понтифика. Поэтому отношение епископа

Римского к Филиппу сразу же изменилось после того, как в 1105 году король выполнил в аббатстве Сен-Жермен-де-Пре обязательный ритуал покаяния — в одеянии кающегося грешника, сняв обувь, выслушав папские обращения, обещал более не грешить. И никто не взялся проверить, выполняет ли король свое обещание.

Огромную опасность для папы представлял император, король тевтонов. И это побуждало понтифика быть менее взыскательным по отношению к королю западных франков, удовлетвориться видимостью покаяния в том, что касалось его незаконного брака, умерить свои требования относительно процедур занятия епископских кафедр. Политика требовала от римской курии быть отныне другом Капетинга. В 1107 году папа Пасхалий II, находясь во Франкии, безуспешно пытался договориться с императором Генрихом V, но установил прекрасные отношения с двумя королями-соправителями — Филиппом и его сыном Людовиком.

Они согласились с тем, что епископы королевства должны свободно избираться в соответствии с каноническими установлениями духовенством и народом, фактически — соборным капитулом. Взамен папская власть соглашалась на то, чтобы любому избранию предшествовало предварительное разрешение сюзерена. Это обязывало каноников являться в королевский дворец для обсуждения кандидатур и при окончательном выборе принимать в расчет предпочтения, выраженные дворцом. Была также достигнута договоренность о том, что *regalia* — сеньориальные прерогативы, которые епископ получал при посвящении его в сан в дополнение к своим сакральным функциям, должны вручаться избраннику королем, после изъявления ему преданности и с помощью обычных жестов инвеституры. Благодаря этому король приобретал еще одно преимущество: «регалии» возвращались в его руки, когда епископское место освобождалось. Король оказывался мирским наследником усопшего или отставленного владыки, мог на законных основаниях вывести всю движимость из его дома, эксплуатировать епископство, пока место его главы оставалось незанятым. Так в первые годы XII века завершился «грегорианский» кризис. Он представлял собой серьезную угрозу для королевской власти, но фактически подготовил ее новый подъем. Здесь необходимо принять во внимание три обстоятельства.

Отныне не юг королевства, но его север был избран папами в качестве пристанища в их спорах с императором. Именно

отсюда они намеревались или демонстрировать ему свое пренебрежение, или идти с ним на соглашение. То, что историки назвали «спором об инвеституре», столкновение двух держав, имевших вселенские притязания, папства и Империи, привело в конце царствования Филиппа I к складыванию союза между Римом и христианнейшим королем. Этот союз давал королю неисчислимые выгоды.

Не меньшие выгоды получал король благодаря обновлению епископских функций. Процесс этот завершился при понтификате Каликсте II. В отличие от своих предшественников, он вышел не из монастырской среды. Ранее Каликст был архиепископом Вьенна. Этот папа решительно покончил с покровительством клановому монашеству в ущерб белому духовенству. Институт монашества сохранил огромную жизненную силу, но произошла его дифференциация. В монастырях Гранмон, Шартрёз, Сито были приняты новые уставы, авторы которых вдохновлялись моделями, заимствованными у восточного христианства, отвечавшими весьма строгим требованиям. Такую строгость питал усердно читаемый Новый Завет. Монахи нового образца более не оспаривали власть у епископов. Епископы же поддержали развитие Цистерцианского ордена, который стал питомником добрых прелатов. Конечно, многие епископства королевства зависели не от его сюзерена, а от других государей, которые, как и сам король, контролировали выборы, распоряжались доходными регалиями и в той же мере, что и он сам, извлекали выгоды из восстановления епископата. Однако король оставлял далеко позади себя всех государей по числу епископов, которые обязаны были присягать ему на верность. Капетинги ни разу не выпустили из своих рук такой козырь, как патронаж над четырьмя митрополичьими кафедрами на севере Франции — в Реймсе, Сансе, Туре и Бурже. К королевскому трону начинали устремлять свои взоры епископ Пюи, епископ Манда, находившиеся в зонах с неопределенной государственностью. По мере того как постепенно стирались границы, установленные во время Верденского раздела 843 года, знатные люди в этих пространствах все более ощущали свою принадлежность к королевству, объявляли об этой принадлежности. Дело в том, что миропомазание короля ставило его в центр коллегии епископов и утверждало в качестве естественного покровителя всей Церкви Франции, которому помогает коллегия. На завершающей стадии реформа церковного механизма неминуемо возрождала каролингскую традицию, ту модель, которую предложил в начале XI века

Адальберон Лаонский, не надеясь на то, что по этому образцу будет преобразована вся политическая жизнь.

Наконец, реформа внесла зачатки рациональности в управление власти. В самый разгар борьбы против светских сил за celibat клириков и законность брачных отношений мирян выявилась потребность в шлифовке юридических инструментов, в сборе и упорядочении нормативных текстов. Эта работа приобрела более строгий характер, когда в Галлии познакомились с элементами греческой логики благодаря переводам с арабского языка. Таково было еще одно следствие успехов в священной войне, результат отвоевания Толедо христианами. Дело очищения, в котором столкнулись между собой две власти — духовная и светская, привело к появлению третьей власти, власти интеллектуалов, «мэтров». Это *magistri*, а не *domini* — власть наставляющая, а не повелевающая. Она родилась в лоне церковного института, обслуживая его стремление к вольностям и мощи, но вышла за пределы этого института. Такой властью обзавелись светские государи, без труда захватив ее. Не все те люди, которых готовили в школах для толкования слов Священного Писания и имперских заветов, могли сделать церковную карьеру. Многие из них нашли себе применение при дворах, получая жалованье за искусство владения юридическими доводами. Но среди всех мастерских, в которых сопоставляли писания отцов Церкви и канонические установления, чтобы согласовать расхождения между ними, самые деятельные находились севернее Луары, рядом с соборами, хранившими каролингскую мудрость, вокруг Парижа, в самом этом городе. И в данном случае король оказывался в самом выгодном положении.

VIII. КОРОЛЬ-СЕНЬОР

Филипп был первым в роду Капетов, нареченным именем, новым для этого рода. Его привезла с Востока Анна Киевская, супруга Генриха, сына Роберта Благочестивого. В поисках невесты королевской крови приходилось отправляться в очень далекие края, ибо поблизости уже не находили подходящих девушек, которые не являлись бы двоюродными сестрами жениха. Браки с кузинами запрещались владыками Церкви, которые проявляли невероятную требовательность, чтобы не допустить кровосмешения. Филипп был королем франков с 1060 по 1108 год, его царствование оказалось одним из самых про-

должительных в истории Франции. Филиппу было восемь лет, когда умер его отец, а в шестилетнем возрасте он уже был помазан. Никого не удивляло то, что на троне оказался малый ребенок. Королевское служение являлось честью, а честь передавалась от отца к сыну, по старшинству во всех знатных родах Франкии. Необходимо было лишь дать мальчику опеку на шесть лет, отделявшие его от совершеннолетия. Но отнюдь не мать ребенка стала выполнять опекунские функции. Вся власть принадлежала мужскому полу. Вдову сразу же взял в жены великий сеньор, граф де Валуа. В соответствии с обычаями, которым следовали в знатных семьях, опекунство досталось ближайшему родственнику по мужской линии — шурина Генриха I, графу Фландрскому Бодуэну. Он честно выполнил свою миссию: уже через три поколения после захвата власти Гуго Капетом династии нечего было опасаться.

Традиционно считается, что Филипп внешне выглядел весьма убого по сравнению с другими государями королевства, своими современниками, такими как граф Тулузский Раймонд де Сен-Жиль, герой крестового похода, как Роберт Фриз, дерзко похитивший графство Фландрии у двух своих племянников, опекуном которых он являлся, как Вильгельм Нормандский, завоевавший королевство Англии, как Гильом Аквитанский, который на какое-то время захватил графство Тулузы, а после завоевания Иерусалима стал единственным организатором новой экспедиции в Святую Землю, ему приписывают авторство самых древних из дошедших до нас эротических поэм на местном диалекте. В описаниях историков-позитивистов король Франции предстал как личность, «погрязшая в утехах чревоугодия и сладострастия», как безвольный прожигатель жизни, легко выпустивший бразды правления из своих рук.

Такие суждения обусловлены целым рядом обстоятельств. В первую очередь сказалось, несомненно, отлучение от Церкви. Написание истории являлось в те времена монополией людей молитвы. Они и представили Филиппа в качестве похитителя чужой жены — государя, который, придерживаясь общепринятой морали того времени в брачных делах, защищал свое право назначать новых епископов, препятствуя реформированию Церкви. Так возобладали суждения о короле, которое вынесли в первой половине XII века монахи-летописцы, связанные с королем Англии, с главными противниками державы Капетингов. Личность этого короля чернил Сугерий, чтобы ярче выглядел на его фоне следующий сюзерен — Людовик VI,

достоинства которого аббат преувеличивал. Историки в XIX и XX веках столь строго оценивали Филиппа также потому, что, прославляя государство, они видели, как при его царствовании блекло королевское достоинство.

На церемонии миропомазания, состоявшейся в 1059 году в Реймском соборе, присутствовали все владетели великих княжеств, за исключением герцога нормандцев. Возгласами под сводами собора они выразили свое право и свой долг в качестве верных помощников королевской власти помогать сюзерену делом и советом. Полвека спустя преемника Филиппа миропомазали как бы украдкой, наспех. Времени не было, Реймс находился слишком далеко. Церемония прошла в Орлеане, архиепископ Сансский помазал короля миррой, которая не была взята из священного сосуда. Герцог Нормандии Генрих I Английский отказался принести оммаж. Не присягнули новому королю герцог Аквитанский и герцог Бургундский. Это был упадок королевской власти. Во всяком случае, отступление. В это время королевский двор теряет свой блеск, его покинули прелаты и обладатели великой чести. Ничего не оставалось от того блестящего окружения, которым с каролингских времен славился король франков. Исчезли завязывавшиеся за несколько дней, проведенных в совместных трапезах, личные отношения между ним и всеми, кто обладал властной силой в королевстве. В эту эпоху подобное окружение и подобные отношения имели особую значимость. То, что высшая знать оставляла Капетинга в одиночестве, следует расценить как факт первостепенной важности. Он побуждает отнести к 70-м годам XI века завершение перемен, которые привели к установлению порядков, называемых феодальными, и обозначили крутой поворот в политической истории.

Можно увидеть, что в это время королевские функции замыкаются в домашних пределах, в рамках «двора» (*«cour»*), а *curia* — курия — приобретает облик *curtis* — разновидности огороженного приусадебного пространства, где в своих жилищах укрывались тогда и знатные, и крестьянские семейства. Окружение короля стало домашним, как у других людей. Не случайно единственными заметными событиями в годы этого столь продолжительного царствования оказывались события семейные — браки, фамильные, альковные дела. Не случайно и то, что на передней сцене долгое время находилась особа женского пола — Бертрада де Монфор, неверная жена. В 1100 году Филипп (которому пошел уже шестой десяток) решил, чтобы в конных наездах его заменил старший сын. Ко-

роль ушел в тень, подобно всем добрым отцам той поры, но отнюдь не из-за слабости характера или трусости, не из-за желания мирно наслаждаться маленькими радостями жизни. Филипп трезво оценивал свои способности выполнять королевский долг, то есть твердо держать в руках меч. Его сыну уже было 22 года, семь лет назад ему вручили воинские доспехи. Он умел гарцевать на коне, владеть оружием, причем весьма недурно. Юношу называли «королевским преемником». Он не получил миропомазания; отец ограничился частной церемонией, на которой представил сына домашним, находившимся в зале, в качестве своего соправителя.

При внимательном рассмотрении письменных формул, посредством которых подтверждалась юридическая сила королевских актов, мы видим, что в этих формулах подписи епископов и государей постепенно заменяются подписями членов королевского рода, королевских рыцарей. Это те рыцари, которые охраняют замки, принадлежащие королю, города, где он имеет свои дворцы и куда поочередно заезжает во время своих бесконечных странствий. Наконец, грамоты подписывают начальники дворцовых служб. Таких начальников четверо: *канцлер*, который по необходимости был человеком Церкви, ибо в его ведении находились домовая молельня, литургии и все, связанное с письмом; *сенешаль*, по необходимости человек шпаги, ибо он был заместителем своего господина по военным делам, а в трапезной нарезал мясо, следил за соблюдением порядка во время публичных пиршеств, которые устраивал король-сеньор, выступая в роли кормильца; *кравчий*, отвечавший за винные погреба, снабженные добрым вином, он занимал видное место в ритуале бесед, «парламентов», собраний, где завязывалась дружба; *камерарий*, он следил за внутренним распорядком, выполнял сугубо частные поручения, занимался тем, что хранилось в личных покоях сеньора, — сокровищницей, денежной наличностью, всеми теми украшениями, которые надевал на себя при торжественных случаях его патрон, чтобы продемонстрировать свою мощь и славу. Поскольку вся власть приобретает почти домашний характер, она в конечном счете вращается вокруг четырех перечисленных служб. За руководство этими службами спорят самые могущественные из тех людей, которые еще приезжают ко двору, — виконты, владельцы замков в Иль-де-Франс. Составляются и сталкиваются между собой кланы. Кто будет подносить кушанья к царскому столу, кто будет надзирать за винным погребом? Как и во времена, когда должна была рухнуть меровингская монар-

хия, власть вновь оказалась в руках майордомов, интендантов, которые распоряжаются дворней.

Фактически всё, что составляет ныне королевскую силу, зависит главным образом от того, чем он владеет как частное лицо, — от его домена, земель, от личной стражи, от лесов, от права на юрисдикцию, на взимание дорожных пошлин, от возможности эксплуатировать с помощью силы вилланов и прохажих пobilности от того или иного замка, или стен того или иного ситэ. И все это — в пространстве между городком Монтрёй-сюр-Мер и южной частью Орлеанэ. Когда стали составлять карты феодальной Франции, то предполагали, что королевский домен представлял собой компактную территорию, значительно меньшую по размерам сравнительно с другими частями карты, окрашенными, например, в цвета Аквитании или Тулузского графства. В действительности владения короля были раздроблены, разбросаны, подобно поместьям всех других государей, подобно земельным участкам, получаемым в наследство крестьянами. А история этих земель состоит из мелких межевых споров, число которых множится. Вместе со съестными припасами сеньория поставляет всевозможные услуги и верных друзей. Управление ею осуществляют прево. Это зажиточные крестьяне, которые откупают арендные права у сеньора, платя вперед. Благодаря такой системе господский дом исправно снабжается, освобождая его хозяина от хлопот по надзору. Она позволяет регулярно возмещать текущие расходы. Когда же эти расходы увеличиваются (что приходится делать в условиях денежной экономики), король и его помощники не упускают ни одной возможности приумножить наследственное достояние. Они обзаводятся новыми сеньориями, расположенными по соседству со старыми. В 1068 году новый граф Анжуйский уступил королю Гатинэ; в 1077 году ему достался Вексен, принадлежавший графам де Валуа, когда последний их наследник — Симон, будущий Св. Симон, ушел в монастырь, решительно отказавшись жениться, стать отцом, продолжить род; в 1101 году было приобретено виконтство Буржа, держатель которого собирался в Иерусалим и поэтому испытывал нужду в деньгах. Король не обладал прежним блеском. Но проявлял строгость, последовательность в управлении наследием предков, а также алчность, в которой папа обвинял Филиппа, ибо тот приказывал своей челяди извлекать максимальную выгоду из кутюмов.

При более внимательном рассмотрении это отступление, этот переход через область домениального оказывается, судя

по всему, полезным и чуть ли не необходимым. Слишком частое присутствие государей при дворе было стеснительным. Граф Анжуйский и граф Блуаский создавали трудности для короля Роберта, плетя интриги в его часовне и среди его родных. А скоро мы увидим, как еще один граф Анжуйский, на этот раз из рода Плантагенетов, будет пытаться во что бы то ни стало войти в королевский дом, домогаясь должности сенешаля. Сужение круга лиц в окружении короля было для него своеобразным освобождением. Не появлялись более ни граф-наместник, ни новые графы, гнездившиеся в щелях королевского домена, вгрызавшиеся в него. Удалились ли они от двора ради своей независимости или же их скорее всего вытеснили оттуда? Не ощущал ли король большую уверенность в окружении товарищей, которым он позволял жить на широкую ногу, которых осыпал «великими щедротами», по словам поэта Васа?

Тем более что королевская сеньория приносила все большие доходы. Она была расположена в удобном месте, в том регионе, который, как кажется, испытывал с начала второй половины XI века наибольший подъем благодаря расширению пахотных площадей и виноградников, а также благодаря возрасставшему достатку крестьян; по воде и по суше передвигались купцы, их число множилось, они достигали все более отдаленных мест, и стоимость перевозимых ими грузов непрерывно возрастала. Пожалуй, самые ранние и самые очевидные признаки подъема торговли историки обнаруживают благодаря разрешительным грамотам, которые выдавала канцелярия Филиппа I. Их действие распространяется на королевский край, на области Бовези, Орлеанэ, Паризи, Ланнуа. Париж был одним из самых мелких ситэ королевского домена, но находился в его центре, стоял на перекрестке самых оживленных дорог. Именно епископа Парижского, Годфрида Булонского, король возвел в сан архиканцлера, который традиционно носил архиепископ Реймссский. В годы царствования Филиппа его двор стал чаще останавливаться в парижском дворце короля. Таким образом, начиналось смещение центра — от Орлеана к городу, который Хлодвиг избрал местом своего погребения. Происходило как бы возвращение.

В самом деле, из недр того, что можно было бы принять за увядание, появляются первые признаки возрождения монархии. Ключийская конгрегация стремится обосноваться у ворот Парижа и добивается включения в свой состав монастыря Сен-Мартен-де-Шан. Там находятся епископы, полностью сохранившие верность королю в разгар кризиса, как и Гильом Пу-

атевенский или даже граф Анжуйский Фульк Решен, которого легаты на какое-то время превратили в орудие своего наступления на Капетингов. Рассказы недоброжелателей Филиппа, чернящих его, скрывают то, что король умел приходить к соглашениям. Несомненно, именно благодаря одному из таких соглашений Фульк не протестовал, когда его жена, от которой он отказался и с которой, вероятно, уже развелся, стала супругой короля (она происходила из рода Монфоров, замок их занимал господствующее положение между Нормандией и доменом Капетингов; герцог нормандцев Ричард I приходился этой женщине родственником по матери, получение ее руки было для короля прекрасной политической операцией). Младший сын Фулька, отправленный на обучение в королевский дом, совершенно естественно получил из рук сюзерена графские полномочия, когда в 1106 году умер его старший брат, являвшийся в течение некоторого времени соправителем своего отца. Герцог аквитанцев был в тот момент при дворе «случайно», по словам хрониста. Разумеется, он прибыл не по вызову короля, но, однако, находился при его дворе, придавая ему блеск своим присутствием; герцог проводил нового графа в Анже; в этом городе Фульк Решен с большой торжественностью принимал самого Филиппа, которого сопровождала супруга, ибо он был королем и сеньором его «чести».

Подобную почтительность к королю проявлял и граф Фландрский. Это ясно видно из одного документа, который обычно приводят [с целью] доказать ослабление державы Капетингов. Генрих, сын Вильгельма Завоевателя, ставший королем Англии, опасался своего старшего брата Роберта Куртгёза, герцога Нормандского, который, как кажется, собирался напасть на него с другой стороны Ла-Манша. В 1103 году король заключил в Дувре, на границе княжества Роберта II Фландрского, договор с этим государем. Документ очень походил на «конвенансы», которые использовались на юге королевства для того, чтобы умерить соперничество между сеньорами. Особенно подробными являлись те статьи договора, в соответствии с которыми между двумя сторонами устанавливался обмен услугами.

Ритуал оказания чести входит в соглашение в качестве его гарантии. Договор был заключен в письменной форме, что свидетельствует о быстром совершенствовании управленческой технологии в северной Франции. Король, совершив ритуальные жесты принятия рук, становится сеньором, берет на себя обязательства. Он клянется честью, что не покусится на жизнь,

на тело графа Фландрии; соглашение прежде всего является пактом о безопасности. Кроме того, Генрих покупает услуги Роберта. Если тот, сражаясь рядом с королем или за его дело, окажется в плену, то Генрих его выкупит. И что особенно важно, король ежегодно будет выплачивать графу сумму, равную 500 ливрам. Это весьма солидная рента, причем рента денежная. «Благодеяние» принимает самую современную форму: времена меняются, и денежные инструменты начинают применяться в политике. Предоставляя воину жалованье, сеньор покупает его услуги точно так же, как тот или иной монастырь в эту эпоху привязывал к себе ежегодными выплатами квалифицированного ремесленника. Если граф Фландрии будет призван (и опять-таки письмом), то в течение 40 дней он должен явиться в распоряжение своего нанимателя вместе с рыцарями. С 1000 рыцарей, круглое число. Надо понимать так, что войско Роберта будет весьма многочисленным. Фландрия — страна авантюристов, она кишит добрыми рыцарями, как Англия — добрыми денье. В документе уточняется, что каждого рыцаря будут сопровождать два оруженосца, один из которых — конюх, а кроме того, юноша, обучающийся ратному ремеслу; рыцарь приведет трех боевых коней. Это перечисление позволяет увидеть еще одну грань прогресса: с недавних пор лошадей стали использовать непосредственно в сражениях; этот ратный инструмент является самым уязвимым, быстрее всего выходит из строя; необходимо поэтому предусмотреть его замену.

Граф Фландрии должен будет повести за собой прекрасно оснащенных бойцов. В этом и заключается его помощь сеньору. (Позднее такую форму отношений назовут «денежным фьефом».) В то же время в пакте тщательно разведены две возможности. В случае, если на короля Генриха нападет его брат Роберт, то граф Фландрии придет с подкреплением даже на остров, погрузив воинов в порту Виссан на суда, которые предоставит его патрон. Однако в статье имеется оговорка. Выполнение службы зависит от обстоятельств, и именно здесь выявляется господствующая позиция короля франков. Может быть, Филипп I поддержит герцога Нормандского, своего человека? Такова, в самом деле, ориентация политики Капетингов. В 1097 году, сразу же после своего посвящения в рыцари, принц Людовик уже воевал с предыдущим королем Англии, Вильгельмом Рыжим. Однако граф Роберт получил свою «честь» от короля франков, он также является его верным человеком. Как он должен вести себя? Прежде всего, попытаться отго-

ворить второго своего сеньора от вторжения в королевство Англии. При этом, однако, действовать по правилам: (существует мораль *concilium* совета, запрещающая интриговать, уклоняться от ответа; такие действия рассматриваются как клятвопреступление; запрещающая прибегать к подкупу, предлагая деньги (и вновь на сцене деньги, постоянно присутствующие в игре властных сил, что позволяет обвинять государей, особенно короля Филиппа, в алчности). Если же усилия графа, его добросовестность и лояльность окажутся напрасными, если король Филипп будет упорствовать и ринется в бой, призвав своих верноподданных, то перед Робертом не встанет вопрос об уклонении от этого призыва. Иначе его может ожидать кара, которой подвергаются изменники. Договор не только разрешает Роберту не отвечать на призыв Генриха, но предусматривает, что граф откликнется на призыв короля франков, приведя отряд рыцарей. Разумеется, отнюдь не тысячу рыцарей. Численность отряда будет минимальной. Таким образом, граф Фландрии пойдет служить Генриху, только если Филипп не примет участия в войне. И в этом случае на все время экспедиции он будет включен вместе со всеми своими бойцами в рать короля англичан; ему обещано возмещение всех расходов, в том числе убытков от потери покалеченных или убитых лошадей, как это принято в отношении друзей дома. Роберт может не приехать, если заболит или если будет призван «в ополчение (ост) короля франков». Королю служат в первую очередь. Не потому ли, что он является сеньором фьефа, которым, как кажется, представлялось графство Фландрии? Или просто потому, что король, в качестве наместника Господа, является высшим хранителем порядка и собирает свой «ост» для поддержания или восстановления мира на территории, которая ему доверена? Я склонен думать, что в ту пору, в начале XII века, Роберт сознавал свои обязательства по отношению к королю не потому, что являлся его вассалом, но потому, что в качестве одного из «государей» королевства был обязан хранить верность его главе и выполнять свои публичные функции.

Вторая возможность: Генрих выступает против своего брата, действуя на континенте. Если нападению подвергнется находящееся в большем отдалении графство Мен, которое оспаривают друг у друга нормандцы и анжевенцы, то ожидаемые услуги будут невелики: не более 500 рыцарей, сроком на месяц, один раз в году, с возмещением всех расходов. Если же действия будут развертываться в Нормандии, то Роберт окажет

услуги в полном объеме, даже возьмет на себя все расходы в первые восемь дней. Ибо в данном случае граф примет участие во вторжении в чужую землю, то есть в грабеже. Именно в этом смысл войны — захватывать, отбирать силой все, что можно. Однако велик риск того, что король франков сам вступит на нормандскую землю, идя на помощь оказавшемуся в опасности герцогу. Если такое случится, то Роберт Фландрский выполнит свой первейший долг — он присоединится к королю вместе с теми своими людьми, которые должны по обычаю следовать за ним, как за графом Фландрии, когда король поднимает свой боевой стяг. С ним будут 20 рыцарей. Все остальные 980 человек остаются, как сказано в договоре, «на службе и в преданности королю Генриху», нанимателю, который заплатил им жалованье.

Таким образом, заключенный между двумя государями контракт уважает систему обязательств, в соответствии с которыми, по каролингской традиции, военачальники со всего королевства собираются вокруг сюзерена, когда он сочтет это необходимым. Конечно, обычай привел к значительному сокращению числа воинов, которые должны сопровождать каждого государя. Но в случае с графом Фландрии такой государь должен явиться сам, и именно это важно. Согласно положениям контракта, который я рассматривал, Роберт II последовал за королем, когда тот выступил в 1111 году против графа Блуаского, союзника Генриха Английского; он погиб в сражении вблизи Мо; его сын и наследник Бодуэн был смертельно ранен под Дьеппом, когда рядом с королем Франции он участвовал в войне с Генрихом I, ставшим, наконец, герцогом Нормандским.

Верность, служение — это главное; в ту эпоху еще не сложились строгие правила в отношениях феодалов и вассалов. Заключаются частные контракты, нередко они составлены столь же подробно и тщательно, как тот, о котором шла речь. В них устанавливается различный объем взаимных услуг, которые в частном порядке обязывались оказывать друг другу тот, кто приносил оммаж, и тот, кто его принимал. Одновременно продолжал существовать род верности, сохранение которой требовал обычай. Эта верность означала выполнение долга, считавшегося наипервейшим, — служения тому, кто благодаря священному помазанию стоит над всеми знатными людьми в королевстве. И каким бы «опустившимся» ни представлялся Филипп I, он отнюдь не забывал об обязательствах, взятых по отношению к нему государями, приветствовавшими

короля в момент его миропомазания архиепископом Реймским. Король ясно сознавал значение своего служения. Об этом свидетельствуют два факта. Первый из Капетингов «собиратель земель» Филипп I был, как показывает А. Льюис, «инициатором определенной политики или, во всяком случае, человеком, который первым эту политику стал проводить в жизнь; его приобретения (Гатинэ, Вексен, Бурж) после смерти короля не распределяются среди младших, как раньше, но завещаются старшему». Действительно, вопреки обычаям, которым следовала вся знать, король Филипп оставил младшему сыну лишь малую долю удела. Не была ли эта «политика» продиктована новым представлением о королевском богатстве и уже возникшим (хотя еще четко не выраженным) убеждением в том, что это богатство принадлежит не королю, а короне? Может быть. Вероятно и то, что незаконность супружества вынудила пойти в обход обычая наследования. Младший сын не был незаконнорожденным; бракосочетание его матери совершалось согласно обряду, все, даже папа Римский, считали супружество короля законным. Однако ребенок был плодом кровосмесительного союза; и если полученная им доля наследства оказалась столь урезанной, то не потому ли, что в 1108 году верх при дворе короля взяла партия, которая поддержала против отца его сына, рожденного от первого брака?

Более убедителен второй факт. Старшему сыну (не видят того, что его мать по крови была ближе к Карлу Великому, чем большинство знатных дам королевства) дали имя Людовик. Иначе говоря, Хлодвиг. Королевское имя. Однако имена, которые тогда носили, всегда заимствовали у кого-то из своих предков; и было бы грубейшей, немислимой ошибкой брать имена из другого рода. Но особенно важно то, что в семьях, ближе всего стоявших к каролингскому корню, еще никто во Франции не осмеливался перенимать ни имя Людовик, ни имя Карл. Поэтому решение, принятое в 1078 году, представляется весьма важным. Исходило ли оно от отца, от Филиппа? Или от матери, долгое время оставшейся бездетной? Или, наконец, от того, к кому она обратилась, моля о чуде, — от монаха Арнуля из обители Сен-Медар-де-Суассон, будущего святого, знатока в деле лечения женского бесплодия? Не по его ли настоянию было выбрано такое имя для наследника, которого ждала королевская династия? Во всяком случае, новый носитель имени первого короля франков, принявшего христианство, мог бы таким образом позаимствовать блеск славы своего предка. Если это грубейшее нарушение самых строгих

обычаев, этот акт невероятной смелости действительно совершил Филипп I, сюзерен, который, как говорили после его смерти, из-за своих грехов лишился дара излечивать золотушных, который, как позднее рассказывали монахи Сен-Дени, достаточно понимал, что запятнал свое имя и не осмелился уснуть последним сном рядом с прахом мученика, с гробницами древних королей, Меровингов и Каролингов, то следует видеть в этом человеке инициатора сознательного возвращения к непосредственным истокам самых высоких монархических устремлений.

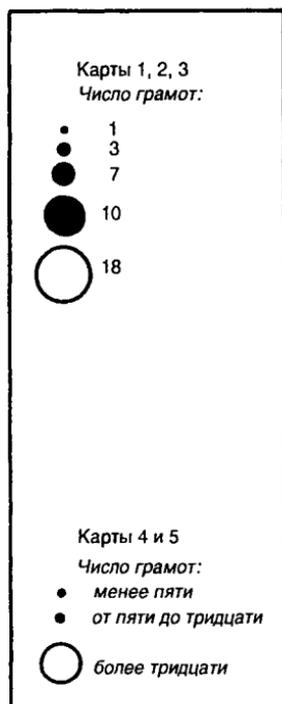
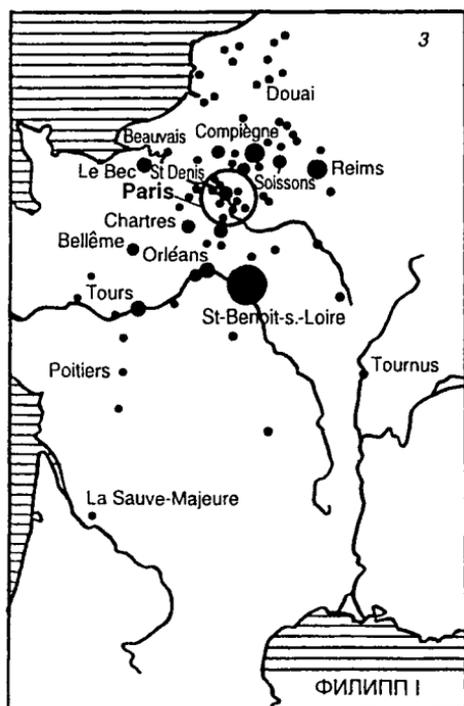
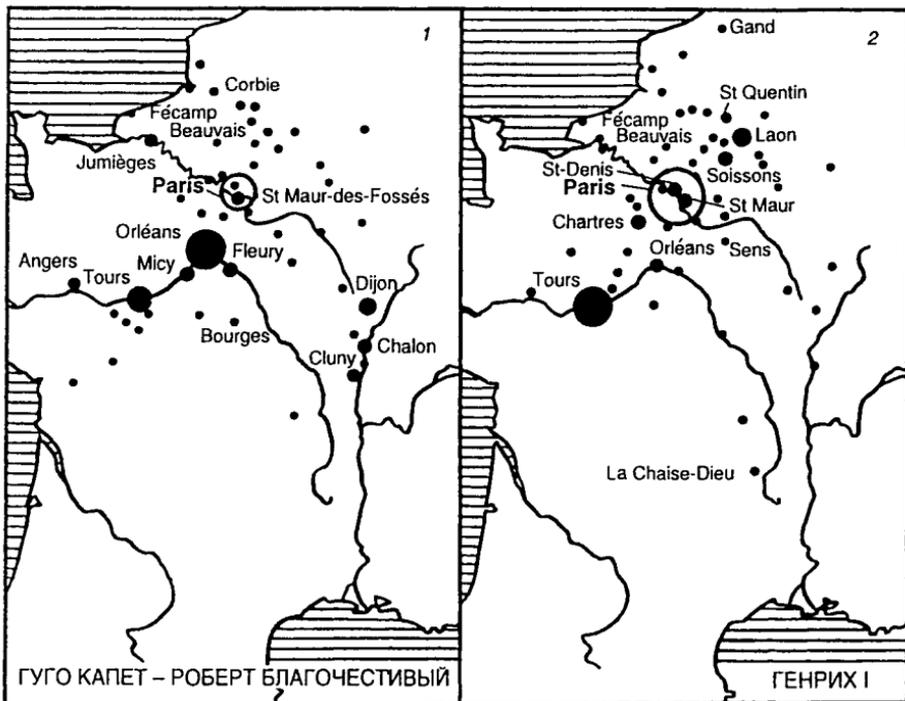
Людовик VI, прозванный Толстым, известен гораздо больше, чем его отец. Объясняется это, конечно, тем, что прогресс во всех делах с течением времени позволил лучше прояснить обстановку, а также тем, что аббат Сен-Дени Сугерий оставил рассказ о жизни этого короля. Но и его прадед Роберт имел своего биографа, скорее агиографа, который изобразил короля как святого. Однако имя Роберта не встречается в маленьких книжках по истории, которые в пору моего детства раздавали ученикам младших классов. А о Людовике VI в них говорится как о добром короле, на протяжении всей своей жизни старавшемся облегчать участь простых людей, сбивать спесь со злых сеньоров. Именно таким хотел его изобразить Сугерий. Он рассказывает, как в 1102 году Людовик, устав терпеть вялость своего отца, стал, наконец, действовать самостоятельно, собрав отряд рыцарей и поведя его на Реймс, против Эбла, графа Руси. В повествовании последний назван «бароном». Будем понимать это слово в соответствии с определением, которое дает Э. Бурнезель: «свободный и сильный человек, который, опираясь на мощь территориальной сеньории, укрепляет свое социальное положение» (то есть свою знатность, в данном случае действительно блестящую, ибо в жилах Эбла немало каролингской крови). Но этот барон был *tumultuosus* — беспокойным, порождающим смятение. Затем появляются еще два слова (оба — из лексикона мира Божия) — «тиран» и «разбой». Эбл не знал меры; «сборы», которые он взимал с тех, кто находился под его покровительством, были слишком тяжелы по сравнению с нормальной платой за безопасность. Говоря об этих бесчинствах, Сугерий называет их жертвы — храмы. В течение двух месяцев Людовик занимался тем, что мстил за них. Он грабил грабителей, «опустошая их земли, предавая их огню, подвергая разграблениям», которые на этот раз являлись справедливыми. Карательные опе-

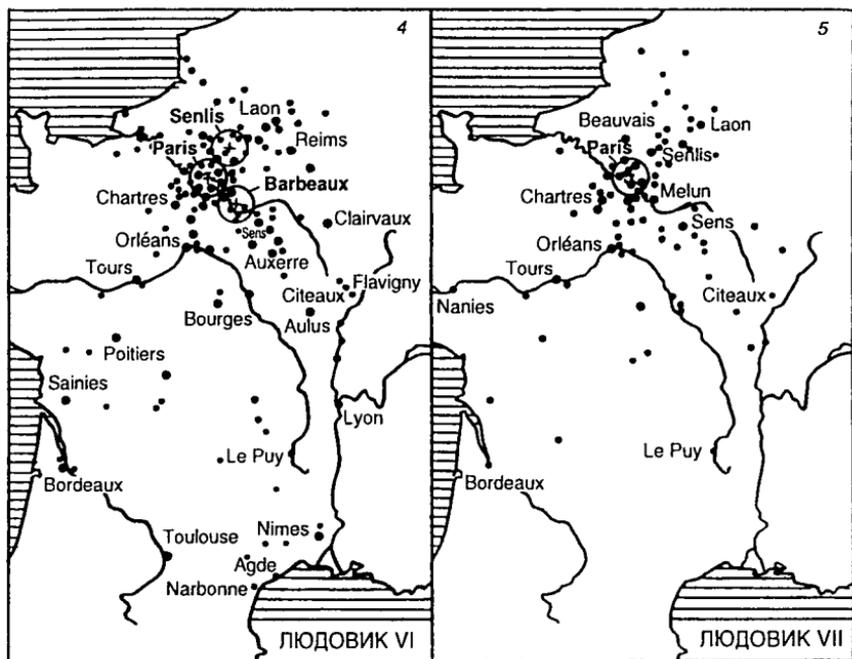
рации велись беспрестанно (за исключением суббот и воскресений), однако прерывались для переговоров. Как восстановить мир? «Новый сир» (Людовик только что стал «соправителем» своего отца, фактически заменил его) просил о мире, ибо торопился в конные экспедиции по другим местам. В итоге он добился мира от тирана. Было заключено соглашение, подкрепленное клятвой и передачей залогов. Едва взойдя на престол, Людовик предстает как борец против несправедливости, восстанавливающий «покой отечества» ударами шпаги.

Шпагу он получил пятью годами ранее из рук графа де Понтё. Нам известно об этом благодаря письму, разосланному графом местным епископам. Оно свидетельствует о том новом значении, которое, по-видимому, придается обряду посвящения в рыцари в ходе медленного созревания рыцарской идеологии. Но событие и само по себе побуждает ставить вопросы. Оно произошло в разгар кризиса, вызванного новым браком Филиппа. Не находился ли в тот момент Людовик вдали от своего отца, следуя принятым среди знати обычаям, в соответствии с которыми все старшие сыновья, взрослая, уезжали из дома, стремясь поскорее освободиться от родительского принуждения? Вскоре, когда, наконец, Людовика провозгласили королем-соправителем, он взял в свои руки все дела по обороне королевства, которое, согласно Сугерию, мечтал захватить король Англии Вильгельм Рыжий, «если бы случайно с наследником произошло какое-либо несчастье».

Отныне каждую весну король будет вовлекать в игру рыцарских сыновей-однолеток, холостых, как он сам, необустроенных. Он действительно предавался игре. Отрешимся от представлений о том, что молодой король якобы истощал силы, посвящая себя изнурительному, тяжелому труду, что он был каким-то аскетом, выполняя долг, который возлагал на него царский титул. Он просто-напросто предавался утехам. И ловил любую возможность, чтобы дать разгуляться своим силам. Как в 1102 году — служа миру Божию, а следующим летом — оказывая поддержку Томá де Марлю, сеньору Ланнуа. Сугерий и Гвиберт Ножанский описали этого сеньора как законченного тирана. Он представлялся им чудовищем, сладострастным как зверь, кровожадным, отсекающим руки, ноги у своих жертв, подвергающим их кастрации. Тома оказался храбрым крестоносцем, вскоре он станет основателем аббатства Премонтре на своих землях. Но ему были присущи и жестокость, и необузданность. В тот год Людовик принял сторону Тома в семейном споре, ибо это открывало поле для военных

ЦЕРКВИ, ПОЛУЧИВШИЕ ОТ КОРОЛЯ ЖАЛОВАННЫЕ ГРАМОТЫ

забав. Карл Великий, деяния которого воспевались в литературных произведениях той эпохи, одаривал своих друзей подобными радостями. Но эти друзья были государями, он увлекал их на край света. Людовик же своих друзей приглашал на рубежи королевского домена, в Берри, на границы Оверни и Бургундии, это были люди из немногочисленных отрядов, стоявших гарнизоном в городах-ситэ Иль-де-Франс или в крупных крепостях, таких, как Корбей или Бомон. В то время как эта «армия», эта маленькая ватага юнцов, сбившаяся вокруг бездомного молодого короля, подобно легендарным паладинам, окружавшим рыжебородого императора, рыщет в поисках приключений вдали от дворцов, рядом со старым, дряхлеющим королем его придворные продолжают борьбу за главные домашние службы. Спор идет между тремя кланами, тесно связанными между собой кровным родством. Во главе одного из них стоят Рошфоры — сеньоры башни Монлери, люди из старинных благородных семейств, как и сами Монфоры, — Монморанси, графы Мёлана. Два других клана возглавляют выскочки из военного сословия: сиры де ля Тур де Санлис и Гарланды. Среди последних большую силу имеет клирик по имени Этьен, архидиакон Парижа. Он идет вверх: в 1101 году его избирают епископом Бове, но Ив Шартрский добивается

отстранения Этьена как человека неграмотного, женолюбца, отлученного от Церкви за симонию. К клану Гарландов принадлежат также Абельяр и Элоиза.

Чтобы представить себе власть, какую имел в описываемую эпоху во Франции король, надо тщательно проследить, как протекали год за годом малозначительные на первый взгляд события. В 1104 году Рошфоры берут верх. Ги занимает место сенешаля. Он получает торжественное согласие на замужество одной из своих дочерей с Людовиком, королем-соправителем. Именно такое сужение рамок брачных комбинаций позволяет отчетливее всего увидеть, как мелкие домашние дела душат королевскую власть. Столь отчетливо, что брачный договор вызвал возмущение современников. Когда в 1106 году папа проезжал через Иль-де-Франс, к нему обратились с просьбой отменить обещание. Понтифик согласился расторгнуть соглашение о браке, отойдя от канонических установлений. Достоинство короны требовало отказа от неравного союза. Но разрыв с Рошфорами означал свободу действий для Гарландов. Этьен был уже канцлером, один из его братьев стал сенешалем, другой — кравчим. Именно в этот момент Людовик берет в свои руки домашние дела отца. Любовь к нему рыцарей дополняется отныне любовью камерариев. Это люди, остававшиеся на ночь в его опочивальне, «возле короля», как тогда выражались, были привязаны к своему патрону самыми тесными узами, которые только могут существовать в кругу мужчин. Некоторые из «постельничьих» имели сервильное происхождение, как, например, рыцарь Генрих, по прозвищу Лотарингец. Все они входили в «семью», и именно в качестве главы этой семьи король Людовик претендовал после смерти камерария Вульгринна на его наследство. В пору своего крайнего ослабления монархия опиралась на преданность людей самого низкого происхождения. Шел 1108 год. В тот год умер Филипп. Состоялось спешное миропомазание.

Монфоры поддерживали в тот момент второго сына Филиппа, матерью которого была Бертрада, их кровная родственница. Союзником выступал граф Мёлана, за которым стоял Генрих I Английский. Двумя годами ранее он пленил своего брата Роберта Куртгёза и захватил Нормандию. Отныне угроза Капетингам будет исходить прежде всего с этой стороны. Людовик сразу же укрепил свой союз с Анжу; он поддерживал Вильгельма Клитона, сына Роберта. Вот почему Генрих Английский не принес оммаж за Нормандское герцогство. Вот почему в 1109 году король собрал ополчение против этого за-

хватчика. Дело на этот раз шло о королевстве. Были призваны все его воины. Под королевский стяг встали граф Фландрский, граф Блуаский, граф Неверский, герцог Бургундский. Для того чтобы доказать законность прав Роберта, Вильгельма Клитона, а также то, что, выполняя свои мироохранительные функции, король Франции защищает справедливое дело, Людовик предложил довериться суду Божию, то есть боевой схватке. Иными словами, он вызвал Генриха на поединок. Из осторожности король англичан уклонился. Стороны довольствовались перемирием, ополчение торжественно удалилось. В этом случае четко просматриваются два уровня политики, которые переплетаются, воздействуя друг на друга. Один из них — высокий и царственный, другой — семейный и частный. Им соответствуют и два вида военных действий: один — торжественный, когда на зов сюзерена приходят все знатные люди, чтобы помочь ему восстановить нарушенный общественный порядок; другой — местный, домашний, когда каждый год, весной и летом, рыцарство собирается, чтобы развлечься, занимаясь поджогами и грабежом.

Именно в ходе одной из таких экспедиций королевских всадников были опустошены в 1111 году земли графа Мёлана, вассала Генриха I. Граф не остался в долгу. На правом берегу Сены, господствующем над ее песчаными косами, в самом Париже он держал сеньорию, бург Монсо-Сен-Жерве, управлял которым его собственный прево. Там были свой рынок, свои налоги, свое правосудие. Графу достаточно было переправиться через Сену. В отместку он разгромил городской дворец, сердце королевского дома. Сигнал тревоги прозвучал громко, он убедил короля в необходимости всемерно опираться на то, что возвышает Капетингов над всеми другими государями, использовать ту роль, которая отводится королевской власти учреждениями мира Божия. Ордрик Виталий, находясь в Нормандии, описывал события значительно позже того, как они произошли. Не питая никакой симпатии к королю Франции, он подчеркивает новый поворот, помечая его задним числом: «Поскольку старость и болезнь лишили Филиппа королевского величия и поскольку строгость его правосудия против тиранов слишком ослабла, то в первую очередь Людовику, ради обуздания тирании грабителей и бунтовщиков, пришлось просить о помощи епископов по всей Франции... Тогда прелаты постановили, что священники должны будут сопровождать короля при осадах или в сражении, с хоругвями и всеми своими прихожанами». Король переставал заниматься играми. Он воз-

мужал, как и его боевые товарищи. Три года назад уже были улажены проблемы, связанные с инвестициями и вольностями Церкви. Оставив прежнюю роль, Людовик избирает ту, которой наделяет его в своем панегирике Сугерий. Начиная с 1109 года, когда, приняв помазание Божие, король призвал к походу против лжегерцога Нормандского, он хотел, чтобы все знали: поскольку король будет отныне сражаться исключительно во имя мира, то теперь за ним пойдут не только рыцари, хищные по природе, но и «бедняки».

Сугерий в своем повествовании делает упор на кампаниях против сира Пьюзе, которые относит к 1111 и 1112 годам. Самая показательная операция по восстановлению справедливости развернулась в 1115 году. Тогда Людовик атаковал Тома де Марля. По правде говоря, это нападение было вынужденным. Ему предшествовали два епископских собора, один в Бове, другой в Суассоне. В соответствии с обычными процедурами угнетатель церквей был предан анафеме. Папский легат даже символически лишил Тома «военной перевязи». Церковные соборы потребовали от короля привести в исполнение их приговор. Собрался «ост»; прибыл граф Неверский; король выполнил свой долг, за что его славили историки. Все они были людьми Церкви и выступали на стороне короля. (Мы увидим, как в 1136 г. Людовик VI вновь выступит с оружием против этого старого тирана, но теперь не ради отмщения Божия, а следуя закону кровной мести. Тома продолжал грабить проезжих торговцев, однако обвинялся он на этот раз в убийстве Генриха Вермандуаского, кузена короля. Другой Вермандуа, Рауль, смертельно ранил Тома. Так семейный долг вновь обладал над священным долгом. Однако это дело не было лишено сакральности, она его подкрепляла, оправдывала.)

На мой взгляд, возвышение монархии Капетингов по-настоящему началось несколько позже, между 1119 и 1124 годами, которые оказались решающими. В 1119 году, 20 августа, король Людовик, который продолжал воевать с Генрихом Английским, был наголову разбит в битве при Бремюле; сам он едва уцелел, пришел в смятение. Король объявил сбор всех воинов, конных и пеших, которых можно было найти на пространстве от Гурне до Клермон-сюр-Уаз, от Нель до Нуайона, а также в Перонн, Турне, Лилле, Аррасе; призывались и люди из Пикардии, Вермандуа, Артуа, из романской части Фландрии. Людовик приехал в Реймс. Здесь папа Каликст II созвал церковный собор мира, намереваясь, во имя Божие, покончить со всеми конфликтами. Перед ним предстали все знатные пер-

соны, считавшие себя обиженными, — архиепископ Нарбоннский, графиня Эрменгарда, выступавшая против своего первого мужа, Гильома Пуатевенского Песенника. Среди них был и Капетинг. Совершив ритуальный жест, которого отныне ожидали от государей, признающих *auctoritas* — авторитет наместника Св. Петра, король укреплял таким образом союз с властью понтифика. В послании, которое Людовик направил тогда Каликсту, он называет себя не королем франков, как раньше, но королем Франции и «особым сыном Римской церкви», напоминая этими словами об очень давних связях, которые установились между Хлодвигом и католическими епископами, между Пипином и епископом Римским, о связях, позволивших королевству тесно объединиться с обновленной церковной институцией, реорганизованной в епископальные иерархии.

В тот же год Людовик VI поднял меч правосудия ради защиты Ключийского ордена. Особого внимания заслуживает грамота, в соответствии с которой король брал на себя торжественные обязательства по отношению к ордену. Документ составлен «по просьбе архиепископов, епископов и государей королевства» ради «прочности» этого королевства. Употребленная формула позволяет оживить воспоминания о великих съездах всех знатных людей, над которыми возвышался сюзерен, осуществлявший высочайший надзор над всем вверенным ему пространством. Действуя ради общественного блага, а не только ради своего личного спасения, Людовик заявляет о том, что берет под «защиту, охрану и покровительство» монастырь, который является «благороднейшим членом его королевства», со всеми обителями, зависящими от этого монастыря и находящимися в королевстве. Перед нами свидетельство того, что Ключийский орден вновь включен в структуры земной власти. В 1119 году Каликст поддерживал обновленный епископат против бенедиктинцев старого обряда, претендовавших на независимость. Так было покончено с мечтой об империи, которая расцвела во времена аббата Гуго. Ключийцы столкнулись ныне с укрепляющимися государствами и вынуждены были обратиться за покровительством к королям. А королям следовало такое покровительство оказывать монахам в соответствии с установлениями мира Божия. И отчетливо видно, что государство Капетингов опирается на эти установления ради утверждения своей мощи, еще совсем незрелой.

Несомненно, что король и его наследники, по букве договора, становились как бы на службу конгрегации, должны были бы выступать только тогда, когда она об этом просит. Однако

такая служба открывала доступ в «крепости, замки и укрепления», принадлежавшие монахам, возможность использовать их военное оснащение. Конечно, использовать их можно было только для нужд королевства, для «общественной защиты», но отнюдь не для частной войны. Но данная статья выявляет претензии короля, желавшего иметь высшее право на все укрепленные места, право, на которое он ссылался, запрещая шестью годами ранее графу Блуа сооружать новые замки без монаршего дозволения.

По правде говоря, главное содержание этого документа заключается в следующем. Общественная защита, о которой в нем упоминается, не есть дело короля или даже королевства, это дело короны. Если король будет использовать оборонительные сооружения, они не перейдут в его руки, но будут находиться в течение необходимого срока «в руке короны Франции». Мы видим, как в это время, а именно в 1119 году, прежнюю концепцию публичной власти начинает теснить новая ее концепция, идущая на смену старой. Сохраняется архаичный образ удерживающей длани. Но теперь эта длань не принадлежит какому-то человеку. Любопытно, что рукой владеет объект — прочный, блистающий, который не может умереть. Он символизирует переход властной силы в сферу незыблемого, в сферу вечного. Отныне государство предстает не как какое-то временное сооружение, возведенное военным вождем. Государство становится понятием отвлеченным. Я имею в виду монархическое государство и отмечаю, что речь идет теперь не о королевстве франков, но о королевстве Франции. Возникает Франция как политическая сущность.

Разумеется, утверждая это, следует сохранять осторожность. Действительно, в рассматриваемом документе перечисляются те обители, о которых Людовик VI говорит как о находящихся «в его королевстве». Но не принимаются в расчет ключийские обители ни в *regnum* Фландрии, ни в *regnum* герцога Нормандского. Конечно же, корона символизирует передачу небесной власти на всем пространстве, обозначенном когда-то Верденским договором. Но в конкретной жизни король обещает действовать лишь там, где может, то есть в той части *Francia*, которая относится к его домену. Но также (и это имеет большую важность) — на том обширном пространстве, где никто из государей не может рассчитывать на единоличный контроль за действиями во имя мира Божия. Королевская охрана распространяется, таким образом, на Ниверне,

Овернь, Бурбоннэ, Брионнэ, на земли по направлению к Сувињи, Сен-Флур, к Марсиньи, Клюни, достигая с этой стороны старинной каролингской границы.

В то же время среди актов, выходявших из королевской канцелярии, множится число грамот с привилегиями для епископских кафедр во всем королевстве. Клирики Руана, Лизьё — в самом центре Нормандии, клирики Бордо уже не остаются равнодушными к власти короля — помазанника Божия. Однако королевское влияние распространяется прежде всего к Востоку и к Югу. Оно начинает ощущаться в Отене, в Лангре, в Маконнэ, викарных епископствах провинции Лиона; оно достигает Клермона, Ле Пюи, Манда, Лодева, Юзеса, Нима, Агда, Нарбонны. Более не считается достойным положение, когда в церковном порядке какие-то внешние силы (если только это не папская держава) встают между епископами и их сюзереном. Король обращается к Каликсту II с протестом против притязаний архиепископа Лионского, который, ссылаясь на действия своего предшественника Гуго де Ди, хочет стать примасом галлов. Этот прелат, говорится в обращении, родом из «чужестранного королевства»; если и нужен примас, то им должен стать архиепископ Сансский, митрополит Орлеана, Парижа, королевских городов.

Как показывает Б. Гене, в эту эпоху прежний образ «франкского народа» в умах просвещенных деятелей сменяется ясным образом королевства. Когда Гуго из Флэри в период между 1110 и 1115 годами решает продолжить написание общей истории, которое он довел до IX века (труд этот посвящался покровительнице пишущих людей долины Луары графине де Блуа, а также и Людовику VI), то он ограничивается рассказом о деяниях королей, начиная с Карла Лысого и кончая Филиппом I. Известно, что этот государь избрал монастырь Флэри для своего погребения, и такое решение не могло не сказаться на направленности рассказа. Однако если сравнить его с теми произведениями, которые в прошлом создавались в этом же монастыре и описывали историю народа, то обнаруживается «знаменательный поворот». Он «отражает прогресс территориального государства и понимание историком этого прогресса». Гуго из Флэри пишет историю страны, очень хорошо сознавая, что основателем этой страны — Франции — был Карл Лысый.

Хотя власть короля сохраняет свой домашний характер, хотя, как полагает А. Льюис, родовое сознание еще более укрепляется в доме Капетингов во времена Людовика VI, хотя в 1121 году, очень рано и, несомненно, в предчувствии опас-

ности, король назначает своего сына Филиппа соправителем, но без церемониала, без миропомазания и таким же образом, как самого его сделали соправителем, — в семейном кругу. Но все же в грамоте, освобождающей в 1119 году кафедральный собор Парижа от дорожной пошлины, говорится, что этот собор находится «в ведении нашего *imperium*». Таким образом, вновь всплывает понятие, взятое из кладовой слов, означающих власть, и нагруженное большим смыслом. Оно ставит властную мощь короля выше мощи князей. Отметим, что королевской канцелярией в тот момент управлял Этьен де Гарланд, архидиакон, благодаря чему указанное учреждение было связано с епископальной школой. И именно в стенах этой школы следует видеть одну из пружин политического возрождения, которое опиралось на обновление основных понятий. Оно происходило здесь, во внезапно разогревшемся очаге исследовательской мысли. Все те, кто жаждал знаний, тянулись к этому очагу, привлеченные достоинствами его мэтров, то есть в Париж.

И здесь я подхожу к другой грани перемен. В 1120 году главный противник короля — герцог нормандцев — согласился, наконец, принести королю оммаж в виде простого обещания дружбы, произнесенного в «приграничье». Тем более что герцог потерял при гибели корабля «Бланш Неф» своего единственного законного сына (у него было много других сыновей, но их матерями являлись наложницы; такие дети, объявленные Церковью бастардами, ныне исключались из числа наследников). Развитие права и описанное событие обусловили уменьшение угрозы со стороны самого опасного из княжеских домов. Однако, как показало сражение при Бремюле и нападение графа де Мёлана, эта угроза оставалась достаточно осязаемой, ощущалась необходимость удерживать в первую очередь Париж, но также Вексен, нужный гласис, обращенный против Нормандии. А для этого важно было укрепить связи с аббатством Сен-Дени, от которого это графство зависело. Людовик VI обосновался в Париже, находившемся на передовой линии обороны от нормандской угрозы. 120 королевских грамот были выданы им в Париже и всего 32 — в Орлеане. Между тем дед Людовика Генрих I останавливался на равные сроки в этих городах. Ценность Парижа определялась не только его положением в сети торговых центров и возраставшей славой его школ. В нем была запечатлена история. Здесь находилась гробница Хлодвига, здесь возвышалась громада самого крупного

в Галлии, после церкви в Треве (Трире), кафедрального собора Сент-Этьенн, построенного в VI веке. Храм был свидетелем античного величия города. По правде говоря, это монументальное сооружение находилось в плачевном состоянии да и сам Париж был совсем крошечным. Но все же не занижает ли Р.-А. Ботье численность его населения в ту эпоху, полагая, что оно не превышало трех тысяч человек? По всей видимости, левобережье Сены, полностью занятое виноградниками, было почти безлюдным. Исключение составляли два аббатства — Сен-Женевьев, построенное на месте древнего форума, и Сен-Жермен-де-Пре, реформированное по клюнийскому образцу, окруженное своим «бургом». Оживленным стал правый берег вокруг порта, возродившегося благодаря подъему речного судоходства, и на «холмах», возвышавшихся над болотистым низинами, вокруг монастырей Сен-Жервэ, Сен-Жак, а также монастыря, основанного в честь еще одного святого — Германа Осерского. Очевидно, однако, что основная часть населения жила на острове. На восточной его стороне находился дворец епископа, там имели свои дома каноники. Дом архидиакона Этьена был сооружен на основаниях башни римской стены. За собором Сент-Этьенн строилась новая церковь, посвященная Пресвятой Деве. В этом церковном пространстве сталкивались кланы, подобно тому как это происходило в окружении королевской персоны. В обоих случаях выступали одни и те же люди, оспаривая друг у друга патронаж над преподавателями и *scolares*, школярами, их учениками. В западной части острова возвышался еще один дворец, построенный на месте античной цитадели, королевская палата, обновленная в предыдущем веке Робертом Благочестивым. Между двумя резиденциями власти, священной и мирской, находились несколько небольших монастырей, еврейская община, жили ремесленники, торговцы.

Чтобы лучше оборонять это место, король постарался надежно укрепить свое жилище, особенно подступы к нему с правого берега реки, земли на котором в основном зависели от других сеньорий. По его приказанию был перестроен каменный мост и сооружен на спуске к нему у берега небольшой *castrum*, предмостное укрепление — Ле Шатле. Король постарался оживить город. Известна та сторона его деятельности, которая связана с религиозной сферой, — учреждение монастырских общин Сен-Виктор, Сен-Лазар. Но король стремился также поощрять торговлю, являвшуюся для него источником денежных поступлений. В Сен-Лазар открылась ежегодная

ярмарка, затем еще одна ярмарка была создана совместно с монахами в Сен-Жермен-де-Пре. Однако наибольшее число людей собирали торги, проходившие вблизи Сен-Дени и приуроченные к определенному дню, к празднованию в середине июня памяти Св. Иоанна.

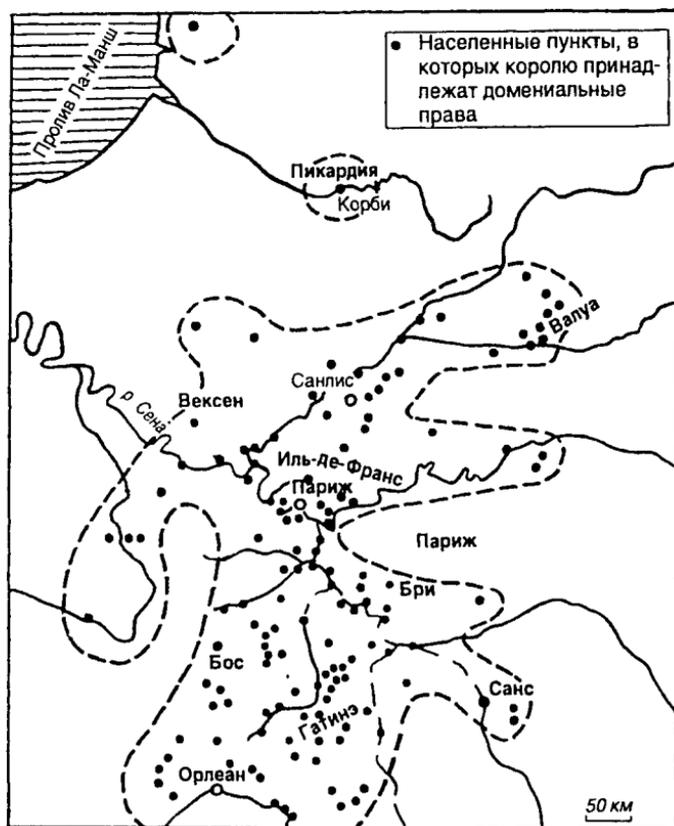
Сен-Дени являлся одним из тех монастырей, которые учреждались вблизи каждого римского ситэ. В последней трети VI века король Клотар II решил сделать этот монастырь местом упокоения своей супруги, похоронив ее рядом с гробницей Св. Дионисия, мученика, проповедника христианства, первого епископа Парижского, «нашего особого покровителя», как говорил король, правнук Хлодвига. В те времена возведенная над этим *martyrium*'ом — склепом с прахом мученика — базилика почиталась как самое святое место во всей Франкии, наряду с церквями Сен-Мартен в Туре, Сен-Медар в Суассоне и Сент-Эниан в Орлеане. Здесь похоронили сына Клотара — Дагобера I, затем его жену, затем сына, а позднее — Карла Мартелла, для которого великое аббатство являлось одной из самых надежных опор. Именно сюда он направил на обучение своего сына Пипина Короткого, который сделал аббата Сен-Дени Фульрада своим капелланом, архипресвитером Франкии и своим главным церковным советником. Через Фульрада осуществлялась связь с папой, то есть союз, обеспечивавший династическую преемственность. В 752 году в Сен-Дени папа Стефан II помазал священным елеем Пипина, его супругу и двоих детей. Пипин также захотел, чтобы его прах покоился рядом с прахом Дагобера. По его приказанию церковь была перестроена, обрела великолепие. После разделов наследства между правнуками Пипина тот из них, которому досталась Нейстрия, — Карл Лысый стал аббатом Сен-Дени. Как и Клотар, он называл Св. Дионисия своим «покровителем», но также своим «сеньором». Это слово позволяло внушать идею о преданности, подобной той, которая скрепляла домашние клиентелы. В некрополе Сен-Дени покоились останки бóльшего числа франкских королей, чем в любом другом месте. Здесь был и прах короля Эда из новой династии Робертинов. Вступив на престол, Гуго Капет также любовно оберегал аббатство. Для реформирования монастыря он вызвал в 994 году аббата Майёля из Ключни. Такое же благоговение, такую же заботу о Сен-Дени проявлял Роберт, сын Гуго. Главным получателем его даров был монастырь Сент-Эниан. Однако в 1008 году, когда королевской грамотой была определена территория вокруг аббатства Сен-Дени, охраняемая от любых покушений, в

преамбуле этой грамоты, учреждавшей иммунитет аббатства, Св. Дионисий торжественно назывался покровителем короля франков; указывалось, что предшественники короля, последние Каролинги, перестали почитать этого святого, что их и погубило. Возобновляя традицию, король очищал монастырь, освобождал его ради благоденствия королевства от порожденной нынешнем веком скверны, которая могла бы привести к новому падению.

Таким образом, Св. Дионисий заменил Св. Мартина. Тур находился в большем отдалении, королевская рука была там слабее. В этом городе обосновались графы Блуа, туда проникли и графы Анжу. Свою роль сыграли и легенды, которые множились вокруг могилы парижского мученика. В них Дионисий предстал в качестве одного из непосредственных учеников Св. Петра, отождествлялся с Дионисием Ареопагитом (первым епископом Афинским), учеником Св. Павла. В IX веке король франков попросил императора Востока прислать книгу с трудами, приписываемыми Ареопагиту. Аббат Сен-Дени попытался перевести их (с греческого) на латинский язык. Установился обычай, в соответствии с которым у гробницы Дионисия, который, как верили, будучи вдохновлен своим учителем, описал небесные и земные иерархии, следовало возлагать знаки королевского достоинства на того, кто поднимался, благодаря миропомазанию, на высшую ступень в земной иерархии. После избрания королем Эд отправился в Сен-Дени за этими регалиями. Таким образом, в символической системе франкской монархии Дионисий также оказывался соперником Ремигия Реймсского.

Расцвет славы этого святого позволяет объяснить события 1052 года. Тогда монахи монастыря Сент-Эмерам в Ратисбонне (Регенсбурге) объявили, что только что они случайно обнаружили под церковью тело Дионисия. По их словам, король Арнульф привез его из Франции после одного из набегов. Генрих III Немецкий прислушался к монахам; ему показалось, что, удерживая в ареале своей власти реликвии покровителя Меровингов Пипина Короткого, он может получить какие-то выгоды. Двор короля западных франков пришел в большое волнение. Генрих I приказал открыть саркофаг. Было удостоверено, что мощи святого находятся на своем месте, в Сен-Дени-ан-Франс.

Филипп I был менее благочестив. Конечно, монахи слишком открыто противопоставляли королю его сына, воспитанного в монастырской среде. Поэтому аббат Адам попытался упрочить союз между своей обителью и королевской властью. С боль-

шей торжественностью монахи ныне поминали Дагобера. По настоянию Адама, Людовик стал хранить в Сен-Дени корону, которую носил его отец. Новый король удвоил внимание к монастырю. Дионисий был не только покровителем Франции, но являлся сеньором Вексена. Людовик VI возмутился, когда монах Сен-Дени Абеляр после своих злоключений поставил под сомнение подлинность фигуры этого Дионисия, как и фигуры другого Дионисия — Ареопагита. В 1121 году Суассонский собор осудил Абеяра. Последний был на стороне Гарландов, а монахи Сен-Дени трудились тогда над тем, чтобы постепенно вытеснить этот клан из королевского дома. В 1123 году епископом Парижским был избран Этьен, происходивший из рода Санлис, соперничавшего с Гарландами. А годом раньше Сугерий стал аббатом Сен-Дени.

Помимо апологии короля Людовика, Сугерий составил свою собственную апологию в двух книгах — «О делах его управления», «Об освящении базилики». Излагались два метода действия, неразрывные, дополняющие друг друга. Монахи Сен-Дени склонялись к клюнийскому образцу. Предмет своего *opus Dei*, Божиего дела, свое предназначение они видели в том, чтобы превращать плотское в духовное, богатства земные — в те ценности, которые, пребывая в вечности, не будучи подвержены какому-либо тлену, окружают славой божественное имя. Все доходы духовенства должны быть употреблены на то, чтобы придать великолепие литургическому действию. Сугерий в первую очередь намеревался рассказать о том, что он лучше других эксплуатировал сеньорию. Сообщаемые им сведения позволяют увидеть экономическое развитие, имевшее место в Иль-де-Франс, усовершенствование управленческого дела, расширение площадей в хозяйственном обороте, создание новых населенных мест, непрерывное увеличение доходов, подкрепляемое подъемом торговли. Но вместе с тем обнаруживается, что этот рост зависел от королевской поддержки. Среди «тиранов», хищничество которых Людовик VI должен был обуздывать и притязания которых он действительно умирал, были такие, как сир Пьюизе. Они пытались облагать налогами людей аббатства, присваивать для оплаты собственных удовольствий часть того, что должно было идти на прославление Вседержителя. Участие короля Франции в обширных мероприятиях по воссозданию святых храмов выражалось скорее в его действиях по обеспечению мира Божия, чем в пожертвованиях в пользу Церкви. Именно укрепление монархического государства непосредственно обусловило бурный расцвет в стране Капетингов в XII веке всего того, что нам представляется произведениями искусства, а их современникам — проявлением милости Божией и средством духовного общения. Как раз поэтому я привожу в этой книге по истории власти рассказ о великолепном даре, который Сугерий сделал Господу и Св. Дионисию, обновив монастырскую церковь.

Я упоминаю об этом также потому, что в действиях Сугерия наша прямое выражение политическая программа. Восстанавливая старинную базилику, покрывая украшениями ее портал и хоры, он исходил из следующего постулата. Дионисий — покровитель всего королевства. Поэтому для прославления этого святого важно собрать вместе те технические и эстетические новшества, которые только что появились при воздвижении храмов на всем пространстве, доверенном королю Франции, от

севера до юга, от одного края до другого. Так, Иль-де-Франс заимствовал монументальную скульптуру, которой на юге недавно решились украшать фасады церквей. В те времена дух крестовых походов способствовал распространению легенд о «французской материи», а королевские клирики начинали говорить об *imperium*. И в сознании монахов Сен-Дени образ Карла Лысого стал затмеваться образом Карла Великого. Рассказывали, что Карл Великий принес в дар монастырю хранимые там реликвии Страстей Христовых, что этот монарх вручил Дионисию всю Францию. Поэтому Сугерий решил, что новое здание будет прежде всего отмечено печатью Каролингов. Речь шла о витраже, выполненном искусными ювелирами с берегов реки Мёз. Главная роль витража заключалась в том, что он рассеивал свет, пронизывавший все сакральное пространство, благодаря уменьшению площади перегородок, которое достигалось путем применения переплетенных сводов. По замыслу Сугерия, в строении должна была выражаться теология Дионисия Ареопагита. Господь является единственным источником света, от него распространяются яркие лучи, которые вдыхают жизнь во все творения, одно за другим, ступень за ступенью. Благодаря этому свету, который есть милосердие, который ниспадает и, последовательно отражаясь, возвращается к своему источнику, все твари соединяются в согласии и мире, и сияние его лучей позволяет расставить их в соответствии с рангом каждого, на накладывающихся друг на друга этажах иерархии, сходящейся в одной точке. В соответствии с этими божественными предначертаниями и должна быть распределена власть между людьми в различных частях земли. Так, поблизости от Парижа в последние годы царствования Людовика VI поднялись архитектурные произведения, показывавшие образ совершенной политической системы.

Формы этой системы уже были видны в церковной институции. В начале монашеской реформы конгрегации строились по иерархическому образцу, еще весьма неразвитому, семейному по своему характеру — объединение родни под началом одного отца. Но благодаря трудам толкователей канонического права, утверждавшим идею о подчиненности всех епископов епископу Римскому, эта модель стала проще, прочнее, приобрела единообразие. Сугерий воспользовался такой моделью для прославления мощи короля Франции, своего друга и покровителя. С этой целью он ссылался на установления обычного права, регулирующие отношения патронажа, вассалитета, феодальности, которые постепенно кодифицировались.

В концепции монархии, которую разрабатывал Сугерий, сочетаются три элемента. Основу ее, очевидно, составляют узы, объединяющие сотрапезников, а домоначальника — с теми, кто ест за его столом, спит в его опочивальне. Затем — любовь. На заре XII века во Франции начинается необыкновенный расцвет самых различных ритуалов, жестов, словесных изречений, необычайной изобретательности в том, что касается любви во всех ее формах — любви к Богу, любви к женщинам, любви к мальчикам. Центральное место здесь занимает та любовь, которую должны питать друг к другу мужи, разумеется, благородного происхождения. Она необходима, чтобы не нарушалось их согласие, не слабела взаимная привязанность, в особенности та, которую обращают к сеньору верные ему люди и которая обязывает их служить ему. Третий элемент триады — подарок, плата за службу, фьеф.

В тот момент, когда Сугерий стал аббатом, внутри самых крупных сеньорий однородная контрактная система начинает занимать место отдельных соглашений, заключаемых от случая к случаю, постоянно оспариваемых, но затем дополняемых, переименовываемых по образцу других сделок, получавших известность (все совершалось на словах, от которых не осталось следов, поэтому здесь надо быть осторожным в оценках). Переход от системы отдельных соглашений к системе однородных контрактов был очень медленным, занял почти весь XII век. Несомненно, быстрее он происходил в Нормандии, которую после беспорядков вновь твердо взял в свои руки Генрих I. Он применил методы, которые когда-то были использованы по ту сторону Ла-Манша при раздаче завоеванных земель. Для установления точного объема услуг, выполнения которых король ожидал от каждого из получателей этих земель, была избрана мера — «кольчужный фьеф» (его владелец обязан был служить королю на войне и имел право носить кольчугу). Таким образом, отныне обязательства, порождаемые почти отеческой любовью патрона и почти сыновней любовью верного ему человека, были тесно привязаны к реальному, материальному объекту — ленному владению. Нормандский пример порождал у Сугерия мечты о таком королевстве, которое было бы собранием фьефов, обширным пространством, включающим меньше по размерам территории, «приводимые в движение» сверху. Это выражение, появившееся около 1130 года в языке канцелярий, вызывает в памяти систему сцеплений, где большие колеса заставляют двигаться колесики меньшего размера. Королевство виделось Суге-

рию подобной машиной, ей необходимо было придавать движение.

«Король Людовик, — писал он, — всегда возвышался над королем Англии, герцогом Нормандским, как над своим вассалом». Мы видели настоящую революцию во взглядах. Нормандия представлялась ранее свободной собственностью, которую получил Роллон, одним из тех знаков чести, которые веком ранее Фульберт Шартрский, советник графа Блуа, тщательно отличал от «поставления на землю»; теперь же Нормандию считают фьефом, одной из крупных деталей механизма, его частью. Нормандию рассматривают отныне как полученное в аренду владение, как участок земли, подобный тем, которые в домене Сен-Дени выделяли для переселенцев, осваивавших новь, передавали в постоянное пользование крестьянским семьям до скончания рода при условии уплаты аренды, налогов, особенно налогов на наследство. Государи сознавали последствия такой революции, и это объясняет, почему при восшествии на престол Людовика Толстого они отказались принести ему оммаж. «Граф Оверни, — добавляет Сугерий, — держит от герцога Аквитании Овернь, которую герцог Аквитании держит от короля». Иерархия. И если концепт феодальной пирамиды смог созреть в голове Сугерия, то также потому, что король реально получил от Св. Дионисия, которого представлял аббат, один из механизмов машины — графство Вексен. Вексен являлся фьефом, за который его держатель — король — обязан был нести службу.

Показательное событие произошло в 1124 году. Чтобы поддержать Генриха Нормандского, своего шурина, Генрих IV, король Германии, собрал войско в Лотарингии. Он делал вид, будто собирается вторгнуться в королевство Франции. Людовик VI обратился за помощью к князьям. На призыв его ответили граф Вермандуа, граф Фландрии, герцог Бургундии, граф Блуа, граф Труа, граф Невера; присоединиться к королю готовы были герцог Аквитании, графы Бретани и Анжу. На этот раз королевский «ост» походил на войско Карла Великого. Подражая тому, что, по рассказам, делал когда-то этот император, Людовик отправился в Сен-Дени, принял там с алтаря стяг святого, орифламму, — шелковое знамя с изображением языков пламени. Позднее Сугерий так объясняет в своей книге об управлении смысл этого церемониала: «Благородное графство Вексен, между Уазой и Эптой... есть собственный фьеф Св. Дионисия. Король Франков Людовик, когда он вы-

ступал против императора римлян, захватчика королевства франков, признал при всем капитуле Сен-Дени, что получил графство от него и что в качестве носителя стяга должен был бы принести ему оммаж, если бы не являлся королем». А в грамоте, составленной по этому случаю, Людовик VI действительно признавал, что Вексен «происходил» из алтаря Сен-Дени и что король держал это графство как фьеф от Дионисия и от двух других мучеников, его сподвижников. Как раз в этот момент Гвиберт Ножанский заявлял, что Св. Дионисий является «сеньором всей Франции». Именно для того чтобы защитить добро своего господина, король отправлялся в поход в сопровождении вассалов, за которыми, в свою очередь, шла часть их людей. Когда Людовик принял *vexillum* — знамя, то мощи Св. Дионисия были возложены на главный алтарь; они оставались там в течение всей кампании. Когда же противника удалось — довольно легко — отбросить, король возложил орифламму рядом с реликвиями. С помощью подобных символических жестов (на мозаичной картине в римском Латеране можно увидеть изображение Карла Великого, совершающего такие же жесты, принимающего знамя из рук Св. Петра) король Франции признавал себя «поверенным», помощником Св. Дионисия, подобно тому, как Годфрид Бульонский после взятия Иерусалима стал «поверенным» Гроба Господня. Король трудился ради умирения королевства под покровительством своего сеньора Дионисия, как вассал вассала Божия.

Король продолжал трудиться, пока был способен сесть на коня, вплоть до 1135 года, затем вручил бразды правления своему второму сыну — Людовику, которого четырьмя годами ранее, после смерти первого сына, распорядился миропомазать. Церемония состоялась в Реймсе, во время церковного собора, на котором председательствовал папа. Королевский труд состоял прежде всего в защите церквей, но также в поддержании порядка во всех местах, особенно внутри «дружеств», то есть общин. Эту миссию король выполнял в 1128 году в Лаоне (Лане), крупном ситэ, соперничавшем с Парижем, городе школяров, виноградарей, конных возчиков, которые платили немалые дорожные пошлины. За 17 лет до событий руководители двух ведущих сословий — духовенства (его в отсутствие епископа возглавляли архидиаконы), а также «сильных» мирян, деливших с ним доходы от кутюмов, — вынуждены были вступить в переговоры с сообществом простолудинов. По словам Гвиберта Ножанского, этим последним было «продано» разрешение на *communió* . Будем понимать под «коммунио» право

на объединение, скрепляемое торжественным обещанием о взаимной помощи, включая право непосредственно договариваться между собой при улаживании споров. В результате уменьшились доходы от сеньориального правосудия. «Народ», согласно Гвиберту, состоял из «рабов». Он уточняет, что речь идет о подневольных людях, выплачивавших ежегодный чинш в знак своей зависимости. Действительно, в большинстве это были жители окрестных деревень, переселившиеся в город. Ради сохранения своей власти над этими людьми их прежние домоначальники взымали с новых граждан этот символический налог. Простолюдины добились составления свода правил, распространявшихся на весь город. Отныне на правонарушителей должен был накладываться «штраф согласно закону». Многочисленные сеньоры согласились заменить все обложения фиксированной рентой, расходы по выплате которой их подданные должны были распределять между собой. Таким образом, права сеньоров брались в аренду союзом вилланов. Гвиберт Ножанский, равно как и ряд других, счел такое положение чудовищным. Число таких людей, без сомнения, было значительным, ибо смута не прекращалась. Епископ, возвратившийся в город в 1112 году, хотел отменить это соглашение, но был убит смутьянами.

Король, появившись в городе, «основывает», как говорится в хартии, составленной в Компьене канцлером Симоном, «институцию мира». Такова его роль. Но выступает он отнюдь не в одиночку — никакому могущественному лицу действовать так не под силу. Необходим совет, он состоит из «знатных людей» — горожан Лаона, из тех, кто сопровождает сюзерена, но также из «граждан» — жителей ситэ, объединенных в корпорации. Под «миром» понимается территория, которая строго ограничена, подобно тому, как это делается по отношению к зонам, поставленным под охрану мира Божия. Все люди, постоянно живущие в таком замкнутом пространстве, должны оберегать в нем мир. Если же случится, что он будет нарушен, следует избегать любого насилия. Запрещаются какие-либо захваты людей с целью опознания виновников этого насилия. Следует прибегнуть к «юстиции» (*justitia* — это отвлеченное понятие обозначает в данном случае хранителей общественного мира). Она будет наделена правом изгнания виновного. Таково наказание. Как и отлучение, изгнание позволяет сообществу отсечь от своего тела то, что поражено болезнью. Но если виновный не принадлежит к этому телу, то весь город волен совершить отмщение — после епископского предупрежде-

ния и истечения двухнедельного срока. Однако отныне это отмщение не должно происходить в стенах города. В случаях «смертельной злобы» запрещаются любое преследование, любая засада.

После того как король продиктовал это уложение, он напомнил о своих правах по отношению к городу. Три раза в год Лаон должен будет принимать короля, как когда-то принимал совершавших служебные поездки магистратов. Или же откупиться, заплатив 20 фунтов, то есть 4 тысячи 800 серебряных монет. Права на постой можно было требовать лишь три раза в год, исключая те случаи, когда король приезжает в это место, чтобы поднять ополчение или председательствовать на торжественном судебном заседании, будучи увенчанным короной, как на большие праздники: Рождество, Пасху, Троицу.

Вот так подобные соглашения — пункт за пунктом, год за годом, повсеместно, под воздействием короля или же другого государя и более мелких сеньоров — заменяли произвол, неопределенность. Вот так властная иерархия, с вершины до основания, оказывалась стянутой письменной формой. Конечно, эта форма не одержала верх над памятью. Но благодаря ей память закреплялась. Обычай, как это произошло с кутюмом, относившимся к фьефам, становился законом (текст, который я привел в качестве примера, свидетельствует об этом). Он начинает походить на тот закон, который Церковь сохраняла в сборниках своих установлений. Таким образом, незаметно, благодаря постепенному расширению сферы применения письменности власть сеньоров (которую эта письменность обычно укрепляла, но одновременно делала своей пленницей) попадала в руки профессионалов-законников.

За год до своей поездки в Лаон Людовик VI отправился во Фландрию, чтобы совершить отмщение Божие — «очистить этот край от греха», как выражался Сугерий, но также и ради своей собственной мести. Он одновременно хотел и продемонстрировать державную мощь в этом беспокойном фьефе королевства. На данном событии я остановлюсь несколько подробнее, ибо оно позволяет выявить структуры.

Все началось с ужасного преступления: государь, граф Фландрии, был умерщвлен в церкви, когда молился и раздавал милостыню. 2 марта 1127 г. в церкви Сен-Донасьен в Брюгге Карл Добрый погиб как мученик. Его прославили как мученика. «Страсти» его более или менее хорошо описаны. Один из таких рассказов представляет для историка исключитель-

ный интерес. Автором его является не монах, но клирик, один из служивших графу в его замке, — Галберт. Оказавшись в самом центре драмы, он записывал происходившее, день за днем, «на восковых таблицах», а затем, «в спокойные часы», создал на основе этих записей удивительный репортаж. Восхищают точность его взгляда, та тщательность, с которой он отбирает и датирует свидетельства, оценивает их, и особенно — стремление разобраться в хитросплетениях интриги. Прежде всего документ позволяет выявить профессиональный уровень писцов, которые служили у государей в начале XII века. Отчетливо обнаруживается, что без людей пера государи более не могли обходиться даже в самой северной части Франции, наиболее удаленной от центров античных традиций. Эти люди помогали управлять сеньориями. Так, сразу же после убийства Карла совершившие его предатели «завладели архивами, относящимися к доходам графа», а новому графу пришлось спешно вызывать нотариуса, «потому что перед ним предстали люди, пасшие стада, и интенданты доменов — для отчета о том, что они ему должны». Письменность стала необходимой и для передачи сообщений. Когда рыцари Осткерке сложили с себя присягу на верность и отказались от врученной им чести, они не поехали к сеньорам, чтобы в их присутствии совершить требуемые обрядом жесты, но направили в Ипр «пергамент с их личными подписями». 20 марта 1127 г. в Брюгге пришли два письма, одно — от короля с приглашением явиться к нему для избрания нового графа, другое — от претендента (подлинность его была оспорена). Направленные к Людовику люди возвратились через десять дней с посланием от короля; кравчий графа Карла показал его горожанам, которые пришли на поле, где, вне стен города, проходили их собрания; горожане удостоверились, что письмо запечатано; им его прочитали; затем началось обсуждение, в центре которого было не какое-то лицо, но текст. Таким образом, происходило медленное изменение механизма действия властных сил, которое благодаря отчету Галберта предстает перед нами с необыкновенной ясностью.

Здесь, во Фландрии, граф является посредником Господа, граф действует от имени Господа. Как и всех наместников Вседержителя, его отличает благородство крови; графская власть передается по наследству, от отца к сыну, старшему сыну. Иногда порядок нарушался. В 1071 году дядя графа по имени Роберт, прозванный «болотным графом», ибо он жил в низменной Фрисландии, отстранил племянников, заняв их

место. Сам Карл стал в 1119 году наследником своего бездетного двоюродного брата. На этот раз наследство передавалось совершенно законным образом — с согласия совета знатных людей, по воле умиравшего, который доверил Карлу «королевство», взяв с него клятву верности. Династия широко распространилась благодаря замужествам дочерей, их бракам с самыми знатными людьми. Карл был сыном короля Дании, но воспитывался, как того требовал обычай, в доме брата своей матери, что облегчило наследование: он не был чужаком.

Благородство крови определило достоинства Карла, в особенности то, что Галберт называет «рыцарством». Он был прекрасным защитником отечества, отцом и покровителем храмов Божиих, справедливым по отношению к сильным, щедрым по отношению к бедным. Весьма ярко эти качества проявились в 1124 году, когда страну поразил великий голод. То было небесное предзнаменование, гнев Господа, который намеревался покарать страну за узурпацию, совершенную Робертом Фризом. Как иначе можно было бы объяснить потрясения? Карл Добрый попытался сдержать удорожание продуктов. Он приказал высевать ранние сорта хлеба, запретил пивоварение и, что особенно важно, открыл свои амбары. Каждый день в Брюгге помощь получала сотня бедняков. А в промежутках между подобными голодными годами добрый князь постоянно содержал в своем доме обездоленных; каждому он давал по денье, когда приходил молиться в церковь вместе с канониками, своими братьями. Именно так понимался порядок: перераспределение доходов от сеньории в пользу неимущих.

Но главное, порядок понимался как мир. Умиротворение являлось великим делом для этого примерного графа (возможно, он мечтал о более высоком сане, ибо происходил от Карла Великого; Капетинги своим новшеством показали пример, ребенку дали имя Карл; Галберт напоминает, что ему была предложена Империя, а затем престол в Иерусалиме, ибо граф, конечно, являлся крестоносцем и его достоинства укрепились во время святого паломничества). Граф был озабочен, в первую очередь, буйством фламандских воинов. У него не было врагов на границах. Однако каждый год он выводил 200 рыцарей за пределы своего отечества, чтобы дать ему спокойно вздохнуть. Ради развлечения отряд вступал в схватки с другими отрядами. Рассказ нотариуса из Брюгге высвечивает, таким образом, ту роль, которую начинают играть в политической системе в 20-е годы XII века рыцарские турниры. С их помощью оттачивалось военное искусство. Благодаря им находил выход пере-

избыток агрессивности у рыцарства. Владетели великих княжеств в Северной Франции брали на себя устройство этих очень полезных спортивных встреч. Но общественному порядку угрожала не только рыцарская вспыльчивость. В народной среде имелись люди, владевшие другими видами оружия, — луками со стрелами, которые могли быть опасными. В четвертый год своего «царствования» Карл Добрый запретил торговцам, горожанам носить такое оружие. Так, под слоем рыцарей и над слоем настоящих «бедняков» — крестьян — в этом крае обнаруживаются группы людей, которые благодаря своей военной силе обладают частью принуждающей власти. Эти люди жили в бургах, у ворот замков, помогая оборонять крепости, не оставляя оружия во время опасных торговых экспедиций. В описываемое время такие люди стали представлять угрозу. Они были способны сопротивляться взиманию повинностей, добиваться предварительного установления размера налогов, как это произошло в Лаоне. Граф Фландрии хотел разоружить этих людей. Они должны были отныне защищать свои права не с помощью оружия, не в сражениях, а с помощью слов, обращаясь в суд. Однако, как замечает Галберт, слово также есть оружие, причем более коварное. Ловкачи могут добиться своего обманом. И он задается вопросом: не явилась ли эта мера по наведению порядка одной из причин беспорядка? Может быть, она не была угодна Господу?

Мощь государя Фландрии во многом определялась тем, что его «королевство» было окраинным. В течение длительного времени страну опустошали набеги морских разбойников и язычников; римские ситэ здесь были разрушены. В крае оставался один епископ — в Туруанне; отсутствовал епископ в Турне, эта кафедра была объединена с кафедрой в Нуайоне. На протяжении веков графская династия собирала под свои знамена население — первоначально для отражения агрессоров, а затем для сопротивления жестокой морской стихии. Однако избыток «маргинальности» обусловил и слабости графства: Фландрию населяли люди строптивые и склонные к насилию. Графу, опиравшемуся на свои замки, с трудом удавалось держать их в узде.

Представьте себе замок в Брюгге. Внутренний двор его окружен земляным валом и рвом. На одной стороне возвышался «дом графа», построенный из камня, который был привезен издалека. На среднем этаже трехэтажного здания помещался зал, в него выходили двери комнат шателена — управителя и рыцарей, прикрепленных к замку. По другую сторону двора

стояла церковь, богатая реликвиями, также сооруженная из камня, имевшая форму восьмиугольника, как императорская часовня в Эксе (Аахене); недавно ее покрыли черепицей. Здесь возносила молитвы коллегия клириков. Их глава — прево — обладал собственным домом с залом и комнатой. Некоторые каноники были людьми семейными и имели свои хозяйства, другие составляли монастырскую общину, вели существование более размеренное, но небедное. Рядом с ними жили нотариусы, хранители архивов. Укрепленный церковный портик представлял собой башню, символ власти. Она «возвышалась над всем остальным благодаря блеску своей красоты, как царский престол посреди отечества, она призывала на все части края спасение и справедливость через безопасность и мир, через право и законы». Сводчатая галерея соединяла графские покои с возвышением в церкви, на котором государь, подобно Карлу Великому, сидя, принимал каждое утро участие в богослужении. Расположение построек свидетельствует о тесном союзе — в лице графа — между функциями военной и литургической. Замок окружали жилища горожан, построенные из дерева, то есть из горючего материала. Городок также был защищен, но лишь простыми рвами, он насчитывал несколько церквей и рынок.

Во Фландрии изобиловали городские поселения, имевшие такую же структуру, — Гент, Ипр, Берг, Бурбур, Сент-Омер, Лилль. Граф переезжал из одного города в другой вместе со своей казной и «семьей». Его господство над замками было не столь сильным, как это часто представляют. В течение 60 лет в Брюгге одной и той же семье принадлежали две службы — шателена и прево. Их возглавлял, как и в клане Гарландов при короле Людовике, носитель церковного сана. Граф пытался усилить свое воздействие, по крайней мере, на новую силу — иностранных купцов. В марте 1127 года они съехались в Ипр «из всех соседних королевств в день престольного праздника Святого Петра, чтобы извлечь выгоду из большой ежегодной всеобщей ярмарки, которая проходила в полной безопасности при мире и под покровительством графа». Среди торговых гостей были ломбардцы; граф приобрел у них за 21 марку прекрасный серебряный кубок. «Местные горожане» должны были выступать поручителями за этих торговцев, своих «гостей». И горожане шли на риск. Некоторых из них убийство Карла Доброго застало в Лондоне. Они зарабатывали там деньги, которые встречались еще редко и возбуждали необыкновенную алчность у военных людей.

Не все воины стояли гарнизонами у графских замков. Фландрия оцетинилась не только замками, но и укрепленными домами. Такие дома не были столь мощными, как замки, но тем не менее предоставляли надежное укрытие. Там горожане в лихолетье хранили свое добро, там находили прибежище разбойники, совершавшие нападения. Некоторые из укрепленных зданий принадлежали рядовым рыцарям, однако хозяевами преобладающего их числа являлись более состоятельные люди, которых Галберт называет князьями, или пэрами: они представлялись равными графу. Хотя графская власть в этом княжестве была одной из самых прочных во Франции, его государь сталкивался с силами конкурентов. В Брюгге такие силы множились в доме шателенов. По словам Галберта, его глава, прево, «продавал» то, что предназначалось на жалование каноникам. Свою «кладовую», денежный запас, из которого прево черпал денье, он смешивал с казной церковного капитула. Обладая немалым состоянием, этот человек выдавал своих племянниц замуж за женихов из богатых родов. А славу собственного рода приумножал благодаря известности своих племянников (по рассказу, их было 16), которых подстрекал к «дракам», к «нападениям». Прево ввел своих родных в графскую семью, один из них служил камерарием, другой — кравчим, третий — секретарем, а сам он управлял канцелярией. В случае необходимости к такому мощному узлу властных сил стекалось значительное число рыцарей. И наступил день, когда «прево со своими племянниками, укрывшись в одной из комнат, вызывали к себе тех, кого хотели». Вход в комнату охранялся по приказанию прево. Примерно 300 человек «принесли клятву взаимной преданности, скрепив ее рукопожатиями».

В результате таких заговоров создавались боевые группы, затевавшие беспорядки, от которых страдали бедняки. Граф был для них единственным заступником. 200 крестьян явились в Ипр, чтобы припасть к его ногам. По их словам, люди из Брюгге, атаковавшие один из укрепленных домов в окрестностях, разграбили их земли. Крестьяне просили князя оказать им «отеческую» помощь для возвращения «скарба», скота, одежды, денег. Посоветовавшись со своими людьми, граф отправился карать обидчиков. Он сжег дом одного из главарей нападавших, им оказался племянник прево. Затем начались переговоры о мире, вместе пили доброе вино, вновь собирались за столом, говорили и пили. Состоялось примирение, но оно было лишь внешним. Злоба не исчезла. Вскоре она привела к убийству.

Беспорядок порождало также несоответствие, возникшее между властью шателенов, их богатством, многочисленностью «друзей», которых они собирали вокруг себя, и правовым статусом самих управителей замков. Такое несоответствие обуславливалось наследственным характером их должности. Ее обладатели (во всяком случае, в Брюгге) являлись потомками «рабов», из числа которых граф набирал своих служащих для обеспечения личной безопасности. Эти люди хотели, чтобы их темное происхождение было забыто, и поэтому роднились с благородными семействами, становились рыцарями, ибо рыцарство было уже не только профессией, принадлежность к нему приобрела социальную ценность. Намеченная цель казалась близкой. Память о рабском положении предков этих агентов власти стиралась, но ослаблялись и узы, связывавшие их с господами. Последние поэтому в ту эпоху повсюду принимали соответствующие меры. Так поступили, например, монахи Сен-Дени по отношению к управляющим монастырским доменом. Что касается графа Карла, то он «ради восстановления порядка в своем королевстве с тщанием разыскал тех, кто ему принадлежал, кто были рабами». Его внимание привлек и клан шателенов Брюгге. Чувствуя опасность, члены этого клана решили убить графа и поставить на его место другого человека, по своему выбору, который, став им обязанным, более не будет представлять для них угрозу. Дело в том, что у Карла не было ни законного сына, ни брата, ни племянника. Имелись лишь несколько двоюродных братьев — сын сестры его матери Тьерри, живший в Альзасе; два сына того его племянника, которого лишил наследства Роберт Фриз; Вильгельм Клитон, сын Роберта Куртгёза; наконец, Вильгельм из Ипра, самый близкий родственник. Его отец, дядя Карла, не имел законной жены, Вильгельма считали бастардом, заговорщики рассчитывали на него. Во всяком случае, спор о наследстве представлялся неизбежным. Все хищники ждали такого спора в надежде чем-то поживиться.

Итак, посреди Поста, во время утреннего богослужения граф был лишен жизни, а вместе с ним несколько верных ему людей — шателен Бурбура, его сыновья. Поражали их мечами, топорами. Тело графа осталось лежать в церкви Брюгге. Убийство ее осквернило. Узнав о случившемся, епископ Нуайона объявил анафему. Нельзя было совершать заупокойную службу. Те из каноников, которые не убежали, положили тело графа в гроб, установили его на хорах. А вокруг него собра-

лись убийцы, пытавшиеся умиротворить покойного. «По примеру язычников и колдунов, — рассказывает Галберт, — они взяли кубок с пивом и хлеб; усевшись вокруг места погребения, они положили это питье и хлеб на стол с гробом, ели и пили на теле блаженного графа, дабы никто не мог как-то отомстить за него». Поблизости от тела толпились нищие, ожидавшие еды, которую, по обычаю, должен был принести им граф. Вскоре сюда прибыл аббат из монастыря Сен-Пьер в Генте, который потребовал выдачи праха мученика, надеясь похоронить графа в монастыре, где уже покоились останки других графов Фландрии.

Некоторое время царило смятение, затем наступила пора возмездия. Во главе мстителей встал близкий «друг» покойного, к нему присоединилась часть горожан. Они осадили замок, в котором укрылись убийцы. Проявив осторожность, каноники заблаговременно вынесли из церкви все раки, все кресты. Оставалась графская казна. Сражались именно за то, чтобы завладеть ею. К соблазнительной добыче сразу же устремились шателен Диксмёйде, шателен Гента, вместе со своими горожанами и всеми оборванцами — маргиналами из соседних деревень. Алчность, которая оказалась сильнее вызванного ею преступления, разорвала связь между шателеном и рыцарями замка Брюгге. «Взяв в руки соломинки, они переломили их, тем самым сложив с себя оммаж, клятвы чести и верности». Прорвавшись сквозь укрепления замка, рыцари загнали убийц в башню, завладели домом графа, безрезультатно искали там его казну, забрав все, что смогли унести, — пшеницу, вина, сукно и даже дверные гвозди.

В этот момент на сцену вступает Людовик VI. К нему в Аррас приезжают первые мстители за Карла Доброго, вызванные туда королевским письмом. Возвратившись в Брюгге, они объявляют: король прибыл, чтобы отомстить за своего кузена, но также ради отмщения Божия, «поддерживаемый Его всемогуществом и силой оружия»; по совету Людовика, «императора франков» (возвышающегося над другими «королевствами»), его бароны и бароны нашей земли выбрали Вильгельма Нормандского: он обладает доблестью, он вырос среди вас; «мы дали ему слово и обещали верность, мы принесли ему оммаж по обычаям графов Фландрии... он отдал нам имущество предателей. Мы советуем, чтобы вы, горожане, приняли графа Вильгельма, избранного и поставленного на графство королем. Если вы того желаете, он упразднит налог на перевозимые товары и земельную ренту с домов в пределах города». Жители

Брюгге ответили, что в Вербное воскресенье они уже договорились с фламандцами из окрестных мест, «чтобы избрать человека в графы». Поэтому в Страстную субботу 20 рыцарей, 12 горожан вместе с людьми из Гента должны направиться навстречу посланцам короля, «ибо жители ситэ и городов Фландрии обещали друг другу ни на что не соглашаться и ничего не отвергать, если только они не будут все вместе». Таким образом, Вильгельм Клитон вновь был избран «графом отчества».

Во вторник он прибыл в город в сопровождении короля. Каноники вышли им навстречу с реликвиями, торжественно и пышно встретили процессию и сопровождали ее, «как то подобает при встрече королевской власти». На следующий день горожане пришли на поле, обычное место собраний. Их сход напоминал те соборы во имя мира Божия, которые устраивались вокруг ковчежцев с реликвиями. Положа на них руку, король, а за ним граф поклялись соблюдать вольности церковного капитула, вольности горожан. В свою очередь, горожане принесли присягу на верность, они признавали себя людьми графа. Затем вышли вассалы, чтобы получить свои фьефы и службу. Галберт описывает церемонию. Она продолжалась три дня, ибо каждый из вассалов предстал перед графом. И каждый раз обряд начинался с диалога: «Желаешь ли ты оставаться полностью моим человеком?» — «Я этого желаю». «Тогда вассал складывал ладони рук, граф накрывал их своими ладонями, и они соединялись друг с другом целованием». Затем вассал, прикасаясь к ковчезцам, произносил следующие слова: «Я клянусь честью быть отныне верным графу Вильгельму и безукоризненно блюсти по отношению ко всем и против всех оммаж, который я ему принес по доброй воле и без обмана». Наконец, граф жаловал вассала фьефом, пожалование символизировала передача жезла из рук первого в руки второго.

Вильгельм Клитон объезжал один за другим свои замки, чтобы получать признание по описанному ритуалу. Но «католический» король не уехал. 12 апреля он атаковал убийц, также домогаясь казны. Чтобы обнаружить след сокровищ, король приказал высечь одного из «предателей». В конце концов «христианнейшие рыцари короля Франции» и «городские юнцы» толпой ворвались в башню. Сокровищ там не оказалось. Король прослезился над прахом своего кузена, которого торжественно погребли. Церковь подверглась очищению, ее вновь освятил епископ. Те убийцы, которых удалось схватить,

а также их сторонники были истреблены. 6 мая король отбыл из города после прощального пиршества, устроенного в графской палате. За передачу графства в качестве фьефа он запросил огромную цену — 1000 серебряных марок. Алчность отличала и Людовика VI.

В описанных событиях король проявлял крайнюю осторожность. Чтобы обезопасить себя, он сначала остановился в Аррасе, на границах княжества, призвал туда, как в «приграничье», местных «князей», «пэров», баронов. Они должны были в присутствии короля назвать родственника покойного графа, которому следовало бы передать «честь». В этом обсуждении, однако, приняли участие и королевские бароны, избран был кандидат короля Вильгельм Нормандский, его козырь в политике против Генриха I Английского. Людовик заранее дал знать о своих предпочтениях, как это делалось при избрании епископов. Трудности создавала новая властная сила — города. Они претендовали на участие в выборах. Необходимо было договариваться с буржуа, вести с ними торг. Поэтому сюзерену пришлось делать новые шаги, ездить с юным графом из города в город, «ставить» его в каждом из них, добиваться согласия на его въезд. Вильгельм уже привязал к себе «вельмож». В каждой замковой округе он должен был устанавливать отношения со всеми теми, кто имел вес в местном обществе, с рыцарями и влиятельными людьми «бурга». Из рассказа становится ясно, что горожане давали совместные обязательства, в то же время «друзья» графа, получившие от него «благодаяния», делали это в индивидуальном порядке, один за другим. Почему Галберт с такой точностью передает слова, которые этим людям следовало произнести, с такой тщательностью описывает движения рук, которые они должны были по очереди совершить? Не потому ли, что обычай как раз в тот момент привел к единообразию ритуала? Новшество? Исчезли «конвенансы», отличавшиеся друг от друга по содержанию. Их место заняли обязательства, равные для всех, которые отныне закреплялись в обычае; не было больше нужды подробно эти обязательства перечислять. Так рождалось право. Феодалное право.

Королевская экспедиция ничего не принесла. Король, который ныне не «продавал» епископства, но опустошал епископские резиденции после смерти каждого очередного их владельца, ничего в доме графа Карла не нашел. Чтобы возместить свои расходы, король потребовал выплаты «подъемных», «рельефа» (сбора, который взыскивался при передаче фьефа

вассалу из нового поколения). Этот факт убеждает, что данное «королевство» рассматривалось тогда в качестве фьефа. Всякий новый вассал должен был, согласно обычаю, сделать подношение сеньору. В Нормандии обычай устанавливал и размер подношения: 15 фунтов за кольчужный фьеф. Король получил больше. Слишком много. Эта чрезмерность поставила под вопрос успех его экспедиции по восстановлению справедливости.

Новый граф был отважным, достойным человеком. Потому его и выбрали. Он хотел наилучшим образом выполнять свои функции. Но для выкупа фьефа графу нужны были деньги. Он потребовал взыскивать сбор за перевозимые товары, который ранее обещал отменить. Рыцари замков получали часть доходов от этого сбора в качестве денежного фьефа, они осуждали Вильгельма, утверждая, что он не имел права упразднить налог. Граф не мог ущемлять рыцарство. Разве не являлся он «князем воинства»? Опираясь на это воинство, сделав ставку на разногласия между классами, Вильгельм обложил поборами города. В Лилле, в Сент-Омере горожане этому воспротивились. 16 февраля Гент поднялся против своего «несправедливого» эшевена, который также слишком увлекся поборами. Дело здесь оказалось более серьезным, ибо среди местного рыцарства образовалась партия, выступавшая против графской власти.

Когда граф появился, перед ним предстали два воина, в том числе «пэр». Он заявил Вильгельму: «Ты нарушил клятвы, которые мы давали от твоего имени, подтверждая сохранение привилегий, полученных от предыдущих графов людьми земли. Однако ты есть наш сеньор и сеньор всей земли Фландрии. Поэтому мы должны прийти к согласию без насилия, собрав в Ипре знатных людей, равных мне, с двух сторон, вместе с мудрыми мужами из духовенства и народа, без оружия». Такое собрание представляло собой собрание трех сословий. В столь раннюю эпоху, в самой сердцевине «феодальных» структур мы обнаруживаем зачатки Генеральных штатов. В действительности эти структуры были весьма сложными, поскольку в них остатки каролингских учреждений (институт эшевенон) смешивались с описываемым новшеством — приглашением к «совету» представителей «народа», то есть городов. Графа на этом собрании будут судить равные ему (пэры). «Если, по мнению курии, ты можешь держать графство по чести», я с этим соглашусь; если же окажется, что ты человек недостойный, который «не блюдет ни веру, ни закон, коварный, вероломный,

то дай нам самим выбрать человека способного среди тех, кто имеет право (по крови)». Прийдя в ярость, Вильгельм раздражается следующей тирадой: «Я отвергаю оммаж, который ты мне принес. Я вновь становлюсь равным тебе (этот вызов уничтожает неравенство, которое устанавливал оммаж), и я вызываю тебя на судебный поединок, ибо право на моей стороне, все, что я сделал в графстве, я сделал по праву и по разумению» (*rationaliter* — это уже обращение к разуму).

Собеседник уклоняется. Назначают день собрания в Ипре. Граф прибывает туда вместе со своими рыцарями. Но они вооружены, их отряд усилен наемниками. Жители Гента приходят на место встречи и заявляют, не приближаясь к графу: «Ты явился при оружии, а мы сейчас соблюдаем Пост (нарушение установления мира Божия); ты собираешься сражаться с вассалами (нарушение слова, данного вассалам)». Посланцы торжественно отрекаются от клятвы верности и от оммажа, разламывая в знак этого соломинки.

Города, один за другим, присоединились к мятежникам, ибо буржуа потеряли все. И они об этом говорят: «Все добытое нами добро граф у нас отнял или это добро мы употребили на пропитание, ибо мы в заключении, мы не можем более ездить на ярмарки». Жители Брюгге еще колебались. Но 30 марта, когда прибыл Тьерри Альзасский, они начали действовать. Собравшись вместе с этим государем на луку, народ избрал его «графом всей Фландрии». На следующий день сюда вынесли раку с мощами Св. Донациана. Тьерри поклялся на них блюсти городские вольности.

И вот снова король Франции в Аррасе, он приглашает восемь мудрых мужей со всех городов для примирения Вильгельма и восставших против него. Последние ответили: «Ничто в деле избрания и поставления графа Фландрии не касается короля Франции, независимо от того, оставил или не оставил наследника скончавшийся граф. У пэров страны и у горожан есть власть называть самого близкого по родству человека и есть привилегия возводить его в графское достоинство». До сей поры графов Фландрии и короля соединяло кровное родство. Поэтому год назад рыцари, знатные люди и горожане согласились с вмешательством Людовика VI, «но одно дело — то, что проистекает из родства, а другое дело — то, что почитается справедливым по традиции и по закону». «За право держать землю, которую первый граф получил от короля в качестве фьефа», король получит от нового графа только доспехи.

Таким образом, полностью признается, что Фландрия является фьефом и что за право на него надо платить. Но эта плата — «рельеф» — должна быть символической.

Тем не менее в Аррасе собирались аббаты, епископы, архиепископы. Вильгельм Клитон делал то, что должен был делать. Он возвратил епископу Нуайона 12 церквей, которые держал в качестве фьефа, выступил в роли «защитника и поверенного церковью Фландрии». И Церковь его поддержала. Епископ Нуайона объявил интердикт, архиепископ Реймский и его другие викарные епископы провозгласили анафему. Тьерри Альзасского сразу же поразила болезнь, доказательство того, что дело его было несправедливым. Несколько фламандских священников попытались оказать сопротивление, объявляли отлучения. В записи от 12 июня Галберт изумляется: «Может ли священник так околдовать Господа, что граф оказывается в изгнании?» Но Господь не поддался обольщению, о чем объявил во всеуслышание. В самом деле, он даровал Вильгельму победу в одном из сражений. Кающиеся воинство (рыцари обрезают себе волосы, сняли парадные одеяния; граф должным образом исповедовался в своих грехах) обратило в бегство противника — несправедную рать. Фламандцы понесли наказание, которое они полностью заслужили. Разве не дерзнули они распорядиться графской должностью? Но затем случилось неожиданное несчастье. 27 июля 1128 г. Господь явил свою мощь, положив конец беспорядку. Он допустил, чтобы Клитон был убит вблизи Алоста (Алста). Сразу же все остановилось, закончился и дневник, который вел Галберт.

Взгляд Галберта на события оказывается вполне современным, а рассуждения о политике — весьма содержательными, его дневник позволяет поэтому внезапно обнаружить в одной определенной точке то, что я пытаюсь распознать, — как постепенно примитивное мышление уступало место мышлению рациональному, семейные связи — связям публичным, феодальная раздробленность — монархической концентрации. Именно поэтому я столь подробно передавал рассказ Галберта. Но этот рассказ завершается вопросом: почему произошло столь явное изменение Божественной воли? По своему милосердию Господь избавил Фландрию от порочного князя. Посредством какой-то симонии Вильгельм приобрел княжество и оказался тираном. В течение некоторого времени этот злой человек был орудием в руках Господа, каравшего Фландрию за грех, которым она себя запятнала полвека назад, — за кровавую узурпацию Роберта Фриза.

Во второй половине XII века решительно меняется характер борьбы за власть. В ее орбиту втягиваются отныне более крупные силы, а их движение совершается в соответствии с нормами права, которые становятся все более строгими, — нормами феодального права, закрепляющего иерархические структуры. Государи еще могли сколько угодно именовать «королевствами» подвластные им территории, принимать позу защитников их «отечества». Какой бы мощью ни обладали эти государи, княжество каждого из них зависит от короны. Число корон невелико, ни у кого не достанет воображения, будто можно создать новые короны. Поэтому самые великие князья мечтают о том, чтобы когда-нибудь увенчать свою главу одной из существующих корон, как это некогда удалось Вильгельму Нормандскому. Они ожидают случая, надеясь на угасание королевских династий. Действительно, такие династии хрупки, ибо по осмотрительному обычаю рождение законных наследников мужского пола ограничивается, чтобы не допустить раздробления наследства. Поскольку характер власти остается семейным, на политической арене царит случай. Случайным было то, что Генрих, король Англии, умер в 1135 году, не оставив сыновей, как и Карл Добрый семью годами ранее. Сразу же столкнулись два претендента — граф Блуа и граф Анжу. Случайным оказалось и то, что, подобно Карлу и подобно Генриху, герцог аквитанцев Гильом умер в 1137 году, не оставив законного сына. Незадолго до кончины герцог выдал свою дочь Алиенору замуж за Людовика из династии Капетингов.

ЗАРОЖДЕНИЕ НАЦИИ И ГОСУДАРСТВА

IX. ВЕЛИКИЙ ПОДЪЕМ

В 1137 году продолжался и, судя по множеству признаков, значительно ускорился питаемый крестьянским трудом подъем, послуживший толчком к прогрессивным изменениям всей франкской цивилизации. Между 1180 и 1220 годом этот подъем происходит столь быстро, что возникает вопрос: было ли когда-нибудь что-либо подобное в истории территорий, составляющих современную Францию? За эти 40 лет произошел такой поворот, подобного которому не будет впредь вплоть до середины XVIII века. В эти годы радикально изменились все условия осуществления светской власти.

Эта власть опиралась на военную силу. И как раз воинам, людям, живущим насилием и грабежом, прежде всех прочих достались плоды роста сельскохозяйственного производства. Рост доходов они употребили на совершенствование своего снаряжения. Первые и наиболее заметные прогрессивные изменения затронули экипировку рыцарей-всадников. Улучшения не задели меча — символа рыцарского служения. Он не стал совершеннее тех прекрасных длинных франкских мечей, что еще со времен Меровингов считались в мусульманских странах самой ценной добычей и вывоз которых к неверным издавна запрещали и теперь безуспешно продолжали запрещать императоры-христиане и римские папы. Усовершенствованы были защитные компоненты рыцарских доспехов — кольчуга, шлем, щит, обеспечивавшие теперь практически полную неуязвимость воинов, повествованиями о бесстрашии которых полнились хроники того времени и более поздние развлека-

тельные рыцарские романы. Были улучшены породы коней и их сбруя, что позволяло уверенно править сильной лошадью в самой гуще боевой схватки. Совершенствовалось и трудное искусство кавалерийского фехтования и рубки. С середины XII века кульминационным моментом боя стала встречная кавалерийская атака, в которой каждый стремился вышибить противника из седла ударом копыя, чтобы затем — спешенного и обессиленного — захватить в плен. Бой конников на копьях происходил как на турнирах, но это было отнюдь не единоборство, описанное в рыцарских романах. И охота, и война были в то время делом коллективов, команд. В решающий момент сталкивались между собой две группы всадников, состоявших каждая из боевых товарищей, которых на диалектах севера Франции называли «конроями».

Такого рода «спорт» требовал постоянных тренировок. И важную роль здесь играли турниры, представлявшие собой ожесточенные и кровопролитные столкновения двух групп всадников на обширном пространстве, выбираемом обычно ради остроты впечатлений в пересеченной местности. Каждая группа стремилась вклиниться в ряды противника, рассеять его строй, посеять смятение и, воспользовавшись им, завладеть конями и всадниками; в северной части королевства князя, договариваясь между собой, устанавливали расписание «потешных баталий» на весь год, за исключением того времени, когда Церковь требовала строго воздерживаться от всех утех. Князья ссорились, стремясь заполучить лучших бойцов, ибо слава господина и его «отечества» определялась успехами команды, взявшей для себя его геральдические цвета (язык геральдики формировался как раз в то время на турнирных полях). И герцоги, и графы в молодые годы сами рисковали, выступая на этом поприще. Старей, они уступали место во главе турнирной команды своим сыновьям или племянникам. Лишь для короля, ибо он — помазанник Божий, считалось неприличествующим участие в этих «ярмарочных игрищах», как называли их служители Церкви, осуждавшие такие игры, ибо они питали гордыню и наносили урон рыцарству, призванному служить Богу и святому делу борьбы с неверными.

Хотя король и не принимал участия в военных играх лично, место их проведения выбиралось большей частью поблизости от королевских владений, в стороне от городов-ситэ в «марках» — пограничных землях, окаймлявших с незапамятных времен собственно «национальную» территорию. Здесь съезжавшиеся со всех сторон в поисках славы и добычи воины ме-

рились силами с королевскими дружинниками — «рыцарями Франции». И лотарингцы, и нормандцы, и анжуйцы единодушно отзывались о них как о «лучших в мире». И в не меньшей мере, чем замечательное плодородие королевских земель, рыцарская доблесть обеспечивала в нужный момент военное превосходство Капетингов.

Более глубоким по своему воздействию на процессы формирования публичной власти было, как думается, возникновение и закрепление норм рыцарской морали, происходившие одновременно и там же, где шло совершенствование боевых доспехов и искусства нападения и защиты. Чтобы побеждать или, по меньшей мере, не терпеть поражений, существенно важным было соблюдение каждым воином в «конрое» верности своим товарищам и предводителю, под стягом которого он выступал. Турниры становились подлинной школой взаимной преданности сеньора и его людей, то есть отношений, вытекающих из принесения оммажа и клятвы верности. А поскольку участники турнирных боев частенько переходили из одной команды в другую, поскольку военные игры регулировались некоторыми правилами и, естественно, требовали суждения, а вручение призов зачастую доверялось благородным дамам, строгое следование обязательным для рыцарей нормам становилось общепринятым для всех участников таких игр, прекрасно сознававших, что признание и соблюдение определенной системы ценностей отличает их от других социальных групп. Галберт из Брюгге уже дал тогда название этой системе: «рыцарство». Ее венчал целый ряд добродетелей. Среди них, наряду с верностью слову, честностью, на первом месте стоит смелость, способность не колеблясь броситься навстречу опасности, ведя при этом бой по правилам чести, не прибегая к недозволенным приемам и низким уловкам, не лишая рыцаря-противника жизни. Тут и щедрость: в завершение боевых игр рыцарю полагалось не оставлять себе ничего из захваченных трофеев, без сожалений оделять ими всех окружающих. Полагалось, наконец, вести себя определенным образом по отношению к женщинам благородного происхождения. Ко всему этому добавлялось и сакральное, проистекавшее из установлений мира Божия и духа крестовых походов. В это же время складывался и ритуал посвящения в рыцари, посредством которого хорошо сложенный молодой человек, доказавший свое умение владеть копьем и взнуздать коня, мог быть допущен в ряды рыцарского сословия. Но лишь после того, как все смогут убедиться, что нормы рыцарского морального кодекса прочно им

усвоены. Впрочем, содержащиеся в этом кодексе требования были известны молодому человеку с раннего юношества, проведенного при дворе, из проповедей придворных священников и слагаемых ими для поучения и развлечения юношества баллад и песен.

По мере совершенствования боевого снаряжения все надежнее защищенные кожаными и стальными доспехами, своей смелостью, подкрепленной придворной педагогикой, рыцари становились способными оказывать более действенную помощь своему сеньору и сеньору этого сеньора в междоусобных стычках и в больших сражениях, генеральными репетициями которых были рыцарские турниры. Практически, однако, богобоязненные государи решались испытать боевое счастье в крупном сражении лишь в исключительных случаях. До Бувинской битвы Капетинги дали только одно сражение — под Бреммулем и проиграли его. Во Фландрии в течение полутора веков произошли только две крупные битвы, а граф Анжуйский Фульк Решен, повествуя в 1069 году о подвигах своих дяди, деда и прадеда, смог упомянуть лишь о шести сражениях на протяжении жизни четырех поколений. А частные войны были лишь развлечением, возможностью для сеньора обеспечить приятное занятие своим вассалам, получавшим и удовольствие, и добычу от грабежа, и самому продемонстрировать щедрость. Такие войны были лишь последним средством заставить противника скорее начать переговоры о мире, обязательной предюдией к ним. Но событием, имевшим политическое значение в то время, была только осада и взятие той или иной крепости. Как раз в этой области и появляются наиболее существенные новшества.

Ознакомление с фортификациями в странах Востока, более совершенными, чем примитивные европейские, развитие техники каменного строительства в ходе сооружения соборов и базилик совершенно преобразили средства и способы обороны городов и замков. В период между 1180 и 1220 годами произошли перемены, сделавшие бесполезными прежние земляные валы и деревянные стены. Чтобы обезопасить от вторжений подвластные им территории, властителям княжеств приходилось с помощью специалистов создавать целостную совокупность оборонительных сооружений, строя в тщательно выбранных местах более компактно спланированные крепости геометрически правильных форм с высокими каменными стенами, облицовывать камнем стенки рвов, склоны эскарпов

и контрэскарпов, а в центре каждого укрепления ставить особенно надежный внутренний форт — последнее убежище обороняющихся. Когда того срочно требовали обстоятельства, мощные укрепления возводились на новый лад, за несколько месяцев, тогда как строительство соборов затягивалось на десятилетия. И все это требовало огромного количества рабочих рук и, следовательно, денег. Строительство крепости Шато-Гайяр — ключа к Нормандии — обошлось в 21 203 фунта стерлингов, что хватало бы на выплату дневного содержания двум с половиной миллионам пехотинцев. В разгар борьбы князей за власть каждый из них теперь вынужден был тратить огромные суммы для успешного противостояния соперникам.

Филипп Август, считавший — как сказано в «Больших французских хрониках», — что его предки многое потеряли, ибо недостаточно тратили, расходовал деньги без колебаний. С 1203 по 1214 год он усеял свои владения круглыми крепостными башнями. Сейчас известно 18 таких сооружений, совершенно одинаковых, построенных по образцу Луврской башни, раскопки вокруг основания которой — оно прекрасно сохранилось с XVI века благодаря засыпке окружающих башню ровов — дали возможность оценить высокое искусство строителей. Стоимость каждого такого сооружения составляла от 1,2 до 2 тысяч фунтов, что хватало бы для оплаты 1000 пехотинцев в течение полутора-двух месяцев. Вложенные в строительство средства значительно превосходили ежегодный доход со всего королевского домена во времена, предшествовавшие присоединению к нему новых обширных территорий. В этот же период выросли крепостные стены вокруг городов, в первую очередь вокруг Парижа в 1190 году, затем вокруг Санса, Компьена, Мёлена. Правда, в последних случаях расходы ложились на плечи горожан.

Не менее быстро, чем развитие оборонительных средств, шло совершенствование орудий нападения. Чтобы расшатывать и разрушать каменные стены, князья располагали теперь командами саперов, оснащенных лучше, чем прежде, руководимых знающими предводителями, умеющими использовать стенобитные машины — камнеметы и фрондиболы, способные метать в цель со все большей силой все более тяжелые каменные глыбы. Механика занимала видное место среди военных-технических дисциплин. Отметим, что и в данном случае военные люди использовали опыт людей Церкви. Действительно, именно Церкви, действовавшей ради вящей славы Господней, принадлежит первенство в развитии каменотесного искусства,

мастерства каменной кладки, в составлении чертежей, расчете веса сооружений и их давления на опоры: устойчивость хоров в храме Сен-Дени, освященном в 1140 году, обеспечена умелым применением основ геометрии и математики, которые углубленно изучались в школах, созданных при соседних соборах. Разрабатывая в Париже свою классификацию путей познания, Гуго из аббатства Сен-Виктор счел необходимым поставить «механические искусства» в один ряд с «либеральными искусствами». Тяжелые стенобитные машины, тянувшиеся, покачиваясь на ухабах, за рыцарским войском, своими боевыми качествами были прямо обязаны опыту строителей, которым приходилось самим, своими руками, мастерить подъемные механизмы для воздвижения все более высоких соборов. Но чтобы изобрести и сконструировать осадную машину, привести ее в действие, рассчитать углы поражения цели, нужен был человек знающий, «мэтр». Таких не было среди рыцарей. Их находили в народе — среди жителей растущих городов, где ремесленные мастерские тесно соседствовали с монастырями.

Из народа — на этот раз низших его слоев — выходили и специалисты иного рода: мастера побоищ, постоянные участники доходных войн. Замок Шато-Гайяр считался неприступным. И все-таки он был взят. Отнюдь не приступом рыцарского войска, а благодаря хитроумию наемников Филиппа Августа: они проникли в крепость как крысы, проскользнув в отверстия сидений отхожих мест замка. Неожиданное появление новых, противоречащих морали, приемов нападения стало скандалом XII века. Речь идет прежде всего о широком распространении одного из видов наступательного оружия, использование которого не требовало личного мужества, поскольку оно действовало на большом расстоянии, поражало цель коварно, исподтишка, как заразная болезнь; жертва не могла ни предвидеть, ни отразить удар и даже заметить и узнать противника: появилась еще одно новое детище механики — арбалет — усовершенствованный лук, точно бьющий по цели благодаря системе зубчаток, многократно умножающий дальность и убойную силу. Это было легкое и удобное в обращении оружие, подобное баллисте, но стреляющее не камнями, а стрелами, способными пробить любой панцирь. Арбалет разил насмерть не только рыцарей, но и государей, располагавших наиболее надежными средствами защиты. Ричард Львиное Сердце, король Англии, сначала был ранен, а в следующий раз убит арбалетной стрелой. Церковь попыталась запретить использование этого убийственного оружия с момента его по-

явления. Организуя крестовый поход, папа Урбан II запретил использовать арбалет против христиан, но с запретом не считались. В 1139 году Латеранский вселенский собор предал анафеме всех, кто прибегнет к услугам стрелков-арбалетчиков, и опять же безрезультатно. После 1150 года это оружие получило повсеместное распространение, и преумножилось число людей, внушавших ужас, мастеров стрельбы, прекрасно им владеющих, продававших любому, кто больше заплатит, свое умение издали сразить боевого коня и пробить любую кольчугу.

Военных наемников того времени именовали «кольчужниками», «брабантцами» — по названию бедных и диких окраин Фландрии, они появлялись оттуда, а также из Прованса и Пиренеев. Действовали они «артельно», тесным содружеством, во главе с вожаком, задачей которого было ведение переговоров с нанимателями. Такая «рута» — группа пеших воинов, вооруженных ножами, пиками, крючьями и арбалетами, мало чем отличалась от ополчения сельских общин, поднятого по тревоге. Но еще более они походили на ошетилившиеся оружием группы конвоя, которыми окружали свои караваны связанные торговыми обязательствами купцы, когда приходила пора отправляться в полный превратностей путь к дальним ярмаркам. За рутами тянулись возы и шли женщины. Ведь после «дела» группа обычно не распадалась, сохраняя постоянным свой состав. Если не было нового нанимателя, она продолжала кочевать по стране, разбойничая и грабя мирных жителей. Появившись впервые в те времена на полях сражений, руты остались на них надолго, вызывая ужас и отвращение современников. Запятнанные кровью своих жертв, опозоренные полученными за эту кровь деньгами, погрязшие в распутстве, к которому они, как считалось, были особенно склонны, святотатственно чокавшиеся украденными из святилищ кубками, эти сбившиеся с пути, но продолжавшие тем не менее творить молитвы вместе с нанятыми ими беглыми клириками, наемные вояки, набиравшиеся из числа совершенно опустившихся маргиналов, бастардов, лишенных наследства, из беднейших слоев общества, представлялись современникам чем-то вроде чумы, бича Божия, насланного на них гневом Господним. От рутьеров надлежало избавляться всеми силами.

В 1179 году новый Латеранский церковный собор призвал уничтожить рутьеров наряду с еретиками. Но как отказаться от услуг этих людей, когда приходится защищать не что-нибудь, а «родину», да и средства есть, чтобы им платить? Они

были нужны всем государям, желавшим успешно противостоять неприятелю, завладеть его замками или просто иметь противовес чрезмерно усилившемуся рыцарству. В 1163 году Людовик VII и Фридрих Барбаросса встретились на границе своих королевств, чтобы обсудить вопрос о всеобщем мире: они обязались не прибегать более к услугам наемников на всем пространстве между Парижем, Рейном и Альпами. Но христианнейший король Франции отнюдь не обещал отказываться от помощи наемников в землях западнее Парижа, то есть в той стороне, откуда ему грозила серьезная опасность.

Все чаще государи начинали несколько по-иному использовать способности простолюдинов. К концу века некоторые из отличившихся стражников — «сержантов», заслуживших общую хвалу, стали допускаться к службе в конном строю, и иногда их вооружали арбалетом. Если не принимать во внимание арбалет, можно ли было отличить этих низкородных всадников от тех, кто считал, что право и честь сражаться в конном строю принадлежит исключительно людям благородной крови? И сложившийся в эти времена ритуал «посвящения в рыцари», не предназначался ли он как раз для того, чтобы подчеркнуть это различие? Открытый простонародью доступ к пользованию наиболее эффективным оружием разрушал высшую привилегию рыцарского сословия и заставлял его теснее сплотиться для защиты своих титулов и добродетелей. Возможность такого доступа ускорила превращение рыцарской социальной группы в настоящую знать. В среде рыцарства также обострилось чувство страха перед простонародьем и, следовательно, презрения к нему. Презрение к неблагородным мешало рыцарям продавать свою храбрость и служить — подобно тем же брабантцам — за деньги, хотя ради успокоения совести они всячески показывали свое бескорыстие, соря деньгами на празднествах. Они твердили, что полученная плата — всего лишь подарок из рук сеньора, которому положено вознаграждать своих людей за преданность. И в XII веке мы, таким образом, опять находим деньги — «движущую силу войн» и, стало быть, — власти. Деньги проникают во все общественные отношения. И ничего не оставляют в прежнем виде.

Со времен Карла Великого, начавшего чеканку денег, в обращении были деньги — маленькие серебряные пластинки. К концу первого тысячелетия, с развитием рыночной экономики эти монетки обращались все быстрее, и при этом качество сплава в них ухудшалось, их стоимость падала. И вот церковные моралисты встревожились: звонкая монета разжигает ко-

рыстолюбие и зависть, соблазняет благами мирскими, сбивает христиан с пути праведного. Но к денье люди уже привыкли. Все острее нуждавшиеся в деньгах сеньоры стали допускать, а может быть, и поощрять денежный выкуп жителями бургов, где имелись рынки, и, стало быть, обращались немалые деньги, — за освобождение от господского постоя. А крестьян понуждали откупаться от барщины, от тележной и сторожевой повинностей. И им приходилось для этого продавать свой труд, свой скот, урожай полей и виноградников.

Мало-помалу такая возможность откупиться становилась правилом, сообщая значительно большую гибкость сеньориальной налоговой системе. Стал привычным переход денег из рук селян и горожан в руки прево, которые были вилланами, свободными людьми, но неблагогородными. Вскоре деньги проникли и в отношения, ранее опиравшиеся на бескорыстие, дружбу, преданность, благочестие. С начала XII века в северо-западной Франции для рыцаря стала возможной выплата определенной суммы по установленному тарифу для освобождения от обязанности выступать с оружием в руках на помощь сеньору. А вслед за тем стали продаваться и отпущение грехов, и посмертная милость Божия. За регулярные денежные выплаты священнослужители отправляли ежегодные поминальные службы за упокой души усопшего, и при этом возникла самая настоящая поминальная бухгалтерия. Тщательно учитывая суммы периодически поступавших взносов, устанавливая расценки на Божию милость, бухгалтерия эта вторгалась в потусторонний мир, приводила к тому, что при расчете точно определялось место, уготованное для души в чистилище, и стоимость искупления, отмерялось время во вневременном мире, в вечности. Да и сама наука давно стала продаваться. Еще в 1116 году, когда Абельяр был осклопен, в Париже он торговал своими познаниями, продавая их школярам и, при желании, мог оплачивать и услуги женщин. Небезосновательно тогда проповедники называли турниры «ярмарочными игрищами». Рыцари не только славы в них искали, но и денег, которые приносила слава. После турниров конные перекупщики, трактирщики, продажные женщины собирались толпой к месту боев в предвкушении крупных барышей. И денье здесь лились рекой, обильнее, чем на самых богатых ярмарках: победители распродавали упряжь и лошадей, отобранных у побежденных, а побежденные силились найти замену своим потерям и средства для уплаты выкупа. Нужда в деньгах становилась каждодневной. Людей к добыванию денег толкала не алчность, а

необходимость, подтачивавшая исконные ценности: честь, смелость, достоинство, верность данному слову. Проникая в глубь общественного организма, денежное обращение придавало ему гибкость. Но одновременно оно дробило этот целостный организм.

Простая, исполненная спокойствия картина общества, разделенного на три функциональные группы, перестает отвечать реальностям времени. Приходилось признавать, что «сословия мирские», умножившись числом, уже не разделены непреодолимыми барьерами. Вперед выдвигалось богатство нового вида, легко и быстро менявшее владельцев и отгеснявшее назад невыблемую земельную недвижимость, переходившую из рук в руки путем наследования или дарения. В коллективном сознании современников закрепляется образ колеса фортуны, все быстрее возносящего вверх одних и низвергающего других. Стабильность нарушена. Появляется соперничество. Каждому дается надежда обогатиться — *gagner* (это слово получило широкое распространение в XIII в.) будь то путем распашки новых земель или военных экспедиций, на ярмарках или на диспутах схоластов.

В самом конце XI века, когда города, развитие которых обеспечивалось благодаря росту сельскохозяйственного производства, решительно возобладали над селом и стали господствовать над ним, в центр самой процветающей части Франции — в сердце домена Капетингов — город Париж потянулись, пользуясь тем, что передвигаться стало легче, все лучшие в христианском мире умы, жаждущие познать суть сакрального. Комментируя Священное Писание в назидание юношам, стремящимся продвинуться в карьере на духовном поприще, эти мэтры прилагали все усилия к тому, чтобы найти в его тексте нормы морали, неотложная необходимость которых стала общепризнанной, и нести слово Божие народу, чтобы наставить его и укрепить в благонравии. Певчий собора Нотр-Дам Петр и Этьен Лангтон задались и вопросом о власти мирской, власти купцов и князей. И в особенности — вопросом о власти денег. Они были встревожены потрясениями, вызванными их разрушительным вторжением в привычную систему ценностей и в общественные отношения.

В этих потрясениях они усматривали немало пугающего. Они видят, как от зернистой структуры, состоящей из тесно связанных между собой замкнутых ячеек с четким ядром, отделяются составлявшие ее частицы. Индивидуум получает свободу. Каждый располагает своим кошельком. Сын не ждет бо-

лее, что получит все от своего отца, клирик — от настоятеля, рыцарь — от своего патрона-кормильца. Все могут самостоятельно попытаться счастья, пойти на риск выхода из своей общественной группы. Жизнь становится цепью приключений. Исконная власть главы дома рушится, рвутся узы групповой солидарности. Наступают расстройство и беспорядок. Погоня за «обогащением» не только освобождает от послушания, следования обязательным правилам, она предполагает также и выход из положения защищенности, безопасности, выбор опасного пути, приводящего человека в желанный мир, открытый для подвига, но и полный скрытых ловушек, мир, который в рыцарских стихотворных повествованиях того времени предстает в образе леса или бескрайней равнины, откуда удачливые возвращаются богатыми, но многие не возвращаются вовсе. Тот, кто решает порвать свои связи, везде становится чужаком, незнакомцем, посторонним, беззащитным перед любой опасностью. Он уже не может искать опоры в обычае чаще узкоместного характера, действующем в рамках общины, от которой он оторвался. В своих скитаниях ему надо было бы иметь возможность апеллировать к нормам, принятым за пределами покинутых им дома, деревни или города, положиться на власть — охранительницу обширных пространств и способную обеспечить выполнение этих норм и правил. По существу, то, в чем он нуждается, — это укрепление государства. И денежное обращение этому способствует.

Развитие денежного обращения все более углубляло пропасть, разделяющую горожан и крестьян, которую еще Галберт из Брюгге считал весьма значительной. После 1180 года пропасть пролежала уже между двумя совершенно несхожими обществами, в каждом из которых крепла власть богатевших над нищавшими. На селе нужна в звонкой монете для уплаты налогов и штрафов, приобретения семян, обновления поголовья, оплаты церковных служб, на достойное празднование различных дат, согласно заведенному порядку, заставляет наименее умелых и удачливых входить в долги, занимая деньги у священника, лесника, соседей, умеющих получать более обильные урожаи и выгоднее торговаться с купцами-перекупщиками. В должниках оказывается все большая часть крестьянства. Задолженность ставит большинство сельского населения во все более гнетущую зависимость от мелкой местной аристократии. В XII веке подобный, но еще более глубокий разрыв между богатыми и бедными образуется в городах, где колесо фортуны крутится быстрее.

Не стало ли ошеломляющим открытием, относящимся к тем временам, полное обнищание мигрантов, находивших приют на городских окраинах? Конечно, с обнищанием люди сталкивались и ранее. Но тогда периоды несчастий накатывались и проходили как волна, как приступ болезни, когда наступали голод, эпидемии моровой язвы, вспыхивали пожары, упоминаниями о которых пестрят страницы исторических хроник. Но это были преходящие бедствия, служившие поводом к покаянию. Люди, свыкшиеся не только с невероятной жестокостью военных, с бесчеловечностью пыток, но и привыкшие терять каждого четвертого ребенка до достижения им пятилетнего возраста и каждого четвертого из оставшихся — в отрочестве, безропотно смирялись с эпизодическим ростом числа смертей. А резкий контраст между богачами и бедняками сглаживался тогда семейной солидарностью и самой властью сеньоров, совершенно естественно превращавшихся в кормильцев, открывавших свои закрома для облегчения участи бедствующих. Жесты милосердия считались обязательными для богатых людей и совершались как ритуал — без раздумий и колебаний. На протяжении XII века характер таких жестов меняется. Сопоставим щедроты Карла Доброго, описанные Галбертом из Брюгге, с благотворительностью представителя следующего поколения — графа Шампанского. Последний не довольствуется чисто символическими жестами, а приказывает распродать золотую и серебряную утварь, украшения, чтобы вырученные средства раздать нуждающимся. Он посылает на улицы и площади специально назначенных служителей с поручением искать беднейших и раздавать им вспоможение. Именно к этому времени относится основание во всех городах богаделен для немощных, где о них заботилось какое-либо братство.

Члены таких братств — люди состоятельные. Они стыдятся своего чрезмерного богатства. Они вняли заветам Евангелия и хотят искупить свой грех сребролюбия. Ведь в ряду пороков, где на первом месте выступает гордыня, за ней вплотную следует скупость. В поисках бескорыстия истинного самые неспокойные духом клирики из духовного авангарда конца XI века уходят в лесные отшельнические хижины или вступают на полную превратностей стезю странствующих проповедников: Это стремление отстраниться от мирских соблазнов породило реакцию Ордена цистерцианцев (бернардинцев) на клюнийскую роскошь: если граф Шампанский решает лишиться роскоши убранства своего стола, то это происходит именно под воздействием горячих проповедей его друга Бернарда Клервоского.

После 1170 года в среде городского патрициата распространяется и крепнет убеждение: попасть в Царство небесное можно только отказавшись от всех земных благ, став бедняком и живя среди бедняков. С этим убеждением Петр Вальдо — богатый лионский купец, распродал все свое имущество и стал призывать всех — во имя Христа — следовать его примеру. Так возникает в гуще народной центр новой, духовной, власти — власти «добрых людей», решивших жить так, как жили ученики Иисуса Христа. К ним прислушиваются люди, но священники, защищая свою монополию на проповедь, выступают против них. Нарушающих эту монополию причисляют к еретикам как «браванцев». Вскоре «лионские бедняки» заклеимлены, их подвергают преследованиям. Понадобилось величие души папы Иннокентия III, учившегося в молодости в Париже и сочинившего трактат о добровольной бедности, чтобы через 20 лет Доминик и Франциск Ассизский, как и все их горячие сторонники и ученики, были возвращены в лоно Церкви. И помогло делу то, что в это время стала чрезвычайно быстро распространяться ересь, настоящая ересь. Она подрывала власть прелатов, еретики выдвигали против них обвинения в присвоении денег бедняков. Столь быстрое появление и скорое и неудержимое распространение ереси были прямо связаны с развитием денежного обращения и порождаемым смятением в умах.

Большинство тех, в чьи руки текли деньги и в городах, и в новых поселениях, растущих на перекрестках торговых путей, — менялы, торговцы, владельцы городских земель, торговавшие небольшими участками, подрядчики, наживавшиеся на бедственном положении ищущих заработка мигрантов, отдавали лишь малую толику своего дохода на благотворительность. Все, что у них оставалось, шло на накопление, и государи содействовали их обогащению, считая, что при необходимости они всегда смогут получить у них сразу мешок-другой денег, весомую порцию серебра. Именно им князья предоставляли всякого рода фискальные и иные льготы, им доверялось получение налогов с низших слоев городского населения. Спустя 100 лет Филипп де Бомануар отметит: «Богачи держат в руках управление городами и благодаря тому оплачивают свои расходы деньгами бедняков». Но так было еще в конце XII века. Когда же разбогатевшие вилланы, служившие постоянной мишенью насмешек для авторов стихотворных фаблио, наталкивались на преграду, отделявшую их от благородных, от людей, не знавших ручного труда, они всячески пытались проскольз-

нуть за нее, неуклюже подражая манерам, всему образу жизни людей «добрého рода» — дворянства. Прежняя военная аристократия тоже, конечно, получала немалые доходы, пользуясь плодами подъема сельскохозяйственного производства. Но теперь их источником были отнюдь не традиционные повинности, характер и объем которых определялись обычаями. Хотя они и приняли теперь денежную форму, но деньги, обращаясь все быстрее и быстрее, постепенно обесценивались. Зато становились более доходными натуральные выплаты сельскохозяйственной продукцией за помол, за «дым» (подать со двора), натуральный оброк с владельцев молодых виноградников, новораспаханных земель, прироста поголовья скота. Взимая с крестьян натуральный оброк зерном, вином, шерстью, сами сеньоры не занимались торговлей, а передавали право получать и продавать эту продукцию откупщикам и арендаторам, которые приносили им столько монеты, сколько никогда не смог бы выискать их отец, ни увидеть за всю свою жизнь их дед.

Но им было мало этого. Требовалось все больше денег, чтобы обеспечивать себя новым оружием, заменять загнанных или убитых коней, участвовать в крестовых походах, выплачивать выкупные, покрывать задолженность по заказанным мессам или просто блеснуть своим нарядом при дворе, где рыцари старались перещеголять друг друга показной роскошью и расточительностью. Им приходилось всячески изыскивать денежные средства. Одним из признаков острой нехватки денег становится появление в документах конца XII века и быстрое распространение в последующие годы двух новых, эквивалентных по своему значению, терминов — «экюйе» и «дамуазо». Этими терминами обозначали «рыцарей-учеников», еще не получивших оружия. Такими титулами, свидетельствующими о благородстве по рождению, наделялись все более многочисленные рыцарские дети мужского пола, чьи отцы не могли взять на себя затраты на проведение церемонии посвящения их сыновей в рыцари. Сыновья старались в ожидании такой возможности.

Стесненные нуждой благородные господа, подобно неудачливым крестьянам, входили в долги. Им было трудно найти кредиторов среди людей своего круга и приходилось занимать деньги у презираемых ими бюргеров, или, хуже того, у евреев, не связанных ограничениями, действовавшими — весьма, впрочем, неэффективно — в отношении христиан-ростовщиков, а посему вызывавших всеобщую ненависть и презрение. Исчерпав свои ресурсы, рыцарь начинал распродавать все что

мог, и прежде всего — то владение, за которое им был принесен оммаж. Наследственный аллод — его полную собственность — он ради денег, долю за долей переводил в ленное владение, превращая его в фьеф. Таким образом после 1180 года быстро феодализировались рыцарские родовые вотчины. Или же рыцарь искал себе патрона, который взял бы его на платную службу, предоставил бы «денежный фьеф» — регулярные выплаты в денье, которые сеньор переставал платить, как только вассал нарушал свою верность господину. Рыцари поступали на службу. В любом случае личность рыцаря отчуждалась. Появление денег, этой текучей субстанции, приводило ко все более плотному сплетению многообразных обязательств и зависимостей тех, кто столетием ранее составляли разгульную рыцарскую вольницу. Воинственность рыцарского сословия сдерживала распространение денег и иным образом. В новых условиях наследование земель теряло свое значение. Ослаблялось стремление сохранить целостность надела путем запрета на вступление большинства юношей в законный брак. Все младшие сыновья, не вставшие на стезю церковного служения, могли теперь обзавестись собственным домом и семьей. Семейства, дробясь, опирались теперь на менее крупные надель, что позволяло княжеской власти крепче держать их в руках. И главное, улеглось брожение в среде «молодежи» — в массе холостых воинов, питавшей самые опасные очаги беспорядков. Именно этим объясняется в значительной мере спокойствие, воцарившееся в княжествах в XIII веке.

Государствам пошло на пользу упорядочение распределения власти в рамках господствующего класса, расширявшее разрыв между ступенями его иерархических структур. Составленный канцеляристами Филиппа Августа между 1203 и 1206 годами инвентарный перечень военной помощи, на которую он мог рассчитывать, распределяет военных людей по четырем ступеням. На высшей стояли герцоги и графы, затем — бароны (этот титул, вошедший в обиход в XII веке, носили сеньоры не менее могущественные, чем многие графы, но не унаследовавшие при этом свои титулы от периода Каролингов), и ступенью ниже — владельцы замков, шателены. На четвертой ступени находятся арьер-вассалы. К этой группе отнесены вместе и рыцари, и их «ученики» — «экюйе» и «дамуазо». Наиболее существенным было теперь уже не различие в положении между третьей и четвертой из перечисленных категорий, как это было раньше, а между второй и третьей. Замковая аристократия мельчала.

К 1200 году старые крепости потеряли свое стратегическое значение. Шателен теперь не способен противиться герцогу, графу, барону, пожелавшим иметь доступ в его замок. К тому же, если ранее власть замка распространялась на все окрестные земли, на которых шателен мог диктовать свою волю и наказывать непокорных, то теперь, с дроблением земель, и власть эта оказалась раздробленной. Осуществлялась она ныне в рамках церковного прихода, растущая роль которого в XII веке уже была отмечена выше. В некоторых приходах властные полномочия остаются в руках сира — владельца замка, но в большинстве случаев они переходят к тому, кто, являясь рыцарем, тоже именуется «сиром», владельцем, а окруженный рвами дом которого почти подобен старым замкам по способности устоять под ударами новых осадных средств и механизмов. Прежние замки опустели, покинутые гарнизонами, набравшимися из местных жителей, конные отряды которых навели ужас на все окрестное крестьянство в начале второго тысячелетия. Владелец замка еще способен собрать под свое знамя рыцарей округи и принять от них оммаж, но его денежный доход был ненамного больше доходов простых рыцарей, да и долгов у него было не менее, чем у них. Технический прогресс в военном деле и развитие денежного обращения превратили их всех в арьер-вассалов.

У нас чрезвычайно мало документов, а те что есть, слишком лаконичны, чтобы мы смогли воссоздать ясную картину дробления былой власти замка, власти башен во второй половине XIII века. Свою роль в этом процессе сыграли многие факторы. Так, нормы феодального права стали соблюдаться столь неукоснительно, что смогли поколебать неуступчивость сиров, не желавших поступаться ни пядью территории своих сеньорий. Теперь они пошли на уступку мелких наделов как фьефов, ленных владений «замковым рыцарям», просившим пристроить их, или их младшим сыновьям, жаждущим женитьбы. Существенную роль играло и сплочение сообществ местных жителей. Перераспределение власти совершалось в конечном счете с учетом укрепления этих сообществ. И поскольку Церковь, согласно принятым в 1215 году на четвертом Латеранском соборе установлениям, строила — для более успешного искоренения пережитков язычества и еретических вероотступлений — свой аппарат пропаганды и надзора на основе окрепших приходских ячеек, опоры ее господства над умами, стала представляться естественной и организация отправления правосудия, полицейских функций, поддержания общественного

порядка также в рамках прихода. Сеньору деревни было положено взysкивать подати, штрафы, обеспечивать охрану дорог, урожая, пастбищ, следить за соблюдением общепринятых правил и обыкновений, установлением календаря сельскохозяйственных работ. Основным назначением этой системы управления было содействие включению сельского хозяйства в рыночную экономику. Над сеньором стоят те, кому надлежит выполнять чисто политические функции, — бароны, графы, герцоги. Их роль — пресечение самочинного мщения. В отношении простого народа они действуют принуждением, строгим применением примерных наказаний, а в отношении рыцарства принимают на себя роль арбитров.

В деле поддержания общественного мира действительная роль принадлежала баронам, и она осуществлялась на обширных территориях, ибо они проявляли большую осмотрительность в определении порядка наследования своих владений. Приведу пример баронов Куси, владения которых размещались в промежутках между старинными княжествами. Собираясь отправиться в Святую Землю, Рауль I позаботился о том, чтобы сохранить целостность своих владений. Старшему из сыновей он оставил по завещанию три крепости, составлявшие основу владения. Двое младших получают свои доли, но состояли они из нескольких сельских сеньорий, фьефов-*lige*. Младшие сыновья должны были стать их держателями от старшего брата. К нему они должны были вернуться, если братья умрут, не оставя сыновей. Подобный порядок был общепринятым в высшей аристократии. Он предохранял генеалогическое древо от излишнего ветвления. Основной ствол оставался прямым. Посему в высших слоях господствовало стремление не дробить достояние рода, а собирать его в одних руках.

На обширных пространствах, куда доставала карающая десница баронов, они определяли направление потоков заселения, принимали «пришельцев», разрешали выкорчевку, создавали новые поселения. Именно им демографический рост приносил наибольшие выгоды. Ход раскорчевки и расширения пашни их интересовал, впрочем, гораздо менее, чем новые поселения с их рынками, чем судоходные реки и дороги, дававшие возможность взимать солидные пошлины. Пошлины и вправду приносили немалые деньги, позволявшие покупать оммажи и услуги малосостоятельных сиров, мелкопоместной знати, оплачивать весь персонал, необходимый сеньору для демонстрации своей суверенности, платить писцам, ведавшим счетными книгами, пешим и конным стражникам, несшим патрульную

службу и обеспечивавшим своим быстрым появлением у очагов смуты поддержание общественного порядка. Благодаря деньгам стало возможным расширить территорию, где обеспечивалась безопасность, еще на сотни приходов. Этому содействовало также и развитие путей сообщения. Разрывавшие коммуникации безлюдные пространства, обширные леса и болота отступали, дробились на части в процессе заселения новых территорий. В течение XII века строительство мостов, мощеных дорог, использование улучшенных пород лошадей, усовершенствованной упряжи, повсеместное появление кузнечных мастерских, станций смены лошадей преобразили всю транспортную систему страны, в особенности — в ее северных областях. К моменту кончины Филиппа Августа эта система достигла такого уровня развития, какой не будет превзойден — по скорости передвижения людей и товаров — ранее чем в XVIII веке, а по тоннажу — в начале XX века.

В результате всех этих изменений рамки владений баронов и небольших графств к 1200 году оказались слишком узкими. В условиях слома всевозможных перегородок сохранение мира в стране и дальнейший экономический рост стали зависеть от властей, господствующих на более обширных территориях. От власти князей. Именно им по плечу было организовывать успешную борьбу со стихиями. Ни один из кантонов провинции Валь-де-Луар, взятый в отдельности, не был способен защитить свои земли от наводнений, и понадобилось вмешательство высшей власти — власти графа Анжуйского, чтобы обеспечить согласованные действия по сооружению дамб в долине Луары. Властью графа Фландрии был организован коллективный отпор наступлению моря, затоплявшего обширные пространства. Только князья были способны обеспечить защиту иноземных купцов, привозивших свои товары на большие ярмарки. Известно, в какое замешательство повергло этих торговцев в 1127 году сообщение о том, что во Фландрии нет более графа, способного взять их под свою защиту. Только такие государи на всем пространстве, где пролегли все более протяженные торговые пути, способны были уменьшить разнорядность в системе мер и весов. И в особенности разнорядность в определении первой меры, денежной, как меры стоимости. Пока товарообменные процессы оставались слабыми, а монеты некачественной чеканки шли главным образом на оплату церковных служб властителями, давая им возможность делать широкие, но чисто символические жесты показной щедрости, монетные дворы, куда серебро отдавали для чеканки денег, если вдруг воз-

никала в них нужда, были разбросаны по стране, подобно центрам власти. День с выбитым на них крестом, — таким же, как на храмах — убежищах, стоящих под защитой мира Божия, — были как бы отмечены печатью святости. Они утверждали установленный миропорядок. Однако разбросанность, произвол тех, кто чеканил монеты, обрезка монет, истирание в процессе обращения, делавшее еще тоньше и без того тонкие пластинки серебра, приводили к чрезвычайному разнообразию в реальной стоимости монет. Роль менялы, сидевшего на своей скамье у каждого рынка, состояла в том, чтобы взять пробу, взвесить и определить относительную стоимость самых разных монет. Оживившаяся торговля ожидала от милостивых князей надежных, стабильных по своей ценности денег, которые принимались бы к оплате на всем протяжении дальних торговых путей. Обращаясь все быстрее на все более широкое пространство, деньги требовали укрепления обширных политических образований и становились самым мощным фактором, содействовавшим такому укреплению.

И как раз князья, действительно, могли свободно черпать деньги там, где они текли особенно широким потоком. Прежде всего — из самого источника: чеканя лучшую, пользующуюся наибольшим спросом и доброй репутацией монету, князь забирал себе часть ее прямо там, где происходила чеканка. Затем он перехватывал монету на путях ее передвижения, устраивая таможи на узлах пересечения торговых путей, там, где обойти их было невозможно. Когда в 1191–1192 годах Филипп Август овладел княжеством Артуа, используя права своего сына, он начал с захвата крепостей и сразу же после этого установил контроль над важным пунктом сбора дорожной пошлины в Бапоме, где из Арруэзского леса выходила дорога, служившая основным торговым путем между Фландрией и Парижским бассейном. И немедленно поднял тарифы дорожных сборов. Государи владели самыми крупными и надежно защищенными городами, и ярмарки под их надежным покровительством привлекали многочисленных негоциантов. Мощь сиров Монпелье неуклонно росла в XII веке, причиной было умелое превращение ими порта Латт, расположенного неподалеку от небольшого поместья, полученного их предком от графа де Могио, в один из главных торговых центров Средиземноморья. Деловые люди, «ломбардцы», еврей-ростовщики, съезжавшиеся издалека, никогда не могли чувствовать себя в безопасности, поскольку все знали, что у них в кошельках деньги не переводились. Они ни в чем не могли отказать государю-за-

шитнику. Стоило им догадаться, что князь нуждается в крупных суммах, как они сами, без приглашения, шли предлагать ему средства. И — стоило ему мигнуть — давали их ему, особенно если вдруг начинало попахивать очередным погромом.

В наличности повсюду нуждались, но в княжеские дома она текла рекой. Здесь ей вели счет не только на денье или су, но и на марки серебра, на фунты. И это возносило княжеские дома высоко над «рыцарями, шателенами, графами и даже над герцогами», которых, как с горечью отмечал уже около 1130 года Петр Достопочтенный, аббат монастыря Клюни, «привлекал запах денег». Жажда денег делала их всех покорными. «Деньги, — писал в 1179 году Ричард Фиц-Ниль, служащий в казначействе Генриха Плантагенета, подсчитывавший королевские доходы, — необходимы не только на войне, но и в дни мира. В мирные дни они служат для княжеских благодеяний (заметим, что, согласно господствовавшей морали, деньги следовало прежде всего жертвовать, раздавать клирикам и монахам, благодаря молитвам которых государству дается милость Божия, употреблять на украшение святилищ, сооружение соборов: над одним из порталов парижского собора Нотр-Дам можно видеть изображение Людовика VII, держащего в руке этот храм, который он своими пожертвованиями помог построить во славу Господа, то есть ради непосредственной пользы своего народа и его процветания). Во время войны деньги идут на укрепление замков, на солдатское жалованье и на многое другое, что зависит от характера людей, коим платят за оборону королевства». Ричард выражается ясно. С возникновением денежного обращения князья получили возможность брать к себе на службу отряды наемников и возводить неприступные крепости, утверждая тем самым свое превосходство над баронами, над пэрами «королевства», становясь главными действующими лицами в политической игре.

Приведем свидетельство не хрониста, а на сей раз романиста в точном значении этого слова, который писал на латино-романском языке, принятом как литературный в придворных кругах. Я имею в виду клерка — чтеца по имени Вас. Он служил Генриху Плантагенету, когда тот стал королем Англии. А во Франции Генрих был графом Анжуйским, герцогом Нормандии, а также и герцогом Аквитании благодаря женитьбе на Алиеноре. «Roman de Rou», роман Васа о Роллоне, повествует о жизни первых нормандских вождей, основываясь, в частности, на хрониках монаха Гильома из Жюмьежа, написанных

столетием ранее. Вас их переводит, но также и обновляет, делая свои вставки. Две хроники позволяют составить портрет примерного государя. В первом из этих текстов изображен Ричард I, который уже несколько дней не покидает башню руанского замка. Что же он там делает? Ради какого важного дела он на столь долгое время лишил себя пребывания на свежем воздухе, удовольствия от охоты и засад? Он занимается подсчетами. Вместе со своими прево он считает, сколько им получено «налогов и доплат». Далее в этом тексте появляется граф Роберт, названный Великолепным. Он предстает получающим дары, а также и взимающим налоги, точнее говоря — взыскивающим «рельеф», налог на пожалование фьефом (в те времена, когда писал Вас, это сеньориальное право, которое фламандцы тогда еще терпели, хотя и с трудом, приносило государям огромные деньги. Филипп Август вскоре получит за Фландрию 5 тысяч марок, а за фьефы Иоанна Безземельного — 20 тысяч). Стало быть, Роберт изображен получающим то, что в действительности получал Генрих Плантагенет. Он оставляет себе то, что можно выпить и съесть, чем можно порадовать и щедро угостить своих домашних и гостей. Как добропорядочный рыцарь он, кроме этого, не оставляет себе ничего, раздавая сразу же все, что составляет прелесть жизни — коней, драгоценные сосуды (а также и женщин, хотя в повествовании об этом ничего не сказано, но вдовы, девушки-сироты, богатые наследницы были самым дорогим подарком, которого ждали от короля Генриха его верные слуги, и, чтобы они служили ему еще лучше, он им обещал такой подарок, и наконец, выполнял обещанное, распределяя женщин по своему расчету). И наконец, деньги. Здесь — суть всего повествования. Деньги, стекавшиеся со всех сторон в руки князя, не должны быть положены в сундуки. Их следует раздавать, расплескивать, чтобы они потекли по всем жилам государственного организма, оживили его, вселили в сердца подданных любовь к государю. Подобно добродетели, называемой *caritas* — что означает дружбу, привязанность, самопожертвование и взаимную доброжелательность, — деньги в своем обращении обеспечивают прочность социального порядка.

Вас рассказывает о трех дарах графа. Сначала он передает деньги рыцарю, который первым, как полагается, следует за государем, когда тот подходит к алтарю, чтобы совершить пожертвование. У этого рыцаря ничего нет, он терпит лишения, как многие другие, ему подобные. Но с полученными от графа деньгами он сразу же растается, жертвуя их во имя Господне.

Второй дар достается клирику. Это прекрасное ювелирное изделие, столь ценное, что клирик, вне себя от радости, тут же умирает, задохнувшись в припадке алчности. Он наказан, ибо служителю Церкви, равно как и рыцарю, негоже гоняться за земными благами. Затем Роберт одаривает простолюдина. По правде говоря, человек этот не случайный, это мастер, умеющий ковать сталь, изготавливать хорошие ножи. В предлагаемой читателю аллегорической сцене он представляет оружейников, поставляющих государю орудия его военного превосходства. Этот безродный человек, этот виллан оказывается единственным из трех, оставляющим себе подарок. Действительно, власть разрешает ему обогащаться, чтобы затем с пользой для себя обложить его налогом. «Роман о Роллоне» содержит политический урок. Три выведенных в нем персонажа расставлены по иерархической лестнице, воплощают три социальные категории, которые образуют княжеский двор, опору государства.

В те же годы Иоанн Солсберийский завершает *Policraticus*, ученый трактат, в котором на латыни излагаются самые начальные представления о светской власти. Иоанн — человек Церкви. Но в данный момент он находится на службе у светской власти в Англии, состоит при архиепископе Фоме Бекете, являвшемся канцлером, подчиняется, таким образом, Генриху Плантагенету. Этот король в Нормандии опирается на самый совершенный административный аппарат того времени. Иоанн учился в Париже, в конце жизни он станет епископом в Шартре. Теперь же он задается вопросами о государстве, описывает его как тело, руками которого являются воины, ногами — крестьяне, а головой — князь. Трепетным пульсирующим сердцем, которое гонит по всему телу придающую ему силу кровь (ясно, что здесь подразумеваются деньги, хотя прямо это не говорится), автор трактата считает «сенат» — княжеский двор.

И в этом Иоанн Солсберийский совершенно прав. Центральный орган государства — именно двор. Сюда сходились все каналы, по которым текли деньги, сюда стекаются новые люди, которых подняла волна экономического роста, эти счастливицы, стремящиеся подняться еще выше. В замкнутое пространство двора нет доступа простонародью, как его нет и в укрепленные жилища самых зашудалых дворян; но придворное общество отнюдь не является чем-то однородным. И государь, глава княжеского дома, для поддержания порядка в нижних его этажах внимательно следит за тем, чтобы различия в этом обществе сохранялись, чтобы при его дворе, как и при дворе Царя небесного, в раю Господнем, соблюдалась четкая иерар-

хия, чтобы поддерживалось равновесное соперничество между его различными «сословиями». Рассказ Васа показывает: каждой из сословных групп была свойственна и своя мораль. Три сословия — три «порядка».

На нижней ступени иерархической лестницы находятся торговые люди, которые зарабатывают деньги. Андрэ, капеллан Филиппа Августа, называет их плебеями. Это презируемые неотесанные выскочки. Они более других полезны власти, но и более всего опасны, ибо поднимаются быстрее других. И эти другие предостерегают государя: выскочки — дурные советчики, не следует прислушиваться к ним. Но государь их выслушивает, ничего, впрочем, не предпринимая, чтобы умерить общее высокомерное отношение к плебейам. Напротив, он использует это отношение, дабы крепче держать их в своих руках. Самую глущую зависть к скоробогатеям питают, естественно, те, кого обуревают жажда денег. Ведь именно они побеждали на поле брани. Они доказали свою храбрость государю в ходе турниров. На глазах государя эти люди при его дворе вступают в соперничество с другими искателями удачи, показавшими себя на ином поприще — в школах — с клерками. Служащие приносят государю не меньшую пользу, чем денежные воротилы, ибо он нуждается в людях, умеющих облекать в нужную форму приговоры, вести счетные книги, в любой момент подсчитать необходимые ему силы и средства. Будучи носителями недавних изменений, позволивших укрепить государственные структуры, клерки придают большую интеллектуальную стройность управлению власти.

Церковь являлась хранительницей административно-управленческой системы, основанной на письменности, и реформа церковных институтов была проведена при опоре на эту воссозданную систему, на возврат к старым формам, подпорченным движением истории, на своего рода Возрождение. Это Возрождение и расцветает в XII веке, проявившись, в частности, в юридической практике. Опираясь на сопоставление различных текстов, на опыт преодоления противоречий между ними с помощью так называемого схоластического метода (названного так потому, что он сложился в епископальных школах — «схолах»), на использование таких приемов, как «дистинкция», постановка «под вопрос», на сопоставление аргументов «за» и «против», реформаторы выстроили на рациональных основах монументальное юридическое здание — каноническое право. К этому праву обращались не только тогда, когда судили людей Церкви. К нему прибегали и тогда, когда

дело касалось мирян, если в их проступках что-либо затрагивало сферу сакрального. А границы этой сферы были расширены беспредельно, так как клирики считали, что брак, отношения между полами подсудны божественному закону, ибо скреплялись клятвенным обещанием. А клялись в те времена по любому поводу.

Становясь всеохватывающей, церковная юрисдикция расширяла область применения *inquisitio* — инквизиции, то есть судебного расследования, ведущегося по определенным правилам и завершающегося составлением письменного заключения. В таком расследовании изустное и изменчивое обычное право заменялось твердым писаным законом, а испытание Божьим судом — предоставлением письменных доказательств. Уже в конце XI века признанный знаток канонического права Ив, епископ Шартрский, призвал не применять более к женам — этим вечным жертвам обвинений в супружеских изменах — ордалию, испытание раскаленным железом для доказательства их виновности, а проводить сбор свидетельств, удостоверенных письменно. Эти формы судебного процесса совершенствовались, и одновременно улучшался состав соборного клира, расширялись полномочия епископов, надзиравших за соблюдением мира Божия. Появились каноники, специализировавшиеся в отпращивании «христианского правосудия». Так на протяжении XII века в диоцезах создавались епархиальные суды. Латеранский собор 1215 года предписал вести запись выносимых ими приговоров. Движением в том же направлении было создание апелляционных процедур.

Церковь давала образец — гибкую, четко построенную, эффективно действующую систему правосудия. Миряне же — даже те из них, кто обладал наивысшей светской властью (исключая короля, фактически причислявшегося благодаря помазанию к епископам, и желавших сравняться с ним великих князей, таких как герцог Аквитании), оставались людьми неграмотными. На пергаментные листы, испещренные непонятными знаками, они смотрели как на нечто почти магическое. И потому такие листы вызывали у них уважение. Этим объясняется то обстоятельство, что использование письменных документов в судовом разбирательстве на графских ассамблеях сохранялось в течение длительного времени, и затем, после недолгого перерыва, возродилось вновь. Перерыв, по-видимому, был в южной части Галлии очень недолог. В Каталонии он продолжался всего лишь на протяжении жизни одного поколения. В окружении графа Барселоны на старые законы Толедо перестали ссылать-

ся в 20-е годы XI века — здесь споры между рыцарями решались только в бою, путем судебного поединка. Но уже в пятидесятые годы того же столетия там вновь обратились к текстам, уже новым текстам. Столь же недолгой оказалась эта пауза в Маконне. Вплоть до 1020–1030 годов даже в самых дальних приходах деревенским кюре полагалось записывать на кусках пергамента условия договоров продажи, брачных контрактов. При этом использовалась терминология древних документов на испорченной латыни. Такие записи тщательно хранили в сундуках именно потому, что в случае необходимости можно было попросить зачитать их в суде. Начиная с 1070–1080 годов рядом с вершившим суд графом Макона появляется *jurisperitus* — эксперт по правовым вопросам, клерк, в помощи которого граф чувствует необходимость. Начиная с этого времени в Провансе, и немного позже, в Нарбоннезе «знатоки судебных дел» принялись собирать все, что могло сохраниться от гражданского права, римского права, и классифицировать эти обломки, создавая самодельный юридический инструментарий, необходимость которого для тех, на кого ложилась задача поддержания порядка в мирской части общества, теперь признается всеми.

В исконных франкских краях светское правосудие прерывало свое обращение к писаному праву на более длительный срок. Но и здесь оно к нему вернулось. Как видим, начиная с первой трети XII века герцог нормандцев, когда ему приходилось препятствовать распространению смуты — *inquietatio* — в обществе, а кто-то из «обеспокоенных» искал его покровительства, тут же поручал дело клеркам, отправлявшимся на место события, чтобы провести обследование, собрать свидетельства и вести дело в тех самых формах, которые использовались церковной инквизицией. Несколькими годами позднее эти формы входят в практику юристов южных областей. В 1155 году, после паломничества в Сен-Жак-де-Компостель, Людовик VII на обратном пути через южные земли королевства сделал остановку в Монпелье, и уже в 1170 году в его окружении появляется мэтр — *jurisperitus*. А в Париже такой же мэтр (и, может быть, тот же самый) читает лекции, комментируя для слушателей факультетов искусств новое для того времени право — право гражданское, отличное от канонического.

В период между 1180 и 1220 годами светские суды перестроились по образцу епархиальных. Они вели весь процесс, начиная с рассмотрения ходатайства о возбуждении дела, проведения судебного расследования и вплоть до кассационной

процедуры. Представляемые суду документы заверялись властью путем наложения абстрактного знака — печати. Именно с этого времени в северных провинциях начинается быстрое распространение практики удостоверения документов с помощью печати. На Юге в те же времена получает развитие нотариат. Теперь каждому, кто хотел защитить свое право, быть уверенным в том, что заключенный им договор будет соблюдаться, приходилось выкладывать свои деньги на оплату писца, придававшего письменную форму устному соглашению, приходилось платить властям, заверявшим документ, и платить адвокату, которому предстояло использовать его при рассмотрении дела. Так родилась и быстро утвердилась новая власть, весьма доходная, — власть законников.

С этого времени в Провансе, Шампани и Фландрии бумаги для представления в суд пишутся уже не на латыни, а на обычном языке. Писаную форму начинают приобретать и кутюмы. Видимо, около 1199 года один из клерков сенешаля Нормандии, из числа тех многочисленных знатоков права, которые толпились возле судов, взялся записывать все, что он знал об обычаях. Сначала эта запись представляла собой всего лишь памятку. Но через четверть века к ней были сделаны дополнения, превратившие ее в *«Старейший сборник кутюмов Нормандии»*. И переписчик на этот раз был хорошо знаком с римским правом.

В 10-е, 20-е годы XIII века повсюду — в Париже, в Турени — шли схожие процессы выработки устойчивых элементов обычного права, ставших, наряду с римским правом, с гражданским правом, предметом обсуждения, уточнений, комментариев. Стабильность и единообразие юридических норм были столь же необходимы, сколь было необходимо единство денежной системы. Многочисленный персонал судебных учреждений служил единому государю, обеспечивавшему мир на все более обширном пространстве, по которому были разбросаны суды. Суды были связаны между собой и апелляционными процедурами, и все они должны были иметь возможность опираться на однородный по своему составу корпус кутюмов.

Наряду с письмом распространялся и счет. Но здесь люди Церкви не были первыми. В течение долгого времени 'цифры, которым придавался мистический смысл, использовались главным образом в монастырях — при медитации и духовных упражнениях. То, что А. Мюррей называет «пробуждением арифметической ментальности», едва чувствуется у Сугерия в 40-е годы XII века. А он, однако, был весьма горд своим уме-

нием вести земные дела Сен-Дени и теми новшествами, которые по его инициативе появились в архитектуре этого храма, новшествами, основанными на обязательном использовании угломера, циркуля и на математическом расчете гармоничных соотношений. В составленном Сугерием жизнеописании Людовика VI все числа свыше 100 имеют приблизительный и символический характер. И когда речь идет о числах, превышающих десять, он проявляет точность лишь в одном случае. Конечно, это произведение было «историческим», то есть относилось к такому литературному жанру, в котором точные цифры казались неуместными и даже выглядели бы неприлично. Счет представлялся занятием низким, делом слуг, мужланов, приказчиков, обязанных собирать налоги и арендную плату.

Но в середине XII века и Церковь все шире прибегает к цифрам, к счету. Однако характер его использования изменился, теперь считать необходимо для того, чтобы хорошо управлять хозяйственными, мирскими делами. В 1155 году аббат Клуни разослал во все монастырские владения своих уполномоченных для составления подробных описей хранившихся там запасов и оценки их стоимости. Дело в том, что аббатство залезло в долги; для оздоровления финансов следовало безотлагательно определить объемы обычных поступлений. Как стало очевидно, скрупулезный подсчет того, что сеньор может получить от своих земель, от своих людей, обусловлен нехваткой средств в его казне, необходимых для покрытия текущих расходов. В данном же случае речь идет о продолжении реализации строительных проектов, которые были задуманы тогда, когда деньги не переходили из рук в руки так быстро и когда все стоило дешевле. Нет сомнения: именно бесцеремонное проникновение денег в самое сердце властного тела вынудило прибегнуть к точному счету и, прежде всего, подсчитывать наличность.

Задача была нелегкой в силу сложности самой денежной системы (дюжина денье составляет одно су, двадцать су равняются одному фунту); кроме того, римские цифры, которыми тогда пользовались, оказались неудобными для письменных подсчетов; поэтому складывать и вычитать было проще при помощи фишек, например, передвигая их по доске, разделенной на клетки. При этом грамотные люди теряли свои преимущества, а священники оказывались менее искусными, чем торговцы и даже рыцари, ибо и те и другие умели играть в шахматы. Таким образом, счетоводство появилось в городах и в замках

в столь же ранние времена, как и в церковных учреждениях. Примерно в 1170 году Гийом ле Марешаль, кочевавший со своей дружиной от турнира к турниру по французским лесам и полям, решил вести подсчет трофеям. В его отряд был включен человек, которому специально поручили заниматься этим делом. Человек этот служил раньше на кухне молодого короля Генриха, там научился считать, приобретая провизию для царского стола. Однако он являлся и писцом, должен был знать грамоту, чтобы, как от него ожидали, после каждого турнира записывать на свитке все приобретения и потери воинов. Так в условиях ускорявшегося денежного обращения совершился переход от кухонных подсчетов и от счетных досок к реестрам, бухгалтерии. Древнейшие образцы регулярного счетоводства датируются именно этим временем. Места их происхождения — Нормандия, Каталония, графство Фландрии, то есть княжества с прочной системой управления. Именно в этом последнем государстве были собраны под одной обложкой в книге, получившей название *Gros Brevif* — «Толстый Свод», все *brevia* — отчеты 40 графских налоговых сборщиков. Эти сборщики попытались выразить в денье, в су, в фунтах то, что они получили в натуральной форме.

Утверждают, что королевский двор с опозданием перешел к подобной практике. Но так ли это? Не стоит забывать следующую случай. В 1194 году король Филипп, воевавший тогда со своим самым опасным соперником — Ричардом Львиное Сердце, — потерпел поражение при Фретвале в Нормандии. Филиппу пришлось бежать, бросив все имущество, в том числе и казну со всей имевшейся у короля наличностью. Как известно из хроник, там хранились и пергаментные свитки с записями, обосновывавшими его права. Может быть, в казне находились также счетные книги? Об этом мы никогда не узнаем. Допустим, что указанное опоздание действительно имело место. С одной стороны, оно объяснимо, как полагает Т. Биссон: капетингские владения были столь богатыми, в руки короля текло такое количество денег, что вести им счет не представлялось необходимым. С другой стороны, опоздание удалось наверстать, причем очень быстро, в царствование Филиппа Августа. В 1190 году король отправлялся в Святую Землю, оставив в Париже часть своего двора. Эта часть не должна была теперь переезжать с места на место. И поэтому король решил все денежные поступления во время его длительного отсутствия доставлять в Париж. Такие трансферты обязывали прево всех доменов регулярно представлять отчеты, а королев-

ских казначеев — хранить эти документы. Данная мера носила временный характер. Но четыре года спустя поражение при Фретвале показало, сколь рискованно подвергать дорожным опасностям средства, получаемые благодаря хорошо налаженной фискальной системе. С тех пор постоянное сосредоточение таких средств в Париже и отражение их в отчетности вошли в практику. Для этого потребовалось ввести систему счетоводства. Она была необходима, так как королевская сеньория чрезвычайно расширилась и увеличились приносимые ею денежные доходы. Присоединение Вермандуа и Артуа, а затем завоевание Нормандии и Анжу одновременно с ростом населения и развитием торговли в этих областях позволили поднять доходы короны на 80 процентов в период между 1180 и 1203 годами; затем последовал резкий подъем, и они выросли еще на 80 процентов. Выявилась неэффективность простейших способов контроля, сохранившихся с тех времен, когда территория королевского домена была невелика и не расширялась. Их заменили более совершенные методы, которые в течение десятилетий применялись в администрации герцога Нормандии и были заимствованы после завоевания этой страны.

Теперь уже важно было не только проверять, важно было предвидеть. Король желал знать, на что он сможет рассчитывать завтра. И потому требовал от своего окружения таких сведений. Были проведены работы по оценке имеющихся ресурсов. Полученные результаты следовало периодически обновлять. Стремление подсчитать, «оценить» распространилось на все. Так, в 1194 году была предпринята первая, а в 1204 году — вторая, уточняющая «оценка» числа стражников. Она заключалась в подсчете количества повозок и вооруженных людей, которые 83 королевских города и аббатства должны были поставить сюзерену в случае созыва ополчения. Составители этих списков попытались дать денежные оценки: 7965 стражников, 138 повозок — всего на сумму в 11 693 фунта парижской чеканки. Эти цифры, удивительные по своей точности, свидетельствуют о быстром совершенствовании интеллектуального инструментария в королевском окружении. Налицо не только искусство подсчетов, но и новая привычка — мыслить в денье, су, фунтах. Она привела к тому, что таким же образом стали определять и обязанности вассалов — в соответствии с доходностью их фьефов. Для того чтобы король мог выносить свои суждения на основе точных данных, счетоводы Филиппа Августа принялись оценивать и то, что находилось за пределами его домена. Среди документов такого рода сохрани-

лись составленные ими в 1207 году перечень аббатств и епископств, а также список «рыцарей королевства Франции». Естественно, что эти счетоводы в конце концов подошли к сопоставлению доходов и расходов; расчет, составленный ко Дню Всех Святых в 1121 году, представляет собой зачаток бюджета.

Недостатка в образованных людях уже не было. Их во множестве выпускали школы, являвшиеся прежде придатками кафедральных соборов, а ныне размножившиеся числом и рассеянные повсюду. Они являлись профессиональными учебными заведениями, готовили к служению Господу, давали знания письма и счета, чтобы лучше возносить молитвы, чтобы угадывать тайный смысл небесных посланий, выраженных в словах Писания и в формах видимого божественного творения; учение завершалась теологией. Но перед тем как подвести к ней, школа оставляла место для дисциплин, которые были весьма полезны тем, кто желал добиться удачи, служа не только Всевышнему, но и другим господам. После изучения *artes liberales*, свободных искусств, после изучения права какое-то число школяров оставляло дорогу, ведущую к вершинам церковной иерархии, пыталось попасть на службу и в дома государей. Похоже, что церковная власть начинает ощущать в последней трети XII века опасность такого уклонения и продумывает меры, которые могли бы воспрепятствовать бегству выпускников школ в мир полусветских профессий. Прекрасно осведомленный Иоанн Солсберийский порицал тех, кого он называл *curiales* — «придворными людьми», то есть клириков-перебечиков.

Речь идет о людях, которые в большинстве своем рано, пройдя лишь подготовительный учебный цикл, проскальзывали в княжескую капеллу, входили в группу людей, трудившихся на государя. Здесь вчерашние школяры постепенно осваивали новое для них дело.

Одним из таких людей при дворе Филиппа Августа был клерк Адам, первый из королевских счетоводов, имя которого сохранила история. В том же ряду — Андрэ, прозванный Капелланом, Гильом Бретонец и брат Герен, многогранный организаторский талант которого помог наладить работу всей королевской администрации по возвращении короля из крестового похода. Герен принадлежал к Ордену госпитальеров, который, как и Орден тамплиеров, брал на себя задачу перевода денежных средств и за море, и обратно. Владая искусством счета не хуже, чем они владели мечом, тамплиеры и госпитальеры действовали при этом в тесном сотрудничестве с

городскими купцами. Начальный этап реконструкции государства поддерживался постоянным ростом числа учащихся и преподавателей, которые на пороге XIII века в наиболее активных центрах ученой мысли — в Париже, в Монпелье — начинали собираться в ассоциации взаимопомощи — «университеты». Но намного более решительной поддержкой эта реконструкция пользовалась со стороны причта домовых церквей и церквей коллегиальных (т.е. тех, которые, не будучи кафедральными, имели, тем не менее, свою коллегию каноников), построенных рядом с крупнейшими замками. Прирост своих свободных средств князья использовали на жалование причту, учреждение новых доходных мест для каноников, дабы те не только молились за них, но и помогали в делах власти. В 50-е годы XII века граф Шампанский, его родня и придворные учредили более 320 таких должностей. Аристократия, и крупная, и мелкая, создавала, как только могла, свою интеллигенцию, не жалея средств.

Окружая себя людьми учеными, господин и сам должен был выглядеть человеком если и не способным читать книги, то по меньшей мере знакомым с их содержанием и способным использовать свои знания в делах управления. Это стало вопросом престижа. К концу XII века уже не оставалось баронов, которые не чувствовали бы для себя необходимости хоть в какой-то мере приобщиться к учености. А все великие князья пожелали стать грамотными, просвещенными. Такими людьми желали представить самих себя, своих предков графы Анжуйские во второй половине века. Соответственно изображают этих государей их придворные летописцы. Один из них рассказывает о графе Фульке, который жил очень давно, умер около 960 года. Приближенные короля Франции смеялись над этим графом, который распевал молитвы в окружении своих каноников. А он ответил насмешникам, написав собственноручно: «Неграмотный король — это коронованный осел». Сюзерену же пришлось признать, что «*sapientia*, красноречие и книжная ученость приличествуют графам так же, как и королям». И с тех пор все стали восхищаться Фульком. «Будучи глубоким и проницательным знатоком книжной учености, правил грамматического искусства, Аристотелевых и Цицероновых рассуждений, он, тем не менее, соперничал по силе и по храбрости с наипервейшими рыцарями». К 1180 году выявилась необходимость дополнить военные умения управителей умением рассуждать. Именно этому учит рассказ о Вильгельме Плантагенете. Как повествуют придворные историки, во время осады

замка Монтрёй-Беллэ этот «просвещенный граф» приказал доставить ему из аббатства Мармутье и прочитать томик с военным уставом Вегеция. Прочитать в оригинале или в переводе с латыни, с комментариями? Так или иначе, на следующий день, поразмыслив, он применил на практике услышанные наставления и овладел крепостью. Неважно, имеем ли мы дело с вымышленным или действительно случившимся эпизодом. Он показывает, что в те времена ожидали в Турени от сеньора подобного ранга: как и человек Церкви, такой государь должен в своих действиях следовать классическим образцам. Трубадуры стали сетовать на подобную склонность к «мудрости», к серьезности. Они сожалели о том, что военачальники, от которых ждали щедрости, ныне меньше думают «о подвигах и радостях, чем о правосудии и частном праве».

Немногим позднее 1200 года новый образ примерного государя нарисовал, причем весьма точно, придворный апологет графов Гина. Он был как раз одним из тех домовых священников, которые гордились званием «мэтра», полученной в школе ученой степени. Его произведение созревало в стенах коллегиальной церкви, располагавшейся начиная с 1069 года рядом с графским жилищем; оно является самым ярким свидетельством «окультурирования», которое происходило в домах знати той эпохи. Труд написан на латыни, как и схоластические трактаты, изобилует красотами самой незатейливой риторики. Но в то же время в нем слышится эхо поэм, которые сочинялись тогда для развлечения рыцарей на языке простонародья. Желая показать достоинства, которыми должен быть украшен всякий добрый сеньор на двух этапах своего жизненного пути, автор панегирика выводит на сцену двух персонажей. Один из них — граф Бодуэн, *senior*, старший, другой — его первый сын Арнуль, который еще не женат. Бодуэн является сеньором среднего достатка, он гордится тем, что 30 лет назад в рыцари его посвятил Фома Бекет. Этот граф боролся за сохранение самостоятельности своей сеньории, зажатой между двумя могущественнейшими княжествами. Сам он оставался *illeteratus* — неграмотным, но стремился постигнуть *sapientia*, ибо понимал, что благодаря учености остается наравне со своими соперниками — государями. Поэтому граф гостеприимно открывал двери своего дома проезжим ученым людям, какое-то время держал этих людей у себя, чтобы те приобщали его к божественному знанию. Он гордился тем, что способен, хотя лишь на слух, постигать «тайнственную суть» священных текстов, что достойно выдерживает испытание в

«диспутах». И славу свою граф Бодуэн видел в том, что люди, слышавшие его рассуждения, не могли не задаваться вопросом: «Как человек, никогда не учившийся грамоте, способен иметь книжное знание?» Комнату его заполняли книги. Он щедро платил переводчикам, желая услышать на языке, который ему понятен, «Песнь Песней», писания Святого Августина, «Жизнь Святого Антония», а также трактаты, в которых обобщались все известные тогда знания о материальном мире. В то же время его сын Арнуль защищал в турнирных схватках семейную славу и был еще далек от грамотности; ради собственного удовольствия, для развлечения в короткие перерывы между ратными делами он просил рыцарей из своего отряда рассказывать истории, которые им запомнились, — о подвигах крестоносцев, Карла Великого, короля Артура, о подвигах предков из его рода. Здесь преобладали приключения и устная речь.

По правде говоря, от «молодого» господина ожидали того, чтобы он в совершенстве овладел и словесным искусством. Это подтверждает другая история, героем которой выступает Годфрид Плантагенет. Когда его будущий тесть — герцог Генрих Нормандский — принимает юношу накануне свадьбы, то устраивает ему испытание в словесности. Конечно, власть приобретали и удерживали благодаря храбрости в бою, но для ее достижения и сохранения нужно было также умение спорить, дать добрый совет, должным образом сопоставить высказанные мнения. В нескончаемых переговорах, участники которых, ссылаясь на обычай, пытались доказать те или иные права, светская аристократия издавна оттачивала память и умение рассуждать. Однако некое взаимопроникновение культуры схоластических школ и культуры военных собраний происходило очень медленно, продолжалось весь XII век. Завершился этот процесс во времена Филиппа Августа, когда «рыцарство» переняло манеры поведения «духовенства».

Уже в «Песне о Роланде» рядом с героем, олицетворяющим достоинство силы, находится персонаж, который, естественно, помещен во втором ряду, но который необходим. Этот персонаж — Оливье. Он воплощает вторую главную добродетель — осмотрительность. После 1090 года, судя по многочисленным свидетельствам, мальчики, не принадлежащие к высшей знати, не предназначенные для духовного звания, начинают также получать образование. Их обучают в родительском доме, приглашая наемных учителей, или посылают в школы. В результате эти мальчики умеют читать, немного по-

нимают по-латыни. Именно в это время в число похвальных слов в адрес доброго рыцаря входит определение *prudens* — благоразумный. Оно быстро распространяется, отодвигая на второй план такие эпитеты, как *fortis, strennuus* (сильный, ловкий), характеризующий достоинства телесные, присущие мужественным. «Пруденция» же позволяет человеку узреть пути, ведущие к Богу. Она также помогает сдерживать пыл, действовать трезво, разумно. Она пристойна и предстает все более и более очевидно как вполне подходящее качество для храбрцов, тех людей, кому Бог вручил меч, возложив на них поддержание господнего порядка в дольнем мире.

А обладание силой вечно грозит им опасностью не сдержат себя и применить насилие. Известно, насколько широко в середине XIII века стал употребляться термин «*prudhomme*» — человек благоразумный. Как рассказывает в своих мемуарах Жан де Жуанвиль, Людовик Святой говорил, что у него слюнки текут, когда он слышит это «вкусное» слово. Им обозначали тогда безупречного рыцаря, в котором сочетались, уравновешивая друг друга, физическая сила и разум. А веком ранее благоразумие, эта защита от крайностей, заняло почетное место среди достоинств, ставивших людей королевского двора выше престоноародья, «черни».

Первоначальные формы этой системы ценностей (которую современники Людовика VII и Филиппа Августа называли «куртуазной») С. Джегер сегодня предлагает искать в конце X века в окружении германских императоров династии Оттонов, среди причта их дворцовой часовни. Как представляется, и на сей раз исходная модель вырабатывалась в среде клириков, включенных в отправление княжеской власти. И в данном случае эта модель, видимо, имела «возрожденческий» характер, ставила своей целью возвращение к устоям и нравам «золотого века». Она, по-видимому, возникла в результате нового прочтения классических авторов — Цицерона, Сенеки, которые призывали честного человека к дружелюбию, общительности, владению собой. Во всяком случае, несомненно то, что эта система ценностей приняла наиболее полную форму и широко распространилась во Франции в XII веке, в условиях наивысшего расцвета нового Ренессанса, и что ее главным элементом являлось понятие «дружелюбия», «дружбы». Куртуазность — это главным образом умеренность, мера. Благодаря ей гасятся вспышки гнева, необузданные желания, порожденные телесным, чувственным началом в человеке, проявление которого способно разрушить гармонию. Разум должен держать это на-

чало под своим контролем. Крайние строгости рассматриваемой системы стали политическим орудием в руках государей, на средства которых содержался двор. Куртуазность была одним из факторов, причем весьма существенным, содействовавших укреплению государства. Она проявлялась столь сильно, что при рассмотрении процесса постепенного внедрения рациональных начал во власть не следует обходить вниманием ту форму социального общения (известную ныне лишь по своему отображению в литературе), которую представляет собой любовь. Такую любовь люди того времени называли «чистой» («*fine*»), утонченной. А ныне мы называем «куртуазной», что справедливо, ибо она значительно отличается от низменного чувства.

Куртуазная любовь — это игра, похожая на рыцарский турнир, имеющая свои строгие правила, требования которых близки к требованиям брачного права. Начиная с XI века реформированная Церковь стремилась вернуть род человеческий на стезю порядка путем управления сексуальной сферой. Она навязала брак мирянам, сделала его запретным для клириков. Была создана очень прочная юридическая система, определившая добропорядочность в супружеских отношениях. Некоторое время спустя в центрах светских княжеств был выработан еще один подобный кодекс, дополнявший первый. Он предназначался для той, численно преобладавшей части рыцарства, которая не была включена в брачные рамки. Речь шла об огромной массе мужчин, чья стратегия родового единонаследия обрекла на безбрачие, как и духовных лиц. Эта регламентация имела целью умерить буйство «молодых», смягчить действие одного из факторов этого буйства — сексуального желания. Куртуазная любовь — упражнение в сдержанности, которое предлагается не только юношам, желающим поднять себе цену, но также и дамам. Последним следует показывать себя осмотрительными, но не быть при этом недотрогами. Куртуазная любовь предполагает, что разум будет сдерживать неумеренность плоти, что удовольствие воспевается, но момент обладания оттягивается. Ставится задача смягчить агрессивность одного пола по отношению к другому, установить между ними связи, в какой-то мере подобные взаимной привязанности сеньора и вассала. Куртуазность состоит прежде всего в том, чтобы завоевать любовь своего сеньора, ухаживая за его супругой в рамках приличий, при уважении правил игры. Будучи инструментом социального регулирования, причем одним из самых действенных его орудий, этот свод правил лю-

бовного поведения в конце концов закрепился в письменной форме, как это одновременно произошло и с кутюмами, и с ленным правом. Обратим внимание на следующее. Труд, в котором все эти правила были собраны и приведены в порядок, имел мгновенный успех; он был составлен на латыни, языке канонических церковных установлений и римского права, в соответствии с нормами схоластической логики; он требовал соблюдать дистанцию между людьми неблагородного происхождения, менее благородными и самыми благородными в маленьком закрытом обществе, которое представлял собой княжеский двор; и именно этот труд оказался единственным светским литературным произведением, фигурировавшим, наряду с отчетами о расследованиях и инвентарными описями, в списке книг короля Филиппа Августа, составленном его канцелярией. Трактат «Об искусстве пристойной любви» — о том, как любить по правилам чести, то есть разумно, был подготовлен в 1186 году одним из придворных служителей Капетинга, человеком по имени Андрэ, капелланом короля Франции.

Х. ЛЮДОВИК VII

В течение XII века переустройство государства ускорилося в потоке общего прогресса, хорошо осознававшегося людьми письменной культуры, людьми науки. Мир преображался у них на глазах. Они уже не столь сильно, как ранее, боялись природы, привыкли считать человека существом, которое Господь призвал помогать ему в акте Творения, понимаемом теперь как непрерывно продолжающееся действие. В умах этих людей зрела мысль о том, что цивилизация подобна живому растению, что каждое новое поколение продолжает то, что сделано предшествующими, оно должно внести свою лепту. При этом кардинально менялось представление о ходе человеческой истории: ее перестали воспринимать как неуклонное движение к упадку. Тем самым полностью менялся и смысл слова *renovatio* — обновление. Если ранее оно означало извлечь на свет старое, устранить порчу и поправить его, то теперь любое Возрождение воспринимается как созидание. Первыми к этим мыслям пришли те, кто считал, что мир истинный (*vera fax*), пример которого дают небеса, покоится на разуме. Они работали в очагах интеллектуальной жизни, возникших в областях к северу от Луары. Самый известный из них сформи-

ровался в Париже. Как раз в то самое время именно этот город король сделал местом своей постоянной резиденции. Здесь в годы правления Людовика VII (1137–1180 гг.) вырисовываются все черты нового образа монархической власти.

Мы сейчас начинаем понимать: этот король вовсе не был немощным монархом. Слабости Людовика VII преувеличиваются традиционной историей, чтобы ярче высветить на их фоне достоинства его отца, защитника общин, и его сына, победителя германцев. Но верно и то, что большинство хронистов изображали Людовика как «юнца», человека незрелого, одержимого плотскими вожделениями и ослепленного чрезмерной любовью к супруге, которая ему изменяла. Репутацию Людовика серьезно подорвала его жена Алиенора, которая принесла королю Аквитанию в качестве приданого, а затем бросила супруга и забрала это герцогство обратно. Не менее верно и то, что именно Алиеноре принадлежала инициатива развода. Она заявила, что муж приходится ей двоюродным братом, то есть находится с ней в таком близком родстве, которое делает их брачный союз кровосмесительным, а посему и недействительным. Ходили слухи — и многие им верили — что в Святой Земле Алиенору соблазнил и овладел ею ее собственный дядя граф Антиохийский. Мы никогда не узнаем, насколько это верно. Но во всяком случае можно предположить, что этот человек, глава аквитанского рода, вскружил ей голову и убедил освободиться от брачных уз, чтобы затем выдать ее замуж по своему собственному выбору. Она легко поддавалась уговорам: нравы на юге Франции настолько отличались от северофранцузских, что Алиеноре было не по себе в супружеском доме, в окружении суровых священников, постоянно возмущавшихся ее образом жизни. Надо ли искать какую-то политическую подоплеку в решении Алиеноры добиваться развода? Она была уже немолода и оказалась позже, подобно всем другим благородным дамам того времени, лишь игрушкой в грубых мужских руках. Новый молодой муж постоянно унижал и оскорблял ее. А Людовика VII упрекали за его согласие на развод. Считалось, что он допустил тем самым грубую ошибку. Но так можно судить, лишь игнорируя известные факты. И прежде всего то обстоятельство, что король в 1152 году сам дал согласие на торжественное расторжение епископами этого брака, вопреки попыткам папы сохранить его, предпринятым после возвращения из Иерусалима. У короля были веские причины торопиться. Подступала старость. А Алиенора рожает

ла ему одних лишь дочерей. Будущее династии оказалось под угрозой. В подобной ситуации сеньоры обычно изгоняли своих жен и брали других, способных рожать младенцев нужного пола.

И это еще не все. Предположим, что Людовик не расстался бы со своей супругой. Бесспорно, что возможности управления на дальних расстояниях были в ту эпоху довольно ограниченными, а обычаи наследования — весьма строгими. Поэтому тогда никому не могла бы прийти мысль о присоединении Аквитании к королевскому домену. К тому же при наследовании она отошла бы к одному из королевских отпрысков, а поскольку имелись только дочери, — к одному из зятьев. И ничто не позволяет думать, что он оказался бы более преданным короне, чем Генрих Плантагенет. Этот претендент на руку Алиеноры был удачливее всех прочих из тех, кто пытался перехватить разведенную женщину. Когда Генриху удалось жениться на ней, он принес, наконец, как и его отец, оммаж Капетингам за Нормандию, от чего до этого долго отказывался. И наконец, расторжение брака позволило Людовику взять себе жену из дома графов Шампани, соперничавших с Анжуйской династией. Был заключен союз, суливший неисчислимые выгоды королевскому дому Франции. Из истории развода возьмем на заметку следующее. По рассказам хронистов, ненасытная королева жаловалась на то, что в первом браке она была замужем не за королем, а скорее за монахом. И это наиважнейшее обстоятельство. Оно позволяет поздравить Людовика со сделанным им выбором. Видимо, это был невольный выбор, обусловленный темпераментом короля и тем воспитанием, которое дал ему отец. Но этот акт оказался решающим для истории власти во Франции. Монархия еще глубже укоренилась в церковной институции.

В годы правления предшественника Людовика VII королевская власть тесно связала себя с монахами, с монашеством аббатства Сен-Дени. И в течение некоторого времени прежнее положение сохранялось. Аббат Сугерий стал настоящим опекуном для нового короля. Три года спустя после своей женитьбы и кончины своего родителя Людовик возглавлял в окружении многочисленных прелатов торжественную церемонию освящения новых хоров в соборе Сен-Дени. Укреплялась, таким образом, та идеология королевской власти, творцы которой вдохновлялись писаниями Дионисия Ареопагита. Эта идеология могла теперь опереться на новые сочинения, созданные в монастыре. Понятно, что я имею в виду тот образ примерно-

го монарха, который дан нам в жизнеописании Людовика VI, а также и «Истории короля Карла и Роланда», авторство которой приписывается епископу Тюрпену, и грамоту — фальшивую грамоту, — подписанную якобы Карлом Великим. Эти подделки (а тогда их подлинность никто не оспаривал) составлялись для того, чтобы люди поверили: Карл Великий и впрямь некогда преподнес свою корону Св. Дени, возложив на алтарь четыре золотые монеты и «моля своих наследников поступать подобным же образом каждый год, принося с земным поклоном всякий раз по четыре золотых безанта». Следуя этому завету, Капетинги XII века подтверждали, что они — законные наследники легендарного императора. К тому же, соглашаясь на выплату такого рода чинша, они становились как бы рабами этого святого, обеспечивая себе тем самым роль представитель той власти, которой, по убеждению Карла Великого, обладал его святой покровитель, и, следовательно, право на владение всей «этой землей, называвшейся Галлией и названной ныне Францией». Францией — поясняется в тексте — поскольку эти земли свободны (*franches*) от всякого порабощения со стороны других народов. Предлагаемый текст гарантировал, таким образом, вольность всему королевству. И речь в нем шла уже не о королевстве, замкнутом рамками былой Франкии, а о таком, которое отождествляется уже со всей Галлией, ибо его восточная граница при жизни Карла Великого еще не была проведена. Кроме того, в этих текстах утверждалось, что поскольку император сделал аббатство Сен-Дени «главной церковью среди всех церквей королевства», то король, ставя себя под покровительство святого и беря его орифламм (как утверждалось — чудом сохранившийся стяг самого Карла Великого), призван принять на себя все его права и претендовать на подчинение себе епископата.

Между тем на протяжении нескольких десятилетий все более заметен был упадок монашества старого обряда. Поэтому набожный Людовик VII постепенно от него отворачивался, обращаясь к другому бенедиктинскому семейству, которое благодаря практике воздержания, отказу от роскоши приобретало все большее влияние. Речь идет об Ордене цистерцианцев. Все предки Людовика были похоронены рядом с гробницей Св. Дени. Единственное исключение — дед короля Филипп I. Людовик решает последовать его примеру, приказав уготовить для себя место вечного упокоения в основанном им монастыре, обители цистерцианцев. Члены этого ордена служили епископам. У короля достало ума, чтобы последовать их примеру.

Теперь стали строго соблюдаться правила, установленные церковными реформаторами в отношении избрания епископов. Король отныне лишь сообщал имя угодного ему кандидата, а затем вручал избраннику знаки его светских полномочий в епархии. Такое уважение короля к церковным установлениям, его набожность обеспечили ему приверженность епископского корпуса — поддержку чрезвычайно мощной силы. Удачей для династии оказалось и то, что в самый подходящий момент на троне ее стал представлять человек, над которым посмеивались в рыцарских собраниях, считая его чересчур пристрастившимся к церковным службам.

Король умел также принимать с распростертыми объятиями всех «внешних» прелатов, которые, найдя убежище в его королевстве, продолжали борьбу с государями, не обладавшими таким умением извлекать выгоду из своей власти над Церковью. В числе этих прелатов были Фома Бекет, изгнанный из Кентербери, папа Александр, изгнанный из Рима. Благодаря поддержке этих изгнанников Людовик VII мог более уверенно противостоять на Западе и на Востоке двум своим мощным соперникам, каждый из которых был способен сломить его власть, — королю Англии Генриху Плантагенету и королю Германии Фридриху Барбароссе. Последний пытался, прибегнув к услугам болонских юристов, опираясь на вновь признаваемые принципы римского права, ограничить ту самую галльскую вольность, которую провозглашали в Сен-Дени. Фридрих ссылался на превосходство императорского статуса, утверждал, что он сегодня и есть Карл Великий. По повелению Фридриха этот император был причислен к лику святых церковным собором, состоявшимся в Безансоне, в Бургундском королевстве. Германский король торжественно возложил на себя в Арле корону королей Прованса, он насылал на берега Соны банды «брабантцев», угрожавшие Людовику. Король Франции защищался как мог. Стоило Фридриху пожаловать золотую буллу архиепископу Лионскому, как Людовик сразу же предоставил аналогичные привилегии епископу Манда. И когда в 1162 году король Франции направлялся в Сен-Жан-де-Лонь, на границу по четырем рекам, для переговоров со своим надменным и опасным соперником, то в руках у него был самый крупный козырь — свое демонстративное подчинение Церкви и как следствие — расположение истинного папы, претензии которого на мировое господство наталкивались на такие же притязания германского императора. В следующем году папа учредил римскую курию в Сансе и высочайше пожаловал Лю-

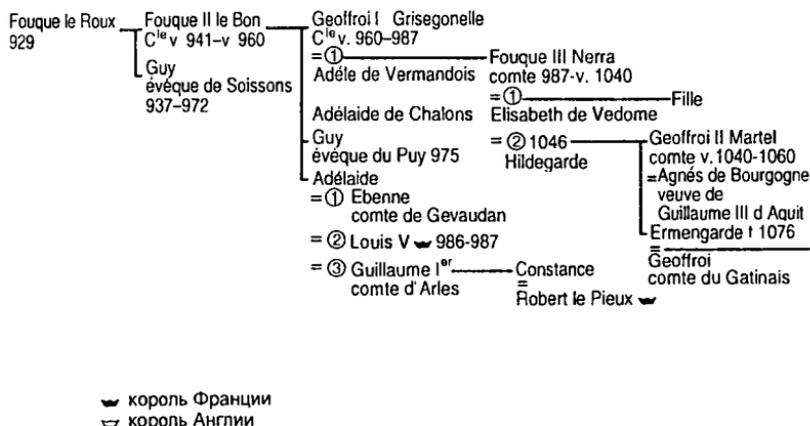
довику орден Золотой розы, освящающий «власть королей и правосудие».

Но поначалу правление Людовика VII складывалось не особенно удачно. В 1147 году он настойчиво, но безуспешно пытался добиться согласия буржских каноников на поставление архиепископом в Бурже одного из клириков своей дворцовой церкви, королевского канцлера. Каноники выбрали своего кандидата. Пренебрегая брачными установлениями, на соблюдении которых настаивала Церковь, король уговорил своего сенешаля Рауля де Вермандуа разойтись с супругой, чтобы затем в интересах королевского дома женить его на королевской свояченице. А жена Рауля была племянницей графа Шампани. И этот государь, подобно графу Фландрии, графу Анжу, вел свою совершенно самостоятельную политику укрепления управляемого им государства, для которой капетингская экспансия становилась помехой. Ранее он уже помог архиепископу Реймса и его капитулу ликвидировать учрежденную королем в этом городе двумя годами ранее общину, на дружественную поддержку которой Людовик рассчитывал. Теперь, защищая честь рода, Тибо Шампанский прямо выступил против своего сеньора, поощряемый страстными речами близкого друга, цистерцианца Бернарда. Король ответил жестко — решительными военными действиями, в которых одержал победу. Однако был нарушен мир Божий, к несчастью, король еще и сжег церковь в Витри вместе со множеством укрывавшихся в ней бедняков. Святотатство! Божий помазанник запятнал себя убийством и на некоторое время прослыл «тираном». Противникам короля нетрудно было выражать свое возмущение, утверждая, что король, нарушив данную при помазании клятву, разорвал тем самым союз со своим народом.

Все изменилось, когда король, видимо, движимый желанием смыть грех, решил прийти на помощь заморским государствам крестоносцев, начинавшим клониться под напором ислама. На рождественском съезде в Бурже в 1145 году Людовик провозгласил свой обет принять крест и объявил, что он сам возглавит второй всеобщий поход в Святую Землю. До него ни один из королей в таком походе еще не участвовал. А именно к такому походу во главе с королем Франции призывал в своих проповедях в Везле Бернард Клервоский. Королю следовало повести воинство Христово в земли миражей ради спасения христианства. Чтобы подготовить это грандиозное предприятие, епископы и графы собрались вокруг короля, как некогда они собирались вокруг Карла Великого; королевский двор вдруг

снова обрел тот блеск, какого не знал со времен Роберта Благочестивого. Было решено, что в отсутствие короля его достоинство, то есть все его королевство, будет поставлено под руку Божию и будет пользоваться такой же защитой, какая была обещана паломникам в Иерусалим. На время двухлетнего отсутствия регентскую миссию должен был исполнять Сен-Дени, иначе говоря, аббат Сугерий. Эта миссия не была доверена высшим лицам из дома Капетингов. Им отныне доверялись лишь чисто номинальные, почетные функции, что позволило еще выше поднять престиж суверена, при дворе которого самым великим государям поручалось руководить домашними службами. Такое положение было, впрочем, чревато некоторыми опасностями: граф Анжуйский Годфрид Плантагенет,

ПЕРЕДАЧИ ГРАФСТВА АНЖУ

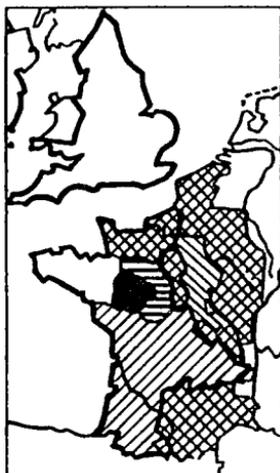

претендовавший на должность сенешаля, смог, похоже, воспользоваться ситуацией и силой овладеть молодой королевой в ее покоях, чем и похвалялся. Но в 1169 году, в 1170 году, когда его внук Генрих Молодой прислуживал королю за столом, нарезая мясо, внук был уже не более чем фигурантом в церемониале отправления власти. Фактически эта власть принадлежала ныне «близким людям», «советникам», клеркам, рыцарям, которые также были преданы короне, как и добрые товарищи, окружавшие Людовика VI. Осваивая новые методы

управленческой технологии, они проявляли все большее умение каждодневно, без шума вести дела королевства. Позднее эти надежнейшие люди, уже постаревшие, поставят на службу Филиппу Августу свой накопленный опыт эффективного управления.

На Востоке франкское воинство потерпело неудачу. Крестьяне оскверняли женщины, которых они взяли с собой; и Людовик здесь подал дурной пример. Господь отказал им в победе. Но принесение королем жертвы, телесные страдания

- Анжуйское графство в 929 году
- Анжуйские земли в 1044 году
- Земли Генриха II Плантагенета (2-я половина XII века)
- Земли, приобретенные благодаря женитьбе Генриха на Алиеноре Аквитанской
- Королевский домен при вступлении на престол Филипа II Августа
- Фьефы, зависимые от королевской короны (включая Нормандию, присоединенную в 1204 году)

Geoffroi III le Barbu
comte 1060-1065
† v. 1096

Fouque IV Réchin
comte 1067/8-1109

= ① ————— Ermengarde † 1146

X de Beaugency

Alain IV Martel

duc des Bretons 1084-1112

= ② ————— Geoffroi IV Martel

Ermengarde de Bourbon 1103-1106

= ③ ————— Orengarde

= ④ ————— Fouque V le Jeune
Bertrade de Montfort comte d'Anjou 1109-1129
puis roi de Jerusalem 1131
† 1143

Geoffroi V le Bel
(Plantaenet)
comte d'Anjou 1129
duc de Normandie 1144-1150
† 1151

= Mathilde fille de Henri Ier Beauclerc
‡ 1189

‡ d'Angleterre

= Alienor d'Aquitaine

Mathilde abesse de Fontevrault 1150
† v 1155

Geoffroi c^{le} de Nantes v. 1157
† 1158

Sibyle

Guillaume

= Thierry comte de Flandre 1128
† 1168

Philippe comte de Flandre 1168
† 1191

и муки возвысили его. Это стало очевидно по возвращении монарха во Францию. А когда Людовик на обратном пути остановился в Риме, то понтифик принял его как сына. Вскоре король окончательно очистился от греха, разорвав свой кровосмесительный брак. Кроме того, он оказался первым среди Капетингов, отважившимся на столь дальнее путешествие. Людовик совершил и другие паломничества в святые места, находящиеся далеко за пределами своего королевства, — в Гранд-Шартрёз, в Сен-Жак-де-Компостель. Во время этих искупительных путешествий короля могли видеть, слышать, к нему могли прикоснуться его подданные в тех провинциях, где в течение столетий монархи не появлялись. Общее к себе расположение король увеличивал уже благодаря проявляемой им необыкновенной набожности, его охранительная власть признается на обширной территории, единство которой освящают милости небес, нисходящие на нее благодаря заступничеству Св. Дени.

Эту мысль повторяет аббат монастыря Мон-Сен-Мишель Роберт, говоря, что и Нормандия относится к королевству Франции. «Ныне не только одна лишь Франкия есть ваше королевство, хотя королевский титул особливо на нее указывает. Бургундия также есть ваша», — пишет Людовику VII в 1166 году Эд, аббат Ключи, предшественник которого Петр Достопочтенный несколькими годами ранее мог заявить, что в этом краю «короля нет». Эд добавляет: «Считайте все ваше королевство за единое тело». В эти годы Капет принимает лилии в качестве своей эмблемы. Он облачается в плащ голубого цвета с золотыми вышивками, напоминающими созвездия. Такое одеяние, символизирующее космический порядок, стал носить на пороге XI века император Генрих II. Выбирая свою эмблему, король хотел показать, что он соединяет мир земной и мир небесный, что он возвышается над всеми смертными, занимает то место, которого добивались веком ранее великие аббаты торжествующего монашества. Что касается короны, то, как объяснял Сугерий, каждый ее зубец обозначал фьеф; таким образом, венец символизировал единение всех провинций королевства. И когда король, находясь на вершине иерархии, описанной Дионисием Ареопагитом, возлагает на себя эту корону во время торжественных церемоний, то подтверждает этим жестом свою миссию хранителя мира и спокойствия во всей Франции.

Такой всеобщий мир сроком на десять лет Людовик VII провозгласил в Суассоне в июне 1155 года «по прошению лю-

дей Церкви и по совету своих баронов ради укрощения пыла дурных и удержания насилия тех, кто грабит». В Суассоне собрались архиепископ Реймса, архиепископ Санса, их викарные епископы, аббаты крупных монастырей. Все они по очереди поклялись поддерживать мир. Затем клятвенное обещание давали один за другим герцог Бургундский, граф Фландрский, граф Шампанский, граф Неверский, граф Суассонский, а также все присутствовавшие на съезде бароны. Наконец, поклялся и сам король: «При всем собрании и перед вами мы дали королевское слово, мы объявили, что будем нерушимо блюсти этот мир и согласно нашей власти покараем всех тех, кто нарушил бы сей ордонанс». Речь шла о коллективном соглашении, очень напоминавшем те, которые принимались в 1000 году участниками собраний, происходивших вокруг ковчежцев со святыми мощами. Речь шла о мире Божиим. Но ныне забота о его сохранении возлагается не на епископов, умирение идет не по диоцезам. Ныне хранителем мира, всеобщего мира, в королевстве должен быть его монарх, предстатель Господа, который, как и епископы, получил священное помазание.

В последние годы своего царствования Людовик употребил все свое рвение, все свои силы на поддержание мира. И это ему удалось. В 1166, а затем в 1171 годах к королю с просьбами о помощи обратились епископ Макона, аббат Ключни. Их земли осаждали разбойничьи банды, нанятые «дурными» сеньорами. Король, находившийся в Везлейском аббатстве, которое он когда-то защищал от графа Неверского, сразу же откликнулся на призыв. Достаточно было его ополчению приблизиться, как все смирились. «Мы пришли, — утверждал король в преамбуле грамот о мире, принятых на согласительных собраниях, где он председательствовал, — потому что земля Бургундии из-за отсутствия королей длительное время не умиралась надлежащим правлением. Всякий, кто имел в этом крае какую-то мощь, мог нападать на других, притеснять слабых, разорять добро Церкви». Теперь этого они делать не смогут, ибо явился король. «Видя столько злобы и движимые усердием во имя Господне, мы пришли в Бургундию с войском, дабы свершилось мщение, ради обновления мира и края». После завершения военных экспедиций для церкви в Авена-ан-Божоле был изготовлен резной алтарь. На одной его створке изображен Христос во Славе в окружении апостолов, а на другой — король миротворец (*rex pacificus*). Обе фигуры совершенно симмет-

ричны, изображение короля как бы повторяет в видимом мире образ Всевышнего. В охраняющей королевской длани помещено изображение и самого небольшого храма. По существу, это символ всей Церкви, в которую король входит как помазанник Божий. Кроме того, в силу своего звания он является верховным охранителем Церкви на всей той земле, которую ему доверили небеса. Король Франции ныне уже не новый Давид, как Карл Великий, он — новый Мелхиседек, который одновременно являлся и царем Салимским, и первосвященником; предвосхищая Христа, он принес в дар Господу хлеб и вино. Благочестивейший Людовик, этот своего рода монах, тоже стремился выступать одновременно и как король, и как священник. До сих пор на совмещение двух ролей претендовали лишь понтифики, начиная со Льва IX.

Возвратившись из миротворительной экспедиции, которую король проводил на дальних рубежах своего царства, он получил долгожданный и щедрый дар. Господь наградил его за труды сыном. Ребенка назвали Филиппом — по имени его предка. Позднее рассказывали о том, что Людовику якобы приснился вещий сон, что в «богоданном» мальчике он увидел нового Мелхиседека, «держашего в руке золотой кубок, наполненный человеческой кровью; он предлагал этот кубок всем государям королевства, и все пили вместе с ним». Чтобы отпраздновать событие, один из монахов Сен-Жермен-де-Пре написал «Историю достославнейшего короля Людовика», продолжив труд, предпринятый Сугерием в Сен-Дени. Монах описал тревожное ожидание, рождение ребенка, его крещение, взрыв радости парижан. Их город является ныне столичным, сюда со всех концов земли стекаются люди духовного звания, жаждущие знаний. Мы не знаем, какую роль сыграл король в собирании знатоков священной науки в своем городе. Не случайно ли то, что они решали обосноваться именно здесь, поблизости от королевской резиденции, а не в Лане, к примеру, хотя там сохранялись книги, которыми пользовались еще ученые мужи, собранные Карлом Лысым в его Компьенском дворце? Достоверно, тем не менее, что своими дарами король помог обновлению кафедрального собора в Париже. Он принял сторону епископа Мориса дю Сюлли в споре с Петром Певчим и его аскетичными сторонниками, осуждавшими гордыню и призывавшими не растрачивать деньги бедняков на постройки, служащие поддержанию престижа, утолению гордыни. При поддержке Людовика Сюлли взялся за полную перестройку собора Нотр-Дам де Пари.

Как раз в период правления Людовика VII в строительстве соборов начинается расцвет того архитектурного стиля, который мы называем готическим, а современники определяли как «постройки на французский лад». *Opus francigenum* — постройка франкского происхождения — само выражение точно указывало место, где родился этот стиль церковной архитектуры: сердце старой Франкии — Сен-Дени-ан-Франс. Первый образец для таких соборов дал аббат Сугерий. Он исходил из идеи святого Иоанна и Ареопагита, утверждавших, что Бог есть свет. Свет поэтому должен был наполнять церковь, вливаясь через высокие окна и витражи. Собору следовало служить доказательством того, что все сущее, благодать Господня есть отсвет любви Божией. А поскольку Господь обрел свое земное воплощение, при входе в храм, на его фасадной стене, обращенной к народу, полагалось разместить ряд изображений — безмолвную проповедь, убеждающую в том, что Бог, воплотившись в человеке, есть брат живущих и что жить следует по слову Господню. После 1140 года все епископы провинции Капетингов последовали примеру Сен-Дени, пригласив тех мастеров, которые работали у Сугерия. Мастерская резчиков переехала в Шартр, чтобы украсить там королевский портал кафедрального собора, а мастерская стекловаров — в Париж, чтобы сработать витражи для старой церкви Нотр-Дам. Именно тогда наиболее продуктивные мастерские каменотесов и плотников переместились от монастырских базилик к кафедральным соборам.

Это перемещение является свидетельством трех изменений, произошедших в распределении власти. В первую очередь оно говорит об успешном завершении реформы Церкви, в ходе которой епископат решительно подчинил себе монашество. Но также и о тех более глубоких изменениях, в результате которых христианство, сводившееся к исполнению ритуальных действий у чудодейственных мощей, незаметно, исподволь заменялось христианством, нашедшим повседневное выражение в соблюдении неких моральных норм, внушаемых каждому верующему. Внушать их людям должно было духовенство, и более всего — епископы. А кафедральный собор должен был служить задаче доведения этих норм до верующих, задаче воспроизведения в зримых образах представлений, выработанных в богословских школах. В то же время отмеченное перемещение явилось результатом роста мощи городов. Над городом довлели сеньория епископа и сеньория соборного капитула. Обе они пользовались растущим богатством городов.

При этом основная часть средств, шедшая на перестройку главной церкви города, вымогалась у горожан с такой жесткостью, что бюргерство подчас начинало сопротивляться. Так было в Реймсе, где население взбунтовалось и перестройку собора пришлось на время прекратить. Но своей силой и славой города были обязаны, помимо прочего, и мощным стенам, и колокольням соборов, возвышавшимся над скоплением лачуг. Купцы на ярмарках, похвалявшиеся тем, что им оказывает покровительство епископ, давали деньги из гордости, ворчали, но платили. И требовали, чтобы их вклады не оставались анонимными, чтобы было видно, что такой-то витраж — дар такой-то торговой гильдии. Эти знаки дарения, которые продолжают привлекать внимание исследователей, свидетельствуют о том, что горожане не оставались в стороне от строительных забот духовенства. Ради искупления греха корыстолюбия они жертвовали на строительство соборов немалые суммы из тех неправедно нажитых денег, которые получали, обирая окрестное сельское население.

И наконец, эти величественные сооружения, украсившие повсеместно домен Капетингов, свидетельствовали о возрождении монархии. Еще с тех времен, когда после христианизации империи римляне начали строить здесь, в своих ситэ, кафедральные церкви, их постройки вобрали в себя в превращенном виде все признаки государственной, публичной власти: прямота каменных стен, колокольни, возвышающиеся подобно неприступным крепостным башням, портал, открывающийся словно городские ворота, но ведущий в пространство, намного более упорядоченное. Строители соборов создавали словно бы прообраз горнего Иерусалима, воплощая в нем свое представление о государстве в его неземном совершенстве. А в середине XII века среди всех крепнувших государств именно государство Людовика VII более всего приближалось к такому образцу. С момента своего возвращения из Святой Земли, где он проводил много времени в святилищах, хранивших свидетельства жизни Иисуса Христа, золотолилейный король стал постоянно участвовать в епископских соборах. И не возникало ли у каждого, кто попадал в апсиду любого собора в его королевстве, впечатление, что он видит здесь не кресло епископа, а королевский трон?

А те добродетели, которые король приобрел со священным помазанием, прямо предназначали его для того, чтобы он сам направлял усилия строителей. Еще за полтора века до Людовика епископ Лана напоминал королю Франции: «Не забывай

о той чести, коей удостоил тебя царь царей. По милости своей он наделил тебя даром, более драгоценным, чем все остальные... Ты призван познать горний Иерусалим со всеми его камнями, его стенами, его вратами, все его устройство...» Такое ниспосланное свыше видение отличало короля от всех других государей, он был призван употреблять свою щедрость на дело постоянного обновления кафедральных соборов. Людовик VII осознавал это призвание. 200 фунтов серебра, переданные им епископу Парижскому, позволили поднять своды над хорами Нотр-Дам на невиданную доселе высоту. Людовик дожил до завершения работ, он смог увидеть, как в 1180 году папский посланник торжественно освятил главный алтарь собора. В аббатстве Барбо цистерцианские монахи охраняли его вечный покой. Впервые рядом с телом короля возложили знаки, возвышающие его над всеми людьми, — корону, скипетр, печать, которой он скрепил свои ордонансы о всеобщем мире. А во главе похоронной процессии шел его сын, которым Господь вознаграждал Людовика за тщание и добросовестность в выполнении своего монаршего долга.

В высших церковных сферах в то время, как никогда ранее, мечтали о единстве. Легаты епископа Римского несли его слово во все концы христианского латинского мира; аббаты из сотен цистерцианских монастырей, рассеянных по всей Европе, ежегодно собирались в материнской обители на съезды для совместного обсуждения дел Ордена и обмена опытом духовного служения; клирики, лучшие из которых учились в Париже, молились о том, чтобы люд Божий был, наконец, поставлен под одну власть. Такого объединения требовало спасение Святой Земли. Иерусалимский трон занимал прокаженный подросток; Салах-ад-Дин собирал отовсюду неверных, призывая их к «джихаду»; можно было опасаться того, что вскоре он овладеет Гробом Господним. Следовало поставить под королевский надзор всех государей, на печатях которых изображался всадник, гарцующий на коне и символизирующий силу, но силу буйную, способную посеять беспорядок, если не обуздать ее мудростью. И сделать это, причем безотлагательно, должны были короли. На королевских печатях сами они изображались величественно восседающими на троне, олицетворяющими незыблемость мира небесного. Церковь выступала против княжеств, поддерживала монархии, желая видеть их мощными и подчиненными объединяющей воле наместника Св. Петра.

А он в описываемый период жестко противостоял королю Германии, всеми своими силами пытаясь сдержать его захватнические устремления. Папа подумывал даже и о том, чтобы примириться с королем Англии, незадолго до того отлученным от Церкви за то, что, ослепленный желанием подчинить ее себе, он не остановился перед убийством примаса, совершенным прямо на ступенях алтаря Кентерберийского собора. И только одному королю, следовательно, мог папа без колебаний отдать свое предпочтение в подобной ситуации — королю франков, вождю Богом избранного народа. Он был послушен папской воле, его власть теперь прочно опиралась на богатейший край — Иль-де-Франс и на парижский ситэ, где еще с греческих и римских времен сложился центр высокой культуры, обогащенный наследием античности. Было известно, что здесь монарх использовал свою власть — *imperium* — для установления мира и справедливости. Окрепшие феодальные связи все теснее сплачивали вокруг монарха высших сеньоров королевства. Не казалось более столь уж невероятным представить короля как Христа или легендарного Карла Великого, восседавшим в окружении 12 равных между собой сподвижников — пэров короны, помогающих монарху лучше выполнять мироустроительную миссию. Роль пэров уже выполняли в городах северо-запада шесть облеченных графскими полномочиями епископов. Можно было надеяться, что вскоре к ним присоединятся выражавшие такую же почтительность и преданность монарху шесть светских князей: три герцога — Бургундский, Аквитанский, Нормандский, а также три графа — Фландрский, Шампанский, Тулузский.

Однако эта мечта разбивалась о реальность. Франция по-прежнему представляла собой совокупность соперничающих между собой политических образований. Конечно, королевская власть проникала в щели этой плотной ткани. Предоставляя действенную защиту еще одному епископству или монастырю, король взамен получал право на отправление властных функций в соответствующей сеньории; благодаря таким соглашениям о союзе он мог ставить своих прево в места, весьма удаленные от домена Капетингов. Но это были лишь вехи на трудном пути расширения королевской власти. Она наталкивалась на сопротивление княжеств, которые, как само монархическое государство, укреплялись благодаря поступлениям денежных средств, усовершенствованию технологии администрирования, использованию ленного права.

Род Плантагенетов был самым опасным для Капетингов среди их вассалов. Начнем с того, что Генрих являлся королем, носил корону Англии. Слишком часто забывают, что сам он считал себя прежде всего графом Анжуйским. И тело его похоронено в Анжу, в аббатстве Фонтвро, рядом с прахом его супруги Алиеноры и его сына Ричарда Львиное Сердце, в краю, которым предки Генриха правили твердой рукой. Его власть коренилась именно здесь, в пространстве между Шиноном, Лошем и Анже. Прибегая к силе, используя череду счастливых случайностей, он распространил свою власть в годы царствования Людовика VII почти на половину королевства Франции. Сам Генрих был убежден в справедливости такого положения. Очевидное свидетельство тому — удовольствие, с которым он созерцал образ своего отца графа Годфрида, крепко стоящего на ногах, в величественной позе. Таким граф был изображен на эмалевой пластине своего надгробья в кафедральном соборе Ле-Мана, таким он выведен в посвященном ему жизнеописании, которое составлено в Туре в 80-е годы XII века. Названный панегирик представляет собой еще один памятник династической истории. Его герой сразу же после своего посвящения в рыцари и женитьбы блестяще проявляет себя на ратном поприще. Однако заметим — не на войне, а в рыцарском турнире, который устраивают на песчаном берегу моря, на стыке нормандских и бретонских земель, неподалеку от монастыря Мон-Сен-Мишель. Встречаются две команды из этих земель, причем команду Нормандии возглавляет не ее герцог, а три его племянника, три графа — Мортенский, Фландрский и Блуаский. Годфрид решает выступить на бретонской стороне. Рассказ о том, что Годфрид с самого начала стоял за Бретань, страну короля Артура, мог быть приятным его сыну Генриху. Немного позднее мы увидим, почему. Общая турнирная схватка никому не принесла победы, было решено устроить поединок один на один. От нормандцев вызов принял сакс, англичанин, человек громадного роста. Годфрид вышиб его из седла и, подобно Давиду, поразил великана в голову. Эта символическая победа стала ярким доказательством превосходства анжевенцев. Триумфатор — граф Анжуйский — уже взял в жены женщину, которая родит ему сына, будущего владельца Нормандии; победа Годфрида как бы предвосхищала победу этого сына над Стефаном Блуаским и грядущее подчинение Англии.

И действительно, в 1151 году Генрих, вступив в наследство, получает от матери права на герцогство Нормандское; год

спустя от имени своей супруги он получает права на герцогство Аквитанское; в 1154 году Генрих получает помазание на королевство Англии, благодаря своему сыну Годфриду внедряется в Бретань. Необыкновенная удача. Будем, однако, осторожными в оценках. То, что удалось собрать таким образом Генриху за десяток с лишним лет под своей рукой, то, что историки называют иногда «империей» Плантагенета, никогда не являлось государством. То был некий набор государств. В каждом из них сохранялся свой княжеский двор, своя команда администраторов. Генриху приходилось непрерывно переезжать из одного такого государства в другое, чтобы продемонстрировать свою верховную власть над ними. По свидетельствам современников, он находился в вечном движении. Так, его нотариус Пьер из Блуа писал: «Он постоянно на ногах, с утра до вечера, хотя все голени его изранены, в синяках от ударов, которыми он то и дело подгоняет непокорных лошадей, а восседает он [как то приличествует королям] только на лошади или за столом. Коли надобно, он за день проезжает по четыре или пять лье». Так, выбиваясь из сил, до самой смерти Генрих утверждал свою власть над разделенным пространством. Поскольку в той или иной части этого пространства государь постоянно отсутствовал, его функции там исполнял сенешаль. Правда, почти во всех землях существовали крепкие структуры управления. Речь идет в первую очередь о Нормандии. Здесь благодаря выездам судей поддерживалось спокойствие, подобное тому, которым в XI веке восхищался кельский монах Рауль; приказчики-прево, находившиеся под строгим надзором, собирали подати; сеть феодальных обязательств завязалась здесь плотнее, чем в любом другом месте. Слабым звеном, однако, оставался юг; жители Аквитании по-прежнему были непокорными и своевольными.

Чтобы обуздать мятежников, герцогская власть опиралась, как могла, на города, особенно на Ла-Рошель. Этот недавно основанный город был прочно укреплен, сразу же разбогател; сюда за винами приходили караваны судов даже из северных морей; о размахе торговли могут дать представление встречаемые и сегодня на мелководе горы выгруженной с кораблей гальки, которая использовалась тогда в качестве балласта. В надежде удерживать аквитанских баронов в своих руках столь же прочно, как английских и нормандских баронов, герцог пытался также внедрить в землях к югу от Луары строгое феодальное право. Но сопротивление местных кутюмов оказалось слишком сильным. Насильственная феодализация привела к

нескончаемым мятежам; на какое-то время их подавляли, наводя ужас, но они вспыхивали вновь и вновь. Трудности Генриху создавали и его сыновья: их было слишком много. Уже в отрочестве они начинали требовать выделения себе части наследства, какой-то доли государства, прежде всего в Аквитании, права на которую им переходили от матери. Алиенора же поддерживала своих сыновей, вокруг них собирались все недовольные, все алчущие. Не упустил возможности использовать сыновнюю непокорность и король Франции, их законный покровитель, поскольку он являлся сеньором их отца. Что касается самого Генриха Плантагенета, то его связывал принесенный этому королю оммаж; и нельзя было своим собственным вассалам давать пример нарушения клятвы. Скончался Генрих в скорби, в горькой обиде на сына Роберта, которого он считал самым верным и предательство которого вдруг обнаружил. Как бы ни повернулось дело, созвездие княжеств, волею случая собранное Генрихом под своей рукой, было обречено на распад. Не стоит доверять картам, авторы которых пытались изобразить феодальную Францию. На таких картах владения Генриха II Английского во Франции выглядят плотным массивом и, как кажется, подавляют своим весом королевский домен. Конечно, нависавшая на него с Запада угроза была серьезной. Однако она не являлась столь грозной, как представляется на первый взгляд.

Сеньорию Капетингов упорно теснило еще одно собрание графств, на этот раз с Востока и с Юга. В начале правления Людовика VII Тибо являлся, как и его предок Эд, графом Мо и Труа, графом Блуа, Шартра, Шатодена; от имени матери он мог бы также предъявить права на нормандское и английское наследство; он уступил их, однако, своему брату Стефану, претендовавшему на них. Но после смерти Тибо в 1152 году приходилось следовать обычаям (и здесь мы видим, какую роль в политической истории того времени играли семейные события). А обычаи делали недолговечными подобные конгломераты титулов и владений, обязывая в соответствии с традицией делить наследство покойного поровну между его сыновьями. У Тибо было два сына, младший получил Блуа, а старшему достался самый мощный удел — Шампань. В то время эта провинция стала превращаться в одну из богатейших благодаря распашке залежных земель в Бри и особенно благодаря успехам ярмарок в Труа, Провене, Ланьи и Бар-сюр-Об. Здесь уже на протяжении двух десятилетий происходило постепенное становление системы защиты купечества и их прав. Благодаря

этому торговые караваны из дальних краев уже не направлялись на стариннейшие ярмарки в Реймсе и Шалоне, имевшие епископское покровительство, а тянулись к Провену, Ланьи, расположенным поблизости от быстро выроставшего парижского центра торговых путей. Так создавались условия для необыкновенного расцвета торговых собраний в Шампани. В XIII веке они превратились в главные места встреч деловых людей Севера и Юга. Это произошло после того, как ярмарки стали регулярными, расширилась юрисдикция графской стражи, а приезжающие итальянские и провансальские негоцианты учредили ассоциации взаимопомощи. Однако изначально в Шампани, как и других местах, первым фактором становления государства было феодальное право. Графу принадлежал обширный домен, которым управляли два десятка прево, в его руках находилась примерно половина крепостей, он постепенно обеспечивал свою власть и над другими крепостями, используя вассальные обязательства; такие обязательства графские служащие стали тщательно записывать со времен Филиппа Августа. Сам граф принес оммаж королю Франции, но отнюдь не за все свое княжество. Какие-то его части зависели от других сеньоров, в особенности от короля Германии. Подобная зависимость позволяла сопротивляться нажиму Капетингов, опираясь на Империю. Так, в 60-е годы Генрих Щедрый решил играть на противоречиях между Людовиком VII и Фридрихом Барбароссой. Однако из-под власти графа Шампанского ускользали все епископства, за исключением епископства Труа. В них постепенно возобладало влияние короля. Вот в этом мы и находим тот самый фактор, который, наряду с наследственным правом, ставил княжества на ступень ниже по сравнению с короной. Князю приходилось рассчитывать лишь на поддержку все более многочисленных монахов и каноников, молившихся о его спасении и даровании побед его оружию в приходских церквях, рассеянных по всему княжеству. А лучшие из этих клириков помогали государю при дворе эффективнейшим образом использовать свои властные прерогативы.

Они же оказывали князю и иные услуги, более полезные для утверждения его престижа. Составляя окружение супруги графа Шампанского, дочери Алиеноры Марии, представлявшей своего мужа на куртуазных собраниях при его дворе, эти образованные люди лелеяли ростки молодой куртуазной, рыцарской культуры, расцветавшей здесь в конце XII века; именно по заказу Марии был написан «Ланцелот» Кретьена де Труа.

Одним из наиболее ярких очагов такой культуры и был двор графа Шампани.

Культура стала тогда поприщем острой борьбы государей за сохранение национальной самобытности в противовес ширящемуся влиянию Капетингов. Государи задавались такой целью, жертвуя деньги людям Церкви на перестройку храмов. В Анжу и Пуатье, в Бургундии и Лионе восхищались искусством построек «на французский лад», стремились подражать этому новому стилю, чтобы по примеру Нуайона, Лана, Парижа и их соборы и базилики наполнились светом. Но при этом светские и духовные властители, державшие строительство под своим контролем, внимательно следили за тем, чтобы в новых сооружениях нашли себе место стилистические особенности, свойственные местной строительной традиции. Далее к югу такие традиции имели столь прочные корни, что там удавалось сдерживать наступление готики, препятствуя вытеснению архитектурных форм, называемых нами романскими. А когда столетием позже в овернском Клермоне, в Нарбонне и прованском Сен-Максимене будут построены церкви «по французскому образцу», их местные жители воспримут как свидетельство иноземного владычества, как признак присутствия колониальной державы, как клеймо, наложенное Капетингами на те провинции, сопротивление которых им удалось, наконец, сломить силой оружия.

Но это будет позднее. А пока, поскольку память о временах Каролингов и, в особенности, сакральность составляли силу королевской власти, соперничавшие с нею князья стремились — в противовес влиянию парижского двора, известного строгостью суровых нравов и поддерживаемого учеными трудами придворных богословов на латыни литургий, — сделать свои дворы средоточием земных радостей, где пользовались всеми теми языками, на которых говорило рыцарство. Еще в самом начале XII века Гильом IX, граф Пуату и герцог Аквитании, дед Алиеноры, желая продемонстрировать свою самостоятельность Капетингу, и в особенности франкским вождам — графам Анжуйским, представлявшим для него непосредственную угрозу, повелел, чтобы при его дворе пелись на разных диалектах и на различные темы песни на стихи, сложенные наподобие тех изысканных поэм, которые сочиняли в то время на латыни епископы и аббаты земель, лежащих вдоль Луары. Гильом обратился к культурным традициям Лимузена — той области в его владениях, которая была наименее подвержена влияниям, идущим с Севера. Содействовавшие при

его дворе трубадуры, рыцари, как и сам граф, и, возможно, сам Гильом, — если он действительно был автором тех песен, что ему стали приписывать впоследствии, — сочиняли на местном диалекте поэтические произведения по образцу лиможских вокализов, положенных на григорианские мелодии монахами монастыря Сен-Марсиаль. Дух этих произведений был направлен против монастырской суровости Фонтвро, они прославляли плотские радости, куртуазные ценности. Куртуазные собрания, участники которых играли в «fin amog» — «изысканную, чистую любовь», являлись островками мира в море военной стихии. Герцог Аквитанский надеялся, что, вовлекая воинов в эту игру, он сможет удерживать их в своих руках вернее, чем при помощи неопределенных обязательств, вытекающих из оммажа.

Генрих II Плантагенет, унаследовавший почетные титулы Гильома, последовал его примеру. Он собрал вокруг себя куртуазных поэтов, выходцев с юга, рыцарей из Лимузена, также лиц духовного звания, благодаря писательским талантам которых аристократические диалекты Анжу и Нормандии приобрели достоинства литературного языка. Все эти люди посвящали свои сочинения королеве Алиеноре, делая вид, что творят ради нее. На деле же они служили ее мужу, который давал им хлеб и кров. «Читающие клирики» трактовали «французскую материю» так, чтобы понравиться Гильому. Они воспевали чаще всего не подвиги Карла Великого, а подвиги Гильома Оранжского, доброго вассала, без которого король стал бы совсем бессильным. Наиболее просвещенные клирики обращались к великим памятникам классической античности, перекладывая на романский (старофранцузский) язык поэмы римлянина Стация, «Энеиду», а также то, что знали об истории Трои. Однако наибольшее предпочтение они отдавали, как, разумеется, и их господин, «бретонской материи», легендам, которые хранили в своей памяти барды из кельтских стран. Генрих также принимал их у себя. Окутанные туманами окраинные земли того чрезмерного пространства, которое Генрих пытался изо всех сил удерживать, — Арморика, Корнуэлл, Уэльс и Ирландия, последнее его завоевание, — представляли в этих легендах как некий потусторонний мир. На него рыцари могли переносить свои мечты, жажду вольности. Они мысленно переносились туда в облике странствующих рыцарей — паладинов, чьи необыкновенные приключения затмевали подвиги храбрецов каролингских времен. Плантагенет мог надеяться, что слава новых героев осенит и его самого. Паладины скита-

лись по пустынным равнинам, идя навстречу опасностям, победоносно сражались с загадочными воинами, скрывавшими лицо под маской, завоевывали любовь наследниц владельцев сказочно богатых замков, пленялись призрачными прелестями фей, которых они заставляли купаящимися в источниках. Затем, покрыв себя славой, закаленные в боях, они возвращались к королевскому двору, чтобы вкусить здесь новые радости, сесть рядом с другими рыцарями за вращающийся как мир круглый стол, где все равны, но главенствует король Артур. Генрих считал себя наследником этого легендарного короля, выйдя в соперничество короля Франции, почитавшего себя наследником Карла Великого. Взойдя на английский престол, он приказал своему клерку Васу восстановить все, что когда-то написал Годфрид де Монмут, напомнить, что бретонцы происходят от троянцев, как франки и нормандцы. Анжуец одолел нормандцев, а затем победил саксов, отомстив им за Артура, короля, возвращения которого ожидали все кельты. Генрих хотел занять то место, которое некогда занимал Артур. Чтобы никто не усомнился в том, что сам Артур уже никогда не вернется, он приказал «обнаружить» его гробницу и гробницу Гиневры, его супруги, в уэльском аббатстве Гластонбери. Подкрепив свою славу легендами, Генрих бросал вызов парижскому королю и на светском поприще.

Такой вызов содержался в написанных по его велению и получивших широкую известность поэмах, восславлявших рыцарские доблести, ставившиеся выше добродетелей духовенства. Восхвалять подвиги, свершавшиеся бретонцами, славить мужественных рыцарей, которые одолевают страшных языческих колдунов и блещут достоинствами в куртуазном общении, — все это также означало, в конечном счете, попытку подкрепить любое проявление независимости от Капетинга и его духовенства. В 1159 году Иоанн Солсберийский, который служил английскому королю, в доме его канцлера, объяснил (пример для подражания он нашел у латинских историков, в Риме), каким образом «добропорядочное» рыцарство может быть инкорпорировано в государство — путем принесения «военной присяги» и обязательной публичной службы: «рыцари обязаны защищать бедняков от несправедливостей, нести умиротворение стране, проливать кровь за своих братьев, когда потребуется». Около 1175 года, когда Плантагенет оказался ослабленным в результате мятежей в Аквитании и того резонанса, который приобрело в Англии причисление Фомы Бекета к лику святых, туренец Бенуа де Сент-Мор продолжил труд

Васа по приказанию Генриха, составив рифмованную «Историю герцогов Нормандии». Верный слуга своего господина, он, чтобы угодить королю, совершенно изменил диалог, вложенный некогда Дудоном из монастыря Сен-Кантен в уста герцога X века Гильома Длинный Меч и аббата Мартина из Жюмьежа. В своем диалоге они рассуждали о структурах христианского общества и об обязанностях, выпадающих на долю каждой из трех социальных категорий, на которые это общество разделено по воле неба. Бенуа переставляет местами позиции обоих спорящих. То, что у Дудона говорится человеком Церкви, разъясняющим в ответ на вопрос мирянина, что именно известно слугам Божиим о промысле Господнем, теперь вкладывается в уста герцога. И что же он говорит? Что существуют три сословия — «рыцари, клирики и вилланы». То есть им принята старая схема трех функций. Но если быть точным, она не соответствует той, которой пользовался Дудон и которая была выдвинута франкскими епископами 1000 года ради укрепления приходившей в упадок королевской власти. И изменена она кардинально. Схема десаκραлизована. И теперь уже не подобало включать герцога Нормандии в одну из трех функциональных категорий, как его далекого предка. Герцога следовало ставить вне сословий и выше их всех, поскольку он считал себя вправе господствовать в своем доме над всеми, кто там был, к какому бы сословию они ни принадлежали, пользуясь сословными различиями в своих интересах. И теперь уже не Бог глаголет устами тех, кого Он питает своею мудростью, а князь, хотя и не был миропомазан. Ему полагается вершить правосудие, земное правосудие, на котором держится общественное спокойствие в подвластных ему землях. Князю, ради общего блага, положено следить за правильным распределением общественных обязанностей и за тем, чтобы взаимодействие между сословиями совершалось на основе справедливости. И кроме того, клирики в этой системе теряют свое первое место и встают ниже рыцарства. Ибо именно на рыцарство король Генрих рассчитывал опереться в первую очередь, а отнюдь не на Церковь, в отличие от короля Франции. В борьбе с этим соперником Генрих намеревался выступить в облики рыцаря, во всеоружии достоинств этого сословия. Так, в последней четверти XII века, на решающем этапе развития государственной власти, самый могущественный из французских баронов стал зачинателем такого переворота, который отдал бы первенство не священнослужителям, а военным, геройство и человеческие радости поставил бы выше милосердия и пока-

яния, а светскую власть выше той, коей наделяет ритуал помазания. Поэты немедленно принялись распространять эти взгляды при всех дворах знатных людей королевства. Кретъен де Труа, уже покинувший к тому времени свою службу у графа Шампанского и перешедший к другому владетельному князю — Филиппу Эльзасскому, графу Фландрии, через десять лет после Бенуа де Сент-Мора решительно возвестил в своем «Персевале»: «Одно лишь рыцарское сословие, сословие людей меча, созданное и направляемое Богом, есть высшее сословие».

Для участия в турнирах рыцари собирались обычно большими группами. В каждой такой группе все участники считали себя выходцами из какой-либо одной области — их «родины», принадлежностью к которой они гордились. Завистники, уличившие Гильома де Марешаля в тайной связи с супругой его сеньора, были нормандцами, воинами его отряда. И они не потерпели, чтобы их позорил, хвастаясь своими любовными успехами, какой-то фанфарон-англичанин. В своей борьбе против объединительных усилий королевской власти конца XII века князья могли, стало быть, опереться и на чувство, которое с полным основанием можно было бы назвать национальным.

Латинский термин *natio* не часто встречается в письменных памятниках той эпохи. В парижских церковных школах его использовали для обозначения ассоциаций взаимопомощи, объединявших и молодых и пожилых клириков, выходцев из какой-либо одной местности, говоривших на родственных диалектах. Этот термин мы находим, однако, в составленном во время правления Филиппа Августа «Похвальном слове» Турени, там, где его автор дает описание Парижа — города, вознесшегося над всеми другими городами «по причине своих ратных подвигов и благодаря господству над нациями». Возможно, термин появился естественно под пером туренского каноника — автора этого полного и точного «Описания Туренской провинции», знавшего о существовании в славившейся своими школами столице подобного рода национальных студенческих ассоциаций. Однако если учесть, что автор использует это слово в рассказе о городе, который для него был «королевским стольным градом», не следует ли предположить, что он мог иметь в виду и то, что возглавивший в 1155 году союз за общее примирение монарх объединил под своей эгидой различные народы королевства? В том же году другой ту-

ренец, — а может быть, и тот же самый, — написал на очень правильной латыни другой текст, на котором мне бы хотелось ненадолго остановиться, поскольку он показывает, как одна из народностей Галлии представляла себе свою историю и обрета- теля национального самосознание.

Текст этот адресован опять же Генриху, только что став- шему королем Англии. Автор не принадлежит к королевскому окружению. Он служит малолетним сиротам — сыновьям сира Амбуаза, который сражался за графа Анжуйского, как подо- бает доброму вассалу, но его предали, он потерпел поражение и погиб в плену у графа Блуа. Его наследникам грозит серь- езная опасность: враги собираются лишить малолетних на- следников их исконных наследственных владений. Плантаге- нет являлся сеньором их фьефа, и ему надлежало встать на защиту сирот. Чтобы побудить его к этому, кто-то из искусен- ных в письменном деле, видимо, родственник, взялся напо- мнить Генриху историю этого небольшого вассального владе- ния, входившего в его княжество. В своем повествовании автор описывает подвиги мужественных воинов, много веков защи- щавших эти земли. Для нового короля он прослеживает «всю родословную сиров Амбуаза», показывая, «в какое время и каким графом» из числа его собственных предков «они были посажены за их заслуги на эту землю». Подчеркивается все то, что тесно их связывало с родом самого Генриха, а также вы- текающие из такой многовековой связи взаимные обязанности обоих родов. Рассказ строится, таким образом, как параллель- ная история многих поколений вассалов и их сеньоров. В нем подробно освещены все те преимущества, которые получали и все еще получают графы Анжуйские, имея в графстве замок Амбуаз и объединенное им сообщество. Текст изобилует цита- тами из Цицерона и представляет собой дифирамб «дружбе» между вассалами и сеньорами, в которой сочетаются ради общего блага *viritus* — сила графов и верность им местных сиров.

Наш анонимный автор начинает свое повествование с «крат- кого описания положения амбуазского “оппидума”» (укре- пленного поселения римлян). Он использует все, что смог найти в Туре, в богатейшей библиотеке того времени. Тут и написан- ное Ратбодом «Жизнеописание Святого Мартина», и «Под- виги Римлян» Годфрида де Монмута, и история франков, по- служившая Гуго из Флёри. Но не ограничиваясь пересказом письменных источников, он выступает и как очевидец, описы- вая развалины древних строений, остатки стен, каменных из-

ваяний, давая толкование местных их названий, в которых сохранилась память о римлянах. Естественно, отправной точкой труда становится Рим. Это Цезарь, пишет он, решил расположить на крутых берегах Луары опорный пункт своих операций по завоеванию Галлии, которые он вел в ее западных областях против таких городов, как Тур, Ле-Ман, Анже, а также и против Арморики. Он изображает Цезаря создающим как бы прообраз современного вида Амбуаза и его окрестностей: деревянный мост, несколько хижин для слуг у подножия холма, господское жилище, подобное всем княжеским резиденциям XI века, — деревянный жилой дом с залой в каменной пристройке, башня, увенчанная, словно боевым знаменем, изваянием бога Марса, которое впоследствии было низвергнуто Св. Мартином. От этого первого поселения, относимого автором к золотому веку языческой античности, ничто не сохранилось в целости. Автор отмечает, что нашествия все новых завоевателей стерли древний Амбуаз с лица земли. Конец несчастий Амбуаза автор связывает с именем нового героя-основателя — доброго и боголюбивого короля Артура, — не для того ли, чтобы снискать благосклонность Генриха II? Артур появляется в этой истории через 47 лет после переселения бретонцев, приведшего их на Арморикский полуостров. Король явился освободить от ига римлян народ Галлии, охотно принявший его покровительство. Неподалеку от Парижа Артур убивает в поединке командира римских легионеров и овладевает городом, несомненно уже известным как главный город страны, — это следует из данного и цитированного мною выше текстов. Здесь Артур празднует свою победу и коронуется, чтобы затем приступить к разделу завоеванных земель между своими соратниками. Анже и Турень Артур отдает своему сенешалю — это место в рассказе должно было понравиться Плантагенету, метившему одно время на высокий придворный пост в Париже. Ему должно было понравиться и то, что король франков изображен в рассказе как фигура второстепенная рядом с королем Артуром, лишь как человек, сопровождающий его и помогающий ему. «Он был его наилучшим другом», — отмечает все же автор, что существенно для текста, восхваляющего чувство дружбы. Так это или нет, но после ухода бретонцев освободительную войну против римлян продолжили франки. Они перенесли ее ближе к Анже, все более разрушая «дом римлян» и наконец пришли к Амбуазу. Здесь жила одна женщина, предком которой с отцовской стороны был один из воинов короля Артура, а по материнской линии

она являлась наследницей римлянина — первого владельца этих мест. Поклонница Св. Мартина, она усыновила Хлодвига после смерти двух своих сыновей и передала ему все права на свои владения. Так, «с той поры и до времен Карла Лысого амбуазская крепость стала владением короля франков». Вот какое место отводилось коллективной памяти в тех краях франкам, «ведущим свой род от троянцев», в их противопоставлении и римлянам, и бретонцам.

Здесь в повествование автор вставляет генеалогию королевских родов, от Меровингов и Каролингов до Капетингов и Людовика VII, завершая рассказ рассуждением о только что закончившемся неудачном крестовом походе и коварным намерением на Раймонда Антиохийского и его племянницу Алиенору, о которых лукавый автор «не желает ничего добавить», ибо своим поступком они опечалили весь люд христианский. Он отмечает, что «поражение есть плод обычной франкской заносчивости». Надо иметь в виду, что для жителей Амбуаза середины XII века их главные враги — граф Блуа и стоящий за ним король — представлялись более франками, чем все прочие, и при этом франками порочными. Действительно, в таком сжатом изложении истории королей отмечен перелом, который автор относит к последним годам правления Карла Лысого. После него, пишет он, наступил упадок, и Людовик «Ленивый», как он его называет, склонился перед норманнами. До времен Карла Лысого франки вызывают восхищение, а после него достойны лишь презрения. И этот перелом представляется как прямое следствие того, что мы называем феодализацией: в местах, о судьбе которых повествует автор, в последние годы IX века стала властвовать династия графов Анжуйских, а позднее и поставленный ею в Амбуаз род местных сеньюров. Так раздробилась «франкская родина», теперь она состояла из феодалов, арьер-феодалов с соответствующим переплетением власти и, если можно так выразиться, таким же переплетением национального сознания.

Заметим, однако, что амбуазцы продолжали гордиться своей принадлежностью к франкам. В излагаемом нами тексте всякий раз, коль скоро речь заходит о славных делах или высокой культуре, автор тут же ссылается на *populus francorum* — народ франков, доблестно сопротивляющийся любой агрессии. В сочинении каноника из Тура *Мартинополиса*, города Св. Мартина, первого покровителя франков и соперника Св. Дени, бегло, крупными мазками набросана картина истории раздела Галлии между различными этническими груп-

пами. Автор выделяет три народа, не считая бретонцев. «По преданию, — пишет этот эрудированный человек, — римляне были вытеснены из королевства силою готов и в то же время — доблестью франков. Именно от франков, а затем и от даков и суевов, оттеснивших франков и завладевших Нормандией и большей частью земель между Сеной и Луарой, происходят все благородные семьи этого королевства. Разгромив и убив короля готов, франки разрешили многим готским вождям, с которыми они договорились о мире и согласии, господствовать в Аквитании, признав себя вассалами сеньоров-франков и повинувшись им. И заключая с готами браки, они смешались с ними». Так автор доказывает превосходство франков, населявших Турень, над франками Пуату. Граница с Пуату проходит рядом — всего в нескольких лье к югу, и отмечена она цепью рукотворных курганов. По преданию, эти курганы были насыпаны еще Хильдериком для обозначения рубежа между двумя народами. Со своей стороны, франки Турени столь же решительно твердят о своем отличии от «иных франков», от тех, которых можно встретить сразу же, как только двинешься из Тура к Орлеану.

Просвещенные люди на берегах Луары помнили, что Карл Лысый превратил Турень и Анжу в бастион, прикрывавший его от набегов соседних народов: от аквитанцев — этих полукровок, метисов и уже потому — подлых изменников, от бретонцев и новых пришельцев: северных пиратов-язычников. Для того он и населил эти места самыми чистокровными франками. Поэтому, когда граф Анжуйский начинал искать первого графа в своем роду, он обращал свой взгляд к Карлу Лысому: ведь еще в 1096 году Фульк Решен, диктуя писцу поминальный список предков, выводил свою родословную от того самого Энгельгериуса, который «первый был пожалован королем франков, настоящим королем, — уточнял он, — не тем, кто ведет свой род от безбожного Филиппа, а прямым потомком Карла Лысого». Что же касается графской генеалогии, приведенной в рассматриваемом тексте, то в нем отмечено: первый держатель феода переехал сюда из самого сердца Франкии — из Орлеана и стал владельцем каменных укреплений Амбуаза благодаря удачной женитьбе, а вовсе не по милости своего сенъора. Однако, рисуя генеалогическое древо графов Анжуйских, достойный составитель этой хроники, движимый стремлением подвести ее начало к IX веку и Карлу Лысому, отодвигает это начало на два поколения. Он дает Энгельгериусу деда — коренного местного жителя, потомка армориканцев, оттеснен-

ных в ланды и лесные заросли нашествием бретонцев. Этого лесного аборигена Карл Лысый и назначает своим лесничим «в тот год, когда изгнал он нормандцев из Анже». У аборигена был сын от случайной связи. Тут надо сказать, что всякий раз, когда у князей XII века, отстаивавших свою самостоятельность, находились хоть какие-то воспоминания об их предках, из глубин туманного, наполовину вымышленного прошлого появлялась, чтобы встать против идеологов господства Капетингов, фигура какого-либо странствующего рыцаря. В нашем случае он принимает облик воина одной из дружин, созданных королем франков для противостояния нормандцам. Он становится «человеком короля». Король женит его и обустроивает близ Орлеана. Это место текста, явно предназначенное для того, чтобы угодить графу Анжуйскому Генриху Плантагенету, становится обращенным к нему призывом чувствовать себя франком, но франком-мигрантом, связанным своими самыми дальними предками с землями Арморики и облеченным правом держать там в подчинении бретонцев.

Графы Анжуйские, утвердив свое господство над землями, которые, по словам Фулька Решена, «были ими вырваны из рук язычников и защищены от посягательств иных графов-христиан», смело повели борьбу сразу на трех фронтах, соблюдая верность королю франков. Однако, когда он стал слабеть, сама эта смелость дала им возможность смотреть на короля с чувством снисходительного превосходства. Именно так изображен здесь Годфрид Гризгонель, королевский сенешаль, ставший в силу своего положения покровителем ослабевшего сеньора, как Вильгельм из «Коронации Людовика». Тогда же графы Анжуйские и посадили в замке Амбуаз предка нынешнего сира, тоже уроженца добрых орлеанских земель, женив его на богатой наследнице, подобно тому, как в свое время поступил с их собственным предком его сеньор. Отметим, что, дойдя в своем рассказе до начала XII века и введя в изложение четвертого противника графа Анжуйского — графа Блуа, автор этой апологии начинает пользоваться словами *francus* (франки) и *galtus* (галлы), только говоря об этом графе. Против него сплачиваются в некое, более узкое по своему охвату, национальное сообщество рыцари анжуйского княжества, в число которых входят, выделяясь в небольшую группу, и амбуазцы, которым покровительствовал и которых водил в бой владелец Амбуазской крепости.

Позволительно усмотреть в том, как ведется рассказ об истории этого кантона и его сеньорах, проявление присущего

очень многим людям во Франции того времени чувства, и, можно думать, аналогичным образом формировавшегося повсюду, в условиях продолжавшегося феодального дробления, чувства принадлежности к одной родине, служить которой — дело чести и ради которой, говоря словами Иоанна Солсберийского, каждый добрый рыцарь должен быть готов и кровь свою пролить. В некоторых южных областях королевства — Руэрге, Жеводане — эта родина ассоциировалась, видимо, с соответствующим диоцезом, где в прямое продолжение институций мира Божиего завязывались узы действительной солидарности в борьбе с бесчинствами наемников-рутьеров. В других местах эта родина замыкалась в рамках сеньории местного барона и брала начало от стен ее главной крепости, от которой зависели окрестные фьефы и где правил последний представитель рода исконных защитников этих земель. В таких эмбрионах национального чувства заключалось что-то одновременно и воинственное, и династическое, они возникали как плод двоякого рода памяти — памяти об одержанных на протяжении веков победах и отбитых нападениях в боях под тем же знаменем, какое было теперь в руках у господина, и о тех, кто из поколения в поколение передавал это знамя: отец — сыну, дядя — племяннику. Эта память сохранялась в родовых преданиях, что рассказывали обычно у могил усопших предков.

У высшей аристократии XII века постепенно сложился обычай располагать гробницы предков в одном месте, подобно гробницам королей, собранным в Сен-Дени. В 1096 году Фульк Решен признавал, что ему неизвестны места захоронения его дальних предков, а ближние были похоронены в самых разных местах. Однако утвердившееся позже устройство всего и вся в государстве по королевскому, иначе говоря, династическому, образцу привело к приближению усыпальниц сеньоров к местам проведения заупокойных литургий. После 1119 года в аббатстве Сен-Бертен был основан некрополь графов Фландрии, а несколько позднее 1133 года в коллегиальной церкви Монса — некрополь графов Эно. В 1157 году граф Шампанский решил перестроить молельню своего дворца в городе Труа в коллегиальную церковь, чтобы быть в свой час похороненным в ней. Граф поставил ее под покровительство Св. Этьена (Стефана), именем которого были названы многие его покойные родственники, и в том числе наиболее известный из них, ставший королем Англии. Там же были погребены и все его по-

томки. В те же времена на собранных таким образом в одно место гробницах предков стали помещать различные знаки и изображения с целью сохранить на века славу династии. Ранее надгробие обычно служило свидетельством христианского смирения усопшего. В аббатстве Сен-Дени Людовик VI покоится под простым надгробным камнем. Но уже надгробная плита Годфрида Плантагенета украшена эмалевой пластиной с изображением отца короля Генриха. Он изображен живым, стоящим во весь рост, с мечом, символом правосудия, в руке. Вдова Людовика VII пожелала покрыть все надгробие своего мужа золотыми и серебряными украшениями с драгоценными камнями. Эта роскошь составляла резкий контраст со строгим и суровым обликом цистерцианского храма, где находится гробница, но была в полном согласии с великолепием райских чертогов горнего Иерусалима, где пребывал, по мысли новых идеологов королевской власти, христианнейший король. В эти же годы на могилах усопших членов королевского дома и князей появляются первые *жизаны* — надгробные памятники в виде лежащей фигуры, представляющей собой облагороженное скульптурное изображение брэнной плоти умершего, исполненное подобно статуям святых, пророков и ветхозаветных царей, установленным у входов в соборы. При этом, если святые и цари изображались стоящими в рост, то *жизаны* показывали усопших так, как лежит бездыханное тело на смертном одре в день церковной тризны, словно бы вкушая сон в ожидании Страшного Суда. В церкви Св. Этьена в Труа находилось такого рода изваяние умершего в 1181 году Генриха, прозванного Щедрым. Его можно было видеть через просветы, устроенные в стенках сделанного из серебра и золоченой бронзы саркофага, не уступавшего по своей красоте гробнице короля Франции, приходившегося Генриху шурином и тестем. Рядом, на высокой надгробной плите — лежащая фигура. Это скульптурное изображение Тибо, его наследника, умершего 20 годами позже, когда он, замещая короля, готовился возглавить четвертый крестовый поход. Гробницу Тибо словно бы держит на своих плечах вся слава династии — по обеим сторонам гробницы расположены 11 серебряных статуэток, изображающих наиболее известных представителей рода, ближайших родственников покойного. Среди них — три короля: король Наварры — шурином Тибо, король Франции — дед, и король Англии — его двоюродный дед. Это свидетельство того, что в самый разгар подрывающего монархию феодального дробления королевская власть не потеряла своего неоспоримого

престижа. При этом, однако, столь ревностное отношение к памяти о венценосных предках объяснялось и стремлением опереться на этот престиж, отстаивая удельные права княжеских династий в их противостоянии тому, кто владел короной в данный момент.

Ко второй половине XII века относится расцвет в кругах высшей аристократии Северной Франции довольно специфической литературы — династических хроник, от которых к нашему времени сохранилось очень немногое. В хрониках рассказывалось то, чего не могли поведать надгробия. Выходя за рамки памяти, придворные эрудиты, которым поручалось ее зафиксировать, составляли на латыни литургии и церковные премудрости, монументальные семейные хроники, без колебаний ставили у истоков рода мифический, вымышленный персонаж некоего героя — основателя, юного искателя приключений времен начала феодализации, который появляется в этих преданиях, для того чтобы, женившись на наследнице, завладеть ее землей. Такая жена «вливала» в род королевскую кровь; оставалось лишь доказать, что та же кровь течет ныне в жилах сеньора. Впрочем, действительно, родословные почти всех благородных семейств были настолько тесно переплетены между собой благодаря брачным связям и вопреки запрету кровосмешения, что любой из таких родов, начиная с самих Капетингов, мог считать Карла Великого своим далеким предком и кичиться этим. Для семейства важно было обнаружить такое родство и заявить о нем в нужный момент: как раз тогда, когда оно начинало чувствовать, что экспансия монархии становится угрозой его интересам. Бодуэн, граф Эно, отправил своих людей найти в библиотеках Сен-Дени, Труа и Клуни и привезти ему копию жизнеописания Карла Великого, которую приписывали перу епископа Тюрпена. Г. Шпигель нашел шесть переводов этого латинского текста, сделанных между 1200 и 1230 годами в землях, граничащих с Империей, — для графини де Сен-Поль, сестры графа Бодуэна, для верховного судьи Фландрии, для сира Бетюна и для Рено де Даммартена, графа Булони. В предисловии к сочинению обрисован сам Карл Великий, которого Бодуэн считал своим предком. Он предстает здесь как рыцарь, наделенный всеми достоинствами этого сословия, как образец таких достоинств для всех, сетующих на упадок рыцарства. Тогда-то, в XII веке, в то время, когда росла мощь Капетингов, ученые люди при княжеских дворах вспоминали и взялись напоминать, государям в угоду, что Гуго Капет — узурпатор, короновавшийся незаконно, и повсюду заго-

ворили об известном пророчестве Св. Валери. Эту историю молва относила к 1040 году, когда Гуго Капет, тогда еще не король, а франкский герцог, по просьбе святого перенес его мощи из аббатства Сен-Бертен в Монтрёй-сюр-Мер. В благодарность за это Валери якобы обещал ему королевскую корону, сказав, что корона остается и у его потомков до седьмого колена, то есть вечно: число семь в символике чисел означает бесконечность. Но люди из окружения князей, претендентов на корону, стали старательно пересчитывать колена. Еще в период правления Людовика VI Ордерик Виталий записал: «До него уже царствовали четыре Капетинга». А позднее, перенося начало отсчета с Гуго Капета на его отца — Гуго Великого, стали считать Людовика VII седьмым королем Капетингом. Получалось, что с его смертью предсказание сбудется, время узурпации кончится и корона должна вернуться к ее законным владельцам — прямым потомкам Карла Великого. Все это непосредственно затрагивало сына короля Франции. Ему предстояло либо уступить свой трон, — а именно так, может быть, думал одно время граф Фландрии Филипп Эльзасский, — либо стать новым Карлом Великим, чего наверняка ожидал от него другой потомок Карла — Бодуэн де Эно, его тесть. Монах подвластного Бодуэну Маршьеннского аббатства Андрэ восславил Бодуэна за то, что он, по сути дела, возродил каролингскую династию, дав согласие на брак своей дочери с юным королем Филиппом.

XI. ФИЛИПП АВГУСТ

Филипп II, о котором идет речь, известен как Филипп Август. Августом короля назвал еще при его жизни монах Ригор, прибывший из южных областей королевства, чтобы в аббатстве Сен-Дени завершить (к 1196 г.) свой труд — историю правления Филиппа II. Именуя короля Августом, Ригор уподоблял Филиппа Цезарю, восхваляя прежде всего за то, что он *augebat rem publicam* — увеличил государство. Действительно, к этому времени Филипп уже присоединил к королевскому домену земли Вермандуа, но королю предстояло еще шире раздвинуть пределы домена и за срок, оставшийся ему до смерти, окончательно сломить сопротивление непокорных феодалов.

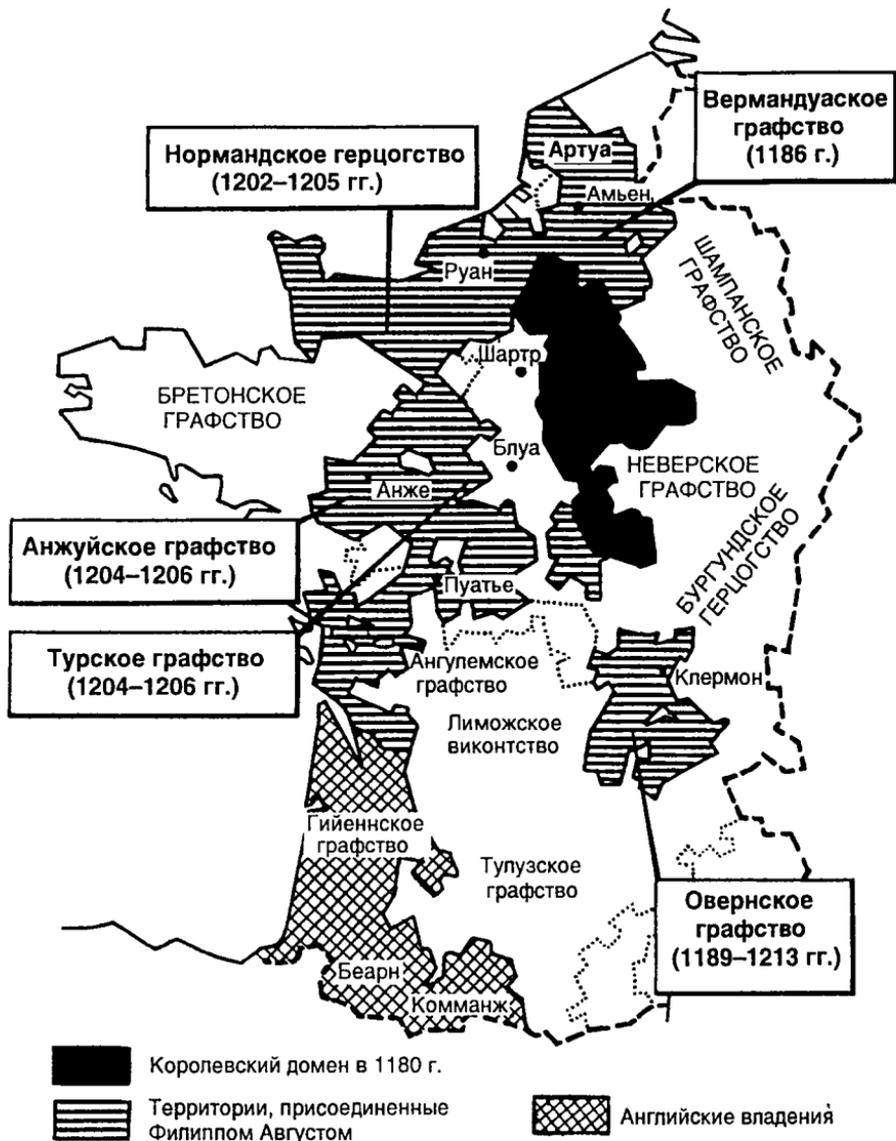
Мальчик с буйной шевелюрой принял миропомазание 1 ноября 1179 г. в день Всех Святых. Ему только что исполнилось 14 лет. Он был единственным сыном Людовика, и на протяже-

нии последних семи лет церковные иерархи молили короля как можно скорее приобщить наследника к трону. Король, наконец, объявил епископам и баронам, собравшимся в Париже, что церемония миропомазания состоится 15 августа — в день Успения Богородицы. Между тем будущий король заблудился на охоте в Компьенском лесу, где его нашли лишь на третий день едва живым. Не приберет ли Господь долгожданного наследника? Взяв посох паломника, убитый горем Людовик отправился к гробнице Фомы Бекета, которого он когда-то защищал от гнева Плантагенета, с намерением молить мученика о даровании наследнику здоровья. Св. Бекет внял его молитвам. А Св. Дени, поклониться мощам которого король пришел по возвращении из Англии, ниспослал Филиппу еще одну «милость»: наслал на его отца паралич. Людовик VII прожил еще год. Но в делах он более не участвовал.

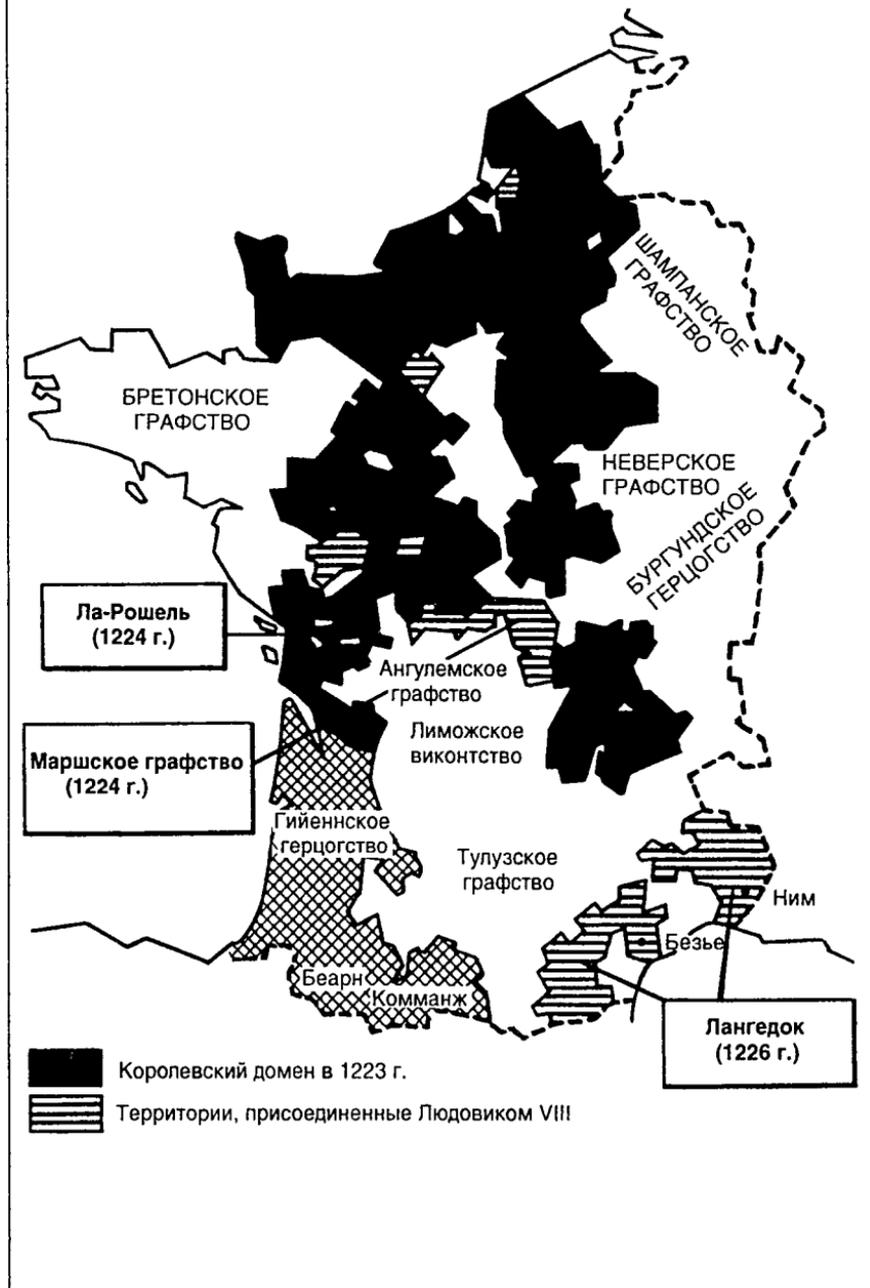
По понятиям того времени, Филипп уже достиг совершеннолетия, но он был единственным сыном, а в его возрасте в те времена часто умирали — и на охоте, и во время упражнений с оружием. К тому же в таком возрасте подростки не обладают достаточной зрелостью, во всяком случае для того, чтобы не поддаться влиянию старших родственников и тех, кто принес оммаж и вошел в состав королевского семейства. На обряд помазания в Реймсе собрались великие государи: меченосец граф Фландрии, граф Эно, юный Генрих — король-соправитель Англии, представлявший своего отца, приславшего богатые подарки, четверо дядьев — графов Шампанских, братьев королевы-матери, которым положено было стать покровителями своего племянника, архиепископ, совершавший обряд помазания, граф Генрих Щедрый, граф Блуаский и Шартрский Тибо — сенешаль Франции и граф Сансера Этьен. И все они надеялись повлиять на юного короля в своих интересах. Ради такой возможности фламандец Филипп Эльзасский, не имевший детей, предложил королю в жены свою племянницу Елизавету, порвав прежнюю ее помолвку с женихом из рода князей Шампанских.

Однако такие политические ходы сталкивали великородных между собой. И скоро они заметили, что юный Филипп по своему характеру не очень-то расположен к послушанию. Сразу же после коронации он показал, сколь решительно способен действовать, захватив замки, входившие в ту часть отцовского наследства, которая должна была перейти к его матери. С изрядной ловкостью Филипп использовал в своих интересах дядьев из Шампани против графа Фландрии. Столь же умело

ФРАНЦИЯ ПРИ ФИЛИППЕ АВГУСТЕ. 1180–1223 гг.

ФРАНЦИЯ ПРИ ЛЮДОВИКЕ VIII. 1223–1226 гг.

король действовал и в 1184 году, когда собрал в Санлисе церковный собор, чтобы аннулировать свой бесплодный брак под предлогом кровного родства жены, хотя это был всего лишь запугивающий маневр: Филипп не стал разводиться с молодой королевой, бывшей ему полезной. Три года спустя она родила королю столь необходимого наследника. И от имени этого сына, после смерти Елизаветы, Филипп завладел богатыми провинциями Артуа, Вермандуа и Амьен, которые были даны ей в приданое ее дядей и теткой. Так «увеличив государство», он смог выступить против враждебной ему коалиции феодалов.

В этой борьбе Филипп располагал двумя козырями. Во-первых, он мог теперь использовать недавнее укрепление рыцарской морали, краеугольным камнем которой была верность. Старый король Генрих Плантагенет, истинный рыцарь, доказал свою верность юному сюзерену, отказавшись подкрепить своими силами коалицию князей. А его поддержка могла бы иметь решающее значение. Во-вторых, и это главное, Филипп мог рассчитывать на гораздо большую неколебимую верность воинов королевского дома, ставших ему надлежащей опорой, благодаря которой он смог преодолеть первые препоны на своем пути. Это его окружение — «семья», унаследованная от отца, резко отличалась от разношерстного сборища фанфаронов и шутов, составлявших двор мужа Алиеноры. Здесь все были людьми надежными, умелыми, как конюший Робер Клеман, как постельничий Готье, на смену которым со временем приходили их сыновья. Филипп сумел удачно дополнить эту команду, включив в нее после крестового похода вернувшихся с ним неподражаемых бойцов, таких как Бартеlemi де Рой, шевалье дю Вермандуа, Гильом де Барр, Матье де Монморанси. В свою дворцовую церковь Филипп призвал молодых грамотеев: Андрэ, получившего образование при дворе графа Шампанского; Вильгельма, приехавшего из Бретани учиться в школе Манта, а затем Парижа, и, наконец, брата Герена, госпиталяера — «специального советника короля Филиппа, занявшего свой пост благодаря разумению в делах королевского дворца и за свой несравненный дар советчика; он вел дела короля и заботился о нуждах церкви так, как если бы был вторым в государстве после короля». Филипп относился к этим людям по-отечески, был добр и щедр, оделяя их должностями, деньгами, драгоценными камнями. Воинов король жаловал ленными владениями, конфискованными в захваченных провинциях, и женил на богатых наследницах. Клирики получали от него доходные и богатые приходы, а особенно отличившихся среди

послуживших ему — либо их самих, либо сыновей их родни — он вознаграждал саном епископа. Так, Герен стал епископом в Санлисе, племянник Бартелеми — в Эврè, сыновья Готье заняли кафедры в Нуайоне, Париже и Мо, а сын Робера Клемана — в Сансе. Сражаясь и молясь, верша суд, ведя счета и записи, проверяя сметы расходов на строительство городских стен и башен, эти верные слуги короля завершили в период между 1190 и 1200 годами создание костяка военной и административной организации, придавшей монархии неодолимую силу.

Но для современников короля, воздававших ему за все это хвалу, мощь королевства была прежде всего результатом благоволения Господа. Бог воздавал Филиппу за то, что он свято исполнял обеты, данные при помазании. Именно это Ригор стремится показать в своем сочинении. Вильгельм Бретонец, сменивший Ригора в роли королевского историографа, рассказывает о короле, благословляющем свое войско перед битвой при Бувине, в которой он одержал победу как защитник Святой Церкви. Но в действительности во всем, что касалось сакральности, главное было сделано еще Людовиком VII. Филипп унаследовал от него свое главное оружие — полнейшую преданность Галльской Церкви. Он мог позволить себе не уделять излишне много времени церковным обрядам и даже пренебречь гневом папы, когда тот — в качестве верховного блюстителя нравственности королей — безуспешно пытался заставить его соблюдать брачные законы.

Дело в том, что 15 августа 1193 г., на следующий день после свадьбы, Филипп изгнал свою вторую супругу, сестру датского короля Ингебургу. Ригор пояснил: «Король, будучи околдован», не смог лишиться девственности свою жену. От первого брака он имел сына — единственного и нездорового ребенка. Для благополучия династии необходимо было рождение других мальчиков, а потому требовалась другая жена. Для нового брака необходим был законный развод, расторжение только что заключенного союза. По закону кровнородственный брак считался недействительным. В Компьене, перед собранием епископов и баронов под председательством архиепископа Реймского, дяди короля, выступили 15 свидетелей (из коих 12 были из дома Филиппа) и клятвенно подтвердили, что он приходится троюродным братом Ингебурге. Это было лжесвидетельство, но оно позволило Филиппу жениться в третий раз, и епископы торжественно благословили новый брак. Однако новый папа Иннокентий III в 1198 году осудил короля Фран-

ции за двоеженство. Папский легат не решился довести дело до отлучения Филиппа от Церкви, хотя и наложил интердикт на все королевство, что было чрезвычайно суровой санкцией. Но в двух третях от общего числа епископатов, зависевших от короля, интердикт проигнорировали. Филипп устоял и продержался 15 лет. Папе пришлось легитимировать двух его детей, рожденных в несправедливом браке. Он уступил перед лицом ставшего столь прочным в период правления Людовика VII союза королевской власти и епископата. Следуя добрым советам, сын христианнейшего короля остерегся нарушить действие сложившейся при Людовике системы, безотказность которой давала ему возможность беспрепятственно ставить своих друзей на епископские кафедры. В дела парижских школ король не вмешивался, если не считать тех случаев, когда ему приходилось улаживать конфликты между школярами и горожанами. Расцвет этих школ продолжался по-прежнему, а университет, естественно развиваясь благодаря поддержке со стороны папы, своим блеском подкреплял блеск золотолилейной монархии.

Справедливо утверждение, что Филипп с первых своих шагов всю мощь королевской десницы поставил на службу Церкви. Он начал походы, отправившись в Маконнэ для завершения умиротворения, предпринятого его отцом. Но Ригор ставит ему в заслугу прежде всего то, что, приступив к делам, он прежде всего очистил королевство от всяческой нечисти и скверны. И начал он с Парижа — своего города, положив конец зловонию и уличной грязи. С Кладбища невинных были изгнаны торговцы и проститутки. Оно было обнесено стеной, а для торговли построили крытый рынок. Порочных проповедников, распространявших ложные учения в центре Парижа — ситё, отправили на костер. Огнем и мечом король наводил порядок. И не стеснялся нанимать для того разбойников-рутьеров, о чем восхвалявшие его старательно умалчивали. Зато не упускали они случая рассказать о ликвидации бандитов-«брабантцев». Королевские милиты — стражи мира — устроили настоящую резню в Берри, в Ден-ле-Руа, убив, по рассказам, более 10 тысяч человек, и в том числе «от пятисот до девятисот продажных женщин, с которых сняли драгоценностей на баснословные суммы». Филиппу приписали инициативу проведения этой очистительной акции.

Но, пожалуй, самую большую славу Филиппу принесло то, что он еще крепче прижал евреев. Его отец, хорошо сознавая свои королевские обязанности, оказывал евреям покрови-

тельство. «Из уважения к отцу», — пишет Ригор, — Филипп сдерживался, умеряя свой пыл. Тем не менее, еще до кончины отца, в 1180 году, он приказал схватить всех евреев прямо в синагогах и не выпускать, пока те не уплатят ему сумму, равную, по свидетельствам английских летописцев, 31 000 парижских фунтов, то есть в полтора раза большую, чем весь годовой доход с королевского домена. Рассчитывая на всеобщее одобрение, которое должно было помочь смягчению горечи, оставленной чередой поражений крестоносцев в священной войне, он аннулировал все долги христиан евреям и изъяс в казну треть от предоставленных евреями кредитов. Затем король взялся изгонять этих «богоубийц», конфискуя их дома. Но вскоре разрешил евреям вернуться, чтобы обложить их умеренным налогом, не мешавшим им разбогатеть сызнова. Доход казны с этого налога в 1202–1203 годах составил всего один процент от всех поступлений. Так постепенно отработывались методы рационального использования еврейских богатств. Более века путем чередования периодов покровительства евреям с годами грубых притеснений обеспечивалось неофициальное пополнение казны крупными суммами. Ордонанс 1206 года распространил на все королевство порядок, действовавший в отношении евреев в герцогстве Нормандском, и нажим на них еще более усилился. Ордонанс ограничивал ростовщический процент двумя денье с фунта в неделю, то есть 43 процентами годовых. Важным было то, что в каждом городе вводились должности кредитных контролеров, главная задача которых состояла в том, чтобы точно определять суммы, скапливающиеся в сундуках евреев-ростовщиков.

За усердие Филиппа вознаградило Провидение: ему, как и его предшественникам, было дано принять участие в опасном походе в Святую Землю. Как только в Европе стало известно о разгроме крестоносцев у Тивериадского озера и о падении Иерусалима, раздались призывы начать новый поход. В январе 1188 года в Жизоре Генрих Английский и Филипп Французский, совершив целование, поклялись вслед за Фридрихом Барбароссой возглавить новый крестовый поход. Для подготовки экспедиции они договорились обложить своих подданных специальным налогом — «саладиновой десятиной». Филипп отправился в Святую Землю в 1190 году. Королева умерла незадолго до этого, оставив ему трехлетнего сына. Король шел на огромный риск. И этот шаг заставляет думать, что Филипп, которого впоследствии называли расчетливым и хитрым человеком, действительно ставил служение Господу на первое

место, выше политики, и что по этому пути его вели вера, надежда и милосердие. Разумеется, туда же направился и Ричард Львиное Сердце, новый глава дома Плантагенетов. Его сопровождали все феодальные властители королевства. Перед тем как пуститься в путь, Филипп принял необходимые предосторожности. Он составил завещание — первый письменный документ, определяющий порядок перехода власти в королевском доме, — которым установил, как в его отсутствие будет управляться королевство. А в том случае, если ему не суждено вернуться, — каким образом обеспечить «действие королевской власти, долг которой делать все возможное для блага подданных, ставя общественное благо выше пользы частной». Этим ордонансом вся власть, и публичная, и, особенно, судебная, была сосредоточена в Париже. Здесь раз в четыре месяца самые близкие кровные родственники короля, с королевой-матерью и его дядей по матери архиепископом Реймским «должны будут сообща выслушивать ходатайства людей королевства, примиряя спорящих во славу Господа и ради пользы королевства». Филипп оставил представлявших короля наместников, которым поручалось присутствовать на этих всеобщих собраниях-ассизах и «декларировать» о положении дел в своих землях. Тех, кого он назначал такими наместниками-бальи, передавая им на время войны часть своих прав, никто, ни королева-мать, ни архиепископ, не мог лишиться полномочий, кроме случая обвинения в каком-либо кровавом преступлении. Король расставил таких представителей «по всем своим землям, обозначая каждую ее названием, что было знаком признания их самостоятельности, чтобы эти люди ежемесячно вершили там праведный суд его именем, воздавая должное каждому и блюдя права короля, записывая суммы причитающейся королю доли судебных сборов». Филипп радел о правосудии, но и о деньгах не забывал. В каждой сеньории бальи должны были поручить прево отобрать четырех поверенных — «людей осмотрительных, законопослушных и пользующихся хорошей репутацией». Местные дела не должны были решаться без их совета. В Париже надлежало назначить шесть поверенных, и король отбирал их сам из числа горожан, самых богатых негоциантов и менял, умевших если не читать, то уж по меньшей мере считать. Ежегодно в день Св. Реми, а также на Сретенье и на Вознесение «все полученные в казну суммы налогов, сборов, особых платежей должны доставляться в Париж», и их надлежало помещать в надежном месте, за построенными по приказу короля крепкими стенами.

В Сирию Филипп попал через Сицилию. Из всех франкских королей он был первым, предпринявшим морское путешествие. Сражался король на Востоке мужественно, потеряв там свое здоровье. Но он вернулся. Вернулся спешно и, может быть, слишком рано. Иерусалим так и не был освобожден. Как рассказывает Жуанвиль, Людовик Святой был вынужден признать, что его деда осуждали за эту поспешность. В конце 1191 года в Сен-Дени король уже творит благодарственную молитву святому мученику — патрону аббатства за то, что он сберег королевство и сохранил его самого в трудном путешествии, из которого король намеревался извлечь все возможные земные выгоды.

А выгоды были немалые. Крестовый поход избавил его от главных соперников и в том числе от самого опасного из них — Ричарда Львиное Сердце, который оставался за морем еще три года, по-рыцарски воюя с мусульманами и проявляя чудеса храбрости, достойные самого короля Артура. Из всех трех королей, отправившихся за море, как некогда волхвы в Вифлеем, только Ричард продолжал борьбу. А затем, уже на обратном пути, он был захвачен германскими недругами, продержавшими его в плену много месяцев, требуя с каждым днем все большего выкупа за освобождение столь ценной добычи. Чтобы оправдать захват в заложники крестоносца, они ссылались на якобы совершенные Плантагенетом в Святой Земле насилия и измены. Подобные слухи множились, и, освобождаясь от илюзий, многие начинали видеть, что экспедиция в Иерусалим для богатых — не только дело богоугодное, но и средство наживы и источник удовольствий. Филипп использовал эти настроения с выгодой для себя. И как он когда-то нашел общий язык с Ричардом, интригуя против Генриха II, его отца, так и теперь он вступил в переговоры с братом Ричарда, Иоанном Безземельным, жаждущим получить хоть какие-то земли. А Филипп пообещал ему и Нормандию, и Мен, и Анжу, и Аквитанию — всё. Но сам он, между тем, захватил крепости вдоль Эпты в землях, прилегавших к его домену, и прежде всего крепость Жизор, самую опасную из них. Филипп спешил захватить все, что мог, поскольку Ричард должен был вернуться.

Этот выигрыш оказался недолговечным. Зато гибель в крестовом походе множества феодалов принесла королю долговременные выгоды. Вернулся он почти в одиночестве. Из крупных феодалов, отправившихся за море вместе с ним, мало кто остался в живых после сражения при Сен-Жан-д'Акр. Среди погибших были самые могущественные его соперники, в том

числе три брата — графы Шампанские и граф Фландрии, не оставивший наследников. Это дало возможность королю, имевшему право наследования владений покойной супруги, претендовать и на часть их земель. И здесь обнаружилась со всей очевидностью слабость княжеств как государств, складывавшихся одновременно с монархией. Возглавлять такое политическое образование должен был человек военный, владеющий мечом. Он же должен был стоять и во главе королевства. Но княжество оказывалось значительно более уязвимым в тех случаях, когда княжеский род вдруг лишался своего главы, как это произошло во время третьего крестового похода. И дело было в том, что все эти образования являлись фьефами короны. А король, стоящий в силу обычаев на вершине пирамиды вассальных зависимостей, оммажей, располагал множеством возможностей, позволявших ему либо овладеть таким княжеством, либо по меньшей мере устранить на какое-то время исходящую от него опасность.

К началу правления Филиппа Августа завершала свое становление юридическая система, теоретические основы которой заложил Сугерий. Она уже начинала действовать в 1169 году, когда на ассамблее в Монмирее Генрих Плантагенет, решивший произвести раздел своих владений между сыновьями Генрихом и Ричардом, привел их к Филиппу, трехлетнему мальчику, для совершения клятвенного обряда. Генрих должен был принести оммаж за Нормандию и Анжу, а Ричард — за Аквитанию. И кто бы тогда вздумал отрицать, что один лишь Капетинг, поскольку он — король, никому не обязан приносить свой оммаж? Принципы этой системы применили в 1185 году, когда к Филиппу перешли в Амьене епископские властные полномочия. С начала и до конца правления Филиппа служившие ему эксперты-правоведы помогали затянуть петли зависимости, опутавшие самые крупные сеньории королевства. По их советам при совершении ритуала ввода во владение княжеством, которое теперь стали рассматривать как фьеф, король должен был требовать представления ему поручителей, чтобы они, наряду с держателем феода, брали на себя определенные обязательства и клялись возмещать королю ущерб в случае невыполнения князем своих обязательств. После 1202 года сложился обычай требовать от арьер-вассалов, принимавших свой лен от крупного феодала, давать клятву на верность не только ему, но и прежде всего королю-сюзерену. Следуя советам герцога Бургундского, графа Неверского и некоторых других знатных людей, король, находясь у недавно возведенной в

Вильнев-сюр-Йонн башне, издал ордонанс 1209 года, определивший, что в случае раздела фьефа-лижа каждый из новых ленников должен приносить оммаж не главе дома, предоставившего ему часть владения, а напрямую — его сеньору с обязательством служить именно ему. Бароны понимали, что такой порядок выгоден и им; они примирились с его введением, но применяли его с большой неохотой.

Заметим, что феодальное право сформировалось в столь короткие сроки прежде всего потому, что владение фьефом превратилось в облагороженный способ обладания землей и определения наследственных прав на нее, а также потому, что все, связанное с передачей ленного владения из одних рук в другие, вошло в юридическую практику и стало одним из предметов судебного рассмотрения. Сколь бы ни восхваляли современники дружбу вассала и его сеньора, как бы они ни возносили преданность на вершину достоинств, присущих благородному человеку, постепенно клятва верности все более и более сводилась к чистой формальности, она не шла от сердца, а произносилась лишь затем, чтобы вступить во владение некоторым имуществом. Поэтому стало допускаться принесение вассальной клятвы вдовами и дочерьми, наследовавшими лен, хотя женщины и не могли нести военную службу. Да и само значение военного служения отходило на задний план. Однако король, несомненно, ожидал, что те, кто преклонял пред ним колена, придут сражаться с ним рядом. Дворцовым писарям было приказано составлять списки рыцарей, которым надлежало оборонять тот или иной «бург» или замок. «Ленные записи», хранившиеся в его архиве, содержали подробные перечни тех, кто в каждой провинции обязан был либо явиться по призыву в ополчение и служить в нем за свой счет 40 дней, либо откупиться от воинской повинности, связанной с ленными отношениями. Но в военных походах как частного, так и государственного характера король более всего полагался на преданность своих друзей, слуг, на умение своих наемных служителей. А от княжеств малых и больших, по отношению к которым король выступал как высший сеньор, крепя свою власть над ними, он ожидал в основном притока денег (сборы за передачу фьефа новому держателю) и политических выгод — возможности обращать себе на пользу дробление сильных родов.

Возможность такая действительно была, ибо сложившийся обычай ставил сеньора, предоставившего фьеф своему вассалу, в более выгодное положение относительно родственников

умершего ленника. Сеньор мог требовать установления своей опеки над несовершеннолетними детьми покойного и возмещения связанных с этим расходов вплоть до совершеннолетия сирот. Он имел право выдать замуж по своему усмотрению вдову покойного и его осиротевших дочерей. Этими правами Филипп пользовался в полной мере при каждом удобном случае и повсеместно с самого начала своего правления. Приведем пример: в 1181 году граф Неверский и Осерский умирает, оставив единственную дочь сиротой. В течение трех лет король опекает наследницу и присваивает все доходы ее сеньории. Затем он отдает ее в жены своему кузену де Куртенэ. Когда же она овдовела, король опять берет ее вместе с принадлежавшими ей двумя графствами под свою опеку и выдает замуж за Эрве де Донзи, взыскав, естественно, релъеф. Не забывает король и о ее единственной дочери от второго брака, которую бережет для своего внука, добившись от Эрве обещания не выдавать девушку замуж без согласия короля даже в том случае, если договор об обручении с внуком не приведет к браку. В 1201 году настал черед и Шампани попасть под тяжкое бремя опеки короля-сеньора в результате семейной трагедии. Похоронившая мужа графиня Бланка Наваррская, имевшая дочь, была на исходе беременности, и Филипп, стремясь упредить ход событий, согласился принять вдову как вассала под свое покровительство, поставив ей условие не выходить замуж и не выдавать замуж дочь без согласия короля и, более того, доверить ему воспитание будущего ребенка. В обеспечение выполнения поставленных королем условий, гарантами по которым выступили наиболее видные бароны Шампани, Капетинг наложил руку на две важные крепости. В жалобе папе Римскому, которую Бланка составила в 1215 году, она рассказывает, как однажды по приказу принца Людовика — старшего сына короля Франции — его рыцари и стражники ворвались в залу, где она сидела за столом со своим сыном, и потребовали денег. Ей пришлось спасаться, укрывшись в женских покоях, пока ее слуги не выставили ворвавшихся в помещение. Эпизод дает представление о том, как на деле осуществлялось королевское право опеки. Используя его, Филипп распорядился также и судьбой двух дочерей погибшего в Палестине графа Фландрии, и судьбой наследницы Бретани.

Отметим, что с помощью ленного права Филиппу удалось разрушить «империю» Плантагенета. Вернувшийся из плена Ричард счел себя свободным от клятвы верности предавшему его Филиппу и начал против него войну, продолжавшуюся пять

лет. В сентябре 1198 года Ричард рассылает победную реляцию народам всех своих земель. В этом случае мы вновь видим, как письменный документ становится орудием политической пропаганды, которая мелкий факт превращала в событие, использовала его, раздувая и преувеличивая его значение. «Близ Жизора, — пишет Ричард, — я сокрушил противника. Мост через Эпту провалился под тяжестью беспорядочно бежавших от меня французских рыцарей. Король наглотался речной воды, а двадцать его рыцарей пошли на дно. Копьем я вышиб из седла и захватил в плен Матье де Монморанси, Алена де Руси и Фулька де Гильваля, а с ними еще сотню ратников. Я вам сообщаю имена большинства плененных, а имена остальных, которых захватил Меркадье [один из командиров наемников-рутьеров], мне не известны. Пленных множество, взяты две сотни коней, из коих сто сорок — в стальной броне». Но Филипп не потерпел краха, он не был разгромлен при Фретвале, там произошла всего-навсего мелкая стычка. Тем не менее это было поражение, и поражение постыдное. Оно могло иметь очень серьезные последствия, если бы следующей весной не произошла другая случайность: Ричард был убит стрелой, выпущенной из арбалета. Законного сына он не имел, а претендовали на наследство двое: его племянник Артур, граф Бретани, сын самого старшего его брата, и Иоанн — самый младший его брат, который тотчас же захватил Нормандию и Англию. Для Филиппа это стало огромной удачей: он получил возможность действовать так, как действовал его дед Людовик VI во Фландрии, но гораздо эффективнее, поскольку нормы сеньориального права стали теперь более четкими. Он поспешил в Ле-Ман, взял под свою опеку малолетнего Артура, ввел его во владение графствами Мен и Анжу и увез с собою в Париж. И мальчика использовали как козырную карту в сложной игре, которую король повел против его дяди. В подходящий момент он отступился от мальчика, отобрав у него оба больших графства и передав их Иоанну Безземельному за огромную сумму, выплаченную в качестве рефльефа. При этом король дал согласие женить своего сына на Бланке Кастильской, племяннице нового союзника, чтобы скрепить заключенный мир. Главным для Филиппа было признание Плантагенетом своего положения как вассала, принесшего оммаж, и возможность оказывать на него давление всеми средствами, которые предоставлял ему феодальный обычай.

И вот через несколько месяцев против Иоанна в Пуату выступили два его вассала — Гуго, владелец Люзиньяна, и граф

Маршский, продолжатели традиции своих предков, непокорных властителей этих земель, которых еще в начале XI века герцог Аквитанский без заметного успеха пытался заставить хранить ему верность. Они поднялись против Иоанна, своего сеньора, по той причине, что тот забрал себе выгодную наследницу, ранее предназначенную в жены сыну одного из них. Это считалось вероломством, и обиженные стали искать суда праведного, обратившись к сеньору их сеньора, королю Франции. Подобная апелляция к высшим ступеням феодальной иерархии в обход промежуточных стала теперь делом обычным. Филипп не преминул принять жалобу и призвал виновного в Париж на королевский судебный совет, чтобы уладить спор. Иоанн не приехал, сославшись на то, что его вассальные обязанности действительны только в приграничье Нормандии. В ответ ему было указано, что его вызывают как герцога Аквитанского. Но Иоанн упрямылся. И тогда, в апреле 1202 года, совет собравшихся в Париже баронов Франции вынес свой вердикт. Отметив, что один из них, равных между собой, изменил своему долгу, уклонившись от участия в совете, бароны решили наказать его конфискацией всех феодалов, предоставленных королем. Бароны исходили при этом из вошедшей в обычай практики. Случалось, что какой-то сеньор, посчитавший себя обманутым своим вассалом, грозил отобрать у него и земли, и замок, но такие угрозы осуществлялись очень редко. И не было случая, чтобы подобную меру применили к целому княжеству.

Такая интерпретация норм обычного права, определявших прерогативы сеньоров, была подобна революции, но Филипп чувствовал себя достаточно сильным, чтобы принять суровое решение и осуществить его. И на этот раз в его расчетах главная роль отводилась Артуру. Со всей торжественностью он посвящает его в рыцари, и тот приносит ему оммаж за всю Бретань, которая становится, таким образом, вассальным феодалом королевства. Овладев Аквитанией, Филипп передаст и ее новоиспеченному рыцарю, имевшему на провинцию наследственные права, перешедшие от его бабушки, а также и Анжу и Мен, унаследованные от деда. Но не Нормандию, которая станет платой за все эти пожалования. Филипп хочет сохранить Нормандию для себя, и именно с нее он начинает расширение своих доменальных владений. Папе Римскому, к которому обездоленный король Иоанн обратился с жалобой на совершенную по отношению к нему несправедливость, и который намерен был вмешаться и рассудить спор, Филипп, под-

держанный епископами и баронами, приказал ответить, что речь идет о феодальных правах, о мирских делах, никак не касающихся Святого Престола, и что посредничество папы в таком вопросе было бы «унизительно для королевского достоинства». И когда распространился слух, что Иоанн в Руане собственной рукой умертвил плененного им племянника, король Франции счел это подходящим поводом для расширения своих владений. При поддержке знатных людей этих земель, возмущенных убийством, Филипп захватил графства Анжу и Мен, оставив, однако, управлять ими того же сенешаля, который замещал отсутствовавшего хозяина, лишённого наследственных прав за преступление. В своих действиях Филипп не решился выйти за пределы исконных франкских территорий. Слишком удаленное и, главное, чуждое франкам Пуату не было конфисковано. Но он оставил в своих руках Тур вместе с крупнейшим лакомым куском — герцогством Нормандским. Здесь уже не было более сенешаля, а появились королевские управляющие — бальи. Нормандия стала отныне частью королевского домена. Она была аннексирована совершенно законно — на основе кутюмов, а точнее — на основе права, ленного права.

Однако вероломный вассал не был уничтожен. В 1213 году Филипп сделал вид, что готов плыть за море, чтобы в самой Англии настичь Иоанна, которого к тому времени отлучили от Церкви за попытки изымать у нее слишком крупную долю доходов. Филипп продвигался со своим ополчением по фламандским землям, а в это время его противник, не жалея денег, старался восстановить против Филиппа графов Фландрии и Булони, а также и императора Оттона, германского короля. Рено де Даммартен, граф Булонский, был старым товарищем Капетинга, который собственноручно произвел его в рыцари. Но он принадлежал к числу тех честолюбцев из высочеродных семейств, которые, будучи слишком быстро подняты своим покровителем, забывают о прежней дружбе и начинают вести свою собственную игру. Разорвав брак с двоюродной сестрой короля ради женитьбы на наследственной владелице Булони, Рено перенял амбиции своих предшественников — графов, владевших этим крупнейшим портом на побережье Ла-Манша, гордившихся своим происхождением от самого Карла Великого и родством с Готфридом Бульонским. Граф предал короля, и у Филиппа дружеские чувства к нему сменились смертельной ненавистью. В 1211 году совет королевства принял еще одно решение о конфискации. Оно относилось к крупной сеньории

Мортена, которую король незадолго до того, овладев Нормандией, передал Даммартену. На следующий же год Даммартен становится верным приспешником короля Англии. А граф Фландрии Ферранд Португальский никак не мог смириться с потерей крупной суммы, выплаченной им королю при вступлении во владение этим большим феодем, унаследованным его женой. Люди во Фландрии разделяли его обиду, и он мог рассчитывать на их поддержку. До поры Ферранд выполнял свои вассальные обязательства, но кое-как, только чтобы не навлечь на себя санкций, а когда король вступил в пределы графства, перешел в лагерь его противника. Император Оттон Брауншвейгский полностью зависел от Иоанна Безземельного, приходившегося ему дядей по матери. За четыре года до этого Оттон также был отлучен от Церкви папой Иннокентием III за политику по отношению к Италии, ущемлявшую интересы Святого Престола. Папа способствовал избранию королем Германии вместо Оттона юного Фридриха Гогенштауфена. Оттон, само собой разумеется, видел в «христианнейшем» французском короле естественную опору папской политики и своего опаснейшего соперника. Так сложилась коалиция. Ей предстояло теперь двинуться на Филиппа Августа с севера, в то время как Иоанн на юге приступит к отвоеванию своих наследственных владений.

В феврале 1214 года Иоанн высадился в Ла-Рошели, продвинулся вперед и 17 июня взял Анже. Затем он осадил находившийся неподалеку замок Ла-Рош-о-Муан. Король Франции поручил своему сыну Людовику, графу д'Артуа, держать оборону в этих местах со всеми рыцарями, собранными в южных землях королевского домена. Сам же он в это время находился во Фландрии с рыцарями северной части королевства. Все круша, он опустошал земли своего неверного вассала. Однако сопровождавшие короля бароны советовали ему избегать прямого столкновения с противником, и он стал отходить от Турне к осажденному Лиллю, положение которого было критическим. 2 июля при приближении к городу Людовика с франкским рыцарством английский король снял осаду и неожиданно обратился в бегство. А 27 июля в битве при Бувине Филипп одержал блестящую победу, которую французские историки с полным основанием относят к числу судьбоносных.

Гильом Бретонец, королевский капеллан, по свежим следам этих событий подробно описал битву при Бувине, во время которой он находился рядом с королем. Мне представляются заслуживающими внимания следующие моменты его повество-

вания, написанного, само собой разумеется, во славу венценосца.

Столкновение противников при Бувине было на этот раз настоящей битвой, одним из тех редких сражений, в которых противники действуют соответственно ритуалу, принятому для завершения политического спора. Две армии развернулись в три боевых порядка друг против друга по краям обширного пространства, пригодного для действий кавалерии. В центре строя ратников каждой из сторон находились короли: французский и германский, поднявшие атрибуты королевской власти. Французы держали священную орифламму и золотолейное знамя короля, а германцы — разнообразные эмблемы, не имевшие ни малейшей святости, дерзостные и словно бы дьявольские. На колеснице, подобии миланских «кароччио» начала второго тысячелетия, рядом с императорским орлом был прикреплен вымпел в виде дракона. Противников разделяло чистое поле, пустое, как шахматная доска между рядами белых и черных фигур перед началом партии.

Ко времени описываемых событий Филиппу было почти 50 лет. В таком возрасте в те времена уставший сеньор обычно оставлял военные игры. Однако Филипп без колебаний решил пойти навстречу опасности. Он шел в бой вместе со всем своим домом, с тесно сплотившимися вокруг него приближенными, среди которых были только франки, французы. А его противникам, участникам преступногоговора, так и не удалось сплотить свою многоязычную рать.

Филипп не хотел начинать бой — христианину не подобает искушать Всевышнего. Тем более что 27 июля 1214 г. приходилось на воскресенье, а в этот день, посвященный Господу, христианин не поднимает оружия. Но враги своими злокозненными ухищрениями вынудили его к этому.

Любая битва в то время была весьма схожа с религиозной церемонией. Со своей ролью в этой церемонии король Франции справился весьма достойно: рядом с ним находились двое священников, продолжавших и в самый разгар битвы петь псалмы Давида. В тишине, предшествовавшей первому удару, король вслух обратился к Богу, прося Его милости, а затем, простерши руки над головами коленопреклоненных воинов, благословил их. Потом, строго следуя ритуалу, он сказал речь. Здесь против вас, говорил он, ополчились сатанинские силы, император предан анафеме за то, что хотел погибели Святой Церкви. И Гильом Бретонец к этому добавляет, что все ратники Оттона были наемниками, продававшими свои услуги за

деньги, а деньги эти награблены у бедняков и священников, тогда как Филипп беднякам и священникам всегда был надежной защитой. А оружие во вражеском стане было такое, к какому негоже было прибегать добрым рыцарям, — длинные ножи, проникавшие в стыки между рыцарскими латами. Противники пришли сюда, чтобы убивать, это само собой разумеется, но враг намерен делать это, не блюдя законов ни божеских, ни человеческих. Один из них выступил в бою против собственного брата, поправ узы родства, самые тесные узы, существующие между людьми. Немало было среди противников и таких, кто, принеся оммаж — лиж сеньору, пошел против него. Престарелая графиня Фландрии, известная своими связями с нечистой силой, взялась помогать германцам колдовскими чарами, обещая победу. Все прогнило вокруг германского короля. А вокруг короля Франции собрались священники, чтившие Святой Престол, верные рыцари, добрые стрелки-суассонцы, проявившие чудеса храбрости, и достойные молодцы из общинных дружин, которым было доверено — символический жест — охранять орифламу.

Противники Капетинга поклялись поделить между собой его владения, но прежде — убить его. Граф Фландрии прорвался вперед с этим намерением и почти достиг короля, однако в последний момент «его объял страх», и, убоившись смертного греха, он оставил свой замысел, не стал посягать на жизнь своего сеньора и к тому же помазанника Божия, зная, что Господь особо хранит его, как Он хранит епископов, как оберегал Фому Бекета.

Однако Филипп чуть не погиб. Пробившись к нему через ряды королевского окружения, враги, вооруженные крючьями, стянули его с коня. Но верные друзья, составлявшие ядро царского «семейства», закрыли Филиппа от нападавших своими телами и вновь усадили в седло. Этот внезапный перелом в ситуации положил начало разгрому противника и его бегству в тучах пыли, поднятой с растоптанного жнивья. Господь указал проигравшего — порочного короля. По выражению шахматистов, он едва не получил мат: мощный удар одного из самых доблестных рыцарей Франции, скользящий по кольчуге, поразил его коня. Император вскочил на свежую лошадь и ускакал во весь опор. И с тех пор нигде не появлялся. На поле боя он оставил свою разбитую колесницу и орла со сломанными крыльями. Король не взял себе эти символы вселенской имперской власти и, как подобает покорному сыну, преподнес их папе Римскому, ярому противнику Фридриха.

В битве погибло множество пехотинцев, а «брабантцы», нанятые графом Булони, были полностью истреблены — еретики заслужили такую участь. Рыцарей погибло очень немного: Гильом Бретонец называет двоих убитых, но не в бою, а в результате несчастного случая. Среди многочисленных пленников были и двое графов-изменников. По обычаям тех лет победитель имел право лишить их жизни, поскольку они замыслили убийство короля. Но богобоязненный Филипп проявил милосердие: заковал пленников в кандалы и приказал поместить в надежное место, ибо выкуп за них мог дать немалые деньги. Не стал король вести переговоры о выкупе лишь одного человека — Рено де Даммартена, которого заточил на всю жизнь в Пероннскую башню. Всех остальных предстояло отпустить после уплаты выкупа, но предварительно пересчитать. В составленном в начале августа «списке пленных» числились 110 рыцарей, привезенных в Париж на крестьянских телегах, 16 — переданных баронам, и еще 3 — отданных королевским придворным. Всего пленных было в три раза более, но остальных к этому времени уже успели обменять на своих или же оставили под надежной охраной где-то по дороге, ведущей в Париж.

На всех перекрестках этой дороги весь народ, «и стар и млад, и мужчины и женщины, простой люд и вельможи», рукоплескал государю-победителю. Крестьяне с граблями и серпами, атрибутами кормящего их труда, «ибо то была пора уборки урожая», сбегались взглянуть на прикованного к телеге графа Ферранда, и «селяне, старухи и дети ругали его самыми последними словами». Взорам торжествующего короля-победителя и его воинов, олицетворявших мощь законного государства, предстало простонародье, получившее недолгую возможность в момент всеобщего ликования свободно выместить свои обиды на дурных сеньорах, наказанных за то, что осмелились нарушить порядок в обществе. По-другому встречали победителей в городах: здесь не было никакой ругани в адрес побежденных, никаких насмешек, а проходили хорошо организованные торжества. Колокольный звон, улицы, украшенные зелеными ветками, полевыми цветами, клир, встречавший кортеж хвалебными песнопениями, и пляшущие горожане. Кульминацией празднеств стал день вступления победителей в Париж, в обнесенную стенами центральную его часть — ситэ, где король был намерен отдохнуть. Празднование продолжалось, как повествует Гильом Бретонец, семь дней и семь ночей. Этим рассказчик хотел дать понять, что радость празднования была

бесконечной, продлилась на все времена, стала безграничной, подобно зареву над иллюминированным Парижем, где «ночь стала светлой как день». Бог благословил короля, подтвердил его права, восстановил мир на земле, призвал обе половины *ecclesia*, мира христианского, и клир и народ, восславить победителя и возрадоваться. Действительно, вся «братия сообщества школ» вкупе с «гражданами высказала великое ликование сердец своих... в пирах, песнях и плясках», расточая бесчисленно средства, как это полагалось в то время на свадебных церемониях. Впрочем, вместе с победой праздновался воистину брачный союз между народом и монархией.

Гильом Бретонец создал, используя в качестве основы этот рассказ, замечательный памятник — восславляющую монархическое государство поэму, состоящую почти из десяти тысяч стихотворных строф на латыни. На это у него ушло много времени, слишком много, чтобы успеть преподнести поэму своему господину. В 1224 году автор одарил ею нового короля — Людовика VIII. Написанная по образцу «Энеиды», «Филиппида» прославляет Филиппа как короля франков, а битва при Бувине предстает как национальный триумф, как победа нации франков. «Кипевшие отвагой», бившиеся один против троих, смело идущие навстречу опасности воины-франки побеждают, ибо они сильны духом и добродетельны. Перед началом битвы брат Герен, гарцуя на коне перед строем ратников, напомнил им, что все они «из рода тех, кто издавна во всех битвах громил своих врагов». Но ведь в день Бувинской битвы в рядах сражавшихся как с одной, так и с другой стороны были бойцы, в чьих жилах текла одна и та же благородная кровь, — потому-то и рубились они с таким ожесточением. Противостояли друг другу франки, и этого было достаточно, чтобы не обесславить ни одного из них. Даже предателя Рено де Даммартена. «Скажем правду: воинская доблесть, явленная им в войне, была прирожденно присуща ему, и она ясно свидетельствовала, что он рожден от франков, и хоть его проступок уронил его в твоих глазах, о Франция, ты не должна стыдиться такого сына и краснеть за него...» Всем другим надлежало склониться перед франками: и «сынам Англии, для коих улады разврата и дары Вакха более привлекательны, нежели все то, чем может одарить грозный Марс», и, в особенности, тевтонам, и всем, кто говорил на их языке, германцам и северным фламандцам. Их поражение доказало, «что в ратном деле они стоят намного ниже людей Франции, с коими их на поле брани и сравнить невозможно». А их «дикая злоба», подобная звериной, оказа-

лась неспособной противостоять прирожденной отваге «сынов Франции». Особо заметим, что здесь Франция не сводится более к Франкии Хлодвига или Роберта Благочестивого. В этот день, как поясняет далее Гильом Бретонец, король свел воедино силы «всех сынов Галлии», но здесь идет речь о Галлии, которую описал Цезарь в своих «Записках», иначе говоря, о территории, гораздо более обширной, чем одно королевство Филиппа.

Итак, в «Филиппиаде» перед читателем предстает единая нация, сплотившаяся вокруг своего вождя. А Филипп — уже не стареющий и осторожный человек, который стремится уклониться от битвы: король здесь — воин, кипящий отвагой, как и все войско его народа. Он жаждет боя, вопреки советам баронов, и горит желанием вступить в поединок с императором, чтобы, подобно Св. Михаилу, поразить копьем это воплощение сатаны. И нет ему утешения, когда, потеряв императора в толчее схватки, он вынужден отказаться от своего намерения. Ибо, подняв орифламму «подобно хоругви над крестным ходом», король выступил как защитник всего христианства, чтобы очистить его от еретической нечисти, распространителем которой был Оттон Брауншвейгский. Он грабил в Риме паломников, по его вине христианам не удавалось объединиться, чтобы снова освободить Гроб Господень.

Если верить Гильому Бретонцу, император, обратившись к своим ратникам перед началом битвы, заявил: «Следует предать смерти и изгнать и клириков, и монахов, обласканных Филиппом, восславляемых им, коих он всеми силами защищает». Надо оставить их в меньшем числе, держать в скудости, и пусть «рыцари, те, кто вершит дела общества, кто на войне и в мирное время обеспечивает покой и народу и клиру, владеют землями и взимают большую десятину». Не он ли, Оттон, действительно обнародовал закон, которым предписывалось, «чтобы церкви получали лишь малые десятины и лишь то, что жертвуют им принимающие постриг, и чтобы церкви передали ему свои сеньории, а он будет кормить народ и платить жалование рыцарям»? «Сколь много более будет пользы и проку от Церкви, — добавил он, — когда так я восстановлю справедливость. Пусть лучше добрые рыцари владеют хорошо возделанными полями, плодородными землями, щедро дарующими радость и богатство, чем эти ленивые и бесполезные выродки, явившиеся на свет только для того, чтобы пожирать хлеб, бездельничать и прохлаждаться». И вот против всех государей, полных неприязни к священникам, против проповедников,

сбившихся с пути истинного и дающих этим государям повод проявить свою алчность, мутящих простонародье, против всех сеятелей смуты поднялся король Франции, выступая как защитник установленного порядка, хранитель Церкви с ее прочной мирской опорой, всего, на чем зиждется и сама священная монархия. Победа, дарованная Филиппу Господом, скрепила союз трона и алтаря.

Автор «Филиппиады» не описывает подробностей возвращения победителей в Париж по сельским дорогам. В ней уже нет ни слова о крестьянах, осыпающих язвительными насмешками плененных князей. В центре внимания — триумфальные празднества в столице, подобные римским чествованиям императоров-победителей. И Гильом не случайно упоминает о Тите, о Веспасиане: подобно Капетингу те тоже были грозой для еврейского народа. Но победа короля франков много выше по своему значению: ведь франки были победителями и самих римлян и освободили Галлию от их ига, а светоч знаний, горящий в парижских школах, принесен сюда из самой Греции. И Филипп — это не новый Цезарь, а, скорее, новый Александр Великий, герой античных времен, чьи подвиги к тому времени подробно описал Готье де Шатийон, секретарь нотариуса архиепископа Реймского. Волна победного ликования, прокатившись от Парижа до самых отдаленных уголков королевства, сердцем которого был монарший двор, принесла радость во «все города, ситё и большие села», ставшие теперь центрами денежного обращения, поднявшимися над миром замков и деревень и превратившимися в связующие звенья единой централизованной политической власти. «Так одна победа приносит тысячу других». Она собирает в единое сообщество великую нацию, ставя ее под власть государства.

И в «Филиппиаде» описано всеобщее ликование на празднестве, которое признательная Франция «подарила своему Филиппу». Кровь, пролитая под Бувином, словно бы окропила святой водой всех «детей Галлии», очистив их и вернув к непорочности первых дней Творения. К непорочности и равенству. Триумфальные церемонии на какое-то время стерли все и всяческие различия в «положении, достатке и занятии» людей. Рыцари, горожане и даже крестьяне — все в равной мере «озарены» тем небесным светом, который служителям Церкви дается прямо от Бога, а, будучи отражен от короля, которому победа придала новый блеск, свет сей падает и на всех мирян.

Автор «Филиппиады» различает в обществе четыре социальные категории: люди молитвы, воины, горожане и сельские

жители. При этом Гильом Бретонец, намереваясь показать в поэме все государственное здание, особое старание прилагает к тому, чтобы сельское население было изображено на его истинном месте — как низшая, последняя категория, стоящая вне первых трех. Среди всех лишь крестьяне не сознают, какая слава выпала на их долю. И крестьянин имеет наглость думать, «что поднят вровень с самыми великими королями». Он, глупец, вообразил, что праздничный наряд, приукрасивший его на несколько часов, способен теперь надолго избавить его от невежества, грубости, привычки к повиновению, от тяжкого труда, данного ему судьбой, что, «сменив одяение, он и сам может сойти за другого человека». Крестьянин забыл, что он лишь стопа ноги тела государственного, а к радостям королевского двора всегда допущены только три первых сословия, три социальные категории. Как видим, монархическая власть после битвы при Бувине перехватила у князей, своих противников, те идеи, которые легли в основу идеологии рыцарства. И вот, при опоре на три категории избранных — духовенство, дворянство и третье сословие, христианнейший король надолго, на много веков, встал над собранной воедино нацией, отечески о ней заботясь и требуя от каждого подданного сыновней преданности. После Бувина «можно было просить себя, возлюбил ли король свой народ сильнее, чем народ возлюбил своего короля. И народ, и король словно соревновались в изъявлении своих чувств. И трудно было бы сказать, кому из них отдать в этом пальму первенства, чьи чувства горят ярче, настолько сильной была взаимная приязнь обоих, связавшая короля и народ чистейшими узами».

Пусть мне будет позволено закончить рассказ об одном из периодов чрезвычайно медленной эволюции структур указанием на одно конкретное событие, на одну точную дату. К вечеру 27 июля 1214 г. завершилась эволюция, длившаяся два века. Все было решено в результате одной битвы. «С тех пор не было никого, кто осмелился бы пойти войной на короля Филиппа, и он жил в великом мире и спокойствии, и все земли пребывали в мире многие годы». Так пишет об этом неизвестный летописец, трудившийся при дворе сира Бетюна. И он был совершенно прав. После Бувинской битвы король Франции мог спокойно восседать на своем троне, не утруждая себя походами, как и подобало человеку в его возрасте. Если вдруг возникла нужда в вылазке конных рыцарей, то у короля был сын, который выступал вместо него. Сыновнее послушание? Вопрос не закрыт. В те времена обычно складывались довольно натя-

нутые отношения между престарелыми сеньорами, не спешившими умирать, и их наследниками. Есть немало свидетельств, заставляющих думать, что принц Людовик, унаследовавший от матери графство Артуа, вел свою собственную политику, а его жена Бланка Кастильская — женщина деятельная и властная, видимо, подогревала его стремление к независимости. Однако тот факт, что Филипп стал первым Капетингом, не допустившим при своей жизни коронования сына, ничего не доказывает. Его отец решился на коронацию сына лишь в последний момент, когда почувствовал, что силы покидают его. Не следует также думать, что после победы при Бувине Филипп мог спокойнее, чем его предшественники, смотреть на будущее династии. В любом роду вопрос о превращении наследника в соправителя решался с учетом конкретных обстоятельств. И, быть может, Филипп Август считал, что его бесспорному наследнику лучше не быть коронованному на то время, пока он отпускает его участвовать в столь рискованных предприятиях, как война в Англии в 1216 году (несмотря на отлучение от Церкви) или крестовый поход против альбигойцев с благословения папы Римского, от которых сам Филипп предпочел воздержаться.

Но воспитать в мальчике моральные качества, необходимые для успешного королевского служения, Филипп, безусловно, постарался. Для юного Людовика парижский священник Эгидий сочинил труд «Принца Честное Зерцало». Он был ему преподнесен в день 13-летия — в 1200 году. Основной персонаж в нем — *Karolinus*, то есть не кто иной, как сам Карл Великий, который дает отроку пример обладания четырьмя важнейшими добродетелями: силой, справедливостью, осмотрительностью и умеренностью. Филипп позволил записать в «Зерцале» совет принцу: быть менее вспыльчивым, чем был в свое время он сам, а также не жениться на двух женщинах одновременно. На одной из страниц этого манускрипта было изображено генеалогическое древо «нынешних королей Франции». Все они — Капетинги, и их имена в орнаменте из королевских лилий вписаны красными чернилами, начиная с имени Роберт — «многонабожного и грамотнейшего». Заметим, что там нет ни слова о каролингских предках принца Людовика. Автор рукописи не чувствовал необходимости подчеркнуть тот факт, что и мать Людовика, и его бабушка еще более облагородили династию, добавив крови, унаследованной от Карла Великого. Ибо ни автор «Каролинуса», ни кто-либо другой не усомнились в том, что принц — законный наследник императора. Такой же, какими

были его отец и дальний предок Роберт. В 1204 году в одной из булл папы Иннокентия отмечено: «Все знают, что король Франции происходит из рода Карла Великого». А за два года до того Этьен де Галлардон, один из помощников брата Герена, записал в книге королевской канцелярии пророчество Св. Валери. И не было ни малейших оснований опасаться какого-то спора за корону. Сыну Филиппа Августа предстояло без помех возложить ее на свою голову и взять в руки весь королевский домен, столь удивительно успешно расширенный его отцом. И было еще одно счастливое обстоятельство в судьбе Филиппа Августа наряду со всеми прочими: у него не было брата, с кем ему пришлось бы делиться. Он мог оставить все своему старшему сыну. Следуя обычаю, Филиппу надо было бы один из взятых крупных фьефов, возможно Нормандию, отдать своему второму сыну — Филиппу Юрпелю, если бы тот не был рожден его «лишней» супругой. Конечно, этот сын был легитимирован с благословения папы, но тем не менее все считали его наполовину незаконнорожденным и он мог претендовать только на крохи из отцовского наследства.

В сентябре 1222 года Филипп почувствовал себя плохо. Ради спасения души он начал раздавать свои богатства. В пользу рыцарей, сражавшихся вместе с ним в Святой Земле, и в пользу бедных король пожертвовал все сбережения. Аббатству Сен-Дени достались крест и реликварий вместе со всеми ценностями королевской сокровищницы. Тут были несколько серебряных чаш, три дюжины серебряных кубков, мешок византийских золотых монет и немного драгоценных камней, подаренных королю его близкими — матерью, прелатами и королевским постельничим Готье. Инвентарный список этих ценностей, составленный в 1206 году Гереном, показывает, что королевский двор при Капетингах пока еще отказывал себе в роскоши. Король смог дожить до следующего лета. Он находился в Пасисюр-Эр, когда почувствовал приближение смерти. Филипп захотел вернуться в Париж, где бароны держали в это время совет, готовясь к новому крестовому походу. Смерть застала его в пути, в Манте. В «Больших французских хрониках» помещен текст надгробного слова, которым он мог бы быть доволен: «Он чудесным образом умножил и расширил королевство Франции [авторы все еще не видят различия между королевством и королевским доменом]; он совершил чудо, поддержав и сохранив и сеньории, и право, и все благородство короны Франции... Он неизменно был защитником Святой Церкви, оберегая ее от всех посягательств. Он защитил церковь Сен-Дени

де Франс и хранил ее более всех прочих, как свой дом, особенно возлюбив ее, и, много раз внося свою лепту, свидетельствовал свою неизменную приверженность этой церкви и ее святым мученикам. С молодых лет своих он был хранителем и ревнителем веры христианской. Он принял знак того креста, на коем Господь наш распят был, пришил на плечи свои, чтобы идти освобождать Гроб Его и потрудиться, и муки принять во имя Господа. И пошел он за море с большою ратью воевать против врагов креста и трудился там честно, не жалея сил, до взятия города Акры... И был он щерд на милостыню, где только мог».

Тело покойного короля, одетого в коронационную мантию, прикрытое золототканым полотном, с короной на голове и скипетром в руке, было провезено через весь Париж к королевской усыпальнице в Сен-Дени. Его встречали столпившиеся здесь архиепископы и епископы. Сын Людовика VII возвращался сюда, в самое сердце церковного устройства, чтобы почтить навеки. На всем пути вокруг кортежа свершались явления чудесные, и некоторые стали говорить, что король — это еще один святой. Как бы то ни было, верно то, что ему удалось окончательно установить монархическое правление во Франции и силой оружия, и умелым применением феодального права, а главным образом, как отмечает летописец, благодаря тому, что он свято выполнял свой долг христианнейшего короля, блюдя этот долг как зеницу ока.

В годы правления Филиппа Августа благодаря появлению на фасадах кафедральных соборов Франции новых знаковых изображений и фигур они окончательно стали главными символами королевской мощи. В то время развивались две темы, отражавшие размышления ученых богословов о земном воплощении Господнем. Сугерий был первым, кто полстолетием ранее, чтобы подчеркнуть человеческую сущность Христа, расположил на портале базилики Сен-Дени статуи, изображающие его предков. Все они были, согласно Евангелию, царями, царями иудейскими. Но кто, глядя на эти изображения венценосцев, не думал прежде всего о ныне правящем короле и его власти? Эти же персонажи еще более широко были представлены теми, кто в начале XIII века задумывал проект нового фасада собора Нотр-Дам де Пари. Им пришла мысль расположить целую вереницу королей Иудеи вдоль всей галереи, устроенной у основания башен над тремя порталами собора. Эти статуи были выполнены значительно позже 1223 года, когда приступили к реализации проекта. Недавно обнаружены

головы от этих статуй: в 1793 году революционеры обезглавили их так же, как обезглавили короля. Подобный акт уже сам по себе свидетельствует о силе воздействия символа: вандалы, желавшие покончить с монархией, обрушили свою ярость на скульптурные изображения, которые веками в центре столицы славили венценосцев, живых, реальных королей Франции, с фронтона здания, всем своим обликом — массивностью каменной кладки, схожестью с крепостными сооружениями — являвшего собой воплощенную мощь. И скульптуры определяли эту мощь как мощь самого монарха.

Обратимся теперь к другому произведению создателей соборов — более тонкому по своему замыслу и богатому по содержанию. В нем — итоги размышлений о власти. Речь идет о скульптурной группе, изображающей увенчание Богоматери. Созданная в 1190 году, она сначала украсила портал кафедрального собора в Санлисе. Затем, 30 лет спустя, ее перенесли на тимпан северного фасадного портала собора Нотр-Дам де Пари. Для южного портала использован горельеф, исполненный 50 годами ранее и тоже изображавший Богоматерь. Здесь она предстает сидящей с младенцем Иисусом на руках, причем тело ее образует как бы трон для младенца. По обе стороны изображены два других персонажа, придающих политический смысл композиции: это король и епископ. Обе фигуры стоят на одной высоте, на одной линии. Но равенства между ними нет: Людовик VII слева от Богородицы преклоняет колено, а по правую ее руку, то есть по более почетную сторону, стоит во весь рост епископ, возвышаясь над королем. Такая сцена, представленная на обозрение народу, — свидетельство успехов церковных реформаторов, утверждавших превосходство духовного над мирским и стремившихся — именно во времена правления Людовика VII — подчинить королевскую власть Церкви.

Персонажи горельефов северного портала свидетельствуют об ином. Здесь Богоматерь уже не располагается в центре композиции. Она сидит справа от Христа на одной с ним скамье, а он, сам венценосный, находясь немного выше ее, готов увенчать чело Богородицы короной. И в данном случае главный знаковый смысл кроется в этом символе королевской власти — короне, которую Капетинги возлагали на себя в дни торжеств. Конечно, короной здесь увенчан Христос: она лишь предназначена деве Марии на веки вечные после ее Успения и ее Вознесения. Но главное, Христос представлен в облике короля, и это не могло не поднимать престиж королевского титула, са-

мого короля, окружая ореолом святости человека, почитаемого как посланца Господа на земле. Добавим еще, что в этой композиции мужчина уже коронован, а женщина только еще принимает венец из рук мужчины. Смысл сцены ясен: господство мужского начала над женским — любую власть женщина может получить только от обладающего властью мужчины, ее власть производна, второстепенна. В те времена, когда создавались эти скульптуры, ученые мужи считали, а проповедники говорили христианам, что в образе Девы Марии здесь представлена Церковь. Таким образом, композиция над входом в собор восславляла могущество Церкви, которая также венчественна от Христа. Но смысл композиции и в том, что могущество это находится в подчинении другой, высшей силе. А высшая власть принадлежит тому, кто решает, кто венчает, кто действует — Иисусу Христу, Христосу-царю, и королю, его представителю в этом мире.

И то, что подобные утверждения на пороге XIII века находили себе место в землях короля и рядом с университетом, где воспитывались творцы монархической идеологии, свидетельствует о возврате к построениям каролингской эпохи. Король здесь, в земной юдоли, — носитель высшей власти, полученной от Бога. И у его ног — сообщество трех сословий. Он стоит выше высшего из сословий — духовного. Его власть представляют епископы. Король облакает их полномочиями с тем, чтобы они заботились об украшении своего храма, но действуя от его имени. Статуи Нотр-Дам де Пари напоминают еще и о том, что именно король отныне и навсегда есть властитель храма сего, ибо он защитник истинной веры, встающий во главе рыцарского войска, чтобы вести его в крестовый поход против неверных или же против еретиков.

ХII. ЮГ

По правде говоря, отнюдь не все «сыны Галлии» повиновались Филиппу Августу. Конечно, захваты новых земель объединили вокруг Парижа и короны древние франкские земли, герцогство Робертинов, а также Шампань, которую король прочно держал в руках, используя сеньориальные прерогативы. Он не рассчитывал присоединить бургундские земли, от которых, впрочем, уже давно отделились и Санс, и Осер, и Ниверне: герцог Бургундский был кузеном короля, надежнейшим его вассалом, сражавшимся как лев рядом с ним при Бу-

вине. Под орифламмой там стояли и воины из имперских земель: граф де Бар — «возрастом юный, но мужеством зрелый», и немало лотарингских рыцарей, среди которых — Жерар ла Трюи, бившийся плечо к плечу с Филиппом. К югу от Бургундии власть Капетинга мало-помалу продвигалась вперед, незаметно оттесняя к востоку старую границу королевства. И уже владетель Божё выступал вместе с Людовиком VI в боях, которые тот вел в Оверни. Людовик VII распространил свое покровительство на горные епископства и поставил на подступах к Соне передовые пограничные посты королевского домена. Тем временем движение людских и товарных потоков в этом регионе чрезвычайно оживилось после того, как генуэзские и пизанские моряки освободили бассейн Тирренского моря от сарацин. Торговля процветала в Сен-Жиле, в Монпелье, в Арле, а чуть позже развернулась и в Марселе. Лион уже превратился в крупный торговый центр. Когда Филипп и Ричард отправлялись в крестовый поход, Рона и море были лучшими путями к Святой Земле.

Зато экспансии королевства на юго-западе противостояло то, что здесь еще оставалось от власти Плантагенета, и, главное, сопротивление жителей исконных готских краев. Не было видно признаков того, что эхо Бувинской битвы докатилось до земель к югу от Ауары. Филипп почти ничего не приобрел в Пуату. Впрочем, этот здравомыслящий король не хотел ввязываться в борьбу так далеко от родных мест и распылять свои силы ради возможности потребовать верности — весьма ненадежной — от воинов, к которым он питал презрение. Мысль об аннексии Аквитании никогда не приходила Филиппу в голову — ведь даже его отец не смог ее удержать и, взвесив все, решил от нее отказаться. В Аквитании сам Генрих II потратил много сил напрасну, а Ричард Львиное Сердце потерял там жизнь. Поэтому король пропускал мимо ушей все напоминания о необходимости направиться на Юг, чтобы покончить с ересью и тем выполнить обещание, данное при коронации. Он пошел только на то, чтобы разрешить принцу Людовику отправиться в дальние южные края с надеждой на успех. И авторы «Больших французских хроник» одобряют это решение: «Когда он несколько ослаб и постарел, он, сына своего не щадя, отправил его два раза кряду в земли альбигойские с большим войском, чтобы побить ересь среди тамошнего люда». Филипп и представить себе не мог, что экспедиции против еретиков-катаров станут прелюдией к расширению его домениальных владений вплоть до побережья Средиземного моря.

Поскольку мы говорим здесь о южной Галлии, следует решительно отказаться от трех все еще распространенных ошибочных представлений: эти провинции отнюдь не стали объектом преднамеренной колониальной экспансии со стороны короля франков; они не представляли собой единого целого ни в политическом, ни в культурном отношении; религия катаров возникла не здесь и заразила в те времена весь христианский мир.

Для всех было несомненным, что Господь возложил на суверенных властителей, принимавших миропомазание в Реймсе, задачу всемерного поддержания мира и истинной веры вплоть до границ прочих королевств, таких, как Наварра и Арагон. В начале XIV века пастухи-еретики в Монтайю прекрасно знали, где именно проходит эта граница, и считали себя подданными золотолилейного короля — того, кто посылал к ним инквизицию. А внутри этой границы, которую никто не собирался куда-либо передвигать, южнофранцузская территория состояла из множества отдельных земель; каждая из них была пронизнута сознанием своей обособленности. Всю эту территорию заселяли народы, говорившие каждый на своем диалекте. Несомненно, такое лингвистическое разнообразие породило великолепный по своей поэтичности язык, язык поэм, которыми восхищались не только в Оранже или в Тулузе: трубадуров высоко ценили и в Кане, а вскоре им станут рукоплескать во Флоренции и в Неаполе. И с не меньшей долей уверенности можно утверждать, что этот язык придворного общества послужил сплочению господствующего класса в его противостоянии нападениям и грабежам воинов с Севера, а впоследствии стал языком ностальгических воспоминаний об утерянной свободе. Разбуженное агрессией, национальное чувство заняло свое место в ряду тесно связанных между собой факторов политической эволюции в этом регионе.

Как и на Севере, на Юге политическое развитие в XII веке вело к укреплению обширных властно-территориальных образований. Здесь этот процесс труднее прослеживается за неимением достоверных летописных документов: в здешних литературных источниках истории уделяется мало внимания. Высокая культура южных областей представлена преимущественно юридическими документами и стихотворными произведениями. Очевидно, тем не менее, что княжеская власть укреплялась и здесь. Но это происходило отнюдь не при опоре на феодальную систему, подобную франкской: согласно местным традициям, которые Плантагенеты безуспешно пыта-

лись искоренить, отношения между людьми, как и между землями и владениями, основывались здесь на свободно заключенном договоре. Тут фьефом называли доход, принесенный любым имуществом тому, кто, будь он знатен или не знатен, получил на основе договора право пользования этим имуществом. Два обстоятельства определили своеобразие игры политических сил в этой части Галлии: во-первых, она была тогда и осталась до конца Средних веков тем местом, где наиболее активно действовали наемные разбойничьи отряды. Острота проблемы вооруженного наемничества в этих местах была связана прежде всего с тем, что в этом горном краю с преобладанием скудных почв в жизнь вступало множество молодых людей, не имевших за душой ничего, кроме крепкого телосложения и умения владеть оружием. Это были в большинстве своем те отпрыски рыцарских семей, которых скудость наследства, дробившегося между законными и внебрачными детьми, вынуждала уходить из дома на поиски счастья и удачи. Они не видели для себя иной возможности разбогатеть, кроме обращения к силе оружия. Собираясь в отряды, они предлагали свои услуги нанимателям. Но князья издавна имели здесь возможность для достижения своих целей нанимать «аргонцев», «наваррцев», «басков», как называло этих отчаянных головорезов страдавшее от их набегов местное население, не понимавшее их языка. Все это становилось возможным, видимо, и потому, что в южных провинциях уже давно деньги текли не ручейками, а рекой. В связи с этим можно еще раз упомянуть о тех памятных записках, которые были предъявлены участникам церковных судов в Пуату и в Нарбоннез в первой половине XI века. Там речь шла о тысячах су. В этих краях деньги так же широко использовались в подобного рода операциях найма, как и в Англии, стране, где наемничество существовало издавна. В XIII веке людей, специально занимавшихся наймом, именовали «каорцами» по названию процветавшего на таких делах южного города как его уроженцев, независимо от того, откуда они на самом деле происходили. Можно объяснить широкое распространение рутьерства в южных областях королевства тесным соседством бедных горных районов и богатых деньгами городов.

Вторым фактором, свойственным Югу, была прочность городских структур. В городах политическая власть опиралась на муниципальные учреждения. Корни этих учреждений мы находим в старинных поселениях-ситэ эпохи римского владычества, а также и в городах, возникших позже. В местных

источниках той эпохи их называют *castrum* — «каструм», «кастель», обозначая этим термином не крепость с башнями, а группу тесно примыкавших один к другому каменных домов, что придавало им немалую стратегическую ценность. В южных городах при наследовании сеньориальные права распределялись поровну между всеми детьми мужского и женского пола, и благородные южане не брезговали пускать деньги в рост и заниматься торговлей. Поэтому власть и в кастелях, и в ситэ оказывалась в руках большой группы, ассоциации лиц, совместно владевших сеньорией. Господствуя над менее состоятельными домами, они пользовались преобладающим влиянием в городе, но при этом обсуждали все с вожаками «несостоятельных» и с общего согласия доверяли вести дела управления городскому магистрату. Так власть оказывалась разделенной между рыцарями и «гражданами города». Старшинство принадлежало первым, но они, однако, не подавляли своим высокомерием вторых, как это обычно случалось во франкских землях, горожане выступали вместе с рыцарями, когда речь заходила о защите общих интересов. В равной мере владея умением писать, искусные в спорах, и рыцари и граждане обладали общей для них культурой — светской в своей основе, мирской куртуазной культурой, более яркой и жизненной, нежели культура церковная. Свидетельство тому — песенное творчество трубадуров с их сатирическими «сирвентами» и политическими «тенсонами». Благородных и неблагородных горожан объединяло общее сознание принадлежности к целостному организму, стоявшему над хаотическим беспорядком окрестных земель. Обитатели и самых малых «кастелей», и крупнейших, как Тулуза, городов общими усилиями стремились добиться подчинения окрестных сельских мест городской власти силой оружия или денег.

Конечно, ситэ находились в выигрышном положении по сравнению с «кастелями» благодаря своему богатству, военному превосходству, обеспеченному прочными каменными стенами, развалинами римских поселений, превращенными в крепости, и, главное, благодаря тому, что в ситэ располагалась резиденция епископа — хранителя спокойствия и мира Божия во всем диоцезе. Давняя система коллективной безопасности на протяжении XII века постепенно совершенствовалась в Виварэ, Жеводане, Веле и Руэрге. Дабы сохранять умиротворение, епископы периодически собирали свою паству, требуя от баронов и воинов обещаний не грабить христиан, призывая священнослужителей к молитве, а торговый люд — к денеж-

ным жертвованиям. Здесь возникали споры, звучали речи, законники разбирали судебные тяжбы. Тут же шел и сбор денег на обеспечение общественной безопасности и спокойствия. Когда возникала опасность, рыцари и «все люди земли» выступали под знаменами корпораций против возмутителей спокойствия, чаще всего — рутьеров. Здешние князья вынуждены были считаться с мощными городскими объединениями, приглашать их представителей на ассамблеи, приобщать их к выработке принимаемых решений. Переустройство государства на юге не могло не опираться на города.

Ход такого переустройства осложнялся конкуренцией между тремя полюсами политического развития. Один из этих полюсов был в Пуату, расположенном намного севернее. Объединительные действия Плантагенетов, использовавших, по франкскому образцу, всю мощь своих средств, натолкнулись на востоке на непокорность горцев. Усилия Плантагенетов имели больший успех в приморских провинциях, но за Бордо уперлись в гасконский редут. А в отношении Тулузы они оказались совершенно безуспешными. Тулуза, древняя столица готских королей, была вторым полюсом региона, занимая в нем центральное положение. Тулузские графы — тоже франки по своему происхождению — желали признания их суверенной власти над диоцезами Перигё, Каора, Ажане, Альби, Родеза, а также и над диоцезом Нарбоннэз, укрепленными ситё Септимании и городом Сен-Жилем, морским торговым портом. К этому времени графы Тулузские уже приобрели у провансальских маркизов часть их прав на земли за Роной. Своим престижем вся их династия была обязана своему предку Раймонду, которого папа поставил во главе первого крестового похода. Конечно, во времена Филиппа Августа граф Тулузский, связанный родством с королем Франции, признавал себя его вассалом. Но большая удаленность от Парижа позволяла ему — и только ему одному среди феодальных государей — не являться ни на церемонии помазания, ни на торжественные собрания при дворе, нисколько не заботясь о создании хотя бы видимости вассального служения королю. При такой самостоятельности и самому графу приходилось противостоять гегемонистским поползновениям, исходившим от третьего полюса, действовавшего, подобно первому, с периферии, опираясь на мощь королевства, Арагонского королевства. Король Педро II был графом Барселоны, а его брат владел графством Прованским, где, действуя по каталонскому образцу, используя одновременно и феодальное и римское право, он крепко

держал всю власть в своих руках. Сам Педро выступал как ревностный защитник веры на Иберийском полуострове, воюя против мавров в союзе с королем Кастилии. Вскоре, в 1212 году, ему предстояло одержать над ними блестящую победу в битве при Лас Навас де Толоса, не менее значимой, чем битва при Бувине. Но уже и теперь он укреплял свое влияние за Пиренеями. Виконт Беарна, граф Бигорра, графы Фуа и Комменжа и, наконец, Транкавел, виконт Безье и Каркассона, уже признали себя его вассалами. В 1204 году Педро женился на дочери сира Монпелье, двоюродного, уподобившегося в этом отношении королю Франции. В угоду королю Арагона папа отдал все наследственные права на эту обширную сеньорию его жене, отказавшись подтвердить права ее братьев. И тут перед нами предстает четвертый участник большой политической игры и обнаруживается, что в ней, как и на севере Галлии, церковное тесно переплелось с мирским. Правда, несколько иначе, чем там.

Во-первых, именно в этих краях, где некогда состоялись первые собрания во имя мира Божия, реформы Григория VII внесли наиболее глубокие изменения в отношения светских и церковных властей. Очищение высшего духовенства раскололо господствующую часть общества, решительно покончив с зависимостью епископских кафедр от великородных семейств. Во-вторых, в этих местах папа не являлся гостем, как в королевстве Капетингов. Здесь он был у себя дома. Графство Могио было ленным владением Святого Престола. В 1204 году Иннокентий III добился от Педро Арагонского согласия приехать в Рим и возложить в дар на алтарь Св. Петра свое королевство, чтобы затем получить его от папы как ленное владение, с принесением за него оммажа понтифику. Будучи своеобразной монархией, Римская церковь тоже стремилась укреплять свои позиции теми же средствами, но используя их более настойчиво и преследуя гораздо дальше идущие цели. Долго не имевший своего короля юг Галлии представлял собой удобный плацдарм для дальнейшей экспансии Церкви. Здесь светская и церковная власти уже не действовали, как на севере, в тесном согласии, а оспаривали друг у друга мощь и влияние. Конфликт способствовал возникновению и развитию религиозных течений, сурово осужденных церковной властью, называвшей их ересями.

С начала XII века по мере того, как в общем русле прогресса индивидуальное сознание все более освобождалось от слепого общего конформизма, а ученые мужи глубже вдумыва-

лись в содержание Нового Завета, когда само Священное Писание становилось все более доступным для мирян, еретические вероотступления стали возникать и множиться повсеместно в самых разнообразных формах. Нам трудно провести границы между этими ересями, поскольку то немногое, что мы о них знаем, известно лишь со слов тех, кто с ними боролся. В пылу борьбы, в ослеплении поборники веры теряли способность отличить хорошие семена от плевел. А те, кого они допрашивали, молчали под пыткой или давали маловразумительные, уклончивые ответы. Во всяком случае, можно с уверенностью утверждать, что чаще всего те мужчины и женщины, которые вынуждены были скрываться от преследований — а многих из них находили и отправляли на костер, — мечтали лишь о том, чтобы избавить христианство от обрядности, от всего того плотского, что сковывает дух. Возрождались идеи, внезапно возникшие и получившие широкое хождение во франкских землях в первые годы второго тысячелетия: проповедовался отказ от посредничества священников в общении с Богом, от пышных литургий, от клятв с призыванием Господа в свидетели, от освящения плотской связи между мужчиной и женщиной, от изображения Всевышнего в образе человека. Все эти требования мало чем отличались от идей, с которыми выступали церковные реформаторы. И успех реформы уже сам по себе содействовал возрождению таких мыслей. Ранее всех, в начале XII века, обратились к этим идеям несколько вольнодумцев, таких, как монах Генрих Лозаннский и Петр из Брюи, проповедовавший во всем Провансе и в Септимании, где он подвергся сожжению кресты.

Однако в большинстве своем люди, желавшие улучшить Церковь, так далеко не заходили. Более всего им претило засилье денег. И миряне, и клирики отрекались от своих богатств, что толкало их к выступлениям против обогащения высшего духовенства, против всевластия скрибов, фарисеев, податных купщиков. Такой образ действий был характерен для вальденсов, последователей Петра Вальдеса. Аскетический, суровый образ их жизни ярко высвечивал ущербность тех церковников, для которых служение стало лишь рутинным ремеслом, причем весьма доходным. Народ восхищался этими «добрыми людьми», как вальденсы себя называли, внимательно прислушивался к их словам. Его привлекал призыв к менее формализованной религиозной обрядности и более простым жестам искупления. Речи новых проповедников никого не приводили в смущение, ибо строились они на темах, сходных с теми, ко-

торые развивали проповедники, послушные епископам, использовались те же слова, образы, ставились в пример те же лица, начиная с самого Спасителя. И вот повсюду стали возникать небольшие группы верующих, отнюдь не желавших отколоться от Церкви, но стремившихся, напротив, показать, что она способна к внутреннему обновлению и может вновь обрести первородную чистоту. Однако преследования со стороны обеспеченных властей ожесточали их, и постепенно они склонялись к утверждению, что повиноваться следует скорее Господу, чем людям, начинали скрываться от властей, сопротивляться им.

Правда, во Францию проникали и верования совершенно иного характера. Эвервен де Штейнфелд, каноник Ордена пре-монстрантов, отмечает их появление в Кельне в 1143 году. Пришли они сюда с Востока. Современники не ошиблись, называя приверженцев этого течения богами — болгарами, или же греческим словом «катары». Течение это было манихейским. Его адепты, помимо веры в переселение душ, верили также и в существование второго бога — бога зла, бога материального мира, тоже творца, ведущего против бога добра вечный бой, исход которого непредсказуем. Понятно, что такого рода верования были совершенно чужды христианству. Эти верования, тем не менее, получали распространение, поскольку их проповедники тоже использовали знакомый набор слов, те же аллегории, что и священники. Такие верования послужили каркасом — по правде говоря, довольно шатким — новой религии. Если верить документам (подлинность которых весьма сомнительна) церковного собора, состоявшегося в 1169 году в Сен-Фелиу-де-Лаурге, сторонники этой религии намеревались основать настоящую Церковь с собственными обрядами, иерархией, епископами и диоцезами. К концу века ортодоксии противостояли два сформировавшихся еретических течения. Ален де Лилль четко их различает: есть вальденсы и есть катары; и на юге Галлии первые яростно нападают на вторых во имя защиты христианства. В городах северной части королевства ересь заявляет о себе с не меньшей силой и уже к 1135 году становится причиной беспокойства. В начале второй половины столетия в прирейнских землях, в Лотарингии, во Франции сложилось убеждение, что ересь несет в себе серьезную угрозу для церковных структур. В 1153 году папа Евгений III призывает епископа Аррасского к бдительности. Десятью годами позднее Людовик VII делится своим беспокойством с Александром III. Епископы Невера и Осера делают все возможное, чтобы обезвредить зачинщиков смуты и их сторонников. Раз-

вернута и эффективно действует целая сеть учреждений инквизиции, и там, где обнаружены ростки ереси, зажигались костры, очищая франкские провинции. Однако на юге обращение к такого рода мерам запаздывало, хотя именно здесь еретическая напасть нашла для себя гораздо более благоприятную почву.

Как и на севере, ересь распространялась из крупных ситё, где горожане, имевшие дело с деньгами, проникались убеждением, что ростовщичество — великий грех, и становились весьма восприимчивыми к проповеди бедности. Главными очагами так называемой вальденской ереси стали города Тулуза и Альби, где, как и в Кёльне, и в Лионе, возрождалась деловая активность. Возможно, что состоятельные горожане внимательно прислушивались и к катарам, ибо они несли им успокоение. «Добрые люди» так презирали деньги, что не отказывались от предлагавшихся им денье, да и сами могли при случае пустить их в рост. Тем, кто не претендовал на собственную праведность, внушалось, что в свой смертный час они смогут легко смыть грехи одним лишь обрядом *consolamentum* — «утешения», совершавшегося путем возложения рук на голову грешника. В деревнях распространению ереси несомненно способствовало возросшее усердие церковников при взимании десятины. Во франкских и бургундских землях и даже на севере Аквитании, в тех местах, где порядки, установленные во времена Каролингов, строго соблюдались, требования натуральных выплат из урожая, естественно, плохо воспринимались крестьянами и в ходе периодически возникавших волнений их гнев сразу же обрушивался на закрома, где монахи и каноники хранили собранные в счет этого налога продукты. Однако в этих местах десятина взималась с незапамятных времен и воспринималась как вполне законная. Иначе обстояло дело на юге королевства и в Провансе: здесь, судя по всему, десятина никогда ранее не взималась. Но это не помешало духовенству потребовать ее «восстановления» во второй половине XII века, именно тогда, когда уже возникла и ширилась торговля продуктами земледелия, а перестройка и украшение храмов поглощали все более значительные денежные суммы. Пытаясь как-то обосновать поборы, прелаты не стали ссылаться на обычаи или же на заповеди Ветхого Завета. Они обратились к римскому праву. Для них десятина имела и знаковый смысл как атрибут *imperium*, вселенского господства, на которое претендовала Римская Церковь. Упорное сопротивление требованиям выплаты десятины было, конечно же, отнесено на счет ереси.

И все же, если ересь столь сильно проявила себя именно в южных провинциях, где потребовалось немало усилий для ее искоренения, то причину этого следует искать, главным образом, во властных отношениях, в социальных структурах и в светском характере местной культуры, способствовавших восприятию проповедей «добрых людей» и выступлениям в их защиту. В первую голову свою роль здесь сыграл более глубокий, чем в иных местах, разлом, разделивший господствующий класс на два лагеря. Все, что могло служить ослаблению светской власти священнослужителей, получало поддержку со стороны их соперников — баронов и рыцарей. Несомненно, епископы и папские легаты имели основание видеть в светских властителях опору ереси. Она самым естественным образом рождалась под кровлями рыцарских и патрицианских домов, широко раскрывавших двери перед проповедниками — еретиками. В долгих беседах с хозяевами за накрытым столом проповедники разъясняли, что бракосочетание не может являться святым таинством, что нет нужды в священниках, во всяком случае, таких, которые своею алчностью сокращали и без того скудные доходы семейств. К их словам особенно внимательно прислушивались женщины. Формы выражения еретической набожности не ставили женщину на низшую общественную ступень в отличие от форм, установленных официальной Церковью. Наравне с мужчиной она могла становиться «совершенной», выполнять обряды рукоположения, причащения. Я не уверен в том, что в социальном плане положение женщины в южных землях могло быть сколько-нибудь менее приниженым, чем на севере. Для проверки следовало бы провести более глубокие исследования. Тем не менее ясно, что женщины способствовали распространению религиозной практики, не знающей унижительного положения, в которое их ставила официальная Церковь. Сыграли свою роль и отношения солидарности, связывавшие в каструме жителей всех домов, расположенных рядом, стена к стене. Здесь еретическая зараза расплзлась из наиболее состоятельных семейств, легко проникая во все остальные. Компактно застроенные кастели были рассадниками ереси в еще большей мере, чем города-ситэ. Организаторы католического контрнаступления довольно быстро это заметили и стали поступать с ними как с главными источниками еретической заразы.

Я уже говорил о жизнеспособности сложившейся в южных краях своеобразной светской культуры. То была культура сво-

бодной и открытой дискуссии. Привычное к обсуждению вопросов правового характера население городов и кастелей столь же публично и свободно обсуждало и вопросы, касающиеся религии. Сакральное здесь не было столь отчетливо отделено от светского, и вопросы религии могли обсуждаться в открытой дискуссии наряду с городскими делами. Собравшись на площади, люди поочередно выслушивали как строгих ревнителей католицизма, так и их оппонентов, подобно тому, как они слушали состязания трубадуров, сторонников противоборствующих политических лагерей. Арбитрами в спорах, проходивших под председательством сообщества сеньоров, выступали светские лица. Хронист Гильом де Пюилоран оставил подробнейшее описание одной из таких дискуссий, состоявшейся в 1207 году в каструме Монреаль неподалеку от Каркасона. Здесь против поборников катаров выступил папский легат Петр де Кастельно. «Спор продолжался несколько дней и велся он в письменной форме», перед лицом судей — рыцарей и горожан. «Стороны передали написанное светским судьям, которые имели право на заключение». Арбитры, однако, проявили осторожность (все это происходило в канун крестового похода), «не захотели вести обсуждение и разошлись, не закончив дела». Отметим здесь обращение к свободному мнению, право высказать которое предоставлено людям, не посвященным в церковный сан, только и позволяющий судить о святых материях. Это дает представление о мере падения в этих краях в начале XIII века авторитета церковной институции.

Церковь мобилизовалась перед лицом опасности. Когда во второй половине XII века эта опасность возросла, Церковь сразу же поняла, что ей следует действовать в городах, поскольку крестьянство не подавало голоса в спорах, продолжая умирать потусторонние силы словом и жестом, присутствуя на службах, совершавшихся их кюре, но также и тайно творя неискоренимые «суеверные» обряды, которые, видимо, представлялись более действенными. Церковь защищалась силой изобразительного искусства. Около 1170 года на широком фасаде монастырской церкви Сен-Жиль, словно на театральных подмостках, были поставлены монументальные скульптурные группы, созданные в том же торжественном стиле, что и триумфальные арки, оставшиеся от античного Рима. Изображения призваны были показать народу земную ипостась Христа, его жертву ради Искупления, ценность Евхаристии и символа Креста, могущество апостолов и их преемников — епископов. Церковь защищалась и словом. Теперь стало важным умение

опровергать заблуждения оппонента убедительным выступлением, как в суде. От владения риторикой, диалектикой зависела победа в спорах. Епископальные школы стали лучше готовить к такого рода словесным баталиям своих учеников, заставляя их регулярно упражняться в искусстве «диспутов». Понадобятся усилия двух поколений, чтобы все это оружие было доведено до совершенства и точно било в цель.

Против еретиков Юга сначала были брошены самые «чистые» — монахи-цистерцианцы, считавшие себя совершенными. Было известно, что эти поборники жития в бедности скупили земли по выгодным ценам и с особенной жестокостью взыскивали десятину. Они были уверены в своем превосходстве, но потерпели поражение. Однако в период брожения в умах, последовавший за проповедями Генриха Лозаннского, появился блестящий оратор — Св. Бернард. Он проповедовал в наиболее крупных городах, таких как Тулуза, Альби, из которого незадолго до того чернь с насмешками изгнала папского легата. Ошибкой Бернарда было излишнее высокомерие и использование слов, не способных задеть слушателей за живое. Он ничего не добился. Не более успешными оказались и усилия продолжавших борьбу аббатов его ордена, отправившихся со своими проповедями в самые опасные очаги еретической заразы — кастели. Нужны были апостолы иного склада. Ими стали отцы-каноники, гораздо лучше подготовленные к диспутам. Они решили идти к несогласным как ученики Христовы — пешком, без охраны, в рубище. Пример был дан группой кастильских братьев, направленных в регион епископом Осмы, ему последовали члены кафедрального капитула Элна. Грамотность и бедность этих проповедников нового толка помогала мало-помалу наставлять вальденсов на путь истинный. Так было в Памье, где собравшиеся на диспут во дворце графа Фуа были «сражены в диспуте и дали себя убедить, как и преобладающая часть жителей каструма, в большинстве своем — людей бедных. Даже тот, кого поставили судьей в споре и кто сначала склонялся на сторону вальденсов, отрекся от ереси и отдал себя вместе с имуществом своим на милость епископа Осмы». И с этого дня он мужественно вступил в борьбу с еретическим суеверием. Так же поступил и Дюран из Ооска, член сообщества «бедных католиков», ставший ярким противником катаров. Переход инициативы в другие руки сыграл решающую роль. Наряду с учреждением Ордена доминиканцев он стал прологом полного обновления христианства и благодаря проповеди, обращенной к народу, благодаря примерам отре-

шения от благ мирских, рационализации догматического аппарата предвещал скорое поражение катаров.

Одновременно с использованием средств убеждения Церковь создавала и аппарат насилия. Вероотступники возмущали общественное спокойствие и, стало быть, нарушали мир Божий. Дело веры (*negocium fidei*) сливалось, таким образом, воедино с делом мира среди людей (*negocium pacis*). Епископам было предписано использовать против еретиков те же средства, что и против грабителей, — предавать их анафеме, призывая на помощь вооруженных милитов. Традиционные мироохранительные установления были подкреплены нормами римского права. Папы конца XII века, обучавшиеся в Болонье, хорошо их знали и использовали наиболее жесткие из них. Выступления против законов Церкви приравнивались к оскорблению королевского достоинства, и виновные подвергались соответствующему наказанию — смертной казни с конфискацией имущества. «Подобно тому, как закон гражданский наказывают смертью и лишением имущества тех, кто виновен в оскорблении Величества... так и Церковь отлучает от Христа и лишает состояния заблудших в вере и выступающих против Господа нашего или Сына Его, тех, кто наносит этим тяжкое оскорбление величию Божью», — писал Иннокентий III, обосновывая принятые им эдикты.

Действия по искоренению ереси разворачивались в три этапа. В 1163 году Турский церковный собор определил пространственные рамки этой кампании — южные провинции королевства. 14 годами позднее граф Тулузский Раймонд V подает сигнал тревоги. В его письме аббату Сито обрисована картина очевидного роста ереси в землях графства. Мыслящий трезво, граф поясняет: «Те, кто впадают в ересь, считают, что действуют они ради вящей славы Господней», и потому ересь легко проникает в семьи, где вскоре женщины восстают против мужей и отцов. Инакомыслие затронуло и часть клира, добавляет граф, церкви опустели, а «все святые таинства стали считать ничего не значащими». Он упоминает и о самом худшем — о проникновении в эти места дуализма, доктрины катаров. И приходит к выводу, что именно ему, государю, надлежит «стать мстителем и орудием гнева Господня», раздавить врагов истинной веры. Раймонд признает, однако, свое бессилие и обращается за помощью к своему сюзерену, королю Франции. Миссия, которую возглавил аббат Клерво, подтвердила изложенные графом факты и информировала о них Латеранский собор, со-

стоявшийся в 1179 году. Святые отцы тут же призвали к действиям как против отступников веры, так и против рутьеров, поставив тех и других на одну доску. Отныне недостаточно было торжественно предавать их анафеме. На злодеев должна обрушиться светская сила. Князьям и рыцарям надлежало взяться за оружие и следовать советам епископов. Было определено, что на время военных экспедиций их участникам будут предоставляться те же льготы, какими пользуются паломники в Святую Землю. Те, кто падет в бою, получают отпущение грехов, как и крестоносцы. Прочим будет дана индульгенция с назначением двухлетнего покаяния. Воинам разрешалось брать имущество отступников, а их самих превращать в рабов. А тот, кто отказался бы от участия в боях, подлежал отлучению от Церкви. То был настоящий крестовый поход, хоть никто и не называл его так, только проходил он по диоцезам, в старых традициях деяний во имя мира Божия.

Между тем в Монпелье, где местные сиры жаждали свести счеты со своим соседом Транкавелом, очень скоро убедились, что на местных воинов, быстро находивших общий язык с еретиками, рассчитывать не приходится. Попробовали сделать, как в Италии, и опереться на муниципальные учреждения, под присягой обязав магистратов (консулов) в городах-ситэ искоренять порочные верования. Но епископы сдержанно отнеслись к таким попыткам, а муниципальные органы (консулаты) были еще недостаточно зрелыми, чтобы высвободиться из-под опеки епископов. Тогда папа Иннокентий III решил сместить ненадежных прелатов в Безье, Нарбонне и Тулузе. Он отлучил от Церкви «зачумленного» Раймонда VI, отказывавшегося положить конец междоусобным войнам, которые он вел при опоре на рутьеров. Раймонд никак не желал пойти на мировую со своими противниками, что было необходимо для успеха общих усилий, и тем оказывал поддержку еретикам. Папа упрекал Раймонда в дурном употреблении дара Божия — разума, который тот обращает против Господа и, следовательно, против «вселенской Церкви», а разумные люди не могут иметь иной цели, кроме единства Церкви — хранительницы Духа Святого. Папа считал, что отныне под вопрос поставлена судьба всей Церкви и что положение на Юге затрагивает весь христианский мир. В 1204 году и снова в 1205 и 1207 годах Иннокентий III обращается к Филиппу Августу, побуждая его выступить со всем войском против еретиков. Он предлагает ему то же, что Латеранский собор обещал сеньорам — возможность присоединить к их доменам земли, конфискуемые у порочных

баронов. В январе 1208 года происходит важное событие: в Сен-Жиле убивают папского легата Петра де Кастельно. Папа не сомневается: руку убийц направлял граф Раймонд. Его, как и его сообщников, надлежит «лишить земель, дабы после устраниения еретиков населить эти земли добрыми католиками». Найдено, таким образом, радикальное решение: уничтожить неправедных огнем и мечом и заселить добрыми католиками их опустошенные земли, объявленные добычей.

Добрыми католиками были, естественно, франки. Король отказался поддержать поворот крестовых походов в сторону земель, зависимых от его короны, поворот, в результате которого впервые с соблюдением принятых для этих походов правил рыцарей Христа направляли искоренять зло, поразившее сам христианский народ. Свой ответ папе Филипп Август также начинает с жалоб на Раймонда VI, шурина Иоанна Безземельного. «Мы, — пишет он, — не получили никакой помощи ни от него, ни от его людей, хотя он и держит от нас одну из крупнейших бароний королевств». Но затем, защищая свои прерогативы сюзерена и возражая папе, Филипп, как настоящий юрист, развивает аргументацию, понятную для такого знатока права, каким был понтифик: «Что же касается вашего предложения взять земли графа всем, кто захотел бы завладеть ими, то мы узнали от людей ученых и людей неученых, что вы не вправе так поступать, пока не осудите его как еретика [Раймонд и впрямь был отлучен от Церкви, но как пособник еретиков, а не как еретик]. И если он — еретик, вы должны бы нас об этом известить и нам предложить распорядиться его землями, поскольку он их держит от нас одних. Вы же этого не сделали...»

Крестовый поход был организован без участия короля. Тем не менее, прелаты, как и бароны, герцог Бургундский, графы Невера, Сен-Поля и Бара, которые в июне 1209 года двинулись к Роне, все были франками или бургундцами; дело веры фактически опять оказалось в руках монахов-цистерцианцев и небольшой группы рыцарей Иль-де-Франс, одержимых идеями крестового похода. Несколькими годами ранее эти рыцари отправлялись освобождать Иерусалим, а когда в 1202 году войско, в которое входила их группа, нацелили не на освобождение Палестины, а на взятие в интересах Венеции далматинского города Задар, населенного христианами, они одни продолжили свой путь к намеченной цели — освобождению Гроба

Господня, глубоко разочарованные отказом соратников последовать за ними. Неудача наполнила их сердца горечью. Возглавляли основной костяк непоколебимых сир Симон де Монфор-л'Амори, вассал короля Франции, «человек чистейший в своей непорочности, упорнейший в достижении цели, преданный делу служения Господу», а также люди из его рода, его дома, его друзья-цистерцианцы из аббатства Во-де-Серней, соседствовавшего с землями сира. Они полностью отдавали себя делу этого нового паломничества, отнюдь не помышляя ни о грабежах, ни о завоеваниях, но считая себя обязанными искупить свою непоколебимой преданностью делу Господню отход от истинного пути участников четвертого крестового похода.

При приближении крестоносцев Раймонд Тулузский подчинился всем предъявленным ему требованиям и явился нагим к базилике Сен-Жиль, чтобы во искупление грехов подвергнуться сечению розгами. Получив отпущение, он тут же примкнул к франкскому войску. С его переходом на сторону крестоносцев им оставалось лишь овладеть сеньорией Транкавелов, что и было быстро сделано: 22 июля пал Безье и следом за ним — Каркассон. И поныне жива память о резне, устроенной там победителями. В ней гибли и еретики, и правоверные христиане. «Убивайте всех подряд, — командовал папский легат, — Господь распознает своих». Не забыты женщины и дети, сожженные в кафедральном соборе, «расколовшемся посередине под действием пламени». Зверства были отнесены на счет «бродяг и босоногих проходимцев... одетых в одни лишь рубахи и галльские штаны, не имевших иного оружия, кроме дубин», и наемных бандитов и их главарей, услуги которых воины Христа сочли нужным оплатить. Виконт умер в заточении 10 ноября. Ему были устроены публичные похороны, поскольку было важно, чтобы все знали: сеньор захваченных городов мертв. Его земли были предложены герцогу Бургундскому и графу Неверскому, но оба они отказались принять их, считая свой обет исполненным и торопясь вернуться восвояси. Составленная по этому случаю комиссия — два епископа, четыре рыцаря и папский легат — решила передать все Симону де Монфору с условием, что он очистит эти места от еретической чумы. Де Монфор остался здесь со своими самыми надежными друзьями — всего лишь 30 рыцарями.

Еретическая зараза мерещилась им повсюду, бросала вызов со стен каждого кастеля, и они принялись осаждать и брать

их один за другим. Минерв, Терм, Лавор были захвачены, очищены от ереси, и в ознаменование победы «на башнях их водружен крест Господень» (выше стяга Симона, ибо то Господь одолевал отступников, засевших в своих убежищах). При этом крестоносцы с наслаждением жгли «совершенных» десятками и сотнями, а вместе с ними и их сеньоров, нисколько не сомневаясь, что они тоже повинны в катарской ереси. Работа была нелегкой, но защитники веры использовали и добрых «брабантцев», и мощные осадные механизмы. Один каорец, житель Монпелье, взялся за сбор необходимых денежных средств. Начиная с лета 1210 года к крестоносцам стали подходить подкрепления, влекомые обещанным отпущением грехов или же искренним желанием послужить Господу. Под воздействием проповедей со всех концов Франции, из Аквитании, Гаскони сюда потянулись епископы, бароны и рыцари. Пешком приходили на Юг и экзальтированные простолюдины (в частности, из Прирейнских и Льежских земель, где проповеди оказались особенно эффективными), а вместе с ними немало разного сброда, движимого отнюдь не чистыми намерениями. Крепло убеждение, что именно теперь «по воле Небесной» бедняки покончат со злом. Следует помнить, что все это происходило как раз в то время, когда во франкских землях «юнцы» — лишние люди, вытесненные из сельскохозяйственного производства в процессе его развития, сходились в ватаги и, по призыву фанатиков в отрепьях, отправлялись неведомо куда, в поисках земли обетованной, обещанной теми, кто верил в наступление тысячелетнего царствия Божия на земле.

В 1210 году по Раймонду VI был нанесен новый удар. Он лишился своего домена и прерогатив государя. Взял их себе Симон, а его брат Ги завладел землями и полномочиями графа де Фуа, также отлученного от Церкви. Аббат монастыря Сито, папский легат, стал архиепископом Нарбонны, а аббат монастыря Во-де Серней был поставлен епископом Каркассона. Зимой 1212 года в Памье состоялся «парламент» подобный собраниям во имя мира Божия. Приехавшие туда во множестве прелаты, клирики, рыцари и горожане решали, как «установить добронравие, изничтожить еретическую нечисть, возродить добрые обычаи, утвердить веру христианскую, а мирянам дать мир и спокойствие». Были обнародованы установления, тщательно подготовленные группой из двенадцати заседателей, двух епископов, одного тамплиера и одного госпиталяера, четырех воинов из Франции, четырех местных рыцарей и двух горожан: «выбрали и франков, и местных людей, чтобы из-

гнать недоверие из всех сердец». Установлениями вводили для благородных и простолюдинов те же правила раздела наследства, что и существовавшие в Париже, и главное, для держателя фьефа утверждалось строгое правило служения по франкскому образцу. Наследницам замков впредь на десять лет запрещалось выходить замуж за местных людей без разрешения главы крестоносцев, но они были свободны выбрать себе мужа из числа рыцарей, пришедших с Севера. Таким образом, как представлял себе автор «Деяний сеньоров Амбуаза», обращая взор к временам Меровингов, франки теперь могли путем законной копуляции заменять собой южную аристократию.

Между тем вся политическая обстановка стала меняться. Для папы снова важнейшей оказалась судьба Святой Земли, и он искал примирения, обратившись за помощью к своему вассалу — королю Арагона. Прославленный победами над мусульманами Испании Педро II прибыл в Тулузу. Магистраты города и сам граф принесли ему оммаж, как и юный сын графа, обрученный с дочерью короля. Принимая под свое покровительство графство, король вместе с тем становился покровителем и своего зятя, не замешанного в связях с еретиками. Король перед Иннокентием III брал обязательство направлять юношу на путь истинной веры. Изменение позиции папы и эти новые вассальные обязательства тулузцев создавали угрозу правам французской короны. Стремясь защитить их, Филипп Август разрешил своему сыну принять участие в крестовом походе. Но уже 13 сентября в битве при Мюре, как и год спустя при Бувине, Господь даровал победу тем, кто сражался за Него. Симон де Монфор и его воины уступали в численности противнику. Но, должным образом очистив душу исповедью, приняв Святое Причастие и благословленные частицей подлинного креста Господня, они разгромили войско короля Арагона, графов Тулузы, Фуа и Комменжа, тулузских горожан и ремесленников. Осквернивший себя Педро II — ночь перед битвой он провел в постели с женщиной — был наказан сильнее, чем император Оттон: Педро убили в бою.

Принц Аюдовик приступил к выполнению своего обета лишь весной 1215 года. Монфор вышел ему навстречу. Они вместе с войском и вошли в Монпелье, в Нарбонну и, наконец, в Тулузу. Когда прошли 40 дней военной кампании, положенные крестоносцу, принесшему обет, Аюдовик выслушал все, что сказал ему папский легат, и удалился. Он приходил на Юг подобно другим, не завоевателем, а всего лишь паломником. После битвы при Мюре его отец, король Франции, целиком и полно-

стью положился на Симона как на своего доверенного человека в деле защиты на Юге интересов короны. Со своей стороны, папа настаивал на том, чтобы конфискованные земли еретиков перешли к престолу Св. Петра. Для решения судьбы этих земель потребовался созыв нового Латеранского собора. Иннокентий III хотел, чтобы земли были возвращены сыну Раймонда VI в качестве фьефа от Святого Престола. Однако прелаты не поддержали его намерений, и тулузское наследство было подвергнуто разделу. Все, что находилось на территории Империи, оставалось в руках Церкви и должно было перейти к Раймонду VII по достижении им совершеннолетия и «если он заслужит прощения». Остальная часть — «от Роны до Порта», то есть до Пиренеев — доверялась Симону де Монфору, принимавшему обязательство обратиться для получения этих сеньорий к тому, кто «имеет право дать их ему». В отношении этих земель Монфор поспешил принести ленную присягу королю Франции.

Монфор рассчитывал, что сможет удержать Тулузу, находясь в замке Нарбонны, где он и обосновался. Однако удержать Тулузу не удалось. Не в силу приверженности тулузцев к ереси, а из-за их привязанности к своему исконному сеньору. Они, как и все их земляки, терпеть не могли чужаков — пришельцев с Севера. Симона изгнали из Тулузы, открывшей свои ворота перед юным Раймондом. В 1218 году Симон, осадивший этот крупный город, был убит выстрелом из камнемета. На следующий год Людовик Французский вновь отправился выполнять свой 40-дневный обет. По пути он перебил жителей Марманда и, постояв под стенами Тулузы, отправился назад. Как и в первый раз, он приходил на Юг не для завоеваний. Когда Амори, сын Симона, предложил уступить свои права Филиппу Августу, тот отказался. Однако в 1224 году, когда павший духом Амори явился в Париж с 60 оставшимися у него рыцарями и повторил это предложение, сын Филиппа, ставший к тому времени королем, ответил согласием. В эти же годы Людовик VIII окончательно овладевает теми фьефами, которые совет баронов 22 годами ранее отобрал у Иоанна Безземельного. Он с легкостью захватил Ла-Рошель, Сентонж, Лимузен и Перигор. Его рыцари дошли даже до Сент-Эмилиона в Гийенне. Получив таким образом свободу рук и исполненный решимости покончить с катарами (они, как королю было известно, продолжали открыто проповедовать свою ересь), а заодно и подтвердить свои суверенные права на южную часть Галлии, Людовик в третий раз становится во главе крестового

похода. На этот раз — против отлученного от Церкви Раймонда VII. Папа предоставил королю право в течение пяти лет получать десятую долю от доходов французского клира и гарантировал безопасность французского королевства от посягательств со стороны английского государя.

Южный поход Людовика, подобно походам его отца и деда в земли Маконнэ, походил на легкую прогулку. Вся нарбоннская знать торопилась принести ему оммаж, скрепляя клятву вложением рук в руки короля. А он, двигаясь по левому берегу Роны, по имперским землям, без колебаний вздымал меч правосудия. Ему пришлось, однако, остановиться, натолкнувшись на непредвиденное препятствие — Авиньон. За Роной в то время набрали силу крупные городские сообщества, выторговавшие себе новые привилегии в обмен на поддержку, оказанную графу Тулузы. Строя свою политику по итальянскому образцу, они образовали малые и несговорчивые подобия государств. Рыцари и патриции, незадолго до того устранившие из муниципальных советов представителей ремесленников, пришли к соглашению с Людовиком VIII: его самого с небольшим эскортом авиньонцы готовы были впустить в город, но армии следовало идти прямо через мост, минуя город. Однако, когда горожане увидели крестоносцев, ими овладел страх — они побоялись разделить судьбу Безье и закрыли городские ворота. Уязвленный и убежденный в том, что строптивные авиньонцы действуют по сговору с еретиками, король, связанный обетом наказывать мятежные города, осадил Авиньон. Осада длилась три месяца. Воины Людовика страдали от проливных дождей и желудочных заболеваний, разносимых тучами мух. Наконец, королю удалось пробить бреши в мощных городских укреплениях. В Авиньоне он запретил своим людям грабить горожан, был удовлетворен обещаниями горожан и шестью тысячами серебряных марок, полученными от них, после чего мог продолжить свою прогулку без каких-либо новых помех. Но на обратном пути, в Оверни, в ноябре 1226 года Людовик умер от дизентерии. По свидетельству Гильома де Пюилорана, Филипп, отец Людовика, предвидел, что его сын, не обладавший крепким здоровьем, не сможет выжить в отравленном миазмами воздухе этих раскаленных солнцем земель.

На Юге борьбу за веру остался продолжать доблестный воин сир де Божё. Раймонду VII удалось, наконец, достичь соглашения с овдовевшей к тому времени Бланкой Кастильской, выполнявшей регентские функции. В страстную пятницу 1229 года в соборе Парижской богородицы вместе со своими

друзьями, осужденными, как и он, Раймонду пришлось публично покаяться. За манихейскую ересь он лишился наследственных прав, соглашался отречься от всех прав, которые когда-либо могли принадлежать его предкам. При этом было условлено, что поскольку грех свой граф искупал покаянием, король Франции, а качестве *patronus ecclesiae* — церковного покровителя — предоставляет ему в ленное владение диоцезы Тулузы, Ажана, Родеза и Каора с тем, чтобы он стал там «верным защитником Церкви». Король, однако, сохранил в своих руках, помимо транкавелских сеньорий, все владения Раймондова рода, расположенные по правому берегу Роны, — Бокер, Ним, Сен-Жиль.

И ритуалы, которыми обставлялось заключение мирного соглашения, и само его содержание хорошо показывают, сколь тесно в те времена переплеталось религиозное с тем, что ныне мы называем политическим. Вассал приносит оммаж 15-летнему королю, ибо король — десница Господня на земле. А Господь располагает и повелевает, чтобы были, наконец, повержены Его враги, которых сопротивление всей нации чужеземному вторжению сделало еще более дерзкими. Капетинг и его вассал обязались употребить все средства для того, чтобы в каждой из подвластных им частей королевства борьба добра со злом была успешно завершена. «Пока мы молоды и находимся в начале нашего правления, — заявлял Людовик в одном из своих ордонансов, подготовленном к обнародованию в Нимском диоцезе, — во имя Господа, давшего нам высшую власть земную, мы сделаем все, чтобы многострадальная Церковь Божия была чтима и укреплена в вере... чтобы отлученные от нее примирились с ней согласно каноническим установлениям, чтобы упорствующие были силой возвращены в лоно единой Церкви не позднее чем через год». Находясь в Париже, граф Тулузы обещал действовать именно таким образом. И он действительно будет изгонять из своих земель вероотступников и сочувствующих им, не щадя ни своих вассалов, ни родню, ни друзей. Он даст приказ своим бальи повсюду разыскивать еретиков, предлагая каждому, кто поможет их поимке, вознаграждение — две серебряные марки ежегодно в течение первых двух лет, а далее по марке в год пожизненно, «и так за каждого еретика, если их будет поймано несколько». Церковь здесь вновь обретет былую мощь, будет взимать без помех десятины, получать первины. В ознаменование победы она перестроит по французскому образцу многие кафедральные соборы. Их высокие башни и богатое убранство останутся символами искоренения

пагубных верований. Раймонд VII потратит четыре тысячи марок на основание в Тулузе — тоже по французскому образцу — учебного заведения, где приглашенные из парижских школ четыре мэтра теологии, два — канонического права, шесть мэтров свободных искусств и два грамматика станут наставлять добрых клириков. В свою очередь будет усовершенствован и репрессивный механизм.

В 1184 году епископам было предписано объехать свои диоцезы, чтобы на местах судить наиболее ярых богоотступников. В 1199 и в 1206 годах Иннокентий III обязал прелатов не полагаться на одну лишь людскую молву, а проводить настоящий розыск и следствие. Провинциальный церковный собор в Тулузе в 1224 году разъяснил, как следовало вести эту охоту, чтобы обеспечить ее эффективность: «в каждом приходе надлежит назначить одного священника и трех мирян, обязав их прилежно искать еретиков, обыскивая поочередно подозрительные дома и подвалы, все закоулки на чердаках и все укромные места. Если там будут обнаружены еретики или верящие им, их сторонники, укрыватели или защитники, следует, приняв все меры к тому, чтобы они не скрылись, без промедления донести о них архиепископу или епископу, сеньору этого места или его бальи». Церковным властям надлежало судить еретиков по всем правилам. Те из них, кто по своей воле вернется к истинной вере, будут «носить два креста так, чтобы они были хорошо видны, поверх одежды и иного цвета, чем ее цвет — один слева, другой справа; этого, однако, будет недостаточно для их прощения без выданного епископом свидетельства о возвращении в лоно Церкви. Таким людям не следует доверять публичные должности, нельзя допускать к совершению актов, определяемых законом». А всех прочих упорствующих следует «ради покаяния держать в стенах», то есть заключать в тюрьму. Все католики — мужчины старше 14 лет и женщины от 12 лет — должны поклясться «честно доносить о еретиках». Чтобы не навлекать на себя подозрений, они должны исповедоваться и причащаться три раза в год. «Мирянам не следует держать у себя каких-либо книг Священного Писания, кроме Псалтыря и требника», и эти книги они не должны иметь на «обыденном языке». В 1233 году «инквизиция по делам о еретических извращениях» была возложена на монашество нищенствующих орденов — те новые конгрегации последователей Св. Франциска и Св. Доминика, которые возникли в условиях религиозного брожения как ответ на вызов, брошенный ересью, и в которых папа был более или менее

уверен. Инквизиторы надлежащим образом справились с порученным делом. В Тулузе с мая по июль 1246 года их трибунал приговорил к ношению крестов 134 человека, и еще 28 — к пожизненному тюремному заключению. На протяжении жизни этого поколения инквизиторы будут наталкиваться и на заговор молчания, и на родственную и соседскую солидарность, укрепившиеся под влиянием унижений, пережитых в результате поражения, и на обострившееся чувство национальной гордости, заставившее прибывших из Парижа преподавателей Тулузского университета убраться восвояси. А некоторые кастелли еще долго будут оказывать вооруженное сопротивление. Последний акт насилия — избиение и убийство в 1242 году четырех инквизиторов, проезжавших через Авиньон. Двумя годами позже был взят Монтсежур, где нашли прибежище их убийцы. С той поры еретический недуг стал мало-помалу отступать из городов в сельские равнины и горные долины, где он надолго сохранится среди простого народа. Известно, что близ Монтайю ересь среди крестьян все еще прочно держалась даже в начале XIV века.

В результате заключенного в Париже мира Каркассон, Бокер и окрестные земли вошли в состав домениальных владений короля. К этому времени государственные институты королевства Капетингов стали настолько прочными, а дорожная сеть получила такое развитие, что теперь, в 1229 году, уже не казалось невозможным, находясь в Иль-де-Франс, надежно удерживать в руках столь отдаленные края. Суверенные властители не появлялись там чаще, чем ранее. Свои полномочия они передали тем сенешалям, коих оставил еще Симон де Монфор. Сенешаль вместе со своим двором, подобием королевского, где столь же широко были представлены юристы и специалисты по финансам, правил всем. И в глазах народа виновным во всех притеснениях становился тот, кто выступал от имени короля. Сам же король оставался для простых людей воплощением справедливости; он виделся издали как ее высший гарант. И каждый мог надеяться, что король не оставит без внимания его жалобы и умерит жесткость своих наместников.

Королевская власть пошла на присоединение южных земель, посчитала необходимым иметь точку опоры на случай возможной измены Раймонда VII. Кроме того, владение этими землями открывало доступ к морю, что было весьма важно. В королевском доме мечтали не столько об аннексиях, сколько о крестовом походе, о настоящем крестовом походе, который увенчался бы, наконец, освобождением Иерусалима. Во вся-

ком случае, никому в королевском окружении не пришла в голову мысль о возможности присвоения после захвата всех наследственных владений графов Тулузы, перешедших под руку Господню в результате достигнутых в священной войне успехов. Располагая свободой действовать во имя Господа, Капетинги удовлетворились тем, что расчленили огромное Тулузское княжество, прочно привязав к французской короне большую его часть, вовсе не стремясь аннексировать ее полностью. Из четырех диоцезов, предоставленных Раймунду VII в качестве фьефов, один лишь Тулузский был дан ему в пожизненное владение. После смерти графа он должен был перейти к его дочери, помолвленной с одним из сыновей Людовика VIII, и в тот момент бывшей единственным законным ребенком Раймонда. Ее наследниками по этому владению могли стать только дети, рожденные в браке с принцем. Иоанна Тулузская и ее потомки могли бы унаследовать все владения, принадлежавшие некогда ее предкам, если бы ее отец умер, не оставив наследника мужского пола.

Иоанне было восемь лет. До достижения брачного возраста она находилась при французском дворе и ее берегли как зеницу ока. В 1237 году девушку отдали замуж за одного из братьев короля — Альфонса. Никто не мог тогда предположить, что Раймонд VII так и не вступит в новый брак, а Иоанна окажется бесплодной. И когда она умерла в 1271 году одновременно со своим мужем, оплакиваемая всеми тулузцами, с ней «угас и исчез с лица земли» тот род, последним отпрыском которого она была, а все земли Лангедока перешли к французской короне. Такова была воля случая. Но к этому времени монархическое государство уже оказалось способно поглотить эти земли. За 40 лет до того оно не было к этому готово. Да и кто в то время, будучи в здравом уме, мог бы представить себе этот регион иначе, чем конгломератом самостоятельных княжеств, связанных феодальными договорами и, что важнее — родственными узами с королевским доменом, который сам по себе был столь невелик по размерам и так компактно расположен, что давал королю возможность успешно управлять им через доверенных людей? Тогда никто не мог ни предвидеть присоединения Тулузы, ни уж, тем более, желать этого во имя некоего «империализма», совершенно немыслимого в то время. В 1229 году уровень развития государственных институтов не позволял зарождаться подобным замыслам, хотя еще в 1226 году эти институты достаточно укоренились, и Людовик VIII, старшему сыну которого исполнилось в то время все-

го 12 лет, смог доверить регентство своей жене. И никто не оспаривал его решения.

В XI и в XII веках благородная женщина имела высокую политическую ценность. Она давала дому своего супруга наследников, вливая в него новую кровь, что открывало возможность претендовать на новые владения и, случалось, по смерти мужа становилась наставницей сына, почтительно просившего у нее совета. Если женщина и не играла такой активной роли, она служила для знатных родов главным средством обменов, от которых не менее, чем от войн, зависела судьба сеньорий. Однако к концу XII века возникшие в потоке прогресса сдвиги в положении женщины, поднимавшие ее общественный статус так же быстро, как и статус мужчин, сделали привычной ситуацию, когда за неимением в семье мужа или отца женщина принимала оммаж от имени своего малолетнего сына, или, действуя под контролем сеньора-опекуна, брала на себя повседневную заботу о сыновних интересах. При миропомазании Людовика IX нескольких отсутствовавших баронов представляли их супруги. Тем не менее, новизна положения, которым воспользовалась Бланка Кастильская, была связана не столько с повышением общественного статуса женщин, сколько с укреплением королевской власти.

Став венценосной, королева Франции не могла оставаться в таком же подчиненном положении, как все прочие женщины. Ее образ связывается с образом Богоматери, которую изображали на фронтонах кафедральных соборов держащей на коленях младенца Иисуса, Бога во плоти. Да и муж этой женщины, стоявшей на вершине феодальной пирамиды, не имел над собой иного сеньора, кроме Господа. Один лишь Бог мог, стало быть, обеспечить опеку над его несовершеннолетним сыном, поручив эту миссию одному из высших своих служителей. Именно так обеспечивалась епископом Реймским вкупе с королевой-матерью опека над принцем Людовиком (его родная мать умерла в 1190 г.), пока Филипп Август возглавлял крестовый поход. В 1226 году все еще продолжался другой крестовый поход — против альбигойцев. На долю кардинала Сент-Анжа, папского легата, выпала миссия занять место Господа при Бланке Кастильской, и в первые несколько лет он служил ей надежной опорой. Но еще более ценную, имевшую решающее значение помощь и поддержку Бланка получала от клириков и рыцарства королевского двора. Они образовали нечто подобное единому семейству, в котором от дядьев к племянни-

кам передавались высокие церковные звания, а от отцов к сыновьям — руководство различными придворными службами (одна лишь семья Гютье де Немура, породнившаяся с Клеманами и Корню, на протяжении жизни четырех поколений дала четырех архиепископов, десяток епископов и столько же каноников собора Парижской Богоматери и храма Св. Мартина в Туре, четырнадцать камерариев и маршалов двора). Тесное сплочение этих людей вокруг королевской семьи облекало ствол и ветви всего ее генеалогического древа словно прочной корой, способной поддержать этот род в трудную минуту. И такой момент наступил. Пользуясь малолетством наследника, бароны попытались ослабить пути зависимости, исподволь затягиваемые на них монархией. Укрывшись в Париже, где рыцари и бюргеры королевского домена спрятали юного короля в надежном месте от посягательств мятежных баронов, стремившихся его захватить, Бланка Кастильская устояла под их натиском, опираясь на поддержку людей из окружения своего мужа и свекра. Верные слуги послужили надежнейшей опорой для хрупкой женщины.

Стремясь предотвратить смуту в королевстве, покойный король еще в июне 1225 года сделал необходимые распоряжения относительно наследования. При всех своих недостатках Бланка Кастильская не была лишена и достоинств. Одно из них заключалось в ее неистощимой плодовитости: она родила многих сыновей, и пятеро из них благополучно пережили все опасности детского возраста. Ее последний ребенок по имени Филипп Дагобер должен был стать священником. Согласно утвердившемуся во всех княжествах королевства обычаю, которому Капетинги не следовали со времен Филиппа лишь по воле случая, каждый раз определявшего новые обстоятельства появления на свет их наследников, Людовик VIII оставил сыновьям свое достояние, разделив его на четыре части. К старшему переходили вместе с короной и всем золотом и серебром, хранившимся в башне Лувра, земли домена, принадлежавшие предкам — герцогам Франции, а также и Нормандия, которую ни в коем случае не следовало отделять от этих владений. Второму сыну, Роберту, отходило унаследованное от бабушки графство Артуа, при условии, что в случае, если он не оставит после себя наследника мужского пола, этот фьеф будет возвращен королю. Последние по времени приобретения земли Анжу и Мен должны были перейти к третьему сыну (он умер, и наследником этой доли стал родившийся уже после смерти отца Карл — его шестой ребенок). Альфонс, четвертый сын,

будущий супруг Иоанны Тулузской, получил Пуату и Овернь. По достижении совершеннолетия каждому из братьев предстояло вступить во владение своей долей. Несколькими годами позднее эти доли получили название «апанажей», уделов от «владений французской короны». Никто не мог предположить, что подобный раздел сможет нанести какой-либо ущерб короне. Будучи связанными с короной феодальными отношениями, эти провинции, хотя и розданные наследникам, объединялись ею как и сами «сыны Франции» — отныне единственные обладатели права на геральдические лилии в своих гербах — они были вместе под властью старшего брата, бесспорного главы этого сурового семейства, не склонного к легкомыслию. Историки рассказывали нам, как братья Людовика IX покорно таскали вместе с ним камни для строительства аббатства цистерцианцев в Руаймоне. Этот любопытный эпизод точно отражает историческую реальность — неколебимое единство королевской семьи, руководимой согласно предписаниям патриархальной морали, способствовавшей укреплению монархии на всем протяжении XIII столетия.

Управляя государством, Людовик IX неизменно следовал нормам этой морали, руководствуясь не столько теми упрощенными принципами, которые, если верить укоренившимся представлениям, ставятся в заслугу внушившей их ему матери, сколь назидательным примером своего деда. Память о нем была для короля священна. Людовик завершил построение того идеологического здания, возникновение которого было значительно ускорено благодаря победе при Бувине, и сделал он это, подняв авторитет королевской власти, освятив ее прежде всего своими поступками, добродетельностью и набожностью, гораздо менее сомнительной по характеру, нежели та, которую некогда пытались приписывать Филиппу Августу. Для укрепления власти, держателем которой Людовик являлся, широко использовались средства символики. Подавая пример безупречной честности, сочетая в себе качества набожности и рассудительности, соединенные со смелостью, король к тому же умел и читать. Постоянно читая и перечитывая в своих покоях Библию, он пришел к решению о преобразовании *ordo* — литургического ритуала помазания. Между тройным обетом, которым будущий король обещал «по своей воле» поддерживать «истинный мир», и самим миропомазанием был вставлен ритуал посвящения в рыцарское достоинство, знаменующее неразрывную отныне связь между королевской властью и рыцарством.

Позднее, в 1240 году, Людовик IX приобрел еще один венец, терновый, тот, что нес Иисус, и на веки вечные поместил реликвию в центре великолепного ковчега, которым стала церковь Сент-Шапель. Король потратил баснословные суммы на то, чтобы встроить в королевский дворец в парижском ситэ этот важнейший символ могущества монархии, создание идейной основы которой уже завершалось в то время юристами. Одним из таких юристов был Жан де Блано. Его можно отнести к многочисленным в ту эпоху выходцам из низов, которые поднялись благодаря образованию: предки Жана были рабами, отец — мелким прево в Маконне, скопившим достаточно средств, чтобы отправить сына учиться римскому праву в Болонью. Жан де Блано считал, что король может привлекать к воинской службе не только своих прямых вассалов, но и арьер-вассалов, то есть вассалов своих вассалов, даже в том случае, когда их непосредственный господин, сеньор, противится этому; ведь, писал он, этих людей призывают служить «ради общественного блага» и «во имя отечества», причем не их малой местной родины, а большой родины, под которой подразумевается королевство. Но для этого бургундца, ставшего на склоне лет епископским судьей в Лионе, оно было не королевством Франции, а «королевством Галлии».

Первые страницы большой энциклопедии человеческих знаний, заказанной Людовиком IX доминиканцу Венсенту из Бове, хранителю королевской библиотеки, посвящены изложению истории — всемирной истории, но главным образом истории правящей династии, стоящей, само собой разумеется, в центре мировых событий. Автор повествует о том, как исполнились два взаимосвязанных пророчества: пророчество Св. Валери и предсказание о возвращении короны Франции к потомкам Карла Великого. Чтобы наглядно проиллюстрировать то, что было там сказано об истинности перед Господом прав потомков Людовика VIII, Людовик IX решил, наконец, переустроить королевскую усыпальницу в Сен-Дени. Там аббат Матьё из Вандома в то время сводил в единый манускрипт все тексты, повествующие о великих деяниях королей Франции. Их усыпальницы находились в базилике, которая теперь была полностью перестроена в готическом стиле: в светлом помещении стояли четыре богато украшенные гробницы, обращенное к могиле Св. Дени надгробие Дагобера — Меровинга располагалось рядом с надгробиями Карла Лысого Каролинга (братья короля носили их имена), а также Филиппа Августа и Людовика VIII. В 1267 году гробницы королей двух первых династий

вместе с гробницей Карла Мартела, который никогда не был коронован, но оказался в их ряду, были перенесены к южной стене, а гробницы Капетингов — к северной. Впереди этого двойного ряда, словно завершая все три династические линии, расположились места для гробниц трех королей: Людовика VIII (в центре), его отца и, наконец, его сына, которому в свой час предстояло присоединиться к предкам. Подразумевалось, что такое расположение надгробий внушит каждому понимание важнейшего, очевиднейшего факта; в период правления Филиппа Августа произошел коренной перелом в истории власти, и этот перелом ознаменовал собой рождение французского государства.

ХIII. ТРИНАДЦАТОЕ СТОАЕТИЕ

На протяжении многих лет подданные французских королей мечтали о возврате к временам «господина Людовика Святого», считая их чем-то вроде золотого века, когда все было счастливы и довольны в этом «раю земном». Они глубоко заблуждались. Историкам прекрасно известно, что и в те времена голод и эпидемии отнюдь не обходили Францию стороной. В то же время быстро иссякал и, наконец, совершенно иссяк поток прогрессивных сдвигов, питавший удивительное изобилие предыдущего века, а число пролетариев, угнетенных богатыми, непрерывно росло и в городах-ситэ, и в бургах, и в деревнях. Не следует забывать, что последние кафедральные соборы строились в обстановке значительного обнищания простого народа. Роскошное убранство храмов создавало лишь иллюзию процветания. Такую же иллюзию порождала и денежная масса, нахлынувшая вместе с последними волнами экономического прогресса на города, откуда власти могли при необходимости черпать нужные суммы. В условиях денежного достатка государственная машина освободилась от лишних звеньев, ее составные части притерлись друг к другу и приобрели большую жесткость. Подобно тому, как в архитектурных формах церквей, построенных во времена Людовика Святого, постепенно возобладали застывшие, однообразно правильные и холодные структурные элементы, пришедшие на смену тому, что каждый раз возникало как результат свободной импровизации, так и живая и гибкая совокупность кутюмов мало-помалу закреплялась строгими рамками логических построений. В то время как в Париже доминиканец мэтр Альберт Великий

утверждал, что «природа есть разум», а францисканец мэтр Бонаventura учил, что «разум есть естественное проявление Создателя», сам Людовик IX, по словам Жуанвиля, выдвинул в дискуссии с епископом Осера доводы разума, противопоставив их требованиям Церкви. Правда, прежде всего в этом диалоге он воззвал к Господу. И первойшей заповедью, оставленной им сыну, была любовь к Всевышнему, ибо Бог указывает человеку, как действовать разумно, а любовь к Нему ограждает от смертного греха. Все правление Людовика IX проходило под двойным знаком — разума и боголюбия.

Сам Людовик полагался также на любовь своих вассалов. Он рассчитывал на нее в стремлении утвердить свою власть во всем королевстве и, не колеблясь, шел на уступку части своих прямых домениальных владений ради укрепления баронства. Он отстаивал укрепление позиций баронов, расширение их владений и преуспел в этом. Ради того, чтобы сын Иоанна Безземельного, английский король Генрих III, стал, наконец, его вассалом и чтобы в декабре 1259 года он явился в сад королевского дворца для принесения клятвы верности, Людовик IX пошел на возвращение Генриху в ленное владение «за надлежащее служение» значительной части завоеванных им самим и его отцом юго-западных провинций. Многие из соратников Людовика осудили это решение, но король стоял на своем, цenia мир и прежде всего полагаясь на эффективность системы, при которой, как сказано в «Книге правосудия и судебных прений», «король ни от кого не может быть зависим, герцоги, графы, виконты и бароны могут властвовать друг над другом и становиться чьими-то людьми, но не король, против достоинства которого оммаж ничего не значит». И еще: «Владетели замков, нижние вассалы, горожане и селяне подчиняются людям короля, и все вместе они в руках короля».

Я цитирую здесь одного из служителей закона того времени и делаю это потому, что расширение и укрепление власти монарха было в значительной мере результатом деятельности оплачиваемых им юристов. Им поручалось от имени монарха «блюсти королевские земли согласно обычаям края». Однако, как пояснял в те годы наследнику престола Филиппу Пьер де Фонтэн, бальи Вермандуа, в труде «Советы», специально для принца написанном, эти обычаи «потеряли силу и почти все не действуют». Поэтому судьи считали себя вправе решать дела «по своим воле и разумению», поскольку ум, присущий человеку, есть как бы искра от разума Господня и позволяет, как считал Цицерон, познать законы, отвечающие нашей истинной

природе, и действовать «ради общей пользы». А посему, выбрасывая из всей совокупности обычаев, сохранившихся в общественной памяти, все то, что не казалось им «разумным», обращаясь к текстам канонического права и права гражданского, они мало-помалу создавали «кутюм Франции». Он закреплял королевские прерогативы в отношении феодалов, а также и в отношении аллодов: начинает складываться убеждение, что брать их для передачи в ленное владение может только король.

Римское право, преподававшееся в школах Орлеана, утверждало, что Капетинг — «император в своем королевстве». И одним из очевидных признаков его суверенности стала монета, которую легисты провозгласили атрибутом королевской власти. В 1263 году королевским ордонансом, подготовленным на совете деловых людей, собравшихся из Парижа, Орлеана, Санса, Провена и Лана, устанавливалось, что в королевском домене и во владениях всех баронов, не имеющих наследственного права чеканки, должна иметь хождение одна лишь королевская монета, обязательная к приему повсеместно. Через три года королевский монетный двор выпустил в обращение большие серебряные монеты, равные по стоимости турскому солю (в таких монетах нуждались крупные негоцианты), а также некоторое количество отчеканенных по византийскому образцу золотых монет — имевших чисто символическое значение и сделанных только для того, чтобы продемонстрировать имперскую мощь.

Суверенная власть короля стояла над сеньориями. Но она проникала и в сами сеньории. Обслуживая власть, дававшую им возможность личного обогащения и престижа в обществе, королевские служители стремились возможно более расширить пределы этой власти. Они покушались и на права церквей, полагаясь при этом на поддержку со стороны баронов. В 1264 году можно было слышать сетования последних на «притворное смирение» тех «сыновей сервов, которые, став клерками, берутся судить свободных людей и их ленные владения по своим законам», тогда как «земли завоевывались не заносчивостью клерков, а пролитой за них кровью воинов». Но около 1255 года епископ Лодевский жаловался на то, что «сенешали, бальи, прево, судьи и прочие придворные слуги сеньора — короля чинят суд и расправу, ведут расследование преступлений и выносят приговоры, насилем и запугиванием добиваются незаконных выплат, ведут дела о потравах» в церковных владениях, а бароны лишь радуются такому росту всемогущества свет-

ской власти. Но вскоре пришел и их черед жаловаться: подобные вторжения происходили и в их сеньории. В 1267 году сир Жуанвиля для оправдания своего неучастия в новом крестовом походе горячо любимого им короля Людовика сослался на действия королевских сержантов, которые-де в прошлый раз, пока сир был в Святой Земле, воспользовались этим, чтобы обобрать его людей.

Однако же сам Людовик IX был «ревностным блюстителем правосудия», убежденным в том, что Господь даровал ему помазание ради того, чтобы он, уподобившись библейскому Соломону, смог установить царство справедливости на всей земле. В памяти французов он остался сидящим под Венсеннским дубом и отдающим приказ допустить к нему самых обездоленных, сирых, взыскующих суда правого. Такой образ может служить прекрасной иллюстрацией к представлениям самого Людовика IX о королевских функциях, а его взгляды на эти функции определили новое устройство королевского двора: его центром стал «парламент сеньора — короля» — высший судебный орган, выслушивающий прения сторон. Оттесненные в «счетную палату» королевские приближенные, ведавшие вопросами финансового контроля, уступили свое место знатокам юриспруденции, парламентским «мэтрам». Получив в один прекрасный день из рук своего покровителя вознаграждение в виде «судейской мантии», или «ливреи», они брались выполнять его поручения с чрезвычайным усердием, воодушевленные, как и он сам, любовью к Господу и общим убеждением в том, что суд есть дело святое. Они посылали для расследований рыцарей или клерков ко всем бальи, которые теперь должны были иметь резиденцию там, где находился их суд, и если случалось, что то или иное судебное решение «явно противоречило местному обычаю», то королю как «хранителю верности кутюмам, обязанному блюсти их», надлежало исправить ошибку. Такого рода расследования приучили народ обращаться к Парижскому парламенту, решения и приговоры которого с 1254 года стали аккуратно записываться на пергаментных страницах его реестров.

Однако король хотел добиться большего, дабы полностью выполнить обеты, данные им при помазании. В 1245 году, посвятив душу и тело подготовке экспедиции в Святую Землю, он распорядился провести инквизиторское расследование. На этот раз речь не шла о том, чтобы придать большую активность охоте на еретиков. Людовику было известно, что и без того она шла достаточно успешно. Он задумал другое — пе-

рестроить управление государством таким образом, чтобы искоренить повсеместно, вплоть до далекого Лангедока, злоупотребления тех, кто неправедно судил именем короля, и наказать провинившихся изгнанием. Но доверил он это расследование не своим приближенным, а людям Божиим — монахам — доминиканцам и францисканцам, собратьям которых было поручено вести розыск катаров и очистить от них страну. И это понятно: для Людовика IX очищение судейского сословия было «делом веры», как и борьба с альбигойцами.

В крестовый поход король отправился, когда ему было 30 лет — в 1244 году. В тот год Людовик перенес тяжелое заболевание и, находясь в бессознательном состоянии, имел видение, позвавшее его в поход. Подсчитано, что он потратил на это богоугодное дело миллион фунтов, иначе говоря — сумму, вчетверо большую, чем весь годовой доход государства. Города дали четверть этой суммы, а Церковь — почти все остальное. 12 июня 1248 г. король взял посох и суму пилигрима, поднял орифламм и из Сен-Дени отправился в паломничество, придя на поклон сначала в собор Парижской Богоматери, а затем, сняв обувь, босой, — в собор Сент-Антуан. Оттуда он направился к морю. Его братья все вместе последовали за ним. Обмелевший порт Сен-Жиль не мог более использоваться, и морское путешествие началось в Эг-Морт, расположенном близ границы королевского домена, где все было специально подготовлено для отплытия. Королю пришлось пережить немало драматических приключений в дельте Нила, претерпеть многие тяготы и лишения, принять участие в кровавой битве при Мансуре и попасть в плен к неверным, а затем выплатить им выкуп. Подробно все это описано в прекрасном историческом свидетельстве его современника Жуанвиля. Когда по прошествии шести лет король-крестоносец вернулся на родину, он был неузнаваем. Неудачи, долгое пребывание в пока еще доступных местах Святой Земли, а затем проповедь о праведном суде францисканца, фанатика веры Гуго де Баржола, которую он выслушал едва сойдя с корабля, в Йере, в буквальном смысле слова преобразили короля, изменив его волю. Всю оставшуюся жизнь он проведет в покаянии. До того времени король отдавал предпочтение главным образом цистерцианцам, как и его мать, строившая обители в Мобьюиссоне, Лисе и Шаалисе.

В Руаймоне у короля были свои покои с видом на церковь. Теперь он жил, окруженный монахами нищенствующей братии, подбиравшими ему книги для чтения и повседневно составлявшими его в благочестии. Соблюдавшиеся королем рели-

гиозные предписания не отличались от общепринятых. Но выполнял их Людовик с особым усердием. Он собирал вокруг себя все больше и больше ковчежцев с мощами и носил их на своих плечах в дни церковных празднеств, подолгу присутствовал на богослужениях. И прежде все короли давали хлеб и кров во дворце нищим и убогим, но Людовик превзошел всех, пуская во дворец каждодневно 120 человек: 13 получали пищу в его трапезной и 3 — за королевским столом. Просто и бедно одетый, расставшийся с утехой своей молодости — роскошными одеяниями, неулыбчивый король стремился, как Св. Франциск, уподобиться страждущему Христу. Собственными руками он врачевал язвы прокаженных и свои королевские функции выполнял с необычайным усердием.

И было похоже, что Людовик задался целью подвергнуть свой народ столь же суровым испытаниям, какими истязал свою собственную плоть, чтобы тот набрался сил и подготовился к возобновлению борьбы против ислама. Королевские ордонансы последних десяти лет правления Людовика стали как бы средством искупления его, как он считал, слабости в одолении зла, за которую король и был наказан лишением милости Божией в крестовом походе. Все меры принимались «ради общего блага», «для пользы подданных», но прежде всего, чтобы покончить с грехом и «наилучшим образом обустроить королевство». Еще одна реформа. В Парижском университете некоторые мыслители того времени утверждали, что мир находится на пороге изменений, что он должен вступить в новый век — век Духа Святого, следующий за веком Отца и веком Сына, и этот век должен вернуть все человечество к чистоте, образец которой являло собой монашество. Назывался и срок наступления этих изменений, весьма близкий. И волей короля Франции свершалось такое очищение — вводились интердикты, аналогичные тем, какие двумя с половиной веками ранее хотели установить прелаты и князья, собиравшиеся вокруг святынь мощей в ожидании конца света.

Контрапунктом ко всей истории политического развития, которое я попытался здесь проследить, мне постоянно слышались отзвуки движения за мир Божий. Правление Людовика IX словно бы вдохнуло в это движение новую жизнь. Суверен, следуя приверженности Господу, вознамерился заставить свое королевство очиститься от скверны. Такой скверной была напрасно проливаемая кровь. И король, желая положить предел кровопролитию и настаивая, чтобы повсюду в королевстве последовали примеру его домена, запрещает судебные поедин-

ки, «дабы менее было смертей и членовредительства». Он «запретил поединки и повелел вместо боя представлять свидетелей и письменные доказательства». Людовик пожелал также и полного прекращения «частных войн», войн ради отмщения, что, конечно, было делом невозможным. Но тем не менее он призвал своих людей добиваться от конфликтующих сторон прекращения боевых действий на 40 дней, с предоставлением обеим сторонам королевских гарантий безопасности, чтобы дать им возможность за это время умерить свой пыл и попытаться склонить их к поиску решения спора путем переговоров. Скверну в королевство вносили деньги. Надо было изгнать из него тех, кто жирел, давая их в рост, — ломбардцев, каорцев, евреев. Король приказал выслать их всех, но и это оказалось невозможным. Богохульством подданных, делами непристойными, развратом осквернялось королевство. И вот азартные игры запрещены, проститутки согнаны в один из городских кварталов, а тем, кто «осмелился бы сквернословить» или «клясться какими-либо местами тела Господа нашего, или Богоматери, или святых», грозила суровая кара. Однако многие из таких мер оказались в свой черед невыполнимыми.

Не в силах создать рай в своих землях, Людовик сам отправляется на его поиски. Он поверг в изумление все королевское окружение, предприняв второй крестовый поход в Святую Землю. Умер он под стенами Туниса как мученик веры. Его народ давно уже в полном единодушии почитал Людовика святым. Церковь, вняв пожеланиям общества, официально причислила короля Франции к лику святых. Как отмечал один из современников процесса канонизации Людовика, «в управлении королевством он не только радел денно и ночью о сохранении жизней и целостности телесной своих подданных, как положено ему было по его королевскому служению... но и о спасении душ христианских заботился более, нежели представить себе можно; и так прилежно... что, выполняя по-королевски свое святое служение, он и государством правил подобно священнослужителю». *Rex et sacerdos* — король и священник, являющие собой совершенство в одном лице. Сам папа признавал: Людовик Святой сначала научился управлять собой, сдерживая разумом плотские вожделения, а затем стал править подданными, утверждая правосудие и справедливость. Силой разума, горячей любовью к Богу Людовик Святой укрепил власть Капетингов в той же мере, в какой до него это удалось сделать Филиппу Августу, а поскольку сердцевиной политических структур в ту эпоху являлись родственные связи, его

возвышение подняло на новую ступень в иерархии заслуг всю золотолилейную династию, его кровную родню и всех его потомков. Брат Людовика Карл Анжуйский, король Сицилии, считал, что и другие их братья — Роберт Артуаский, погибший в крестовом походе, и Альфонс Пуатевенский, умерший от ран и болезней, полученных в Святой Земле, также заслуживают венца мучеников веры. Сын Людовика Бернар де Клермон поменял свой титул. Если ранее он звался «сыном короля Франции», то отныне его стали называть «сыном монсеньора Людовика Святого». Святость его проявилась в освящении французской монархии.

Начиная с 1270 года, года смерти Людовика Святого, все более заметными становятся сдвиги, которые постепенно привели ко многим потрясениям и прежде всего к перевороту в представлениях людей того времени об окружающем мире. Он оказался гораздо более обширным и, главное, более многообразным и отнюдь не неизбылемым, как это им представлялось ранее. Венецианские купцы, отправляющиеся в дальние страны за дорогими и редкими товарами — тканями, мехами и пряностями, без которых не обходился теперь ни один праздничный день в домах аристократов, монахи нищенствующих орденов, которым король Франции платил, отправляя нести слово Божие в дальние края за мусульманский мир, и доходившие по Великому шелковому пути до границ Китая, — все они открывали для себя новый мир. А их рассказы о чудесных приключениях! Могли ли они тогда изумлять менее, чем потрясали слушателей повествования первооткрывателей Америки двумя веками позже? А ученые люди в те же времена с волнением и восхищением знакомились с не переведенными ранее произведениями Аристотеля, и в частности с его «Метафизикой» и комментариями к ней Аверроэса. Им открылось величие целостной и стройной системы взглядов, все положения которой вступали в острое противоречие с христианскими догмами. А когда к Кракову приблизились монгольские орды, которые можно было принять за племена Гога и Магога, предтеч Антихриста, в княжеских дворах, живших теперь в достатке благодаря усовершенствованной налоговой системе, благородное общество с изумлением узнало, что где-то на краю земли существуют иные цивилизации, с правителями мудрыми, но совершенно еще не знакомыми с Евангелием. Это общество трезво оценивало неудачи крестовых походов, считая вместе с Жуанвилем, что те, кто своими советами толкнули Людовика

Святого на новую военную экспедицию против неверных, взяли смертный грех на свою душу. Надо было видеть, что таким путем нельзя добиться желаемого результата. И не лучше ли было бы, уподобившись Франциску Ассизскому, попытаться наставлять неверных на путь истинный убеждением, праведным примером? А как можно было теперь верить, что народ христианский поставлен в центр мира и что ход истории прямо направляет его к заполнению Вселенной до самых краев? Так постепенно становились очевидными неустойчивость порядка, считавшегося ранее незыблемым, и относительная неопределенность коллективной исторической судьбы, казавшейся ранее столь строго, раз и навсегда предначертанной.

Непосредственно затронутой здесь оказывалась опора этого порядка и вершительница судеб — Церковь и ее институты. Разрушение прежних представлений толкало верующих к сомнению. Можно ли обеспечить спасение души одним лишь безмолвным присутствием на церковных богослужениях, стоя перед амвоном, отделявшим теперь в соборах народ от клира? Не ближе ли верующий к Богу, если он глубоко верует, молча молится ему и, по примеру короля, проявляет милосердие к неимущим, собирающимся толпами у дворцовых ворот? Спасая душу богоугодными делами, подаяниями, почему бы меж богоугодных дел не воспользоваться дарами природы и не вкусить естественных телесных утех, не испытать всех радостей жизни? Так исподволь подтачивалась система ценностей, строившаяся на протяжении трех веков на основе тесной связи познания с моралью.

Мало-помалу находили себе новое направление и те потоки, которые ранее приносили землям Франции процветание большее, чем ее соседям, способствовавшие распространению влияния французской науки, строительного искусства ее архитекторов, равно как и диалектов ее рыцарей не только на весь Запад, но и гораздо далее, вплоть до Кипра и Мореи. Подъем европейской экономики, обеспечивший господствующие позиции товарообмену, торговле, денежному обращению, постепенно лишал Францию плодов ее долгого первенства, которое пришлось уступить Италии с ее мореплавателями и банкирами. Деловые люди из Тосканы и Ломбардии, которые ранее в соответствии с вековой традицией отправлялись на встречи со своими английскими, рейнскими коллегами, коллегами из Фландрии, следуя через северные области Франции, теперь все чаще избирали иные пути — по новым дорогам, проложенным через Центральные Альпы, или же садились на большие суда, до-

ставлявшие их из Средиземноморья прямо к берегам Северного моря.

Французские города пока еще не очень страдали от изменений в направлениях торговых путей, поскольку именно в городах концентрировалась экономическая жизнь. Господство городов над сельскими производителями крепло благодаря развитию кредитных отношений, а тем временем городской патрициат укреплял свою власть над цеховыми ассоциациями ремесленников и купцов, контролируя дальние перевозки сырья и готовой продукции. Так, например, в Лионе муниципальная власть была в руках 18 семей, тесно связанных между собой. В Реймсе полсотни бюргерских семейств, занимавшихся торговлей полотном и ссудными операциями, высоко вознеслись над всеми прочими цехами, и «большими», и «малыми», переложив на них почти все налоговые тяготы. Реймс насчитывал в то время около 20 тысяч жителей. Париж — вдесятеро больше. Город короля был самым густонаселенным в римско-католическом христианском мире и одновременно наиболее оживленным торговым центром, благодаря обосновавшимся здесь богатейшим и расточительнейшим семействам. Ломбардцы из Асти и из Пьяченцы имели в Париже свои конторы. Огромный по тем временам масштаб торговых сделок на ярмарках в Шампани, переживавших в те годы период своего расцвета, не должен затмевать тот факт, что Париж играл тогда не менее существенную роль в финансовой области. Укрывшись за стенами, города поддерживали в королевстве иллюзию изобилия и благополучия, притягивавшую к себе, подобно миражу, бедняцкое население окрестных равнин.

Но вне городских стен существенные изменения экономической конъюнктуры уже становились очевидными. Горожане теперь вкладывали деньги главным образом в виноградарство, животноводство и лесное хозяйство, и, стало быть, росли цены на пастбища, на все более доходный строевой лес (в некоторых местах леса стали стоить вдвое дороже пахотных земель). В результате прекратились раскорчевка и распашка новых земель. Поля с продовольственными культурами отступали от городов, теснимые виноградниками, а по краям целинных земель, куда эти культуры оттеснялись, почвы были столь малоплодородны, что урожайность сходила на нет. Приходилось возвращаться на старые обжитые места, где создавался избыток населения, и, как следствие, возникала нехватка продовольствия. В пикардийских селениях теперь лишь одному крестьянину из десяти хватало средств на жизнь, и зачастую он

оказывался лучше обеспеченным, чем его благородный мелкопоместный сосед. Каждый десятый не имел никаких средств и должен был идти побираться. Все прочие семьи, располагавшие менее чем тремя гектарами, могли прожить, лишь продавая свой труд. Мужчины шли наниматься к богатым фермерам, а женщины брались прясть пряжу для городских заводчиков. С 1270 года рост населения прекратился в результате всеобщего обнищания: скудное питание увеличило детскую смертность, да и взрослые стали умирать раньше. Особенно заметно сократилась рождаемость, поскольку женщины стали менее способны к деторождению и возможно потому, что в брак они стали вступать позже. Так, ко времени смерти Людовика IX прервались те глубинные процессы, которые с раннего Средневековья питали всесторонний прогресс во Франции.

Вместе с расцветом культа Людовика Святого королевство Капетингов достигло апогея своего величия и мощи в годы правления Филиппа IV, прозванного Красивым. Красивый король — прекрасно королевство. Оно в его время стало более густонаселенным, чем когда-либо ранее, и каким оно уже не будет впредь, вплоть до времен Людовика XV. При Филиппе IV остро нуждающееся в деньгах государство начало осуществлять повсеместный учет потенциальных налогоплательщиков, что позволяет историку назвать определенные цифры, не рискуя слишком сильно ошибиться: от 20 до 23 миллионов жителей на всей территории, равной современной Франции. Впрочем, тогда же и начались изменения, придавшие территории страны гексагональную форму. Это был отход с Юга — король отказался от своих суверенных прав на каталонские земли за Пиренеями. И продвижение вперед на Востоке — к Тулу, Вердену и на плато Барруа. Таким образом, влияние королевских лилий чувствовалось теперь на всем протяжении от Шампани до Лотарингии, освобождавшейся от имперского господства так же, как и Прованс, где графами стали потомки Карла Анжуйского, брата Людовика Святого. В Лионе король поставил своих людей. Властитель герцогства Бургундского жил в Париже, а его дочь вышла замуж за одного из сыновей Филиппа Красивого. Графу Савойи французский королевский двор выплачивал ренту. Получал от него ренту и наследник графа Вьеннуа, который вскоре продал королю все свои права. Его титул перешел к будущему наследнику королевского престола. А за альпийскими перевалами плодородные долины Италии уже привлекали внимание властолюбивых принцев французского королев-

ского дома. Они отправлялись туда в поисках приключений, и один из них стал править Неаполем, мечтая овладеть и Сицилией.

Будучи властелином самого обширного и самого мощного государства Западного мира, король Франции, тем не менее, не стремился к обладанию титулом императора. Фактически он уже правил целой империей. В своем качестве бесспорного наследника Карла Великого он мог, по мнению юристов того времени, господствовать и над Церковью в своем королевстве, покровительствуя ей за его пределами. Папский престол постепенно попадал в зависимость от его власти. Сложилось обыкновение собирать вселенские церковные соборы уже не в Риме, а на берегах Роны, куда прелатам, съезжавшимся из всех христианских стран, попасть было легче. В папской курии множилось число кардиналов из Франции.

В 1261 году сын ремесленника из Труа, обладающий учеными степенями, воспитанник парижских школ, завершил свою головокружительную карьеру, став сначала папским капелланом, а затем вступив на престол Св. Петра. Он тут же поспешил облачить в кардинальский пурпур тех, с кем вместе учился. В коллегии кардиналов сложилась, таким образом, сильная группа прелатов, готовых внимательно прислушаться к любым пожеланиям Капетинга и очень неуютно чувствовавших себя, находясь за Альпами. В 1306 году им удалось обеспечить избрание на папский престол выходца из Аквитании — Клементя V. Он пожелал обосноваться поближе к месту проведения соборов: в то время они созывались во Вьенне. Покинув Рим, понтифик перебрался в Конта-Венессен, бывший домен графов Тулузских, лишенных своих наследственных прав, которые присвоил Святой Престол. Папскую канцелярию он расположил в Авиньоне, где вскоре обосновался и сам. После него там остались и его преемники. За рекой напротив Авиньона Филипп Красивый приказал построить сторожевую башню — она словно брала Авиньон под свою защиту и одновременно господствовала над ним, являя собой бесспорное свидетельство подчиненного положения папской власти по отношению к могущественному королю Франции.

В то время все еще смешивали государство с королевскими домом и двором. И Филипп Красивый, постоянно окруженный ближайшими родственниками, действует прежде всего как глава семьи и всего своего рода. Каждый день он молится за упокой души усопшей родни, за Людовика Святого, по правую

руку от которого он избрал место своего упокоения. Перед смертью Филипп завещает сыну неизменно следовать советам его дядьев. «Семейство», в котором он главенствует, имеет весьма широкие рамки и насчитывает несколько сот человек, расставленных по различным службам и «палатам»; они повсюду следуют за королем, куда бы он ни направлялся. А Филипп, действительно, все время в пути — либо к полям сражений, когда возникает необходимость, либо к местам паломничества, к монастырю Мон-Сен-Мишель, к храму Богоматери Булонской, к кельям отшельников в Мобюиссоне или в Пуасси, или же проводит время в нескончаемых выездах на охоту, коей он был большой любитель. Таким образом, «королевский дом» фактически отделился от «двора», оставшегося в старом, хоть и расширенном, дворце в парижском ситё. Сохранившиеся архивы того времени, которые с тех пор стали содержаться в полном порядке, позволяют представить себе, как функционировали центральный орган королевской власти и люди, в нем работавшие, более ясно, чем документы предшествующей эпохи. Среди тех, кто занимался деньгами, было несколько иностранцев — «ломбардцев», таких как Биш и Муш де Сан Джиминиано, имевших в Париже собственные денежные «лавки» (банки). Однако главное внимание по-прежнему уделялось правосудию, доверенному попечению клерков и рыцарей короля — «рыцарей закона». Последние располагали оружием двоякого рода — мечом, полученным при посвящении в рыцари, и юридическими знаниями, обретенными на школьных скамьях. Но и те и другие были лично связаны с королем оммажем и клятвой верности, а также отдельной присягой, в соответствии с которой они обязывались честно хранить физическую неприкосновенность своего господина, его честь и его секреты. Они были верными слугами: ни одного из них королю ни разу не пришлось наказать немилостью. Поощряемые щедротами монарха, они думали и трудились для него.

В эту же группу входили и «легисты» — юридические советники короля, среди которых более других известен Гильом де Ногаре. Все они были выходцами из южных провинций, незадолго до того присоединенных к королевскому домену; полученное в Тулузе или в Монпелье образование обогатило их знанием норм римского права, которыми руководствовались в Руэрге, в Керси и трех сенешальских округах Лангедока большинство судей, адвокатов, прокуроров, вынося приговоры или защищая интересы клиентов. И римское право теперь использовалось для обеспечения интересов короля. Не стоит, однако,

преувеличивать роль «гражданского права» в том, что касалось укрепления господства династии Капетингов в королевстве. В глазах дворцовых служителей это господство опиралось прежде всего на все то, что во власти оставалось феодальным. Действительно, как и ранее, главной опорой вооруженной силы был фьеф. Именно ленные поместья обеспечивали обучение и вооружение воинов, а иерархия вассальных зависимостей обязывала все население королевства служить и повиноваться лично королю.

Именно так видел свое время — около 1280 года — Филипп де Бомануар, бальи Бовези, смотревший на обычаи своей страны глазами практика. Он отмечает, что и в его время опорой мирской власти и порядка, их краеугольным камнем все еще остается сеньория, становление которой в XI веке было показано мною выше. Сеньор правит суд над всеми своими подданными, будь то престолоудин или дворянин, и ему общего блага ради вверяются забота о сиротах, обеспечение безопасности на больших дорогах, надзор за точностью мер и весов. Но поскольку все право вершить суд мирской ему пожаловано королем как феодал или арьер-феодал, любая сеньория и связанные с ней права оказываются частью целостной феодальной системы, и ее держатель приносит за нее оммаж вышестоящему сеньору, которым может быть король, но чаще кто-то из «держателей баронии». А бароны, на которых лежит обязанность быть хранителями церквей, собирать ополчение для короля, и которым разрешено своими «установлениями» изменять кутюмы, реально обладают суверенностью. Вместе с королем они являются совладельцами суверенности, подобно тому как в начальный период феодализма рыцари замков выступали вместе с шателеном в качестве владетелей замка и всей его округи. В этом отношении неизменность механизма системы поразительна: французское королевство, — как некогда округа, подвластная владетелю замка, — слишком обширно для единоличного правления и должно управляться по принципу кондоминиума. В самом деле: бароны — люди короля, его друзья, какими были и рыцари замка для шателена, и их обязанность — служить королю. Феодальная система ставит короля на верхнюю ступень иерархической лестницы. Ни один барон не может принимать свои «установления» против королевской власти, тогда как король издает ордонансы, обязательные к исполнению во всем королевстве в «военное время, в такое время, когда грозит война, и при необходимости», что, между прочим, дает ему возможность получать субсидии

даже в мирное время при условии, что решение принимается на «большом совете» и «разумно».

«По-настоящему сильную монархию можно было бы построить единственно на идеях Бомануара» (Ж. Стрейер). «Гражданское право» лишь подкрепило совокупность норм, содержащихся в кутюмах. Достаточно было строго выполнять их, мало-помалу влияя на их эволюцию в желаемом направлении. Так было со статусом апанажей. Нормы обычного права все более и более четко определяли, что апанажи отделяются от королевского домена лишь временно, с тем чтобы «сыны Франции» могли иметь достойное содержание. Главным и достаточным при этом было обеспечить для расторопных королевских посланцев, наблюдавших за соблюдением этих норм, свободу действий за пределами собственно королевского домена, покрывавшего две трети территории королевства. Население постоянно обвиняло этих людей в ненасытной жадности. Действительно, для надлежащей организации управления королевских посланников требовалось все больше и больше. Но все эти сенешали, судьи и баьи не были мздоимцами. Вопреки мнению жалобщиков, они вовсе не относились к числу выходцев из низов. Однако, поскольку им надо было получать вознаграждение и платить своим сержантам — стражникам, помощникам в борьбе с преступностью, с неуплатой налогов, использовалась любая возможность для расширения рамок своей компетенции, ограничивая тем самым пределы иных, тесно переплетавшихся между собой органов юстиции, тесня повсеместно церковные суды, которые на практике также стремились расширить свою юрисдикцию и суды владетелей феодалов. Эти владетели в конце концов и стали противиться нововведениям, объединяясь и опираясь на возрожденную ими земляческую солидарность, а после смерти Филиппа Красивого добились на некоторое время возвращения к старым порядкам.

Историки не раз задавались вопросом о степени личного участия Филиппа в делах государства. Этот король стоит первым среди тех, о ком историкам хотелось бы знать: какие мысли занимали его в те минуты, когда он не был погружен в молитву или увлечен охотой; и что именно он действительно решал? Вопрос этот возник потому, что, поскольку государственная машина работала сама по себе, как бы по инерции, и колеса государственного механизма, достаточно отлаженные, крутились ровно, король Филипп, человек весьма грамотный, заставлявший читать себя тексты Бозэция по-французски,

обычно доверял ведение дел своим службам и воздерживался от участия в практической деятельности, пока речь не шла о военных экспедициях. Вместе с прекрасным знатоком произведений Аристотеля Пьером дю Буа он полагал, что не пристало царям опускаться до мелочных дискуссий. Красавец Филипп был весьма немногословен. По свидетельствам тех, кто близко знал его, «он ограничивался тем, что молча глядел людям прямо в глаза». Достоверно известно одно: он прожил жизнь в поклонении Людовику Святому и всегда стремился подражать ему. Всю жизнь он мечтал возглавить крестовый поход и, может быть, погибнуть в нем. Старая, оставшийся вдовцом король принялся подвергать себя все более суровым истязаниям. Его дед некогда укрепил влияние на «галликанскую» Церковь, отстояв в дискуссии с папой на Лионском соборе право бесконтрольного обложения Церкви в обмен на свое покровительство. Филипп всеми силами защищал Церковь. Свойственное ему постоянное стремление к самоочищению, к очищению своих близких, своего народа и всей Церкви, его представление о себе как о «наместнике земном» Царя небесного, убежденность в том, что власть он получил от самого Господа, и решимость, — как свидетельствовал доминиканец Иоанн Парижский со слов короля, — отлучить от Церкви и сместить с престола самого папу, если тому случится оскорбить чувства верующих, — все это объясняет предпринятые от имени монарха меры, направленные против притязаний папы Бонифация VIII, включая известную пощечину в Ананьи. Король Франции был убежден, что Бонифаций недостоин папского престола, и не менее твердо он был убежден в виновности храмовников, веря их собственным признаниям. Когда король дал приказ отправить тамплиеров на костер, он руководствовался отнюдь не стремлением завладеть богатствами ордена, а желанием следовать примеру своих предков, «пекшихся более, нежели все другие государи, об искоренении ересей и других заблуждений», и сознанием того, что его долг — очистить Церковь от сего срама. По этой же причине в то время в его судах вновь началась охота на ведьм. Тем, кто от Бога имеет меч правосудия, приходится порой выполнять ужасную работу.

Господь повелевает также сильным смирять свою гордыню. А таких в королевстве было немало. На протяжении 30 лет своего правления Филипп Красивый должен был беспрестанно направлять ополчение то на один край королевства, то на другой — против двух могучих противников, выступавших сообща, как совместно выступали враги французского короля в ка-

нун битвы при Бувине. На Юго-Западе Филиппу пришлось положить предел дерзости самого мощного из своих вассалов — короля англичан, не выполнявшего должным образом вассальных обязательств и, самое главное, противившегося наплыву посланцев капетингской власти, которые своим вмешательством все более ущемляли полученные английским государем от французского короля права на Гасконь, Аженэ и Сентонж. В наказание за вероломство по отношению к сюзерену на эти феоды был наложен секвестр, после длительного торга они были возвращены ему обратно, но уже в значительно урезанном виде. А на Севере вызов, брошенный власти французского короля, был столь резок, что привел в изумление его советников. Они считали, что могут изымать деньги у крупных городов Фландрии так же легко, как и у ситэ королевского домена, где патриции платили, возмещая затем свои потери за общественный счет. Советники не учли, однако, нрава местного государя и его родни, которые продолжали упорно сопротивляться даже тогда, когда графство подверглось конфискации и было занято королевским войском. И главное, не было учтено упорство очень крупных конгрегаций ткачей, не желавших мириться с засильем дельцов-перекупщиков. Ткачи, хотя и не успели цивилизоваться, но были готовы постоять за честь нации. Фламандские ремесленники быстро осознали свою силу. В битве при Куртре 11 июля 1303 г., рискуя всем, вооруженные простыми ножами, какими пользовались обычно рутьеры, ткачи города Брюгге осмелились вступить в бой с благородными рыцарями. Всадники — обладатели золоченых шпор не сомневались, что в два счета справятся с обнаглевшей чернью. Но ткачи «вырезали весь цвет французского дворянства», сбросив рыцарей из седел в грязь придорожных канав. Более 200 убитых, и среди них Роберт д'Артуа и граф де Сен-Поль. Затем — новый позор. На следующий год Филипп Красивый отправился смывать нанесенное оскорбление. Ему едва удалось подняться после того, как он оказался выбитым из седла, подобно Филиппу Августу в битве при Бувине, и только мощными ударами боевой секиры он смог проложить себе путь к победе в этом бою. Но король так и не смог сломить сопротивление мятежников и заставить склониться перед собой эту страну, ставшую совершенно чуждой французской культуре и по своему языку, и по своим нравам, после того как ее граф, вынужденный пойти на переговоры, уступил французской короне Лилль, Дуэ и Бетюн. Королевская армия постоянно должна была возвращаться туда и устрашать Фландрию.

А эта армия, легкая и тяжелая кавалерия, стоила огромных денег, поскольку ее надо было снабжать всем тем, что требовало регулярной замены, и в особенности лошадьми. Но еще и потому, что король, по словам Пьера дю Буа, послушался «плохих советчиков», сделал обычной выплату содержания «графам, баронам, рыцарям и их оруженосцам, хотя они обязаны были служить с оружием в руках и воевать за свой счет, дабы оправдать свое владение леном». Государство оказалось перед необходимостью всячески изыскивать необходимые денежные средства, что толкало его к тому, чтобы, опираясь на права суверена, быстрее освободиться от феодальной оболочки.

Ради покрытия расходов, которые было принято называть временными, хотя непрерывный рост уже превратил их в постоянные, государству приходилось регулярно накладывать руку на огромные богатства французской Церкви, для которой выплата в казну десятой части доходов, в принципе предназначенной для все еще продолжавшейся подготовки крестовых походов, давно стала привычной. Но окружение короля считало себя вправе более свободно использовать эту часть церковных богатств, не считаясь с требованиями папы, желавшего пользоваться правом разрешать или не разрешать такого рода изъятия из доходов Церкви. Люди короля стремились прежде всего взять возможно больше у «подданных», не ограничиваясь тем, что поступало в казну в виде помощи от вассалов. При этом широко использовалось право короля своими ордонансами корректировать нормы кутюмов «в случае войны» и «ради общей пользы». Так в жизнь вошла новинка — налог. Этот инструмент обнаружили случайно, безуспешно перепробовав множество способов получения денег и увидев невозможность оценить средства, подлежащие обложению. Выяснилось удивительное обстоятельство: в богатой и процветающей стране звонкая монета оказалась чуть ли не редкостью. Пришлось для начала принять меры, направленные на предотвращение ее утечки из страны. И по границе с Италией — страной крупных банков — появилось нечто такое, чего здесь никогда ранее не бывало — ограда со множеством контрольных постов.

Оставалось заняться и самой этой звонкой монетой — прерогативой короля. Ему надлежало решать, какая монета и с каким знаком на ней будет иметь ту или иную стоимость в денье или в су. Он имел право по своему усмотрению менять эти знаки, определять, когда та или иная монета изымается из обращения, а вводится новая, извлекая при этом выгоду от че-

канки. Но подобные манипуляции расстраивали весьма хрупкую и уязвимую систему денежного обращения, в которой золотые монеты ходили теперь одновременно с серебряными, а стоимость обоих металлов постоянно менялась. Государство не справлялось с непомерно тяжелой задачей подчинения денежных инструментов своим интересам. Само того не желая, оно подрывало стабильность денег как меры стоимости и в глазах современников стало выглядеть разрушителем моральных устоев, греховным. Оно было вынуждено оправдываться, находить ответ на упреки. Высвобождаясь из пут феодализма и возвышаясь над ним, государство оказывалось как бы без опоры, что вынуждало его искать поддержки со стороны всех своих подданных, не полагаясь более на одну лишь известную преданность вассалов. Сталкиваясь с растущими трудностями, порожденными самим процессом своего развития, государство было вынуждено добиваться доверия нации. Надо было объяснять свои действия, давать обещания, вступать в диалог.

С какого-то времени сложилось обыкновение периодически собираться в больших церквах или на городских площадях и слушать нескончаемые проповеди нищенствующих братьев. Теперь стали собираться точно так же, чтобы выслушать и служителей государства. В присутствии безмолвствующего короля эти люди с начала XIV века регулярно выступают перед представителями всех социальных групп или, по меньшей мере, тех из них, с которыми приходилось считаться, представителями трех «сословий» куртуазного общества, превращенного теперь силою обстоятельств в общество городское. Так во Франции начиналась эра политических дискуссий. Тему одного из первых диалогов между государством и народом задал острый конфликт между королем и папским престолом по вопросу о суверенности французской короны. В апреле 1302 года в соборе Парижской Богоматери собралась тысячная толпа, чтобы послушать, как обсуждается папская булла, которой провозглашалась подчиненность короля Франции папскому престолу. Большинство собравшихся составляли люди баронств и городов. Папа объявлял о своем намерении реформировать королевство и галликанскую Церковь. Король, со своей стороны, обещал сам осуществить эти реформы и через несколько месяцев выполнил обещанное, обнародовав соответствующий ордонанс, который создавал впечатление возврата ко временам «монсеньора Людовика Святого». Монархическому государству надо было приложить немало усилий, чтобы обеспечить себе необходимую народную поддержку.

В дальнейшем подобные собрания проводились все чаще: для оправдания требований новых субсидий, введения пошлин, объяснения перетрясок монетарной системы, а также для дачи множества обещаний. В этих делах важно было мнение горожан. Именно их надо было склонять на свою сторону. Такие местные собрания шли поэтому в городах, с участием представителей всего края, и организовывались по образцу, заимствованному у земель Лангедока, где уже с начала XII века в ситё народ вел диалог с властью. И власть вынуждена была упорно торговаться, в чем-то уступать, на чем-то настаивать, жертвуя подчас, чтобы добиться желаемого, теми из своих приспешников, кто, слишком откровенно обогащаясь, давал основание заподозрить себя в присвоении средств из казны. Состоятельные горожане были готовы приоткрыть свои сундуки ради обороны королевства, но вовсе не желали делать это ради обогащения бюрократов и укрепления административных структур, которые они считали чем-то бесполезным и обременительным. Так, колесо фортуны слишком быстро вознесло камерария Ангеррана де Мариньи на высоты, где он оказался весьма близко к казне. И стал одним из первых среди «козлов отпущения», которых монархия отдавала в руки мстительного народа, чтобы тот спокойнее переносил неумолимо растущее бремя государственного налогообложения.

Не следует упускать из вида ту роль, которую в последние годы правления Филиппа Красивого сыграл грех, незаметно закравшийся в самое сердце королевского дома — в души тех, кто был наиболее близок к суровому королю, известному строгостью своего поведения. И вот разгорается последний скандал — на этот раз в самом королевском дворце. Супруги трех сыновей короля слишком далеко зашли в куртуазных играх. Две из них с ведома третьей предались утехам с любовниками. В 1314 году — году смерти короля — их прелюбодеяние открылось и пятно позора легло на царский двор. Надо было смыть это грязное пятно самыми жесткими мерами. Любовники принцесс были оскотлены и с них, живых, содрали кожу, а обе виновницы позора стали узницами крепости Шато-Гайяр, где одна умерла от холода в первую же зиму, а другая провела долгие годы и окончила свои дни в монастыре. Не следует рассматривать эти события как простую страницу скандальной хроники. В них проявилась жажда наслаждений, овладевшая высшим обществом после смерти Людовика Святого. И вот желание предаться радостям жизни пришло во французский королевский двор. А ведь ранее его отличали от всех про-

чих европейских дворов и ставили ближе к престолу небесному именно благодаря свойственным ему и составляющим его силу строгости нравов и суровости. Теперь же скверна коснулась и самого золотолилейного дома. Недоверие, которое Филипп IV питал к женщинам, выросло многократно. Уже на смертном одре своим ордонансом он устанавливает, что за неимением наследников мужского пола Пуату должно было вернуться в королевский домен, «дабы не попал этот апанаж в женские руки». Так наследницы были лишены права наследования.

Конечно, они и так уже отстранялись от престолонаследия по достаточно веским причинам. Как писал францисканец Франсуа де Мейронн в своем комментарии к «Граду Небесному», статус венценосца — это не наследственное достояние, а сан, аналогичный сану израильских первосвященников, которые все, как следует из «Книги Царств», были мужчинами. И король Франции — никто в этом не сомневался — являлся не только королем, но и священником, а женщинам доступ к духовному сану закрыт. Поэтому ни дочь Людовика X, ни дочери обоих его братьев, правивших после него, не были допущены к наследованию трона. И когда со смертью одного за другим всех трех сыновей Филиппа Красивого, не оставивших наследников мужского пола, угасла прямая линия рода Капетингов, многие, несомненно, заключили, что все это — наказание за грехи их жен. Этот грех подточил и сломал династию. Не будем спешить с утверждением, что распутство принцесс из Нельской башни никак не связано с возникшими тогда и длившимися целое столетие потрясениями, в центре которых оказалась французская корона.

XIV. ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ СТОЛЕТИЕ

Если бы из того крупнейшего периода истории, который я рассматриваю в этой книге, пришлось оставить в памяти одну-единственную дату, то этой датой оказался бы 1348 год. Именно в то лето во Францию пришла «черная чума», и после уже ничто не походило на прежние дни. Это было капитальное событие. В самом деле, оно означало конец исторической эпохи — той, которую по привычке мы продолжаем называть Средневековьем.

Соединение бубонной чумы, разносимой крысами, с легочной чумой, передаваемой капельным путем, через слюну, привело к ужасающей смертности в королевстве, численность на-

селения которого и без того падала. В течение некоторого времени кривая смертности поднималась медленно, затем она подскочила, причем в одних областях выше, чем в других. Возможно, эпидемия обошла стороной места, находившиеся поодаль от торговых путей. По правде говоря, нам ничего об этом не известно. В архивах сохранились лишь крайне отрывочные и неточные данные, не позволяющие прийти к каким-то определенным заключениям. Известно лишь, что чума особенно свирепствовала в местах скопления людей — в монастырях, воинских гарнизонах, большинстве городов. Вторгнувшись в страну летом 1348 года, чума ее не покидала, давала все новые и новые вспышки. Эпидемия повторилась в 1353–1355, в 1357, в 1377–1378, в 1385–1386 годах. На какое-то время бедствие отступило, но затем возвратилось, свирепствуя с новой силой, — в 1403, в 1419 годах. Тщательные изыскания позволили сделать вывод о том, что к 1390 году население Нормандии составляло лишь 43 процента от численности населения в начале века. Что же касается Франции в целом, то можно предположить: чума унесла в могилу добрую половину всех живших тогда мужчин и женщин.

Попробуем представить себе те последствия, которые могло бы вызвать схожее по своим масштабам потрясение, случись оно в наши беспокойные дни. Четыре—пять миллионов жителей одного только парижского района умерли бы в течение лета от болезни, которая длится лишь несколько часов и от которой никто не может вылечить. Смятение. Прежде всего: что делать с горой мертвых тел? А потом людей начинают мучать вопросы: какой общий грех навлек на них эту кару? Каким образом, каким покаянием избавить себя от этого бедствия? Вплоть до самого основания потрясены были все прежние представления о Вселенной, об отношениях человека со сверхъестественным. Возносили моления Господу, обращались и к тем, кому Он доверил поддержание Божиего порядка на земле. Они отвечали за этот порядок. Они должны были ограждать людей от беды. Но приходилось убеждаться в том, что ни Церковь, ни король ничего не могли сделать. Не потому ли, что они ни на что не годны, что на народы падают грехи их управителей? Приходилось надеяться на самих себя, не ища других посредников. И если историк внезапно обнаруживает поток проклятий, обращенных к государям, столь странные формы набожности, такое количество колдунов, которых подвергают преследованиям, то объясняется все это мгновенным расширением границ царства сомнения и потерянности.

К смерти люди привыкли, она наносит жестокие удары, однако — по установившимся правилам; ее жертвами становились в первую очередь дети, а затем бедняки. Но «черная смерть» наносила удары как бы вслепую, поражая и людей во цвете лет, и людей состоятельных. Результатом было расстройство общественных отношений, проявившееся в первую очередь в сфере труда. Вместо прежнего переизбытка рабочих рук возникла их нехватка. Уцелевшие работники требовали платить им больше. Заработная плата парижского каменщика увеличилась в четыре раза за десять лет после начала эпидемии; бесполезными оказались ордонансы короля, долгом которого было удерживать цены и который полагал, что может добиться этого одним своим словом. Бедняки как бы брали реванш, и это представлялось возмутительным. Тем не менее, благодаря чудовищным гекатомбам социальное тело смогло освободиться от чрезмерного груза. Как показывают раскопки, в те годы многие деревни и хутора обезлюдели. Не из-за бедности; крестьяне покинули менее плодородные места, где они прозябали, чтобы осесть на более богатых землях, на которых оказались свободные участки. Поскольку население уменьшилось наполовину, то соответственно снизился и объем производства, однако размер капитала удвоился у каждого уцелевшего. Уровень жизни мгновенно подскочил на всех этажах общественного здания. Очень мало осталось от того, чем располагали люди до «великой чумы». Все, к чему мы можем прикоснуться сегодня, что можем увидеть, — дома, обстановка, утварь, одежда — все создано после эпидемии. Почему? — Потому что обретенный достаток позволил ныне сооружать из камня то, что раньше строили из ветвей или самана, носить суконную одежду и белье вместо звериных шкур, есть из более пристойной посуды. Люди, которым раньше приходилось довольствоваться хлебом и водой, благодаря достатку стали теперь употреблять мясо, пить вино. Число вилланов уменьшилось в два раза, но они лучше питались и поэтому легче выдерживали груз сеньории. Сами же сеньории стали более крупными, ибо смерть разила знатные роды так же, как и другие. В конце века сеньория выглядит прочнее, чем когда-либо ранее. Подданные легче выносили и давление публичных властей. По всей видимости, налоговая система, поддерживающая современное государство, не смогла бы с такой легкостью укорениться, как это произошло, если бы из-за «черной чумы» не уменьшилось число очагов, между которыми распределилась облагаемая денежная масса.

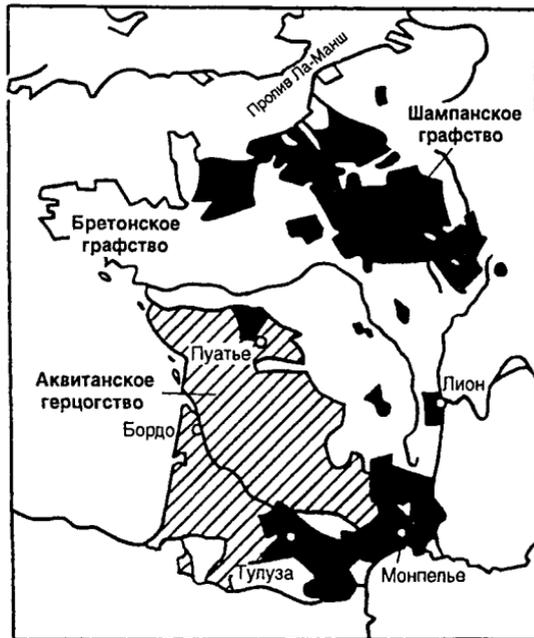
Налоговое бремя стало тяжелее, ибо не прекратилась война, превратившаяся в постоянную во времена Филиппа Красивого. Говорят о Столетней войне. Но она не ограничилась этим сроком, длилась гораздо дольше. Имеется в виду война публичная, та, в которой выступает король. Он созывает всеобщее ополчение, окружая себя все большим числом вассалов и подвассалов. Летом 1340 года собираются около 50 тысяч рыцарей с оруженосцами, а если считать и их слуг, то в целом не менее 80 тысяч воинов. Они охотно откликаются на призыв короля. Каждый год, когда возвращаются теплые дни, король дарит людям со шпагой самые прекрасные мгновения их жизни. А кроме того, вознаграждает их чеканным золотом. Денежное довольствие становится отныне основой всей военной системы. Поэтому государство должно было расширять и укреплять свое право распоряжаться ресурсами страны. Изымая как можно больше суммы денег, оно перераспределяло их среди людей благородного сословия. Их еще продолжала кормить сеньория, но своему достатку они все более были обязаны государству, ибо являлись воинами. Отпрыски благородных семейств с охотой шли служить своим оружием сюзерену, они сражались в небольших сплоченных отрядах, бок о бок с родственниками, друзьями, соседями. Отнюдь не все отряды расходились по домам во время мирных передышек. Некоторые продолжали воевать. Ибо вооруженные действия, которые велись в рамках публичной войны, естественно создавали самые благоприятные условия для войны частной, для бандитизма.

Поскольку королевство было богаче всех других, оно представлялось великолепной добычей. Люди войны оспаривали ее друг у друга — и те, кто жил в ее пределах, и те, кто пришел сюда. Но вот что изменилось. Если во времена Филиппа Красивого сражения происходили лишь на рубежах Франции, то ныне полем боя стала вся страна. Ее вновь наводнили люди войны, как три века назад, когда устанавливался феодальный порядок, когда соперничали между собой замки. В самом деле, в то время вновь приобретают силу некоторые конструкции политической системы, которую мы называем феодальной. Такую феодальность английские историки окрестили «незаконнорожденной». Она означает возврат к древнейшим формам, прежде всего к изолированности. Публичная война и бандитизм затрудняют коммуникации; вновь становится трудно управлять с дальнего расстояния; наступательные и оборонительные действия, следовательно, и мощь приобретают местный характер, обуславливая возрождение старинных уз соли-

СОБИРАНИЕ ЗЕМЕЛЬ КОРОЛЯМИ ФРАНЦИИ (XIII–XIV вв.)

- Королевский домен (1270г.)
- ▨ Апанаж сыновей Людовика VIII и Людовика Святого

- Королевский домен по договору в Бретини (1360 г.)
- ▨ Фьефы короля Англии

дарности в пределах края, кантона. Эти узы оживил и сам король. Чтобы противостоять вторжению, он организует, как некогда Карл Лысый, глубоко эшелонированную оборону. В 1358, 1367 годах король приказывает провести проверку укрепленных мест, усилить их. И если французские просторы изобилуют крепостями, то произошло это их «ощетинивание» именно в рассматриваемую эпоху. Несомненно, что фортификационное строительство шло быстрее, чем в 1000 году, а замковые башни ныне не только символизируют право карать, но и являются оборонительными сооружениями. Защитные валы окружают дома знати, приходские церкви, монастыри, мосты.

Рыцарские достоинства вновь обретают ценность. И не только потому, что возможности для проявления воинской доблести возникают столь часто. Государи и сам король желают надежнее оградить себя от неверности, от предательства. Поэтому они собирают вокруг себя верных и достойных людей, организуя их как рыцарский орден. Более, чем когда-либо ранее, рыцарство выглядит опорой публичной власти. Как тамплиеров или храмовников, этих рыцарей объединяют коллективные литургии, общее уважение к кодексу чести; тщательно отобранные члены рыцарских братств чувствуют, что они ныне служат не Христу, но Государству. В каждом из крупных и мелких узлов политической ткани вокруг одного патрона образуются клиентелы, которые менее открыты, но гораздо более действенны. Структура господствующей части общества становится зернистой, ячеистой. В ней проявляется тенденция ко все большему разделению на множество небольших твердых ядер, которые крепятся благодаря клятвам преданности, письменным контрактам, содержащим гарантии участия в доходах от властвования. Появляются группы интересов, оспаривающие добычу в остром соперничестве друг с другом, придворные партии, полковые партии в армии. Наконец, поскольку война затягивается до бесконечности, опасность стала угрожать со всех сторон. Вслед за благородными людьми, которые мечтают в первую очередь об удаче, во множестве появились авантюристы, которые только о ней и помышляют. Действительно, любой смельчак мог тогда, как высокопарно выражался хронист Фруассар, «возвыситься на военном поприще». Надо понимать: обогатиться путем грабежа.

Перемены увеличили значение городов. Именно в этом новая феодализация отличается от предыдущей. Город ныне окружен более обширным и лучше охраняемым кольцом крепостных стен. В любом краю он — главная фигура для тех, кто

ведет стратегическую игру, основное убежище для тех, кому эта игра непосильна. Город систематически опустошают эпидемии, но сюда непрерывно стекаются новые людские потоки, ибо здесь они находят спасение от солдатских бесчинств. В те годы население Реймса на одну четверть состояло из беженцев. И отнюдь не все они были неимущими. Многие являлись благородными людьми, зажиточными крестьянами. Например, за стенами Экса укрывалась семья, которая продолжала оттуда эксплуатировать свои владения, находившиеся далеко от города и не имевшие хорошо укрепленной усадьбы. Но особенно важным было превращение города в главную опору осаждаемого со всех сторон государства, ибо город мог платить.

Налоги обрушились на этот преобразовавшийся мир. Действительно, ведя войну, король не мог ограничиться обычными поступлениями в казну. Доходы были явно недостаточными по сравнению с расходами. Война же позволяла требовать новых денежных поступлений в силу «необходимости». Налоговые уловки, к которым беспрепятственно приходилось прибегать государству, вносили беспорядок во все хозяйственные потоки. Манипуляции с денежными единицами позволяли казне получать какие-то небольшие дополнительные суммы, но приводили к исчезновению с рынка драгоценных металлов и к расстройству в торговых обменах. Что же касается той помощи, которую соглашались оказывать церковные учреждения и бароны, то весь ее груз перекладывался на крестьянство. Без сомнения, он был менее тяжелым в отдаленных провинциях, таких как Овернь. Но в Нормандии, которая находилась ближе к властным центрам, монархия с пылом принялась после 1337 года вытряхивать из крестьянских карманов всю наличность. Это привело к расстройству в крестьянских доходах, нанесло непоправимые удары по первичной производственной ячейке, по мелким сельским хозяевам. Тем не менее общины, видя надвигавшиеся со всех сторон опасности, согласились платить налоги, чтобы укрепить защитные сооружения, содержать королевских стражников, которые, как ожидалось, должны были пресекать грабежи. Таким образом, в народной гуще в 50-е годы XIV века формируется привычка регулярно собирать деньги на общественные нужды.

В конечном счете благодаря непрекращающимся военным действиям в выигрыше оказываются три участника политической игры. В первую очередь — аристократия шпаги. Усердное прославление рыцарских достоинств помогло ей выйти из того

относительно униженного положения, в котором она незаметно для себя оказалась, оттесненная людьми, олицетворявшими власть права, денег и совета. Вторым победителем была городская олигархия. Ее ослабило сокращение торговых обменов с отдаленными областями, но она получила большую выгоду, овладев другими городскими функциями — военными и особенно политическими. Ответственность за оборону позволила городским правительствам расширить компетенцию, утвердить свою фискальную власть. В то же время децентрализация, обусловленная распространением военных действий на все большие территории, привела к умножению числа маленьких столиц. В такую столицу превратился, например, Пуатье. Городской историк спрашивал себя: «Каким был бы его (города) блеск, если бы не разразилась война, благодаря которой он вернул себе первостатейную политическую роль?». Другой пример — Тур, возвысившийся как столица апанажа, нового герцогства Турени; управление им стало, по словам местного историка, основным «промыслом» города. Наконец, если потрясения приводили к тому, что Церковь теряла часть своей власти, как светской, так и духовной, то государство больше всех выигрывало от беспорядка. Оно прочно опиралась на «добрые города» (то есть города королевского домена), его поддерживали налоги, которые соглашались платить подданные, а также храбрые военачальники, мечтавшие повторить подвиги Ланселота. Под государством же подразумевался сюзерен и все те люди, которые ему служили, которые от его имени говорили, вершили правосудие, взимали налоги. Фортуна благодаря королю оборачивалась к ним лицом.

Однако в какой-то миг государство зашаталось. Первое потрясение вызвал тот выбор, который сделали в 1318 году прелаты и бароны. Последний сын Филиппа Красивого умер, не оставив наследника, как и его братья, корона перешла поэтому к одному из двоюродных братьев короля — Филиппу де Валуа. Начало его царствования не предвещало ничего нового. Можно было надеяться, что удалось, наконец, обуздать фламандцев, над которыми новый государь одержал блестящую победу при Касселе. Филипп VI собрался возглавить крестовый поход. Однако его восшествие на престол ускорило переворот в стиле жизни, который уже обозначился тогда в украшенном геральдическими лилиями дворце. Дело в том, что на троне оказался человек, который, как казалось, не имел серьезных шансов получить миропомазание, его не воспитывали в качестве будущего наместника Божия. Как и его отец, он с лег-

костью тратил те немалые средства, которые давало ему звание «сир Франции», на веселые кавалькады в красивых костюмах. При королевском дворе решительно возобладал дух княжеских дворов, открытых для светской культуры. Деньги, которые в изобилии притекали благодаря налогам, теперь направлялись не только на поддержание порядка, соответствующего воле небесной, и на прославление Господа. Их тратили на светские утехы. Конечно, все сюзерены XIV века — Иоанн II, Карл V, принцы, их сыновья или их братья — были людьми очень набожными, исполненными трепета перед Господом; как и их предшественники, они проводили долгие часы в молитве, многие дни — вдали от мирской суеты, в покаянии. Но уже не было того пыла, с которым в былые времена предавались грубым радостям битвы и охоты. Полученное образование привило тонкий вкус; теперь предпочитают проводить время в тиши, за оградой сада и в уютных покоях, украшенных изящными предметами. Подобно Генриху Плантагенету и его супруге Алиеноре, нынешние государи приглашают к себе поэтов, живописцев, музыкантов. Заказываются переводы произведений авторов классической античности и заальпийских гуманистов. Возрождение не имело во Франции всего того блеска, которые оно приобрело в XIII веке («Треченто») в самой Италии и даже на том ее островке, который образовали в Авиньоне папский дворец и его обитатели в кардинальских мантиях. Однако расцвет Ренессанса пришел во Францию и оказался здесь более щедрым, нежели в том случае, если бы не угас род, прямо восходивший к монсеньору Людовику Святому, и не были благодаря этому разорваны узы строгого воздержания и суровой набожности, в которых замкнулся дом Капетингов. Возрождение просияло в Париже 1400 года, когда на какой-то миг прекратили свои атаки война и чума.

Разрыв династической преемственности вызвал и другие последствия. Никто не допускал того, что королевская корона могла оказаться в женских руках. При избрании на царство в 1328 году исходили даже из более жесткого требования, основанного на следующем принципе: женщины из королевского рода более не могут передавать право на корону своим сыновьям. Но такой принцип шел вразрез с вековыми установлениями, которым следовали во всех знатных семействах; и двум лицам мужского пола, лишенным права на корону в силу указанного принципа, не доставило бы особого труда его оспорить. Речь идет о Карле, короле Наварры, сыне Жанны, старшей среди внучатого потомства Филиппа Красивого. Вторым

претендентом был Эдуард, король Англии, который сам являлся внуком Филиппа Красивого по своей матери Изабелле. Ни тот, ни другой не помышляли прогнать Филиппа VI; он был помазан в Реймсе священным елеем, стал королем, лицом неприкосновенным. Но после его смерти могли возникнуть притязания на королевское наследство. Филипп VI это знал и, умирая в 1350 году, был в большой тревоге. Его сын Иоанн поспешил принять помазание. Два года спустя он посчитал необходимым окружить себя еще одной защитной стеной, основав Орден кавалеров звезды. Был разработан специальный церемониал посвящения в его члены. Первоначально рыцарю надлежало облечься в темное одеяние, ночное бдение он совершал в алом костюме, а став полноправным членом ордена, присоединялся к своим новым собратьям в голубом и золотом. Эти переодевания, по замыслу авторов церемониала, должны были символизировать восхождение к лилиям, эмблеме монархии. Символика опиралась ныне не только на сакральность, но и глубоко пронизывала рыцарские мифы. Не забудем, что их расцвет произошел именно в описываемую эпоху. Но Иоанн Добрый все же чувствовал себя неуверенно. Ему повсюду мерещились предатели, поэтому короля внезапно охватывали припадки ярости.

Карл и Эдуард желали заполучить все, что возможно. И Эдуард очень скоро показал себя как иностранный захватчик. В 1336 году, когда король Франции, «христианнейший и могущественнейший поборник истинной веры», собирал флот в Марселе, чтобы плыть к Святой Земле, Эдуард III плел интриги во Фландрии, пытаясь перетянуть на свою сторону города сукноделов. А когда в наказание за вероломство у него вновь было отобрано герцогство Гиень (Гийенна), Эдуард заявил свои права, присвоив геральдические цвета королей Франции. Конечно, это был лишь шантаж. Молодого Эдуарда отличала склонность к авантюрам, долгое время он не мог удовлетворить свои амбиции. К нему тянулись во фландрских краях, в Артуа, Нормандии все те люди, которые рассчитывали извлечь выгоду из беспорядка. Эдуард помышлял лишь о том, чтобы, поведя за собой английскую молодежь, захватить во Франции как можно больше добра и вернуться после небольшого приключения домой с обильной добычей. Такой добычей он завладел в 1346 году в Нормандии, внезапно высадившись в портах Булоннэ; король Франции пустился за Эдуардом вдогонку, надеясь, наконец, его настичь, взять в плен, наказать за дерзость. Но случилось то, чего никто не ожидал. Длинные

луки валлийцев, служивших королю Англии, оказались более эффективными, чем арбалеты корсиканских наемников Филиппа VI; атака французской конницы захлебнулась, Филиппу пришлось спасаться бегством, как и королю Оттону, сражавшемуся неподалеку от тех мест 134 года до того. Ошеломляющая битва при Креси перевернула все. Как и поражение под Бувином, она была проявлением небесной воли. Господь принял сторону короля англичан, как бы подтверждая законность его претензий на звание и короля Франции. Для начала Эдуард завладел портом Кале, поставил там своих людей, обеспечив себе возможность в любой момент высадиться здесь для совершения новых разбойничьих набегов.

Карл Наваррский, прозванный Злым, не решился выступать столь открыто. Он был гораздо моложе, воспитание и плотная сеть брачных союзов привязывала его к французскому королевскому дому. Будучи братом второй супруги Филиппа VI, он женился в 1352 году на сестре нового короля — Иоанна Доброго. Поэтому Карл не угрожал отобрать у него корону. Но он надеялся увеличить доставшуюся ему долю капетингского наследства, вернуть себе те права, которые имела его мать на Шампань, расширить в Нормандии владения своего отца — Людовика д'Эврё, брата Филиппа Красивого. У Карла были друзья на всех верхних этажах власти — в Парижском университете, в высшем духовенстве, среди баронов и самого близкого окружения сюзерена, его шурина. Они вступились за Карла, когда король, охваченный манией предательства, в порыве гнева приказал его схватить и заточить в тюрьму. Так начинался кризис, жестоко потрясший государство.

Перемирия и особенно «великая чума» заставили английского претендента прервать свои набеги, но они возобновились за год до описанного события. Их плацдармом была Гиень, которую очень прочно привязывала к Англии торговля бордосскими винами (ее размах был необыкновенным — только в 1308/1309 году по морю были перевезены 850 тысяч гектолитров вина; и эта доходная торговля объясняет, почему Бордо столь упорно сопротивлялся действиям короля Франции вплоть до середины XV века). Отсюда старший сын Эдуарда III Черный Принц предпринимал опустошительные конные набеги на Лангедок. Чтобы противостоять агрессии, надо было добыть гораздо больше денег, чем обычно. Поэтому в Париже была созвана всеобщая ассамблея трех сословий королевства, Генеральные штаты, как стали ее отныне называть. В собрании приняли участие представители северных краев,

где говорили на франсийском диалекте. От имени «народа», третьего сословия выступал Этьен Марсель.

В королевском окружении рассматривали Париж как придаток дворца, а его деловых людей — как челядь. Этьен Марсель был купеческим прево, выборным главой объединения крупных торговцев, мощь которого не переставала возрастать после того, как «ганза» парижских купцов и судовладельцев взяла верх над своими руанскими конкурентами. Выступавший от ее имени Марсель казался королю неким начальником службы, уполномоченным посредником между его домом и подчиненными ему людьми, обязанными этот дом снабжать. Король слабо представлял себе власть крупной парижской буржуазии. Сила ее заключалась в накопленном денежном богатстве, но также в культуре, в том авторитете, который она приобрела у средних классов столицы, в окружавших Париж городках и в близлежащих деревнях, у ремесленников, у разбогатевших крестьян, у всех собственников, которых защищала от налоговых сборщиков. По правде говоря, эта буржуазная власть ни в чем не противопоставляла себя власти королевской. Своим богатством крупные торговцы обязаны были государству, они желали еще большего его укрепления, упрочения. Этьен Марсель не замыслил ничего подрывного. Он принадлежал к одному из тех родов, которые уже несколько поколений возвышались над прочими горожанами. Мать Марселя была из семьи дворцовых служащих, отец — из семьи поставщиков королевского двора. И сам он чувствовал свою принадлежность к делам двора. И именно поэтому хотел, чтобы в этих делах было больше порядка, чтобы деньги там не пускались на ветер, не растаскивались нечистыми на руку слугами. Кроме того, Марсель питал к некоторым из этих слуг личную неприязнь после одной тяжбы о наследстве. В декабре 1355 года Штаты согласились на сбор требуемых королем налогов, добившись взамен обнародования ордонанса о денежной реформе. Такова была обычная практика. Как и ордонанс 1303 года, положения которого новый указ подтверждал, этот документ содержал обещания возвратиться к добрым временам Людовика Святого, к порядку, нарушенному злоупотреблениями, в частности к твердым и устойчивым деньгам. С этой целью обратились к проекту, задуманному учеными людьми из кругов, близких к Парижскому университету. Исходя из здравого смысла, они предложили строго разделить личные средства короля и те средства, которые выделяются короне на общественные нужды. Управление казенными деньгами было поручено представи-

телям нации, «избранным» ею, то есть людям различных условий, которые выступают от имени нации. Такое нововведение находилось в главном русле естественной эволюции. Оно было обусловлено продолжавшимся ростом государственных органов.

Таким образом, Иоанн Добрый добыл деньги на снаряжение своего ополчения, непобедимого ополчения. Но вот наступило 19 сентября 1356 г. И вновь свершился суд Божий. Близ Пуатье был подтвержден приговор, вынесенный при Креси. Поражение под Пуатье явилось таким же неожиданным, как и поражение при Креси. Король Иоанн преследовал Черного Принца, почти его настиг, но сам был пленен; хотя и сражался бесстрашно, как лев. Но ему не повезло, как когда-то и Людовику IX при Мансуре. Никто не думал хулить короля, он вызывал лишь чувство жалости, все хотели как можно скорее вызволить его из плена, даже если на выкуп потребуются горы золота. Напротив, гнев обрушился на годных лишь для парада горе-рыцарей, безответственные передвижения которых на поле боя описал Жан Фруассар. Стало совершенно очевидно, что они не в состоянии быть защитниками, хотя только эта их миссия заставляла людей терпеть рыцарскую спесь, рыцарские привилегии и сеньориальные налоги. Произошел внезапный отказ от того согласия, на котором в течение трех веков жидилось право рыцарей командовать и карать на землях вокруг замка. И этот отказ породил невиданную волну насилия. Крестьянству пришлось своими силами обороняться от вооруженных групп солдат, которые после поражения в битве рассеялись повсюду; солдатские банды бродили вокруг защищенных крепостными стенами городов в Нормандии, Турени, Берри, Пуату, Оверни, Иль-де-Франс. Крестьяне взялись за топоры, косы, тесаки. Они не могли сдержать свой гнев и кое-где обращали оружие против укрепленных усадеб бесполезной знати.

Как никогда ранее, ныне остро ощущалась необходимость обновить государство. В Париже у сторонников обновления были развязаны руки, ибо король отсутствовал, его место занимал наследник короны — дофин Карл. У этого тщедушного 18-летнего юноши не было никакого опыта, как и все, он побаивался своего отца. В течение месяца, последовавшего за поражением при Пуатье, штаты краев, в которых говорили на франсийском диалекте, решили прежде всего освободить из тюрьмы Карла Злого; затем путем кооптации был образован комитет из 28 членов, заменивший «дурных советников», по вине которых случилось несчастье. В 1357 году друг другу от-

крыто противостояли две силы; с одной стороны — королевский дворец, частная власть, имеющая семейный характер, пытающаяся опереться еще на одну генеральную ассамблею, Штаты в далеком Лангедоке, а также на находившегося ближе от Парижа императора, родного дядю дофина и его естественного покровителя; с другой стороны — публичная власть, представители нации, посланцы духовенства, знати и городов старой Франкии. Самыми горячими поборниками реформы среди этих людей являлись отнюдь не горожане, как можно было бы предположить, а некоторые аристократы, близкие по крови к сюзерену и движимые заботой об общей выгоде. Правда, в большинстве своем они поддерживали короля Наварры, который полагал, что наступил подходящий момент для осуществления его замыслов. Намередаясь захватить всю Нормандию и всю Шампань, он завязал переговоры с англичанами.

Однако отсутствие безопасности само по себе вынуждало каждый край замыкаться в своих пределах. Эта обстановка делала невозможным сохранение в центре государства, в его главном городе представительного правления, которое здесь установилось. Знатные люди один за другим уезжали из Парижа к себе в провинцию, чтобы там в своем кругу обсуждать дела «отечества». Штаты, которые собрались в Париже в 1358 году, уже не являлись всеобщими, ибо в их составе остались лишь священнослужители и торговые люди. Изоляция Парижа постоянно возрастала, а власть купеческого старшины и его клана давила на город все сильнее. Этьен Марсель чувствовал, что его влияние на дофина ослабевает. И совершил неверный шаг. Чтобы запугать дофина, он осмелился, оскорбляя царское достоинство, ворваться с вооруженным отрядом во дворец, даже в личные покои Карла, приказал истребить на его глазах всех тех, кого считал «дурными советчиками» государя. Карла действительно обуял ужас. Он бежал из Парижа и сразу же нашел за его пределами поддержку у областных собраний рыцарства. Настроения парижан изменились, они все более стали опасаться мести оскорбленной королевской власти и потому решили избавиться от Этьена Марселя, который перегнул палку, сломал порядок, нарушил мир. Люди чувствовали, что он вот-вот откроет городские ворота отрядам из Наварры, а это развяжет неистовство разбойников, и из-за него все придет в расстройство. Марсель уже успел оказать помощь «жакам». Жакерия не была ни бунтом бедноты, ни мятежом против короля. Это восстание представляло собой взрыв ярости зажиточных крестьян Бовези, которые не могли

более выносить поборы военщины. В один прекрасный день, собравшись в Сен-Лё-д'Эссеран, они дали волю своему гневу, обрушившись на этих людей так, как повсюду деревенский люд обрушивался на разбойников. Первоначально восставшие сами были напуганы собственной смелостью, но не остановились, стали жечь замки, убивая дворян, насилуя их жен и дочерей. Жители городов поощряли «жаков». Но восставшие также нарушили мир и порядок. Поэтому следовало истребить их как ядовитых гадин. Все рыцари с радостью объединились ради этого дела, с ними оказался и Карл Злой.

Конечно, нельзя считать столь уж преждевременным переход в 1355 году контроля за той частью публичной власти, которую удерживал король, в руки представителей трех групп социальной элиты. Почву для такого общественного института подготовил опыт диалога между сюзереном и нацией, в который они не раз вступали на протяжении более чем полувека. Война, нависшая над страной угроза обострили потребность в его учреждении. Но предпринятую попытку отравило поражение близ Пуатье. В результате потрясения, вызванного поражением, во всем возобладали крайности. Сразу же и на целые века парижане стали для королевского дворца людьми подозрительными. Надев корону, Карл V немедленно приказал воздвигнуть Бастилию в знак того, что намерен принудить народ Парижа к повиновению. А ужас перед выступлениями крестьян привел к тому, что они вновь оказались под гнетом сеньоров. Кризис принял столь насильственные формы, что опорочил все реформаторские намерения. Конечным его результатом было новое укрепление королевской власти, а также жести. На этом двойном основании возобновился рост монархического государства, который отныне ускорился.

Воспользовавшись смутой, Эдуард III в 1360 году попытался войти в Реймс, чтобы принять там помазание, но город был хорошо защищен. Английскому королю пришлось довольствоваться соглашением о мире. В обмен на отказ от французской короны он получал в свою полную власть Аквитанию, которой некогда владела Алиенора, а также огромное количество золотых марок в качестве выкупа за своего царского пленника. Получив свободу, вновь подчинив себе дофина, Иоанн Добрый приобрел уверенность в своих правах. Он не страшился более ни Карла Наваррского, ни расчленения оставшейся у него части королевства. Государь совершал торжественные въезды в города, сначала на севере, а затем на юге страны, где лучше функционировали представительные учреждения. Король

являл своей персоной образ мира, противостоящего разбою солдатских отрядов, продолжавших воевать и после того, как наступил конец публичной войны. Король олицетворял Францию, борющуюся с предводителями бандитских шаек, в большинстве своем говорящими на чужом языке, являющимися самозванцами, которых следует как можно быстрее выдворить из страны. Несмотря на все бедствия, король Франции получал, наконец, возможность организовать путешествие в Иерусалим и начал подготовку крестового похода. Для получения средств на этот поход, а также на уплату выкупа за свое собственное освобождение из плена Иоанну Доброму не обязательно надо было иметь разрешение от своих народов. Он брал столько денег, сколько хотел, и там, где хотел, однако не у благородных людей, своих верных союзников. Их король от налогов освободил.

Историки, изучающие ту фазу политической истории, которую открывают описываемые мною события, охотно говорят о десакрализации власти. Но следовало бы с осторожностью подходить к вопросу о сакральности. Считают, что дух ее тогда испарился. Но на самом деле она лишь переместилась. Сакральность ныне отсутствует там, куда ее ранее помещали. Она ушла в другую нишу. Во второй половине XIV века «вкус к божественному» был не меньшим, чем прежде. Рапп с основанием называет эту тягу «огромной». Но новизна заключается в том, что она удовлетворяется вне рамок церковной институции. У Церкви были свои суды, свои финансы, свои команды администраторов, многочисленные, активные и действенные. Церковь представляла собой государство, которое спорило с королевским государством. «Великий раскол» (который начался тогда, когда Карл V захотел любыми средствами помешать возвращению римской курии в Италию, удержать эту курию в Авиньоне, в досягаемости для своей власти) привел к усилению имевшихся в ней мирских элементов. После 1417 года, когда закончилась «схизма», епископ Римский, стремившийся восстановить свою власть над вселенской Церковью, смог договориться со светскими князьями. В частности, он признал свободы галликанской Церкви. Все желали того, чтобы церковное государство также обновилось, чтобы оно согласилось ограничивать свои действия присущими ему задачами. Священнослужителей почитали столь же нужными сегодня, как и вчера, но ныне ожидали, что они полностью посвятят себя таинствам, слову Господню; духовенство должно как можно усерднее вы-

полнять эту миссию, не вмешиваясь в другие дела. Однако реформировать церковное государство было невозможно, и миряне отдавали себе в этом отчет. Те из них, кто благодаря проповедям, представлениям, благодаря песнопениям и коллективным духовным упражнениям в братствах был лучше образован, творили свою собственную сокровенную религию. То была религия сердца, выражавшаяся в милосердных деяниях, в тайном умерщвлении плоти, в безмолвных молитвах перед алтарями часовен или же перед самыми скромными, недорогими образками, которые можно было носить на себе или поставить у себя дома. Два связанных друг с другом изобретения будут способствовать их широкому распространению — бумага и гравирование по дереву. Произошло некое разъединение между церковной институцией и тем, что она должна была бы содержать. Часть этого содержания из нее уходила, разливаясь во множество потоков, принимая различные формы в среде людей ученых и в среде людей простых. В результате они перестали друг друга понимать.

Нечто подобное стало проявляться и во взглядах на монархическое государство. Просвещенные умы трудились над усовершенствованием его теории. В это время в изобилии появляются трактаты о власти. Действительно, в них можно обнаружить постепенный отход от сакральности. Авторы таких трудов уже не довольствуются обращениями только к Святому Писанию, Книге Царств, к Св. Августину. Они охотно ссылаются на философа Аристотеля, его книгу «Политика». Королевская власть мыслится ими в форме некой магистратуры. Тот, кто обладает этой властью по наследству, по праву рождения, конечно, есть избранник Господа во всех случаях. Но чтобы проявить себя достойным защитником *res publica*, королю следует брать в расчет природу и здраво рассуждать. Не будем, однако, забывать, что подобные положения были в ходу лишь в очень узком кругу интеллектуалов. В гораздо большей степени король и его люди должны были принимать во внимание взгляды, которые в условиях достатка, приобретенного благодаря сокращению населения, постепенно укоренялись в народной среде, вплоть до самых нижних слоев, учитывать то значение, которое народ придавал представлениям власти, как зримой, так и незримой. Стало невозможным подчинять народ, не убедив его, не сообразуясь с тем мистическим видением королевской власти, которое царило в умах простых людей. В самом деле, народное мнение восставало, когда король оказывался слишком милосердным и, опираясь на здравый смысл,

удовлетворял прошения о помиловании, прощал те преступления, которые это мнение, исходя из собственных представлений о добре и зле, считало неискупимыми. Государство не могло более пренебрегать делом привлечения сердец, и оно прибегало с этой целью к слову, к речи, все чаще — к письменности, к маленьким книжкам, число читателей которых не переставало умножаться, и особенно — к спектаклю.

Как обнаруживает историк, во второй половине XIV века приобретают размах демонстрации публичной мощи. Величие власти наглядно выражает дворец. Все самое выдающееся, создаваемое в архитектуре, в скульптуре, в живописи, покидает дома молитвы и перемещается к зданиям, где от имени короля вершится правосудие. Там выставлены для обозрения изображения князя, а также его друзей, составляющих его личное окружение и помогающих ему советом. Они взирают благосклонно, их позы выражают добросердие. Пышные декорации окружают короля, когда он собственной персоной появляется на великих демонстрациях своей верховной власти, председательствует, восседая в королевском кресле — «кресле справедливости», в судебных собраниях, где торжественно объявляется «королевское слово». А когда король объезжает провинции, у городских ворот его приветствуют нотабли; он принимает ключи от города, а затем их возвращает, обещая управлять разумно. Каждый раз как бы повторяется церемония миропомазания, возобновляя союз между сюзереном и его подданными, между тем, кто единодержавно возвышается на троне, и теми, кто обеспечивает от его имени торжество порядка в каждой частице королевства. Затем король вступает в городские пределы, над ним несут сень, как над Святыми Дарами во время процессии в день Тела Господня. Королевское шествие сопровождают разнообразные театрализованные представления. Каждый из подмостков украшен изречениями, посвященными добродетелям власть предержащих; перед каждым сюзерен должен остановиться, стать зрителем спектакля, разыгрываемого аллегорическими персонажами; они окружают двойника короля — актера с короной на голове, объясняют ему, какой должна быть «добрая политика». Таким образом, сам народ воздвигает декорацию перед тем, чья функция состоит в управлении этим народом; королю показывают, что ожидают его подданные, чтобы в свою очередь достойно ему служить; королю заявляют, что он не все может себе позволить, напоминают об условиях соглашения, соединяющего общество и государство.

Несомненно, многое из того, о чем раньше люди молили Господа, теперь они ожидают от этого человека. В его брэнном теле воплощена общественная устойчивость. Состоятельные люди употребляют на мирские утехы бóльшую, чем прежде, долю своего богатства. И в первом, и во втором случае — явная десаκραлизация. Но в действительности линия раздела в государстве проходила, как и в Церкви, между телом и духом. По одну сторону — механизм управления, пружины и винтики которого множились, все более плотно подгонялись друг к другу, являя свою бездушную действенность; по другую сторону — пылкость народа, по-прежнему видевшего в короле исцелителя, который благодаря миропомазанию приобретает чудодейственную силу, прикосновением руки избавляет человека от болезни, если этот человек безгрешен. Несчастья военных лет со всей очевидностью обнаружили описанное расхождение.

Произошло поражение тех органов государства, которые оказались самыми хрупкими, — его домашней, чувствительной, плотской части, непосредственно окружающей личность монарха. Как бы компенсируя это поражение, приобрел бóльшую прочность, новую силу костяк государства. Вне этого процесса оказался Парижский университет, который подчинялся божественным установлениям, жил в тени королевской власти. Его независимость не была столь велика, какой казалась. Учиться сюда приходили в надежде сделать карьеру в одной из двух административных систем — церковной или светской; почти вся высшая и средняя бюрократия получала образование в университетских школах. Что касается мэтров, то некоторые из этих видных ученых были низкого происхождения, а выдвигались благодаря тому, что умели рассуждать лучше других. Поэтому их привлекали к рассмотрению чрезвычайно серьезных вопросов, порожденных «Великим расколом», соперничеством между властью папы и властью церковного собора. И эти ученые были недалеко от мысли о том, что они стоят на самых высоких ступенях земной иерархии. Посреди бурь, которые время от времени потрясали столицу, они выступали в качестве лиц, способных дать совет. Двор прислушивался к ним. Придворные партии, соперничавшие между собой, старались заручиться благосклонностью мэтров, которой легко было добиться, оказывая мэтрам небольшие милости, видимые знаки уважения. Они были людьми чувствительными, ратовавшими за порядок. Они трудились, как могли, ради укрепления, на уровне принципов, того политического здания,

о котором мечтали, где должны были царить неподкупность и разум.

Столпом этого здания являлся парламент, страж закона, источник правосудия. В середине XIV века, когда все было шатким, король пожелал укрепить эту опору. Прежде он ежегодно назначал различное число знатоков права, клириков или мирян, для решения судебных дел от королевского имени. Но с 1345 года эти представители стали постоянными. Общее их число составляло примерно 80 человек, они распределились по различным палатам. Большинство этих людей были выходцами из благородных семей, а те, кто к таким семьям не принадлежал, довольно быстро приобретали дворянское звание. В течение века, когда смута усиливалась, парламентский корпус добился большей самостоятельности. Председатели палат, советники, прокуроры получили право называть своих приемников. Новыми членами парламента, естественно, становились племянники, кузены, зятья прежних членов. Для некоторых лиц духовного звания, которые попадали в парламент, он представлял временное пристанище в ожидании епископского места. Все же другие образовывали своеобразное обширное семейство, пекущееся о своих интересах, все более и более уверенное в своих силах. Вскоре не стало кооптации. Те, кто отправляли должности, могли их уступить другим лицам по своему усмотрению. Парламент также был свободен от налогов, он стал с тех времен как бы питомником, где формировалось новое дворянство — дворянство мантии, чиновная знать.

В то время как тело государства, таким образом, крепло, голова его — королевский дворец (точнее, дворцы, предназначенные для каждого из членов царствующей фамилии) — являл собой картину увеличивающегося расстройтва и беспорядка. Разделение проявлялось также в том, что живой королевский двор накануне XV века покинул дворцовые стены. Он переместился в новый квартал на правом берегу Сены, выросший на месте осушенного недавно болота, в маленькие уютные парадисы, в уединение садов и двориков со зверинцами. Здесь придворная знать в промежутках между набожными занятиями вплоть до глубокой ночи, при свете факелов предавалась удовольствиям — конной езде и фехтованию. Стены отгораживали эту знать от всех остальных. Лишь отголоски куртуазного празднества доносились до простолюдинов, до жителей Парижа, находившихся совсем рядом. Они считают это веселье распутством. Они знают, что на его устройство выбра-

сываются деньги, полученные от временных сборов с продаж, от налога на соль, которые должны были бы пойти на дело мира и всеобщего спасения. Конечно, народ целиком доверяет королю. Народ не сомневается в том, что если король поднимает свою орифламму, то туман сразу же рассеивается, снова сияет солнце, передавая свой блеск царственным лилиям. Именно так была одержана победа над фламандцами при Розебеке.

Но народной массе отвратительны все эти бесполезные галантные господа, окружающие и отпугивающие короля. Неплохо было бы перерезать им глотки. По правде говоря, такое иногда случалось. Королевский двор, превратившийся в центр изысканных наслаждений, считают вместилищем греха. А в какой-то момент, на пороге XV века, этот двор вызвал общее возмущение.

Сначала трон занимал мудрый король Карл V. Уединившись в комнатах, заполненных книгами и дорогими предметами, он поручал налоговым сборщикам и капитанам действовать от своего имени. А когда удалось, наконец, изгнать англичан, короля охватило раскаяние за то, что он так обобрал бедных людей. На смертном одре государь объявил, что косвенный налог будет отменен. Затем правил безумный король Карл VI. Но довольно часто рассудок возвращался к нему, так что нельзя было передать корону его преемнику. Больной государь вызывал великую жалость, его любили. Важным обстоятельством было то, что вновь королевская власть отделилась от коронного домена, ибо и эта власть, и этот домен по-прежнему были заключены в семейные структуры. Оба они оказались разделенными между ветвями царствующего рода. Подобно Людовику VIII, подобно Людовику Святому, Иоанн Добрый оставил много сыновей. Каждый должен был получить свою долю наследства. Поэтому Берри, Анжу и Бургундия стали апанажами, государствами-сателлитами, у каждого из которых имелись своя столица, свои органы управления, свой парламент; вскоре все они обзавелись своими университетами для подготовки администраторов. Герцог оставлял себе часть поступлений от налогов, которые взимались в каждой провинции на покрытие нужд короны. Как и во времена Людовика IX, подобное распределение средств представлялось желательным, согласным с нуждами. Без поддержки своих братьев Карлу V не удалось бы справиться с теми трудностями, которые перед ним возникли. Еще будучи дофином, во время пленения своего отца, он поделил с самым старшим из своих братьев наместни-

ческие функции; сам Карл взял на себя управление северными краями королевства, а младшего брата, совсем юношу, послал заниматься дальними землями, организовывать в Лангедоке защиту от разбойников, оказывать сопротивление английским бандам, договариваться с представителями сословий в провинциальных штатах. Этот режим братского единения действовал без особых помех вплоть до конца царствования Карла V благодаря неоспоримому авторитету старшего из сыновей Франции. Все изменилось, когда короля стали окружать уже не его братья, а его дядья, когда этот король — их племянник — потерял рассудок, а второй племянник потребовал свою долю власти. Отныне ничто не удерживало трех дядьев и брата Карла VI. Они полными пригоршнями черпали деньги из казны. Жану де Берри средства нужны были, чтобы умножить вокруг себя чудесные произведения искусства, к которым он питал слабость; герцогу Анжуйскому, герцогу Бургундскому, молодому герцогу Орлеанскому необходимо было оплачивать собственные политические авантюры — в Нидерландах, в Италии. Каждый из них преследовал свою выгоду, питая ревность к конкурентам, оспаривавшим добычу. Происходило безудержное разграбление налоговых поступлений. А они были значительными, ибо последнюю волю усопшего короля не выполнили: отмены временных сборов не произошло.

Соперничество приняло гораздо более острый характер, когда столкнулись два кузена — Людовик, брат Карла VI, и герцог Бургундский Иоанн Бесстрашный. У каждого из них была своя партия. За Людовика Орлеанского стояли королевский двор, королева Изабелла, нежно любивший его безумный монарх, дофин, его племянник, почти все принцы крови, наконец, его свойственники — род Арманьяков. Иоанн Бургундский, говоривший об общественном благе, завоевывал в Париже симпатии буржуа и университетских кругов. Оба соперника прибегали к услугам головорезов, готовых на все ради своего патрона. В этих условиях ясно обнаруживается природа публичной власти на ее самой высокой ступени. По правде говоря, эта природа не изменилась, по-прежнему власть пронизана сакральностью, остается делом семейным, клановым, клиентельным, а возрождающаяся феодальность поддерживает все эти черты. Поэтому раздор в королевском роду приводит к раздорам в государстве. В самом деле, распри обострились до такой степени, что стали подрывать мораль, основанную на родстве, выше всего ставящую привязанность к своим по плоти и крови. По приказанию герцога Иоанна был убит герцог Людовик, и

пролитая кровь сразу же породила мщение, междоусобицу, войну. Главной ставкой в ней был Париж. В слепой злобе оба противника искали поддержки у короля Англии, распахнули для него врата королевства. В них устремился Генрих V.

1415 год — третье поражение, при Азенкуре, сопровождавшееся на этот раз зверским истреблением всей высшей аристократии Франции. 1419 год — убийство Иоанна Бесстрашного, месть за умерщвление его двоюродного брата; разорваны последние нити, которые еще привязывали бургундское государство к французской короне. 1420 год — двор ведет переговоры с королем Англии, соглашается сделать его опекуном безумного Карла VI, отдать ему руку дочери этого государя. На Генриха возлагается миссия изгнать дофина Карла («так называемого дофина Вьеннуа») из тех провинций, которые он еще занимает, его обвиняют в «страшных преступлениях». 1422 год — коронация в Сен-Дени, у могильных плит, самых впечатляющих символов французской монархии; чтобы придать церемонии еще большую убедительность, из всех церквей оккупированной к тому времени Франции заставили привезти в собор другие символы королевской власти. По приказу регента — герцога Бедфорда — герольды провозглашают королем Франции и Англии младенца, сына Генриха V и внука Карла VI. Оба эти государя уже в могиле.

XV. ОРЛЕАНСКАЯ ДЕВА

Как раз тогда, когда все рушилось, появилась Жанна д'Арк. Вместе с ней сакральное врывается в сферу политического, что не должно шокировать, ибо в начале XV века в сверхъестественное верили все. Чтобы не заблудиться в странностях происходившего, следует ставить событие в точный контекст, ощущать его атмосферу, смотреть на него глазами его современников. Поэтому столь важен тщательный анализ документов, в первую очередь материалов судебного процесса, осуждения, реабилитации. Они дают самое яркое представление о том, как люди XV века выражали свои мысли, как они видели мир.

Для них Жанна была «пастушкой», подобной многим другим, появлявшимся в самые тревожные времена. В такие времена, как помнили люди, не раз появлялись «убогие», «дети», «пастушки»; они снимались с мест, бросали стада, покидали дома, убежденные в том, что их призывает на помощь Господь,

который надеется на них больше, чем на знатных людей, на слабеющую власть. Эта власть не в состоянии восстановить справедливость на земле и, в частности, вызволить плененного короля. Жанна выросла в одном из тех кантонов, где национальное чувство было особенно обострено, ибо кантон пересекала граница. Ею стала черта, которую когда-то провели участники Верденского договора. Домреми, входившая в замковую округу Вокулёра, находилась по французскую сторону, и мальчишки из этой деревни постоянно задирали своих сверстников с другой стороны. Там в 1429 году стояли за бургиньонскую партию. Здесь же продолжали поддерживать Арманьяков, дофина, «короля Буржа». Вокулер являлся их единственным оплотом в северной части долины Луары, вместе с такими укрепленными местами, как Турне, Мон-Сен-Мишель и Орлеан.

«Пастушка» Жанна никогда не жила в нужде. Отец ее принадлежал к тому классу, из которого когда-то вышли зачинщики жакерии, был зажиточным крестьянином, пользовался, как и ему подобные, большим влиянием у себя в приходе. Религиозные чувства пробудили в девочке мать и ее кюре, но свою роль сыграли и монахи нищенствующих орденов, которые все более активно проповедовали слово Божие в сельском мире. Вместе с подружками Жанна принимала участие в старинных деревенских обрядах, приходила в установленные дни украшать венками ветви дерева — жилища фэй. Как и все окружающие, она верила в сверхъестественные силы. Жанна была набожной, но эта набожность выходила за обычные рамки. Ее называли «бегинкой», то есть послушницей, богомолкой. Жанна глубоко почитала Святую Деву, святое имя Христово, ангелов, тех святых, к которым верующие тогда питали особое расположение. Речь идет об архангеле Михаиле, взвешивающем души, поразившем Сатану; святилище этого предводителя небесного воинства в Нормандии выдерживало нападения англичан. Речь идет также о защитницах добродетели девственниц, о Св. Екатерине и Св. Маргарите; как рассказывали, Св. Маргарита убежала из родительского дома, переодевшись в мужскую одежду, чтобы ее не выдали замуж. В 13-летнем возрасте, когда начались расстройства, связанные с половым созреванием (которое, как известно, у Жанны полностью не завершилось), Жанну начинают посещать голоса. Это происходило в полдень, в лугах, где в одиночестве девочка пасла овец. Голоса слышались с правой стороны: то были хорошие голоса. Внимая им, Жанна дала себе обет девственности. Она чувство-

вала, что ее направляет Господь. Отныне она будет повиновать-ся только ему, отвернется от мужчин. Жанна не побоялась родительского гнева, осмелилась отвергнуть выбранного для нее жениха, разорвать уже заключенную помолвку.

Вокруг себя девушка слышит рассказы о том, что королевство Франции, погубленное недостойной женщиной, скоро будет спасено девой, которая придет из лотарингского пограничья. И вот Жанну позвал голос ее «райских братьев». Именно ее избрал Господь в своей великой милости к народу Франции. Небеса приказывают ей пуститься в путь, достичь берегов Луары, тех мест, где тогда сосредоточилось сопротивление наступавшим силам зла. Речи девушки вызывают удивление, но в конце концов убеждают. Вопреки запрету своего отца Жанна отправляется в сопровождении одного из своих дядьев к Бодрикуру, коменданту замка в Вокулёре. Она надеется получить от этого капитана пропуск и охрану. В конце концов он уступает ее просьбам. Жанна едет верхом на лошади, переодевшись в мужское платье, чтобы не подвергать себя опасностям во время путешествия. Вместе с ней едут два рыцаря, земляки Жанны, которые не сомневаются в ее миссии. Она устремляется к носителю законного начала, к дофину, называет его «gentil», «благородным» (то есть происходящим из знатного рода) и по своему рождению являющимся прямым наследником короны. И сам Карл именовал себя королем после кончины своего отца. Но настоящим королем он не был, ибо не получил помазания.

6 марта 1429 г. в Шиноне дофин Карл выслушал девушку, которая носила оружие, была коротко подстрижена. Она заявляла, что «послана» вести его в Реймс, где дофин должен быть помазан из священной мирохранительницы. Окруженный своими придворными, Карл услышал необычную речь, глас народа. Устами Жанны утверждалось прежде всего то, что королевская власть не есть земное дело, что люди сами не вольны распоряжаться короной. Единственно Всевышнему принадлежит право, ниспослав своих ангелов, увенчать короной того, кто этого заслуживает. Заслуживает по праву своего рождения. Жанна пришла в первую очередь за тем, чтобы «заступить за королевскую кровь», встать на ее защиту, исправить ошибку. Карл VI не обладал правом лишать своего старшего сына наследства, принимая единоличное решение, действуя вопреки наследственным установлениям, естественным законам, которые подтверждены законом небесным. Народ, говоривший устами Жанны, добавлял также, что Франция — не место

для англичан, их место — за Ла-Маншем, где их поселил Господь. Пусть они туда возвратятся. Небеса возвещают о своем намерении принудить их к этому.

«Ввиду великой надобности» приближенные дофина посоветовали ему прибегнуть к помощи лотарингской девушки, но предварительно подвергнуть ее тщательному допросу. Надо сказать, ясновидящие подобного рода появлялись в изобилии, но очень скоро обнаруживалось, что они люди либо безумные, либо порочные. Поэтому важно было испытать Жанну, следуя «человеческой осмотрительности», но также посредством «набожной молитвы, ожидая небесного знамения». Предвечный должен был явить доказательство того, что Жанна действительно послана его волей. Девушку поэтому отправили в Пуатье, где укрывалась часть парижских теологов. Они «собрали свидетельства о ее жизни и нраве, нашли, что она жила как добрая христианка, следовала католической вере, что ее никогда не видели праздною. Чтобы лучше узнать то, что касается ее поведения, к ней были приставлены женщины, которые сообщали совету о ее поступках и о ее манерах». Матроны подтвердили ее девство. Поэтому король Буржа приказал «оставить ее при себе, сроком ровно на шесть недель, дабы все могли ее увидеть». Жанна разговаривала «публично и секретно» с различными людьми. Изумление вызывала убежденность девушки в том, что она способна отбросить врага одним лишь своим присутствием, чудесным образом. Жанна просила поставить под ее начало вооруженный отряд: «воины сражались бы», а через ее посредство «Господь даровал бы победу». Жанна должна была пройти еще через одно «испытание»: необходимое «знамение». Никто не мог бы предложить королю передать ей командование войсками, «если бы не появилось какое-либо доказательство, подтверждающее, что можно было бы верить в нее». От имени Господа, ответила Жанна, «я не пришла в Пуатье, чтобы явить знамение. Но ведите меня в Орлеан, вы узрите знак того, что я к вам послана».

В ту весну Орлеан был осажден. Его гарнизон истощил свои силы, со дня на день мог сдаться. Орлеан был сердцем домена первых Капетингов, центром апанажа покойного принца Людовика, главы Арманьяков, городом-символом. Его падение могло бы привести к полному поражению. «Уповая на Господа, ибо сомневаться в Деве или отвергать ее без видимых знаков зла означало бы отвернуться от Духа Святого и стать недостойным помощи Всевышнего», дофин поставил Жанну «военачальником». 22 марта она послала грамоту королю Англии

и так называемому регенту королевства Франции, требуя «признать правоту Царя Небесного», возвратить «ключи от всех городов, которые были взяты и насильственно захвачены во Франции»; англичанам предлагался мир, ответ ожидался в Орлеане, осаду которого надлежало снять. С горсткой всадников Жанна проникает в крепость. Вопреки всем предсказаниям англичане отступают. Таким образом, 9 мая 1429 г. был явлен знак, произошло настоящее чудо — освобождение Орлеана. Все, что до той поры казалось потерянным, ныне представлялось достижимым. Новость распространилась повсюду, стала известна далеко за пределами королевства. Толпы устремились к Жанне. На нее хотели посмотреть, до нее хотели дотронуться. Власть ее считалась безграничной, говорили, что она могла возвращать к жизни мертворожденных младенцев. Капитаны вновь обретали мужество, от обороны они переходили к наступлению, храбро сражаясь под стягом этой прекрасной девы. Когда Жанне перевязывали ее раны, полученные в боях, она предстала перед воинами полуобнаженной, но, к великому их удивлению, этот вид не вызывал плотского желания. Дева свершила невозможное. 17 июля Карл VII был миропомазан в Реймском соборе. Тем самым был положен конец неуверенности. Помазание делало недействительным договор с англичанами в Труа, Франция обретала короля, обладающего неоспоримыми правами. Такого короля она ждала семь лет.

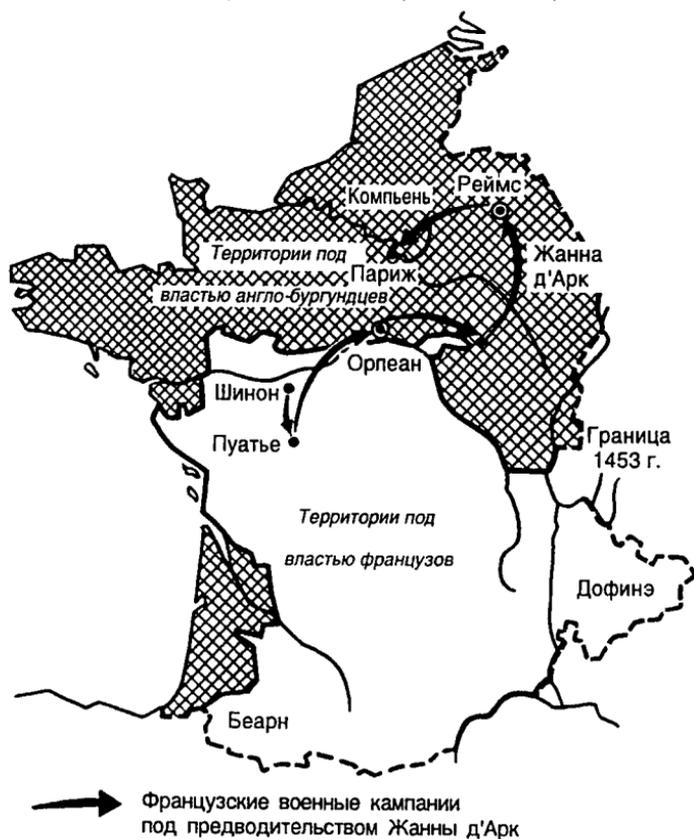
Люди того времени единодушно посчитали за чудо неожиданный поворот событий, то, что англичане, доселе непобедимые, бежали от Жанны как от дьявола. Англичане были уверены в том, что «в ней заключено что-то гибельное». Колдунья! И действительно, в умах всех тех, кому мешали перемены, возникал вопрос: в самом ли деле явил себя Промысел Божий? А может быть, то было дело рук сатаны? Следовало повременить с ответом, ибо Жанна продолжала действовать, ее миссия не была завершена. Ей предстояло изгнать англичан из Франции, она обещала, как утверждали, взять Париж. Однако Париж не походил на Орлеан, был наводнен бургиньонами. Многие из них боялись — одни за свои места, а другие — за свою жизнь. Париж взять не удалось. Под Шарите-сюр-Луар — новое поражение. Наконец, Компьень. Здесь 24 мая 1430 г. Жанна попадает в плен. Это новое знамение, противоположное первому, привело к тому, что среди политиков, окружавших Карла VII, стали множиться сомнения, а в лагере его противников вновь воспряли духом. В Париже доминиканским проповедникам не составило большого труда разоблачить «эту свирепейшую

ФРАНЦИЯ В XIV ВЕКЕ (около 1360 г.)

женщину», которая бесстыдно разгуливала в мужском платье среди воинов, была жестокой, избивала толстой палкой тех, кто не спешил следовать за ней. «Наполненная пламенем и кровью, убийствами христиан», эта женщина, тем не менее, похвалялась, что вознесется прямо в рай. Два дня спустя после ее пленения Университет потребовал предать Жанну суду за «преступление, в котором чувствуется ересь». Англичане хотели заполучить пленницу, выкупили ее и заключили свою драгоценнейшую добычу в самом надежном из укрытий — в замке Руана. Разумеется, англичане намеревались предать ее смерти, но предварительно — доказать, что Жанна была одержима демоном, что этот демон, принимая обличья Св. Михаила, Св. Мар-

ФРАНЦИЯ В XV ВЕКЕ (около 1429 г.)

гариты и Св. Екатерины, направлял ее действия, что Карл VII поэтому стал игрушкой в руках сатанинских сил и, собственно говоря, был околдован.

Итак, 3 января 1431 г. Генрих VI, «милостью Божией король Франции и Англии», поручил епископу диоцеза Бове, где была схвачена Жанна, начать процесс против Девы «согласно установлениям божественного и канонического права». Прелат, тесно связанный с бургиньонской партией, укрывался в Руане, и были основания надеяться, что он хорошо справится с задачей. Вторжение сверхъестественного в это дело, имеющее очевидный политический характер, превращало его в дело о вере.

Поэтому оно подлежало рассмотрению в инквизиционном трибунале. Не будем сверх меры осуждать его членов. Ни епископ Кошон, ни судебные заседатели не искали личной выгоды. Но ими двигал страх. Они боялись Варвика, начальника местного гарнизона, а еще больше — дьявола, который мерещился им повсюду. Мы должны помнить о том, что представляло собой тогда христианство. Благодаря успешным пасторским усилиям оно стало, наконец, народной религией; верования низов, бесхитростные, спонтанные проявления их набожности глубоко повлияли на логические построения, созданные в XIII веке схоластикой; ныне такие верования проникли даже в умы докторов теологии. Эти ученые мужи, столь гордившиеся своей способностью логически рассуждать, глубоко верили (так же, как и обвиняемая, если не больше) во вторжения невидимых сил, в голоса, в фей. И задачу свою они видели как раз в том, чтобы отличить благое от пагубного в запутанном переплетении всего этого в их представлениях о сверхъестественном мире. Судьи выполняли свои обязанности, как могли, прибегая к средствам, которые выработали их предшественники-инквизиторы, преследовавшие катаров. Имелись в виду все способы, позволяющие сломить сопротивление обвиняемого, вырвать у него признание, исключая, однако, в данном случае телесную пытку. Ибо на этот раз дело было необычным. Жанна не являлась простой «пастушкой». Она общалась с сильными мира сего, завоевала их доверие, получила от них помощь, множество людей с пылом поддерживали ее. Она помнила об этом. И судьи об этом не забывали. И потому страшились ее. Если Жанна действительно одержима бесами, то есть опасность натолкнуться на их ухищрения. Если же она чиста (а так, очевидно, думали многие из них, в этом, несомненно, были убеждены Изамбар де ла Пьер, Августин, Мартин л'Адвеню, монах-доминиканец), то возникала опасность в страхе перед военной властью осудить невинность вопреки своей воле.

По правде говоря, «идолопоклонство» и «обращение к дьяволу» не представляли собой единственные пункты обвинения. Перед судьями была женщина, подозреваемая в схизме. В ту эпоху это слово имело зловеший смысл. Только что завершился «Великий раскол», христианский мир с трудом приходил в себя. Под схизмой подразумевался мятеж. По этой статье не было никакого сомнения: Жанна виновна. «Бегинка» упорно отказывалась подчиниться церковным властям, обращаясь к Торжествующей Церкви, то есть непосредственно к Силам небесным. И в мрачной темнице Жанну посещают голоса, воз-

вращая ей мужество. Она не изменяет им. Редкий случай в процессах такого рода — обвиняемая, как все видят, не сдается. Иногда силы покидают Жанну, которую осыпают оскорблениями, жестоко лишают Причастия. Но она сразу же преодолевает слабость, вновь обретает уверенность, отказываясь покоряться людям. Итак, ересь, «нераскаяние в своих грехах». Трибунал клириков более не колеблется, с облегчением выносит приговор. Жанну отлучают от Церкви, изгоняют из христианского сообщества «как зараженную». Ее передают светскому правосудию. Руанский балли оживал такого приговора. Не устраивая нового процесса, он приказал сжечь Жанну на костре, «с милосердием», принародно. Что и свершается 30 мая 1431 г. Для одних эта казнь означала, что рассеялись колдовские чары, которыми воспользовался дурной король. Другие же были уверены, что Жанна умерла как мученица, принеся себя в жертву ради доброго короля.

Прихожанка из Домреми принесла народное слово. Явив пример безупречности, она призвала к покаянию во имя очищения королевства от грехов, которые его низвергнули, выразила народное мнение о королевской власти и о государстве. Они по-прежнему остаются под строгим надзором божественной силы. Жанна высказала это мнение с такой ясностью, что ее недолгая жизнь имела поразительные следствия. Сама она погибла. Но благодаря ей произошло чудо, осветившее все вокруг. Это чудо, позволившее преодолеть дух безнадежности, полностью изменило ход вещей в людском мире, дало толчок глубинному движению, которое не могла остановить ее мученическая кончина. Благодаря этому движению удалось за несколько лет избавить все королевство от захватчиков. Жанна сплотила нацию. Южная часть Франции, где говорили на языке ок, уцелевшая при нашествии, проявила верность, пришла на помощь опустошенному северу. Карл VII был восстановлен в своих правах. Он воплощал порядок и мир. У него достало здравого смысла никоим образом не покушаться на то разнообразие форм, которое государство приобрело за время смуты. Обновление опиралось как раз на местные особенности. Провинции сохранили свои кутюмы, представительные собрания, столицы, самобытные учреждения. Умеряя собственные требования, королевская власть смогла распределить налоговые привилегии между «добрыми городами», цехами, многочисленными категориями служителей. Торжествовала осмотрительность.

В 1449 году состоялся торжественный въезд Карла VII в Руан. Король приказал провести расследование по поводу суда над Девой. Важно было доказать безосновательность слухов о том, что он миропомазан благодаря ухищрениям колдуньи. В этом вопросе папский престол, в сущности, не проявлял рвения. Понтифик не желал, чтобы вновь обсуждалось дело о мятежнице, которая поднялась против Церкви. Не считал он полезным и привлечение к данному делу Парижского университета, следственной части своего аппарата. Университет же, чувствуя себя скомпрометированным, поспешил поддержать всеобщий церковный собор, который выступил против понтифика. Королевский двор колебался, но этим колебаниям положил конец кардинал Эстутвиль. Он был нормандцем, его род сопротивлялся англичанам. В результате в 1455 году был образован новый инквизиционный трибунал. Дознание проводилось в Лотарингии, в Орлеане (здесь после 1429 г. ежегодно праздновали день Освобождения города, к чему кардинал Эстутвиль отнесся с благосклонностью), затем в Руане и Париже. Четверть века спустя после процесса, на котором осудили Жанну, многих его участников уже не было в живых, никто не хотел ворошить неприятное прошлое. От свидетелей, вызванных в новый суд, ожидали одного — уверений в том, что Жанну нельзя было заподозрить ни в схизме, ни в ереси. При допросах остерегались говорить о голосах, о таинственном «совете», которым вдохновлялась Дева. Не были приняты во внимание и свидетельские показания 1450 года теолога Жана Болэра, одного из немногих доживших до этого времени судей. По его мнению, «видения скорее имели естественную причину и вызывались человеческим умыслом, нежели сверхъестественной причиной»; он твердо, с достоинством стоял на своем, ни от чего не отрекаясь, говорил о «тонкостях, свойственных женщине», о том, что отнюдь не знал за Жанной «какой-то телесной испорченности». Решающее слово было отдано юристам, которые изощрялись в поисках процедурных нарушений. Их было обнаружено достаточно для того, чтобы объявить процесс 1431 года не имеющим силы, уличить тех, кто его вел и кого уже не было на этом свете, наконец, аннулировать осуждение Девы. Не более того. Осторожность заставляла тогда на этом остановиться, не прославлять память о непокорной. Подобало воздерживаться от любых действий, которые могли бы поколебать учреждения Церкви. Она служила опорой для выздоравливающего государства, механизм которого после окончания войны вновь вращался без особого скрипа.

Но память пережила время. Память оказалась крепкой, хотя акценты и интенсивность ее изменялись в ходе веков. Как кажется, долгое время рассказ звучал глухо, а подъем Просвещения еще больше приглушил его. В «Кратком хронологическом изложении истории Франции», опубликованном в 1733 году в Гааге, граф Буленвийе как бы вскользь упоминает об «удивительном событии» в нескольких словах, бесстрастно рассказывает об осуждении, особо останавливается на обвинении в колдовстве, не говорит о ложном приговоре и, напротив, подробно пишет о другой девушке — «воинственной и умело владевшей оружием», которая «появилась вскоре после этого в Лотарингии, назвала себя Девой, вышла замуж в Меце, где и по сей день живет ее потомство». Таково было тогда общее состояние исторической памяти. Разум торжествовал, и не только Вольтер посмеялся над девственностью. Однако верным хранителем памяти оставался Орлеан. Восьмого мая в городе устраивалось шествие. Был воздвигнут памятник. Санкюлоты уничтожили это свидетельство мракобесия, но вскоре, в годы Консульства, монумент восстановили. В самом деле, потрясения, вызванные Великой революцией, подъем разного рода национализма в XIX веке привели к воскрешению памяти о Жанне. Этому воскрешению способствовали новый расцвет католицизма, романтический вкус к истории, в особенности к истории средневековой. На помощь пришла и ученость: Кишера опубликовал материалы процесса. Правые прославляли ревностную христианку, поднявшую свой стяг в день миропомазания подле царственных лилий, посланную небом, которое через нее пришло на помощь законной королевской власти. (Посмотрите, что изобразил художник Энгр.) Левые же отдавали должное дочери народа, которая смело выступила против притворства священников, обладала загадочно спасительными добродетелями. (Почитайте, что написал историк Мишле.) Однако и на одном и на другом краях политического спектра память жила главным образом благодаря национальному чувству. В галерею великих деятелей французской истории, примеру которых призывают следовать юное поколение, вошла и Жанна д'Арк. Она находится не в первом ряду, но занимает весьма достойное место, олицетворяя образ героини, которая поднялась из самых глубин страдающего отечества, принесла себя в жертву, тем самым призвав нацию встать с колен, преодолеть уныние. Церковь, боровшаяся со злом, пожелала сделать Жанну своей, дополнить ее образ чертами католической правоты. Первоначально было решено объявить ее бла-

женной, а позднее, но лишь в 1920 году, после тяжелейшего испытания, — причислить Жанну д'Арк к лику святых. Было бы интересно ознакомиться с аргументами, которые выдвигались в ходе этого третьего процесса, проведенного римской курией, и благодаря которым стало возможным поставить в алтарях изображение девушки, до самой своей смерти противившейся церковной власти. Отметим лишь то, что среди развалин, оставленных Великой войной 1914–1918 годов, Святой престол, отвечая чаяниям набожных патриотов, счел хорошей политикой предложить Франции такую покровительницу. Вместе с ней он намеревался как бы влить полезную дозу сакральности в тело французского государства, государства республиканского, светского, победоносного, обескровленного в этой войне.

ЭПИЛОГ

Генезис современного французского государства обычно относят к периоду между 1280 и 1360 годами. На мой взгляд, зарождение его произошло раньше, началось у порога XIII века. В самом деле, можно увидеть, что уже после смерти Филиппа Августа в наличии были все части той политической системы, которая просуществовала вплоть до гибели «старого порядка», до момента, когда французские революционеры в своем неистовстве разрушили то, что они обозначали словом «феодализм». С этим понятием нам и сегодня приходится разбираться.

Конечно, в ту пору власть по-прежнему была погружена в домашнее и в сакральное. Она все еще исходит из дома, из «дворца» (*hotel*), из «*oustau*» — кресла, на котором восседает глава семьи, когда он вместе с советом верных людей решает дела сообщества, объединяющего и живущих, и усопших. Главными опорами такого сообщества являются узы, рождающиеся в застольном общении, дружба, обмен услугами между людьми, которые связаны между собой происхождением, брачными союзами и символическим родством, устанавливаемым благодаря оммажу, клятве покорности. Вся власть исходит от Бога, и тот, кому он ее доверяет, должен трудиться ради того, чтобы Царствие Божие низшло на землю. Эта миссия обязывает отправляться в крестовый поход, а также поддерживать инквизиторов. Однако в рамках доставшихся в наследство структур набухают зерна, которые, прорастая, скоро взломают эти рамки.

После смерти Филиппа Августа, в атмосфере опьянения, вызванного торжествующим прогрессом, укореняется мысль о доброте природы. И именно эта идея заставила отступить дви-

жение катаров. Оно неизбежно должно было погибнуть, ибо осуждало плоть. В годы после кончины Филиппа Августа люди науки начинают открывать для себя, вслед за Аристотелевой логикой, и его философию. Вскоре эти люди, исходя из различия между законом небесным и законом человеческим, то есть основываясь на том же принципе, который двумя веками ранее был использован церковными реформаторами для утверждения превосходства духовного над мирским, станут проводить границу между природой и благодатью. Они придут к утверждению о том, что государство относится к сфере действия естественного права и не могло бы раствориться в Церкви. Ученые размышления и споры готовят почву для признания того, что все, относящееся к благодати, не поддается логическому осмыслению, не является предметом обсуждения. Благодать воспринимается лишь сердцем, порывы которого поддерживают простые слова Евангелия. Напротив, разум, предмет гордости человека, свободен и должен свободно управлять тем, что относится к области естественного. Ко времени кончины Филиппа Августа такие воззрения только лишь начинают складываться, они остаются достоянием очень узких кругов. Однако здравомыслие уже готово эти воззрения принять. Все миряне, начиная с короля, которого стесняют притязания римской курии, вплоть до крестьянина, упорно отказывающегося платить церковную десятину, — все они убеждены, что для спасения церковного устройства следует заставить его отказаться от мирской власти; такая власть естественным образом принадлежит государству, то есть монархии. Разумеется, эта монархия является наследственной и священной, но заботы разумного управления общим делом она поручает чиновникам, которые все более и более освобождаются от домашних форм королевской власти. Так, к моменту смерти Филиппа Августа вырисовывается направление всей дальнейшей истории власти во Франции.

ХРОНОЛОГИЯ

- 983 г. — Оттон III — германский король.
985 г. — Крещение Стефана (Иштвана) Венгерского.
987 г. — Гуго Капет — король франков.
989 г. — Начало движения за умирение.
990 г. — Перестройка церкви Сен-Жермен-де-Пре (портал и колокольня) в Париже.
996 г. — Оттон III становится императором.
— Роберт II Благочестивый — король Франции (с 987 г. — король-соправитель).
997 г. — Стефан — король Венгрии.
999 г. — Герберт из Орийяка становится папой (принимает имя Сильвестра II).
1000 г. — Учреждение епископской кафедры в Гнезно (Польша).
1002 г. — Генрих II — германский король.
1002–1005 гг. — Завоевание Бургундии Робертом Благочестивым.
1006 г. — Начало строительства церкви Сен-Филибер в Турню.
1009 г. — По приказу халифа Хакима разрушен храм Святого Гроба Господня в Иерусалиме.
— Кордова (Испания) взята христианами.
1014 г. — Генрих II становится императором.
1022 г. — Возникновение орлеанской ереси.
1023 г. — Встреча Роберта Благочестивого и Генриха II в Ивуа.
1024 г. — Конрад II — германский король.
Ок. 1025 г. — *Carmen* Адальберона Лаонского.
1025 г. — Ключийской конгрегации пожалована папская булла.
1026 г. — Начало строительства монастыря Флёри-сюр-Луар.

- 1027 г. — Конрад II становится императором.
1031 г. — Генрих I — король франков.
— Лиможский собор.
- Ок. 1033 г. — Появляется *Жизнеописание Роберта Благочестивого* Эльго из Флёри.
- 1034 г. — Собор в Лизьё.
1038 г. — Война архиепископа Буржского.
1039 г. — Генрих III — германский король.
- Ок. 1040–1046 гг. — *Истории* Рауля Безбородого.
1044 г. — Турень переходит в руки графа Анжуйского.
1046 г. — Генрих III и Агнесса (дочь Гильома V, герцога Аквитанского) помазаны на императорский престол.
— Генрих III признает нормандские завоевания в Италии.
- 1049 г. — Начало понтификата Льва IX; церковная реформа.
— Реймсский собор.
— Святой Гуго — аббат Клюни (ум. в 1109 г.).
- 1052 г. — Признание мощей Св. Дионисия в монастыре Сен-Дени.
- 1053 г. — Амбренский собор.
1054 г. — Умиротворительный синод в Нарбонне.
— Разрыв между Римом и Константинополем (разделение христианской церкви).
- 1055 г. — Генрих I аннексирует Санское графство.
1056 г. — Генрих IV — германский король.
1059 г. — Филипп I — король франков.
— Нарбоннский собор.
- 1061 г. — Понтификом становится Александр II.
1063 г. — Мен переходит в руки Вильгельма Нормандского.
- 1064 г. — Герцог Аквитанский овладевает Барбастро; Фердинанд I Кастильский приходит в Коимбре.
- 1066 г. — Вильгельм Нормандский завоевывает Англию.
1067 г. — Граф Анжуйский вновь получает свое графство (в качестве фьефа от папы Римского).
- 1068 г. — Филипп I приобретает Гатинэ.
1069 г. — Восстание в Мансе.
1071 г. — Захват графства Фландрии Робертом Фризом.
1073 г. — Начало понтификата Григория VII.
1076 г. — Сельджуки в Иерусалиме.
— Собор в Вормсе, который низлагает Григория VII; папа отлучает от церкви императора Генриха IV.
- 1077 г. — Генрих IV просит прощения в Каноссе.
— Филипп получает в наследство Вексен.

- 1078 г. — Гуго, герцог Бургундский, приходит в Испанию.
- 1081 г. — Граф Прованский приносит оммаж папе Римскому.
- 1085 г. — Граф Могио признает себя вассалом папы Римского.
- 1086 г. — Альморавиды одерживают победу над христианами Испании близ Заллака.
- 1088 г. — Урбан II — понтифик.
— Начало третьей постройки базилики в Ключни.
— Ив Шартрский рукоположен понтификом в качестве епископа.
- 1089 г. — Урбан II объявляет французский крестовый поход в Испанию.
- 1092 г. — Филипп I женится на Бертраде Анжуйской.
- 1094 г. — Филипп I созывает собор в Реймсе.
— На соборе в Отене Гуго де Ди отлучает от церкви Филиппа I.
— Сид Кампеадор овладевает Валенсией.
— Освящение собора Св. Марка в Венеции.
- 1095 г. — Клермонский собор: Урбан II призывает к первому крестовому походу на Восток.
- 1096 г. — Урбан II прибывает в Анжу.
- 1096–1099 гг. — Первый крестовый поход.
- 1097 г. — Война принца Людовика с Вильгельмом Рыжим, королем Англии.
- 1098 г. — Основание монастыря в Сито (ставшего центром Ордена цистерцианцев).
— Взятие Антиохии крестоносцами.
- 1099 г. — Взятие Иерусалима.
— Паскалий II — понтифик.
- Ранее 1100 г. — Появление *Песни о Роланде*.
- 1100 г. — Генрих I — король Англии.
- 1101 г. — Филипп I приобретает виконтство Буржа.
- 1102 г. — Война принца Людовика против графа Русийского.
- 1103 г. — Дуврский пакт, заключенный между королем Англии и графом Фландрии.
- 1105 г. — Покаяние Филиппа I.
- 1107 г. — Паскалий II встречается во Франции с Филиппом I и Людовиком.
- 1108 г. — Людовик VI Толстый — король франков.
- 1108–1113 гг. — Основание монастыря Сен-Виктор в Париже.
- 1109 г. — Возникновение общин в Нуайоне, Бове.
— Взятие Триполи и Бейрута крестоносцами.
— Война Людовика VI против Генриха I Боклерка.
- 1111 г. — Генрих V становится императором.

- Граф Мелана подвергает разграблению Париж.
- 1111–1112 гг. — Походы Людовика VI против Генриха I, Тибо Шампанского и сира Пюизе.
- 1112 г. — Возникновение общины в Лаоне.
- 1115 г. — Война Людовика VI против Тома де Марля.
- Появление *Mémoires* Гвиберта Ножанского.
- Основание монастыря Клерво Св. Бернардом.
- 1116–1117 гг. — Возникновение общины в Амьене.
- 1118 г. — Взятие Сарагоссы французскими и испанскими крестоносцами.
- Основание Ордена тамплиеров (храмовников).
- Бодуэн II — король Иерусалима.
- 1119 г. — Поражение Людовика VI в битве при Бремюле.
- Реймский собор.
- Карл Добрый — граф Фландрии.
- 1121 г. — Осуждение Абеяра Суассонским собором.
- 1122 г. — Петр Достопочтенный — аббат Ключи. Сугерий — аббат Сен-Дени.
- 1124 г. — Генрих IV воюет против Людовика VI.
- Голод во Фландрии.
- 1125–1150 гг. — *Паломничество Карла Великого.*
- 1126 г. — Возникновение общины в Суассоне.
- Ранее 1127 г. — Появление *Истории крестового похода в Иерусалим* Фуше из Шартра.
- 1127 г. — Убийство Карла Доброго, графа Фландрии.
- Возникновение общин в Брюгге, Лилле и Сент-Омере.
- 1130 г. — Иннокентий II — папа Римский.
- Рожер II — первый король Сицилии.
- 1130–1148 гг. — Появление провансальских поэм Маркабрю.
- 1131 г. — Коронование Людовика VII.
- Фульк Анжуйский — король Иерусалима.
- 1132 г. — Завершение строительства храма в Везле.
- 1132–1144 гг. — Сооружение собора Сен-Дени.
- 1133 г. — Лотарь становится императором.
- 1135 г. — Стефан Блуаский — король Англии.
- Ок. 1135–1160 гг. — Сооружение собора в Сансе.
- 1136 г. — Война Людовика VI против Тома де Марля.
- Восстание баронов в Англии.
- 1137 г. — Женитьба Людовика VII на Алиеноре Аквитанской.
- Форезское графство попадает в зависимость от королевства.
- Конрад III становится императором.
- 1139 г. — 2-й Латеранский собор.
- 1140 г. — Осуждение Абеяра в Сансе.

- Монах Грациан публикует *Décret* — первый систематизированный сборник папских декреталлий.
- 1141–1144 гг. — Жоффрау Плантагенет завоевывает Нормандию.
- 1142–1143 гг. — Войны Людовика VII против Тибо Шампанского.
- На Рейне появляются еретики.
- Ок. 1145 г. — Сооружение королевского портала Шартрского кафедрального собора.
- 1145 г. — Цистерцианец Евгений III — понтифик.
- 1146 г. — Святой Бернард призывает ко второму крестовому походу.
- 1147 г. — Людовик VII отправляется в крестовый поход.
- Немецкий крестовый поход против славян.
- 1148 г. — Людовик VII и Конрад III терпят поражение под Дамаском.
- 1152 г. — Женитьба Генриха Плантагенета на Алиеноре Аквитанской.
- Фридрих I Барбаросса — германский король.
- 1153 г. — Евгений III призывает к бдительности в отношении еретиков.
- Кончина Св. Бернарда.
- 1154 г. — Генрих Плантагенет — король Англии.
- Понтификом становится Адриан IV.
- Ок. 1155 г. — Создание *Книги сентенций* Петром Ломбардским.
- Кутюмы Лорри.
- 1156 г. — Фридрих Барбаросса — император.
- 1157 г. — Разрыв между папой и императором.
- 1159 г. — На папском престоле — Александр III. Схизма: Фридрих Барбаросса устраивает избрание «антипапы».
- Ок. 1160 г. — Появление *Тристана* Беруля.
- 1162 г. — Альфонс II — король Арагона; Барселонское графство отделяется от королевства Франции.
- 1163 г. — Собор в Туре. Из-за схизмы понтификальная курия обосновывается в Сансе.
- Конфликт между королем Англии Генрихом II и Фомой (Томасом) Бекетом, архиепископом Кентерберийским.
- Начаты работы по сооружению собора Нотр-Дам в Париже.
- 1165 г. — Канонизация Карла Великого «антипапой» Пасхалием III.
- 1166 г. — Генрих II Плантагенет овладевает Бретанью.
- 1169 г. — Собрание еретиков в Лорагэ.

- 1170 г. — Убийство Фомы Бекета.
— Строительство фасада церкви Сен-Жиль.
- Ок. 1170 г. — Лионский купец Вальдес начинает жить по евангельскому учению.
- 1174–1182 гг.
Ок. 1175 г. — Строительство собора в Монреале (Сицилия).
— Написание *Истории герцогов Нормандских* Бенуа де Сент-Мором.
- 1176 г. — *Завещание* Марии Французской.
— Победа итальянских городов (Ломбардская лига) над Фридрихом I Барбароссой.
- 1177 г. — Свидание папы и императора в Венеции.
- 1178 г. — Папская миссия в Альбижуа.
- 1179 г. — 3-й Латеранский собор, пытавшийся устранить раскол.
— Нападение султана Саладина (Салах-ад-Дина) на Тир.
- 1180 г. — Филипп II — король Франции.
— Аресты имущества евреев в королевстве.
— Кампания Филиппа II в Маконнэ.
— Освящение главного алтаря собора Нотр-Дам в Париже.
- 1181 г. — Появление книги *Персеваль* Кретьена де Труа.
- 1182 г. — Резня западноевропейцев в Константинополе.
- 1183 г. — Констанцкий мир; Фридрих I признает вольности ломбардских городов.
- 1184 г. — Передача королю прав на Монтаржи.
- 1185 г. — Филипп II приобретает Аррас и Вермандуа.
- 1186 г. — Появление трактата Андрэ Капеллана *Об искусстве пристойной любви*.
- 1187 г. — Взятие Иерусалима Салах-ад-Дином.
- 1187–1188 гг. — Филипп II овладевает Берри.
- 1189 г. — Ричард Львиное Сердце — король Англии.
— Генрих VI — германский король.
- 1190 г. — Филипп II Август отправляется из Везле в третий крестовый поход.
— Начало возведения Филиппом II Августом крепостных стен вокруг Парижа.
— Построен портал кафедрального собора в Санлисе.
- 1190–1191 гг. — Филипп II Август участвует в крестовом походе.
- 1191 г. — Генрих VI становится императором.
- 1192 г. — По возвращении из крестового похода Филипп II Август захватывает Артуа.
- 1193 г. — Король отвергает Ингегургу.
— Ричард Львиное Сердце пленен в Австрии.
— Филипп II Август присваивает фьефы Плантагенета во Франции.

- 1194 г. — Ричард Львиное Сердце возвращает себе свои фьефы. Филипп II Август терпит неудачу в сражении при Фретвале.
- Составлен первый *Prisée des sergents* (Список общин, обязанных поставлять королю стражников).
- Синод в Компьене, на котором епископы королевства отменяют брак Филиппа с Ингебургой.
- Начало строительства нового собора Нотр-Дам в Шартре.
- 1195–1200 гг. — Иоахимом Флорским (Джоаккино да Фьере) написан *Комментарий на Апокалипсис*.
- Ок. 1196 г. — Андрэ де Маршьенн составил *Историю королей Франции*.
- 1196 г. — Строительство крепости Шато-Гайяр (на Сене).
- Папа Целестин III отменяет постановление синода в Компьене.
- 1198 г. — На папском престоле — Иннокентий III.
- Ричард Львиное Сердце наносит французам поражение при Жизоре.
- Фульк из Нейи выступает за четвертый крестовый поход.
- 1199 г. — Жьен отдан Филиппу II Августу.
- Иоанн Безземельный — король Англии.
- Появление первой редакции *Кутюмье* — сборника норм обычного права Нормандии (*Très Ancien Coutumier de Normandie*).
- Ок. 1200 г. — Возникновение Парижского университета.
- Иннокентий III налагает интердикт на все королевство Франции; Филипп II Август признает Ингебургу своей супругой.
- Графство Эврё возвращено в королевский домен.
- 1201 г. — Иннокентий III легитимизирует Филиппа Юрпеля.
- Шампань поставлена под опеку короля-сеньора.
- 1202 г. — Курия Филиппа II Августа конфискует фьефы Иоанна Безземельного.
- 1202–1204 гг. — Четвертый крестовый поход.
- 1203 г. — Крестоносцы вступают в Константинополь.
- 1204 г. — Филипп II Август захватывает Нормандию, Анжу и Пуату.
- Основание Латинской империи Востока: Боудуэн IX, граф Фландрии, избран императором Константинополя.

- Король Арагона Педро признает себя папским вассалом.
- Начало походов Чингисхана.
- 1206 г. — Генрих Фландрский — император Константинополя.
- Основание Морейского княжества (Греция).
- Начало сооружения порталов собора в Шартре.
- 1207 г. — Святой Доминик проповедует в Лангедоке.
- Обращение Франциска Ассизского.
- 1209 г. — Обнародование в Вильнев-сюр-Йонн королевского ордонанса относительно оммажа.
- 1209–1213 гг. — Крестовый поход против альбигойцев.
- Памьерский устав, обязывающий применять парижские кутюмы в Тулузэне и Альби.
- 1210 г. — Иннокентий III отлучает от Церкви Оттона IV.
- 1211 г. — Фридрих II — германский король.
- Начало перестройки собора в Реймсе.
- 1211–1218 гг. — Сооружение монастыря Мон-Сен-Мишель.
- 1212 г. — Крестовый поход детей.
- 1213 г. — Битва при Мюре.
- Вермандуа, Валуа и Овернь входят в королевский домен.
- 1214 г. — Иоанн Безземельный высаживается в Ла-Рошели.
- Победа французов при Бувине.
- Филипп II Август закладывает новый порт в Париже.
- 1215 г. — 4-й Латеранский собор.
- Робер де Курсон готовит устав для Парижского университета.
- *Великая Хартия вольностей* в Англии; осуждение ее Иннокентием III.
- Фридрих II становится властителем Германии.
- 1216 г. — Понтифик утверждает Орден доминиканцев.
- Принц Людовик переносит военные действия в Англию.
- Папа Гонорий III призывает к пятому крестовому походу.
- Генрих III — король Англии.
- 1217 г. — Пьер де Куртенэ — император Константинополя.
- Смерть Симона де Монфора под Тулузой.
- 1218 г. — Взятие Дамьетты крестоносцами.
- 1219 г. — Экспедиция принца Людовика в Лангедок.
- Францисканцы обосновываются в Париже.
- 1220 г. — Фридрих II становится императором.
- Первый устав университета в Монпелье.

- Начало строительства кафедрального собора в Бурже.
- 1222 г. — Завещание Филиппа II Августа.
- 1223 г. — Людовик VIII — король Франции.
- 1224 г. — Амори де Монфор уступает Людовику VIII Каркассес и Альбижуа.
- Завершено завоевание Сентонжа и Пуату.
- 1225–1226 гг. — Экспедиция Людовика VIII в Лангедок.
- 1225–1230 гг. — Перевод на латынь *Метафизики* Аристотеля.
- 1226 г. — Кончина Франциска Ассизского.
- Регентство Бланш (Бланки) Кастильской, матери Людовика IX.
- 1227 г. — Григорий IX на папском престоле.
- 1228 г. — Папа запрещает преподавать учение Аристотеля в Парижском университете.
- 1229 г. — Договор в Париже между Людовиком IX и Раймондом VII Тулузским; Каркассон, Безье, Ним и Бокер включены в королевский домен.
- Тулузский собор: организация инквизиции, учреждение университета в Тулузе.
- Ок. 1230 г. — Книга *Роман о Розе* Гильома де Лорриса.
- 1233 г. — Дело инквизиции доверено членам нищенствующих орденов.
- 1234 г. — Людовик IX женится на Маргарите Прованской.
- 1236 г. — Фердинанд III Кастильский овладевает Кордовой.
- 1237 г. — Брак Жанны (Иоанны) Тулузской с Альфонсом Пуатевенским.
- 1239 г. — Поражение шестого («шампанского») крестового похода в Газе.
- Отлучение от Церкви Фридриха II.
- 1240 г. — Людовик IX приобретает святую реликвию — Терновый Венец.
- 1241–1242 гг. — Нашествие монголов на Польшу и Венгрию.
- 1243 г. — Иннокентий IV — папа Римский.
- 1243–1248 гг. — Строительство церкви Сент-Шапель в Париже.
- 1244 г. — Взятие замка Монсежюр, обороняемого катарами.
- 1245 г. — Папское посольство к монголам во главе с Жаном де План Карпенем.
- Людовик IX приказывает провести «великую проверку» в королевстве.
- 1245–1256 гг. — Доминиканец Альберт Великий преподает в Париже.
- 1246 г. — Суд над еретиками в Тулузе.
- 1247 г. — Лионский собор.

- 1248 г. — Францисканец Святой Бонавентура толкует в Париже *Книгу сентенций* Петра Ломбардского.
- 1248–1254 гг. — Седьмой крестовый поход: Людовик IX на Востоке.
- 1249 г. — Взятие Дамьетты крестоносцами.
— Альфонс де Пуатье наследует Тулузское графство.
- 1250 г. — Капитуляция Людовика IX в Мансуре.
— Первое упоминание Парижского парламента.
- 1250–1318 гг. — Строительство кафедрального собора в Страсбурге.
- 1252–1257 гг. — Ссора между Парижским университетом и нищенствующими орденами.
- 1252–1959 гг. — Святой Фома Аквинат преподает в Париже.
- 1254 г. — Александр IV — папа Римский.
- Ок. 1255 г. — «Установление» Людовика IX для очищения королевства.
- 1257 г. — Робер де Сорбон учреждает Коллеж («Сорбонну»).
- 1258–1263 гг. — Трактат Фомы Аквината *Сумма философии, об истине католической веры против язычников*.
- 1259 г. — Договор в Париже между Людовиком IX и Генрихом III.
— *Книга правосудия и судебных прений*.
- 1260 г. — Запрещение судебных поединков.
- 1261 г. — Папой избран Урбан IV, француз по происхождению.
- 1262 г. — Отвоевание Кадиса у арабов.
- 1263–1266 гг. — Введение единой монетной системы на территории королевского домена; король начинает чеканить в Туре крупную монету — «gros tournois».
- 1264 г. — Движения протеста среди баронов в королевстве.
- 1265 г. — Папой Римским избран Климент IV, француз по происхождению.
- 1266 г. — Пребывание Марко Поло в Пекине.
— Приведение в порядок гробниц в Сен-Дени.
- 1267–1273 гг. — *Сумма теологии* Фомы Аквината.
- 1268 г. — Карл Анжуйский расправляется с последним преемником Фридриха II.
— Султан Бибарс овладевает Антиохией.
- 1269–1272 гг. — Фома Аквинат вновь преподает в Париже.
- Ок. 1270 г. — Введение нового «распорядка» королевского миропомазания.

- 1270 г. — Восьмой крестовый поход. Смерть Людовика IX в Тунисе.
- 1271 г. — Филипп III — король Франции.
— Папой Римским становится Григорий X.
— Тулузское графство включено в королевский домен по праву наследования.
- 1272 г. — Эдуард I — король Англии.
- 1273 г. — Рудольф Габсбургский становится императором.
- 1273–1274 гг. — Начало процедуры канонизации Людовика IX.
- 1274 г. — Первый выпуск на французском языке *Больших французских хроник*, первоначально составившихся на латинском языке монахами Сен-Дени.
— 2-й Лионский собор.
— Передача папскому престолу в дар области Конта Венессен.
- 1276 г. — Гуго III, король Иерусалима, уступает Сирию мусульманам.
— Появление второй части *Романа о Розе* Жана де Мёна.
- 1277 г. — Карл Анжуйский безуспешно претендует на иерусалимскую корону.
— Епископ Парижский осуждает некоторые тезисы Фомы Аквината.
- 1281 г. — На папский престол вступает Мартин IV, француз по происхождению.
- 1282 г. — Проведение второй части процедуры канонизации Людовика IX.
— Появление пьесы Адама де ла Аля *Изра о Робене и Марион*.
- 1283 г. — *Кутюмы Бовези* Филиппа де Бомануара.
- 1284 г. — Благодаря брачному союзу принц Филипп приобретает право на управление Шампанью и Наваррой.
- 1285 г. — Обвал нефа в кафедральном соборе Бове.
— Филипп IV Красивый — король Франции.
- 1286 г. — Франция и Англия заключают в Париже договор о Керси и Сентонже.
- 1287 г. — Договор о Неаполе и Сицилии между Филиппом Красивым и Альфонсом III Анжуйским.
- 1290 г. — Филипп Красивый подтверждает привилегии духовенства.
- 1291 г. — Конец государств крестоносцев в Сирии.
- 1292 г. — Лион поставлен под королевскую защиту.
- 1294 г. — Филипп Красивый накладывает секвестр на Гиенну, владение Эдуарда I.

- 1295 г. — Бонифаций VIII — папа Римский.
- 1297 г. — Первый крупный денежный кризис.
- Канонизация Людовика Святого.
- Взятие Лилля Филиппом Красивым.
- Ок. 1300 г. — *Etablissements de Saint Louis* — «Установления Людовика Святого» (сборник законов и кутюмов Северной Франции).
- 1301 г. — Бонифаций VIII призывает Карла Валуа усмирить Италию.
- Анжуйская династия сменяет в Венгрии династию Арпадов.
- 1302 г. — Булла *Ausculta Fili* против Филиппа IV Красивого.
- Король получает поддержку Генеральных штатов в борьбе против Бонифация VIII и папских притязаний.
- 1303 г. — Фландрское возмущение; поражение при Куртре.
- Отлучение от церкви Филиппа Красивого.
- Французские посланцы захватывают папу («пощечина в Ананьи»).
- Кончина Бонифация VIII; папой избран Бенедикт XI.
- 1305 г. — На папском престоле — Климент V, гасконец по происхождению.
- 1306 г. — Изгнание евреев за пределы королевства.
- 1307 г. — Арест тамплиеров (храмовников).
- 1309 г. — Климент V переносит папскую курию в Авиньон.
- 1311 г. — Хронист Жуанвиль представляет принцу Людовику свою книгу *Жизнеописание Людовика Святого*.
- 1312 г. — Папа Римский запрещает Орден тамплиеров.
- По договору в Понтуазе Лилль, Дуэ, Бетюн переходят к королю.
- 1314 г. — Дело о супружеской неверности в королевском семействе.
- Людовик X Сварливый — король Франции.
- 1316 г. — Папой Римским становится Иоанн XXII, француз по происхождению.
- Иоанн I Дитя (прожил несколько дней); женщины исключены из числа наследников — претендентов на королевскую корону.
- Филипп V Длинный — король Франции.
- Бургундское графство входит в состав королевства.
- 1320 г. — Учреждение счетной палаты.

- 1322 г. — Карл IV Красивый — король Франции.
- 1323–1328 гг. — Жакерия во Фландрии.
- 1325 г. — Парижский университет отменяет запрет на преподавание томизма.
- 1328 г. — Филипп VI Валуа становится королем Франции; епископы и бароны предпочитают его Эдуарду III Английскому, внуку Филиппа Красивого.
- Гражданская церемония коронации императора Людовика Баварского.
- 1329 г. — Эдуард III приносит Филиппу VI оммаж за Гийенну.
- Уильям Оккам выступает в своих сочинениях против светской власти пап.
- 1332 г. — Конфликт между папой Иоанном XXII и Парижским университетом, опиравшимся на поддержку короля.
- Осуждение Роберта III д'Артуа, оспаривавшего права на Артуа.
- 1334–1342 гг. — Сооружение первого папского дворца в Авиньоне.
- 1334 г. — Папой Римским становится Бенедикт XII (Жак Фурнье).
- 1337 г. — Начало Столетней войны: Эдуард III претендует на французский престол, Филипп VI отбирает у него Гийенну.
- Парижский университет осуждает Уильяма Оккама.
- 1338 г. — Османы вышли к Босфору.
- 1340 г. — В битве при Слэйсе, неподалеку от Брюгге, уничтожен французский флот.
- 1344 г. — Кончина художника Симона Мартини в Авиньоне.
- 1346 г. — Англичане наносят французам поражение в битве при Креси.
- 1347 г. — Взятие Кале.
- 1348–1350 гг. — Эпидемия чумы («черная смерть») в Западной Европе.
- 1349 г. — Филипп VI покупает Монпелье. К королю отходит область Дофинэ; внук короля Карл принимает титул Дофина (по названию области).
- 1350 г. — Иоанн Добрый — король Франции.
- 1352 г. — Попытка коллегии кардиналов взять власть в церковных делах.
- 1355 г. — Дофин Карл становится герцогом Нормандским.
- 1356 г. — Победа Черного Принца, сына Эдуарда III, в битве при Пуатье.

- Иоанн Добрый и его старший сын попадают в плен и увезены в Лондон. Дофин в качестве королевского наместника созывает Генеральные штаты.
- 1357–1358 гг. — Жакерия.
- Этьен Марсель поднимает Париж против Дофина и сдает столицу королю Наварры Карлу Злому, союзнику англичан.
- 1360 г. — Убийство Этьена Марселя.
- В Бретиньи заключен договор, ратифицированный в Кале: Эдуард III отказывается от претензий на французский престол, но получает верховную власть над Аквитанией.
- 1364 г. — Иоанн Добрый отпущен из плена.
- Карл V — король Франции. Он берет в свои руки финансы и армию.
- Поражение Карла Злого в сражении при Кошереле.
- Стабилизация денежной системы: выпуск золотого франка.
- 1367 г. — Понтифик покидает Авиньон и возвращается в Рим.
- 1369–1377 гг. — Второе завоевание Аквитании и Нормандии.
- 1370 г. — Король Венгрии Людовик I Анжуйский наследует польскую корону.
- 1371–1373 гг. — Карл V возвращает себе Пуату, Онис и Сентонж. Первая книга *Хроник Жана Фруассара*.
- 1375–1381 гг. — Настенный ковер *Апокалипсис* в Анже.
- 1377 г. — Ричард II — король Англии.
- 1378–1417 гг. — Великий раскол Запада. Карл V выражает повинование Клименту VII.
- 1378 г. — Конфискация нормандского имущества Карла Злого.
- 1382 г. — Волнения в Париже, Руане и в городах Лангедока.
- 1384 г. — Филипп Бесстрашный наследует графство Фландрии.
- 1390 г. — Начало сооружения замка Пьерфон.
- 1392 г. — Душевная болезнь Карла VI (Безумного). Королевство поставлено под опеку его дядьев.
- Экспедиция Людовика Орлеанского в Италию.
- 1393 г. — *Bal des Ardents*.
- 1394 г. — Изгнание евреев.
- 1395 г. — Жан Шарль из Жерсона становится канцлером Парижского университета.
- 1396 г. — Конфликт между герцогами Бургундскими и Орлеанскими.

- 1410–1416 гг. — *Великолепный часовник герцога Беррийского.*
- 1413 г. — Генеральные штаты протестуют против гражданской войны.
— Восстание в Париже.
— Генрих V — король Англии.
- 1414–1418 гг. — Констанцкий собор кладет конец «Великому расколу».
- 1415 г. — Поражение французов в битве при Азенкуре.
- 1416 г. — Герцог Бургундии Иоанн Бесстрашный признает Генриха V как короля Франции.
- 1420 г. — Договор в Труа.
- 1422 г. — Избрание на трон Генриха VI; его дядя Бедфорд обеспечивает выполнение регентских функций. Однако Карл VII принимает наследство своего отца, не будучи коронованным.
- 1428 г. — Английское войско Бедфорда движется на Юг; осада Орлеана.
- 1429 г. — Жанна д'Арк встречается с дофином Карлом в Шиноне.
— Снятие осады Орлеана и коронация Карла VII в Реймсе.
- 1430 г. — Жанна д'Арк терпит поражение в стычке под Компьенем и попадает в плен.
- 1431 г. — Мученическая смерть Жанны д'Арк. В конце года — коронация Генриха VI в Париже.
- 1431–1449 гг. — Базельский собор.
- 1432 г. — *Поклонение агнцу* художника Ван Эйка.
- 1435 г. — Герцог Беррийский присоединяется к Карлу VII.
Французско-бургундский договор в Аррасе.
— Иль-де-Франс снова в руках короля.
- 1436 г. — Париж переходит в руки Карла VII.
- 1450 г. — Иоганн Гутенберг открыл книгопечатную мастерскую в Майнце.
- 1452 г. — В последний раз папа Римский коронует императора (позже подобная церемония приобретает светский характер).
- 1453 г. — Окончание Столетней войны.
— Карл VII полностью возвращает себе Гасконь.
— Взятие османами Константинополя.
- 1455–1456 гг. — Реабилитация Жанны д'Арк.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Авена-ан-Божоле (Avenas-en-Beaujolais) — 241
Авиньон, Авиньонé (Avignon, Avignonnet) — 138, 139, 312, 315, 332, 356
Авранш (Avranches) — 125
Агд (Agde) — 171
Ажан, Аженé (Agen, Agenais) — 49, 297, 313, 337
Азенкур (Azincourt) — 363
Аквитания (Aquitaine) — 36, 38, 47, 49, 51, 57, 95, 96, 114, 117, 119, 143, 155, 234, 248, 249, 253, 273, 278, 293, 309, 332, 355
Алост (Alost) — 195
Альби, Альбигуа (Albi, Albigeois) — 297, 301, 304, 317
Альзас (Alsace) — 189
Амбуаз (Amboise) — 79, 82, 88, 256–260
Амьен (Amien) — 136, 268, 274
Ананьи (Anagni) — 336
Англия — 43, 55, 79, 158, 247, 248, 253, 277, 350, 351, 363
Ангулем, Ангумуа (Angoulême, Angoumois) — 80, 94
Анже (Angers) — 145, 247, 257, 260, 280
Анжу (Anjou) — 44, 80, 186, 225, 238, 251, 252, 273, 274, 277, 279, 318, 361
Анс (Anse) — 113
Арагон (Aragon) — 143, 294, 297, 310
Арль (Arles) — 21, 29, 49, 108, 113, 123, 131, 132, 236, 293
Арморика (см. также Бретань) (Armorique) — 41, 252, 257, 260
Аррас (Arras) — 168, 190, 192, 194, 195
Арруэз (Argouaise) — 215
Артуа (Artois) — 57, 168, 215, 225, 268, 288, 318, 350
Баже-ла-Вилль (Bâgé-la-Ville) — 67
Баже-ле-Шатель (Bâgé-le-Châtel) — 67
Байё (Bayeux) — 80, 125, 139
Бапом (Bapaume) — 215
Бар (Bar) — 293, 307
Барбастро (Barbastro) — 143
Барбо (Barbeaux) — 245
Барруа (Barrois) — 331
Барселона (Barcelone) — 48, 108, 133, 220, 297
Бар-сюр-Об (Bar-sur-Aube) — 249, 293
Беарн (Béarn) — 298
Безалю (Besalú) — 129
Безансон (Besançon) — 21, 29, 136, 236

- Безье (Bézier) — 306, 308, 312
 Берг (Bergues) — 187
 Берзе-ла-Виль (Berzé-la-Ville) — 67
 Берзе-ле-Шатель (Berzé-le-Châtel) — 67
 Берри (Berry) — 59, 165, 270, 353, 361
 Бетюн (Béthune) — 263, 287, 337
 Бигорр (Bigorre) — 298
 Блай (Blaye) — 97
 Блау (Blois) — 44, 200, 249
 Бове (Beauvais) — 19, 33, 136, 369
 Бовези (Beauvaisis) — 156, 334, 354
 Божё (Beaujeu) — 109, 293, 312
 Бокер (Beaucaire) — 313, 315
 Болонья (Bologne) — 236, 305, 320
 Бордо (Bordeaux) — 21, 44, 48, 145, 171, 297
 Бомон (Beaumont) — 165
 Бремюль (Bremule) — 168, 172, 200
 Бресс (Bresse) — 68
 Бретань (Bretagne) — 41, 42, 43, 248, 276, 278
 Бри (Brie) — 249
 Брионнэ (Brionnais) — 171
 Бриуд (Brioude) — 45
 Брюгге (Bruges) — 183–189, 194, 337
 Бувин (Bouvines) — 269, 280, 281, 284, 287, 337
 Булонь, Булоннэ (Boulogne, Bouloonnais) — 43, 350
 Бурбоннэ (Bourbonnais) — 51, 171
 Бурбур (Bourbourg) — 187, 189
 Бургундия (Bourgogne) — 36, 38, 42, 43, 60, 72, 113, 114, 118, 136, 143, 165, 241, 251, 361
 Бурж (Bourges) — 21, 45, 59, 150, 155, 161, 237
 Валанс (Valence) — 141
 Вандом (Vendôme) — 83, 84, 88
 Везле (Vézelay) — 237, 241
 Вексен (Vexin) — 155, 161, 172, 180, 181
 Веле (Velay) — 296
 Венеция (Venise) — 307, 328
 Венсенн (Vincennes) — 324
 Верден (Verdun) — 19, 29, 331
 Верден-сюр-ле-Ду (Verdun-sur-le-Doubs) — 113
 Вермандуа (Vermandois) — 43, 168, 225, 264, 268
 Виварэ (Vivarais) — 294
 Вильнев-сюр-Йонн (Villeneuve-sur-Yonne) — 275
 Виссан (Wissant) — 158
 Витри (Vitry) — 237
 Вокулёр (Vaucouleurs) — 364, 365
 Вьенн, Вьеннуа (Vienne, Viennois) — 21, 29, 331, 332
 Вэзон (Vaison) — 138
 Галлия [(Gaul(s))] — 19–23, 28–29, 40, 48, 50, 51, 65, 121, 126, 127, 134, 136, 138, 139, 141, 145, 151, 220, 235, 257, 286, 292, 294, 298, 311
 Гасконь (Gascogne) — 44, 48, 309, 337
 Гастингс (Hastings) — 108
 Гатинэ (Gâtinais) — 155, 161
 Гент (Gand) — 187, 190, 191
 Германия — 64
 Гийенна (Гизнь) (Guyenne) — 311, 350, 351
 Гин (Guînes) — 107, 228
 Гластонбери (Glastonbury) — 253
 Гонесс (Gonesse) — 68
 Готия (Gothie) — 28, 36, 138, 139
 Гранд-Шартрез (Grande Chartreuse) — 150, 240
 Гранж-Серси (Grange-Sercie) — 67
 Гранмон (Граммон) (Grandmont) — 150
 Гурне (Gournay) — 168
 Дания — 185
 Ден-ле-Руа (Dun-le-Roi) — 270
 Диксмёйде (Dixmude) — 190

- Домреми (Domrémy) — 363, 371
 Дувр (Douvres) — 157
 Дуэ (Douai) — 337
 Дьепп (Dieppe) — 160
- Жеводан (Gévaudan) — 261, 296
 Жизор (Gisors) — 271, 273, 277
- Задар (Zadar) — 307
- Иерусалим (Jérusalem) — 23, 50, 144, 146, 152, 155, 181, 185, 238, 271, 307
 Иль-де-Франс (Ile-de-France) — 138, 154, 165, 166, 177, 178, 246, 307, 315, 353
 Ипр (Ypres) — 187, 188, 189, 193, 194
 Ирландия — 252
 Испания — 56, 126, 129, 132, 143, 310
 Испанская марка (Marche d'Es-ragne) — 28, 29, 48
 Италия — 56, 280, 331, 338, 356, 362
- Йер (Huères) — 325
- Кале (Calais) — 351
 Кампанья (Campanie) — 56
 Кан (Caen) — 107, 108, 294
 Каносса (Canossa) — 124
 Каор (Cahors) — 297, 313
 Капуя (Capoue) — 141
 Каркассон (Carcassonne) — 308, 309, 315
 Кассель (Cassel) — 348
 Кастилия (Castille) — 298
 Каталония (Catalogne) — 29, 143, 220, 224
 Кентерберри (Canterbury) — 236, 246
 Керси (Quercy) — 333
 Кёльн (Cologne) — 300, 301
 Клерво (Clairvaux) — 305
 Клермон (Clermont) — 142, 144, 148, 171, 251
- Клюни (Cluny) — 24, 25, 26, 50, 56, 63, 66, 84, 114, 122, 138, 140, 145, 169, 171, 263
 Комменж (Comminges) — 298, 310
 Компьень (Compiègne) — 182, 201, 269, 367
 Конк (Conques) — 45, 112
 Конта-Венессен (Comtat Venais-sin) — 332
 Конфолан (Confolens) — 96
 Корбей (Corbeil) — 46, 165
 Кордова (Cordoue) — 49
 Корнуэлл (Cornouaille) — 252
 Кортве (Cortevais) — 68
 Креси (Crécy) — 333, 351
 Куртенэ (Courtenay) — 276
 Куртре (Courtrai) — 337
 Куси (Coucy) — 213
- Лавор (Lavaur) — 309
 Лангедок (Languedoc) — 316, 325, 333, 351, 354
 Лангр (Langres) — 33, 136, 171
 Ланьи (Lagny) — 249
 Лаон, Лан, Ланнуа (Laon, Laon-nois) — 33, 156, 181–183, 242, 251, 323
 Ла-Рош-о-Муан (La Roche-aux-Moines) — 280
 Ла-Рошель (La Rochelle) — 248, 280, 311
 Лас-Навас-де-Толоса (Las Navas de Tolosa) — 298
 Латт (Lattes) — 215
 Лацио (Latium) — 64, 66
 Ле-Ман (Le Man) — 43, 59, 247, 257, 277
 Ле-Плесси-Гассо (Le Plessis-Gas-sot) — 68
 Ле-Тилле (Le Thillay) — 68
 Лизьё (Lisieux) — 72, 125, 171
 Лилль (Lille) — 168, 187, 193, 280, 337
 Лимож, Лимузен (Limoges, Li-mousin) — 50, 251, 252, 311
 Лион (Lyon) — 21, 113, 171, 251, 293, 300, 331
 Лис (Lys) — 325
 Лодев (Lodève) — 171, 323

- Лондон — 187
 Лотарингия (Lorraine, Lotharingie) — 29, 66, 72, 80, 136, 147, 180, 300, 331
 Лош (Loches) — 247
 Луара, долина Луары (Val de Loire) — 40, 44, 136, 214, 251
 Лувр (Louvre) — 318
 Люзиньян (Lusignan) — 96–103

 Магелонн (Maguelonne) — 140
 Мазиль (Mazille) — 68
 Майнц (Mayence) — 135
 Макон, Маконнэ (Mâcon, Mâconnais) — 43, 60, 66, 69, 82, 84, 113, 171, 221, 270, 312
 Манда (Mende) — 150, 171, 236
 Мансура (Mansourah) — 353
 Мант (Mantes) — 268, 289
 Марманд (Marmande) — 311
 Мармутье (Marmoutier) — 228
 Марсель (Marseille) — 120, 125, 138, 293
 Марсиньи (Marcigny) — 171
 Марш (Marche) — 97, 101
 Мёлан (Meulan) — 165, 166, 167, 201
 Мен (Maine) — 62, 159, 273, 277, 279, 318
 Мец (Metz) — 19, 373
 Минерв (Minerve) — 309
 Мо (Meaux) — 44, 160, 249
 Мобюиссон (Maubuisson) — 325, 333
 Могио (Mauguio) — 140, 215, 298
 Монлери (Montlhery) — 165
 Монмирей (Montmirail) — 274
 Монпелье (Montpellier) — 215, 221, 227, 293, 306, 310, 333
 Монреаль-ан-Каркассес (Montreal-en-Carcassès) — 303
 Монс (Mons) — 261
 Монтсегюр (Montségur) — 315
 Монтайю (Montaillou) — 294, 315
 Монтрёй-Беллэ (Montreuil-Bellay) — 228
 Монтрёй-сюр-Мер (Montreuil-sur-Mer) — 155, 264

 Морген (Mortain) — 280
 Мюре (Muret) — 310

 Наварра (Navarre) — 294, 349, 354
 Нант (Nantes) — 41, 136
 Нарбонна (Нарбон), Нарбоннэз (Narbonne, Narbonnaise) — 21, 48, 49, 110, 123, 126, 129, 131, 132, 134, 138, 171, 221, 251, 295, 297, 306, 310
 Неаполь (Naples) — 294, 332
 Невер, Ниверне (Nevers, Nivernais) — 43, 46, 170, 290, 300, 307
 Нейстрия (Neustrie) — 39, 174
 Нидерланды (Pays-Bas) — 362
 Ним (Nîmes) — 145, 171, 313
 Нормандия (Normandie) — 35, 42, 43, 55, 58, 59, 62, 66, 71, 74, 81, 110, 111, 114, 136, 157, 159, 166, 170, 171, 179, 180, 193, 201, 218, 222, 224, 225, 234, 240, 247, 248, 252, 274, 277–279, 289, 318, 347, 350, 351, 353, 354, 364
 Нуайон (Noyon) — 32, 33, 168, 251, 269

 Овернь (Auvergne) — 44, 51, 131, 141, 165, 171, 293, 312, 319, 347, 353
 Оранж (Orange) — 291
 Орлеан, Орлеанэ (Orléans, Orleanais) — 19, 30, 43, 53, 58, 155, 156, 172, 259, 323, 364, 367, 372, 373
 Осер (Оксер), Осеруа (Auxerre, Auxerrois) — 292, 300
 Осма (Osma) — 304
 Осткерке (Oostkerke) — 184
 Отен (Autin) — 141, 171
 Ош (Auch) — 21

 Памье (Pamiers) — 304, 309
 Париж (Paris) — 30, 38, 68, 120, 156, 172, 173, 201, 206, 222, 224, 227, 233, 243, 245, 251, 255, 268, 272, 282, 286, 292, 310, 323, 330, 349, 352, 355, 359, 362, 367

- Паризи (Parisi) — 156
 Паси-сюр-Эр (Pacy-sur-Eure) — 286
 Перигё (Périgieux) — 297
 Перигор (Périgord) — 311
 Перонн (Péronne) — 168, 283
 Пикардия (Picardie) — 168, 330
 Пикиньи (Picquigny) — 85
 Понтьё (Pontheu) — 163
 Премонтре (Prémontré) — 163
 Приссе (Prissé) — 68
 Прованс (Provence) — 48, 60, 62, 66, 138, 203, 221, 222, 299, 331
 Провен (Provins) — 249, 250, 323
 Пуасси (Poissy) — 333
 Пуату (Poitou) — 44, 50, 71, 259, 277, 279, 293, 295, 297, 319, 341, 353
 Пуатье (Poitiers) — 49, 95, 100, 148, 251, 353, 355, 366
 Пьеркло (Pierreclos) — 68
 Пьяченца (Plaisance) — 141, 142, 330
 Пюи (Puy) — 112, 141, 171
 Пюизе (Puiset) — 74

 Реймс (Reims) — 21, 30, 71, 135, 141, 150, 162, 168, 181, 250, 293, 330, 350, 365, 367
 Ренн (Rennes) — 41
 Рим (Rome) — 23, 25, 45, 50, 95, 124, 138, 298, 332
 Родез (Rodez) — 44, 297, 313
 Розебеке (Roosebecke) — 361
 Руаймон (Royaumont) — 319, 325
 Руан (Rouen) — 171, 368, 369, 372
 Руэрг (Rouergue) — 261, 296, 333

 Савойя (Savoie) — 331
 Салорней (Salornay) — 68
 Санлис (Senlis) — 27, 36, 269
 Санс (Sens) — 19, 21, 150, 201, 236, 292, 323
 Севенны (Cévennes) — 51
 Сен-Бертен (Saint-Bertin) — 261, 264
 Сенгле (Cinglais) — 80
 Сен-Дени (Saint-Denis) — 18, 162, 172, 174, 175, 180, 234, 240, 243, 262, 263, 289, 290, 320, 325, 363
 Сен-Жак-де-Компостель (Сантьяго-де-Компостела) (Saint-Jacques-de-Compostelle) — 44, 50, 143, 221, 240
 Сен-Жан-д'Акр (Saint-Jean-d'Acgre) — 273
 Сен-Жан-д'Анжели (Saint-Jean-d'Angély) — 50
 Сен-Жан-де-Лонь (Saint-Jean-de-Losne) — 236
 Сен-Жиль (Saint-Gilles) — 45, 293, 297, 307, 311
 Сен-Клер-сюр-Эпт (Saint-Clair-sur-Epte) — 110
 Сен-Лё-д'Эссеран (Saint-Leu-d'Esserent) — 355
 Сен-Максимен (Saint-Maximin) — 251
 Сен-Мартен-дю-Канигу (Saint-Martin-du-Canigou) — 128
 Сен-Поль (Saint-Pol) — 307
 Сен-Совёр д'Аниан (Saint-Sauveur d'Aniane) — 130
 Сент-Омер (Saint-Omer) — 187, 193
 Сентонж (Saintonge) — 44, 50, 70, 311, 337
 Сент-Эмерам де Ратисбонн (Saint-Emeram de Ratisbonne) — 175
 Сент-Эмилион (Saint-Emilion) — 311
 Сен-Фелиу де Лаургае (Saint-Féliú de Lauraguais) — 300
 Сен-Флур (Saint-Flour) — 171
 Сеньон (Saignon) — 79
 Септимания (Septimanie) — 127, 297, 299
 Сердань (Cerdagne) — 128
 Сивре (Civray) — 101
 Систерон (Sisteron) — 138
 Сито (Cîteaux) — 150, 305
 Сицилия (Sicile) — 43, 273, 332
 Суассон (Soissons) — 240, 241
 Сувиньи (Souvigny) — 45, 171

- Терм (Termes) — 309
Теруанн (Thérouanne) — 186
Толедо (Tolède) — 220
Трев (Trèves) — 173
Труа (Troyes) — 19, 44, 249, 261—263, 332, 367
Тул (Toul) — 135, 331
Тулуза (Toulouse) — 44, 45, 48, 145, 152, 155, 294, 297, 301, 304, 306, 310, 311, 313, 314, 316, 333
Тунис (Tunis) — 327
Тур, Турень (Tours, Touraine) — 21, 38, 43, 44, 145, 150, 222, 228, 255, 256, 257, 259, 279, 318, 353
Турне (Tournai) — 168, 280, 364
Турню (Tournus) — 40
- Улкс (Олтиум) (Oulx) — 138
Уэльс (Pays de Galles) — 252
- Фландрия (Flandre) — 28, 42, 43, 106, 114, 118, 158, 159, 168, 170, 183, 184, 186, 188, 190, 191, 195, 203, 214, 217, 222, 224, 277, 326, 337, 350
Флёри-сюр-Луар (Fleury-sur-Loire) — 14, 30, 171
Флоренция (Florence) — 294
Фонтвро (Fontevault) — 247, 252
Франкия (Francie) — 30, 45, 55, 111, 113, 115, 118, 135, 138, 149, 235, 240
Франция — 41, 65, 78, 109, 113, 119, 135, 139, 141, 145, 152, 180, 186, 197, 205, 206, 230, 240, 247, 249, 263, 300, 309, 318, 320, 329, 345, 349, 356, 365
- Фретваль (Fréteval) — 225, 277
Фуа (Foix) — 298, 304, 309, 310
- Шаалис (Chaalis) — 325
Шалон (Châlons) — 19, 33, 250
Шампань (Champagne) — 143, 222, 249, 276, 292, 330, 351, 354
Шаравин (Charavine) — 60, 65
Шаранта (Charentes) — 70, 78, 80
Шарите-сюр-Луар (Charité-sur-Loire) — 367
Шарру (Charrou) — 112
Шартр (Chartres) — 19, 44, 141, 218, 243, 249
Шато-Гайяр (Château-Gaillard) — 201, 202, 340
Шатоден (Châteaudun) — 44, 249
Шато-Ландон (Château-Landon) — 140
Шербур (Cherbourg) — 55
Шинон (Chinon) — 247, 365
- Эврё (Evreux) — 334
Эг-Морт (Aigues-Mortes) — 325
Экс-ан-Прованс (Aix-en-Provence) — 19, 21, 347
Экс-ла-Шапель (Аахен) (Aix-la-Chapelle) — 187
Элн (Elne) — 133, 134
Эмбрен (Embrun) — 127, 133
Эно (Hainaut) — 147, 261
- Юзес (Uzès) — 171
Юржель (Urgel) — 130

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббон из Флёри (Abbon de Fleury) — 22, 34, 59, 112
Абеляр (Abélard) — 166, 176, 205
Августин, Св. (Augustin) — 135, 229, 357
Аверроэс (Averroès) — 328
Адальберон, архиепископ Реймский (Adalbéron) — 19, 135
Адальберон, епископ Лаонский (Adalbéron) — 32, 33, 35, 38, 93, 118, 124, 151
Адемар де Монтей (Adhémar de Monteil) — 148
Адемар из Шабанн (Adhémar de Chabannes) — 51, 95, 119
Александр Великий (Alexandre le Grand) — 286
Александр II, папа Римский (Alexandre II) — 185
Александр III, папа Римский (Alexandre III) — 236, 300
Ален де Лилль (Alain de Lille) — 300
Ален де Руси (Alain de Roucy) — 277
Алиенора (Элеонора) Аквитанская (Aliénor d'Aquitaine) — 233, 247, 250, 268, 349, 355
Альберт Великий, Св. (Albert le Grand) — 321
Альфонс де Пуатье (Alphonse de Poitiers) — 316, 318, 328
Амат, архиепископ Олорона (Amat) — 146
Амори де Монфор (Amaury de Montfort) — 311
Ангерран де Мариньи (Enguerrand de Marigny) — 340
Андрэ из Маршьенн (André de Marchiennes) — 264
Андрэ Капеллан (André le Chapelain) — 219, 226, 232, 263, 268
Анна Киевская — 151
Аристотель (Aristote) — 227, 328, 336, 357, 376
Арманьяки, графы (Armagnacs) — 362, 364, 366
Арнуль из Сен-Медара (Arnoul de Saint-Médars) — 161
Артур, король (Arthur) — 229, 253, 257, 273
Артур, граф Бретонский (Arthur) — 277, 278
Бартелеми де Рой (Barthélemy de Roze) — 268
Бедфорд, герцог (Bedford) — 363
Бенедикт, Св. (Benoît) — 21, 23, 113, 123
Бенедикт VIII, папа Римский (Benoît VIII) — 25

- Бенуа де Сент-Мор (Benoît de Sainte-Maure) — 253
- Беранже, виконт Нарбонны (Bé-ranger) — 127—134
- Беренгарий Турский (Bé-ranger de Tours) — 135, 137
- Бернард из Анже (Bernard d'An-gers) — 44, 135
- Бернар де Клермон (Bernard de Clermont) — 328
- Бернар Маршский (Bernard de la Marche) — 97, 101
- Бернард, Св. (Bernard) — 208, 237, 304
- Бертрада де Монфор (Bertrade de Montfort) — 153, 166
- Бланка (Бланш) Кастильская (Blanche de Castille) — 277, 288, 312, 317, 318
- Бланка Наваррская (Blanche de Navarre) — 276
- Бодрикур (Baudricourt) — 365
- Бодуэн Фландрский (Baudoin de Flandre) — 152, 160, 228, 263
- Бодуэн де Эно (Baudoin de Hai-naut) — 264
- Бонавентура, Св. (Bonaventure) — 322
- Бонифаций VIII, папа Римский (Boniface VIII) — 336
- Бозмунд (Bohémond) — 43
- Бозций (Boесе) — 335
- Брюнон, архиепископ Кельнский (Brunon) — 35, 39
- Бурхард, епископ Вормсский (Burchard de Worms) — 69
- Вальдес, Петр (Вальдо, Пьер) (Valdès, Pierre) — 209, 299
- Варвик (Warwick) — 370
- Вас (Уас) (Wace) — 69, 216, 217, 253, 254
- Венсент из Бове (Vincent de Bau-vaïs) — 320
- Виктор, Св. (Victor) — 121
- Вильгельм Завоеватель (Guillau-me le Conqué-rant) — 11, 13, 55, 81, 107, 108, 110, 125, 139, 140, 152, 196
- Вильгельм из Ипра Бастард (Guil-laume d'Ypres le Bâtard) — 189
- Вильгельм (Гильом) Клитон (Guil-laume Clitton) — 166, 167, 189—195
- Вильгельм Плантагенет (Guillau-me Plantagenêt) — 287
- Вильгельм Рыжий (Guillaume le Roux) — 158, 163
- Вульгрин (Vulgrin) — 166
- Галберт из Брюгге (Galbert de Bruges) — 184—195, 207, 208
- Гарланды, семейство (Garlande) — 165, 166, 176
- Гарольд, король англичан (Harold) — 139
- Гастинг, норманнский вождь (Hasting) — 11
- Гвиберт Ножанский (Guibert de Nogent) — 43, 146, 163, 181, 182
- Геневра (Guenièvre) — 253
- Генрих (Анри) I (Henri I) — 1, 7, 51, 136, 137, 151, 152, 157—160, 167, 172, 175, 262
- Генрих I Английский (Henri I d'Angleterre) — 153, 157, 166, 168, 179, 180, 192, 196, 265, 271
- Генрих II Английский (см. Генрих Плантагенет)
- Генрих III Английский (Henri III d'Angleterre) — 274, 322
- Генрих V Английский (Henri V d'Angleterre) — 363
- Генрих VI Английский (Henri VI d'Angleterre) — 369
- Генрих II, император (Henri II) — 17, 25, 26, 29, 240
- Генрих III, император (Henri III) — 135, 175
- Генрих IV, император (Henri IV) — 180
- Генрих V, император (Henri V) — 149
- Генрих Вермандуский (Henri de Vermandois) — 168

- Генрих Лозаннский (Henri de Lausanne) — 299, 304
 Генрих Лотарингец (Henri le Lorrain) — 166
 Генрих Молодой (Henri le Jeune) — 238
 Генрих Щедрый (Henri le Libéral) — 250, 262, 265
 Генрих Плантагенет (Генрих II Английский) (Henri d'Angleterre) — 216, 217, 218, 234, 236, 247–249, 252, 253, 256, 260, 268, 274, 293, 349
 Герард, епископ Камбрейский (Gérard) — 28, 118
 Герберга, королева (Gerberge) — 35
 Герен Госпитальер (Guérin l'Hospitalier) — 226, 268, 284, 289
 Ги де Монфор (Guy de Monfort) — 309
 Ги де Рошфор (Guy de Rochefort) — 166
 Ги-Жоффруа Аквитанский (Guy-Geoffroi d'Aquitaine) — 140
 Гильом Благочестивый, герцог Аквитанский (Guillaume le Pieux) — 50, 196
 Гильом Великий, герцог Аквитанский (Guillaume le Grand) — 50, 51, 95–104, 114, 152
 Гильом (Вильгельм) Бретонец (Guillaume le Breton) — 226, 269, 280, 281, 283, 284, 285, 287
 Гильом, герцог Аквитании (Guillaume) — 49
 Гильом де Барр (Guillaume des Barres) — 268
 Гильом д'Оранж (Guillaume d'Orange) — 252
 Гильом из Жюмьежа (Guillaume de Jumiege) — 58, 216
 Гильом IX Пуатевенский Песенник (Guillaume IX de Poitier le Troubadour) — 148, 169, 251, 252
 Гильом де Пюилоран (Guillaume de Puylaurens) — 303, 312
 Гильом Длинный Меч (Guillaume Longue Epée) — 254
 Гильом де Маршалль (Guillaume le Maréchal) — 224, 255
 Гифред де Сердань (Guifred de Cerdagne) — 128–134
 Годфрид Булонский (Godefroi de Boulogne) — 156
 Годфрид (Годфруа) Бульонский (Godefroi de Bouillon) — 147, 181, 279
 Готье де Шатийон (Gauthier de Châtillon) — 286
 Готье де Немур (Gauthier de Nemours) — 318
 Готье Камерарий (Gauthier le Chambellan) — 268, 289
 Григорий Турский (Grégoire de Tours) — 29, 30
 Григорий VII (Grégoire VII) — 127, 138, 139, 140, 143, 298
 Гуго, аббат Ключи (Hughes) — 123, 169
 Гуго Великий (Hughes le Grand) — 35, 36, 38, 49, 109–111, 264
 Гуго Вермандуский (Hughes de Vermandois) — 145
 Гуго де Баржол (Hughes de Barjols) — 325
 Гуго де Ди (Hughes de Die) — 140, 141
 Гуго де Люзиньян (Hughes de Lusignan) — 95–104, 127, 277
 Гуго из Сен-Виктора (Hughes de Saint-Victor) — 202
 Гуго из Флэри (Hughes de Fleury) — 37, 171, 256
 Гуго Капет (Hughes Capet) — 18, 30, 36–38, 41, 43, 51, 110, 152, 174, 240, 263, 264
 Давид (David) — 31, 242, 281
 Дагобер I (Dagobert I) — 174, 320
 Дионисий (Дени), Св. (Denis) — 50, 140, 174, 175, 180, 181, 258, 335, 365
 Дионисий Ареопагит (Denys l'Aréopagite) — 175, 176, 178, 234, 240

- Доминик, Св. (Dominique) — 209, 314
 Донациан (Донат), Св. (Donatien) — 246
 Дудон из Сен-Кантена (Dudon de Saint-Quentin) — 11, 17, 24, 43, 82, 110, 254
 Дюран из Оска (Durand d'Osca) — 304

 Евгений III, папа Римский (Eugène III) — 300
 Елизавета, королева (Elisabeth) — 265

 Жан де Берри, герцог (Jean de Berry) — 362
 Жан-Батист, Св. (Jean-Baptiste) — 50
 Жан Бопэр (Jean Beaupère) — 372
 Жан, герцог Беррийский (Jean) — 362
 Жан де Блано (Jean de Blanot) — 320
 Жан де Мармутье (Jean de Mar-moutier) — 76
 Жанна д'Арк (Jeanne d'Arc) — 363–374
 Жанна (Иоанна) Наваррская (Jeanne de Navarre) — 349
 Жанна Тулузская (Jeanne de Toulouse) — 316
 Жерар ла Трюи (Géard la Truie) — 293
 Женевиева, Св. (Geneviève) — 120
 Жеро д'Орийак, Св. (Géaud d'Aurillac) — 25, 49, 51
 Жоффруа (Годфрид), сын Генриха II Английского (Geoffroi) — 248
 Жоффруа Гризгонель (Geoffroi Grisegonelle) — 260
 Жоффруа де Монмут (Geoffroi de Monmouth) — 253, 256
 Жоффруа Плантагенет (Geoffroi Plantagenet) — 76, 238, 247, 262

 Жуанвиль (Joinville) — 230, 322, 324, 325, 328
 Журден, епископ Лиможский (Jourdain) — 115
 Жюст, Св. (Juste) — 129, 131

 Ив Шартрский (Yves de Chartres) — 141, 142, 148, 165, 220
 Изабелла Баварская (Isabeau de Bavière) — 362
 Изамбар де ла Пьер (Isembart de la Pierre) — 370
 Ингебурга (Ingeburge) — 269
 Иннокентий III, папа Римский (Innocent III) — 209, 269, 280, 289, 298, 306, 310, 311, 314
 Иоанн Безземельный (Jean sans Terre) — 273, 277–279, 307, 311, 322
 Иоанн (Жан) Бесстрашный (Jean sans Peur) — 362, 363
 Иоанн II Добрый (Jean II le Bon) — 349, 350, 352, 355, 356
 Иоанн Парижский (Jean de Paris) — 336
 Иоанн Солсберийский (Jean de Salisbury) — 218, 226, 253, 261

 Каликст II, папа Римский (Calixte II) — 150, 168, 169
 Карл Великий (Charlemagne) — 17, 30, 50, 92, 97, 127, 142, 147, 161, 165, 178, 181, 185, 187, 204, 229, 235–237, 242, 263, 279, 288, 322
 Карл (Шарль) II Лысый (Charles II le Chauve) — 18, 35, 42, 45, 109, 126, 171, 178, 242, 258, 259, 320, 346
 Карл V (Charles V) — 353, 356, 361
 Карл VI (Charles VI) — 316, 362, 363, 365
 Карл VII (Charles VII) — 365, 367, 371, 372
 Карл Анжуйский (Charles d'Anjou) — 318, 328, 331

- Карл Добрый (Charle le Bon) — 183–189, 208
- Карл Мартелл (Charles Martell) — 174, 321
- Карл Наваррский (Charles de Navarre) — 349–351, 353, 355
- Карл Простоватый (Charles le Simple) — 49
- Климент V, папа Римский (Clément V) — 332
- Клотар II (Clotaire II) — 174
- Константин, император (Constantin) — 30
- Кошон (Cauchon) — 370
- Кретьен де Труа (Chrétien de Troyes) — 250, 255
- Куртенэ (Courtenay) — 276
- Ламберт из Ватрело (Lambert de Watrelos) — 86
- Лев IX, папа Римский (Leon IX) — 135–137, 141, 242
- Лотарь, король (Lothaire) — 31, 35, 36
- Людовик (Луи) II Заика (Louis le Begue) — 258
- Людовик IV Заморский (Louis IV) — 35–38
- Людовик V (Louis V) — 36
- Людовик VI Толстый (Louis VI le Gros) — 74, 88, 149, 152, 161, 166–172, 176, 180, 181, 184, 190, 192, 194, 235, 239, 266, 277
- Людовик VII (Louis VII) — 32, 181, 216, 221, 230, 232–263, 264, 269, 270, 291, 300
- Людовик VIII (Louis VIII) — 284, 310, 311, 312, 317, 318, 320–322, 324, 361
- Людовик IX (Людовик Святой) (Louis IX) — 12, 15, 68, 75, 230, 273, 317, 319, 320, 325–328, 332, 336, 339, 340, 349, 352, 353, 361
- Людовик X (Louis X) — 341
- Людовик Анжуйский (Louis d'Anjou) — 362
- Людовик д'Эврэ (Louis d'Evreux) — 351
- Людовик I Орлеанский (Louis I d'Orléans) — 362
- Майель, аббат Ключи (Mayeul) — 174
- Мария Шампанская (Marie de Champagne) — 250
- Марк, король (Marc) — 92
- Марселиен, Св. (Martial) — 50, 51
- Мартин, аббат Жюмьежа (Martin) — 254
- Мартин л'Адвеню (Martin l'Advenu) — 370
- Мартин Св. (Martin) — 30, 50, 257, 258
- Матъё де Монморанси (Mathieu de Montmorency) — 268, 277
- Матъё из Вандома (Mathieu de Vendôme) — 320
- Монморанси, семейство (Montmorency) — 165
- Монфоры, семейство (Monforts) — (см. Амори, Бертрада, Ги, Симон М.) — 157, 166
- Морис де Сюлли — (Maurice de Sully) — 242
- Ногаре, Гильом де (Nogaret) — 333
- Одилон, аббат Ключи (Odilon) — 23, 123
- Одоранус из Санса (Odoranus de Sens) — 37
- Олива де Риполл (Oliva de Ripoll) — 128
- Оливье (Olivier) — 229
- Ордерик Виталий (Orderic Vital) — 74, 167, 264
- Оттон I, германский король (Оттон I) — 33
- Оттон II, император (Otton II) — 35, 39
- Оттон III, император (Otton III) — 109, 137
- Оттон IV Брауншвейгский, германский король (Otton IV Brunswick) — 279, 280, 285, 351

- Пастор, Св. (Pasteur) — 129, 131
 Пасхалий II, папа Римский (Pascal II) — 149
 Педро II Арагонский (Pierre II d'Aragon) — 297, 298, 310
 Петр де Кастельно (Pierre de Castelnaud) — 303, 307
 Петр Достопочтенный (Pierre le Vénérable) — 216, 240
 Петр Певчий (Pierre le Chantre) — 206, 242
 Петр Пустынный (Pierre l'Ermitte) — 146
 Пипин Короткий (Pépin le Bref) — 169, 174, 175
 Приам (Priam) — 35
 Пьер из Блуа (Pierre de Blois) — 309
 Пьер де Брюи (Pierre de Bruys) — 299
 Пьер дю Буа (Pierre du Bois) — 336–338
 Пьер де Фонтен (Pierre de Fontaines) — 322
 Пюизе, сир П. (Puiset) — 168, 177

 Раймбауд де Рейан (Raimbaud de Reillane) — 127
 Раймбауд де Систерон (Raimbaud de Sisteron) — 138
 Раймонд (Раймунд) Антиохийский (Raimond d'Antioche) — 252
 Раймонд Тулузский (Raimond de Toulouse) — 297
 Раймонд V, граф Тулузский (Raimond V) — 305
 Раймонд VI, граф Тулузский (Raimond VI) — 306–309, 311
 Раймонд VII, граф Тулузский (Raimond VII) — 311–316
 Раймонд де Сен-Жиль (Raimond de Saint-Gilles) — 134, 146, 152
 Рауль Безбородый, монах (Raoul le Glabre) — 17, 23–25, 28, 29, 51, 52, 56, 57, 62, 69, 87, 112, 113, 117, 248

 Рауль Вермандуский (Raoul de Vermandois) — 168, 237
 Рауль I де Кузи (Raoul I de Coucy) — 213
 Регинон Прюмский (Région de Prüm) — 28, 69
 Ремигий (Реми) Реймский, Св. (Remi) — 30, 175
 Рено де Даммартен (Renaud de Dammartin) — 263, 279, 280, 283
 Ригор (Rigord) — 264, 269–271
 Рихер Реймский (Richer de Reims) — 21, 38
 Ричард I, герцог Нормандский (Richard I) — 11, 42, 49, 69, 110, 157, 217
 Ричард II, герцог Нормандский (Richard II) — 42, 58, 111
 Ричард, граф Отенский (Richard) — 41, 42
 Ричард Львиное Сердце (Richard Coeur de Lion) — 202, 224, 272, 273, 274, 276, 293
 Ричард Фиц-Ниль (Richard Fils Neal) — 216
 Робер Клеман (Robert Clément) — 268
 Роберт, аббат (Robert) — 240
 Роберт д'Артуа (Robert d'Artois) — 318, 328, 337
 Роберт II Благочестивый (Robert II le Pieux) — 14, 17, 29, 30, 31, 32, 33, 35, 38–40, 44, 51, 58, 93, 95, 109, 111, 114, 137, 154, 162, 173, 174, 238, 285
 Роберт, граф нормандцев (Robert) — 144
 Роберт Куртгез (Robert Courteuse) — 157–164, 189
 Роберт Сильный (Robert le Fort) — 38
 Роберт II Фландрский (Robert II de Flandre) — 147, 157, 160
 Роберт Фриз (Robert le Frison) — 152, 184, 185, 195
 Роланд (Roland) — 92
 Роллон, нормандский вожь (Rollo) — 11, 42, 43, 49, 107, 180, 216

- Рошфоры, семейство (Roche-
fort) — 165, 166
- Салах-ад-Дин (Саладин) (Sala-
din) — 245
- Санчо (Sanche) — 97
- Сенека (Sénèque) — 92, 230
- Сибар, Св. (Cybard) — 50
- Симон, Св. (Simon) — 155
- Симон, канцлер (Simon) — 182
- Симон де Монфор (Simon de
Montfort) — 308–311, 315
- Соломон (Salomon) — 31
- Стефан, Св. (Etienne) — 50
- Стефан II, папа Римский (Etien-
ne II) — 174
- Стефан (Этьен) Блуаский (Etien-
ne de Blois) — 148, 247, 250
- Сугерий (Suger) — 74, 143, 152,
162, 163, 168, 176, 177, 179, 180,
222, 223, 234, 238, 240, 242, 243,
274, 290
- Тибо, граф Шампанский (Thi-
baut) — 237, 249, 262, 265
- Томас (Фома) Бекет (Thomas Be-
cket) — 218, 228, 236, 253, 265,
282
- Тома де Марль (Thomas de
Marle) — 163, 168
- Транкавели, семейство (Tran-
cavel) — 298, 306, 308, 313
- Тристан (Tristan) — 92
- Тьерри Альзасский (Thierry
d'Alsace) — 189, 194, 195
- Турпен (Turpin) — 235, 263
- Урбан II, папа Римский (Ur-
bain II) — 124, 141–143, 145,
146, 203
- Фарамонд (Faramond) — 35
- Ферранд Португальский (Fer-
rand de Portugal) — 280,
283
- Филипп I (Philippe I) — 31, 141,
142, 145, 148–156, 158, 159,
161–163, 167, 171, 175, 235
- Филипп II Август (Philippe II
Auguste) — 172, 201, 202, 211,
214, 215, 217, 219, 224, 225, 226,
229, 230, 232, 242, 250, 259,
264–291, 292, 293, 307, 310, 311,
317, 319, 320, 321, 327, 331, 333,
375, 376
- Филипп III Смелый (Philippe III
le Hardi) — 322
- Филипп IV Красивый (Philip-
pe IV le Bel) — 322, 335–337,
340, 341, 344, 348, 349
- Филипп VI де Валуа (Philippe VI
de Valois) — 348–351
- Филипп де Бомануар (Philippe de
Beaumanoir) — 209, 334
- Филипп Дагобер (Philippe Dago-
bert) — 318
- Филипп Эльзасский (Philippe
d'Alsace) — 255, 264, 265
- Филипп Юрпель (Philippe Hur-
pel) — 289
- Флодоард (Flodoard) — 28, 38
- Франсуа де Мейронн (François
de Meuronnes) — 341
- Франциск Ассизский, Св. (Fran-
çois d'Assise) — 209, 314, 326,
329
- Фридрих I Барбаросса (Frédéric
I Barberousse) — 204, 236, 250,
271
- Фридрих II Гогенштауфен (Fré-
déric II de Hohenstaufen) —
280, 282
- Фруассар (Froissart) — 346,
353
- Фуа, Св. (Foy) — 45, 112, 124
- Фульберт Шартрский (Fulbert
de Chartres) — 50, 105, 110,
117, 135
- Фульк, граф анжевенцев (Fou-
que) — 97, 144, 227
- Фульк Решен (Fouque Rechin) —
157, 200, 259
- Фульк де Гильваль (Fouque de
Guilleva) — 277
- Фульрад, аббат Сен-Дени (Ful-
rad) — 174

- Хильдерик (Childéric) — 259
Хинкмар (Гинкмар), архиепископ Реймский (Hincmar) — 30, 31
Хлодвиг (Clovis) — 28—30, 156, 161, 172, 174, 285
Цезарь (César) — 48, 257, 264, 285, 286
Цицерон (Cicéron) — 92, 105, 227, 230, 322
Эбл де Руси (Eble de Roucy) — 143, 162
Эвервен де Штейнфелд (Evervin de Steinfeld) — 300
Эгидий (Gilles) — 288
Эд, аббат Клюни (Eudes) — 25, 49, 240, 288
Эд, король (Eudes) — 38, 174, 175
Эд Блуаский (Eudes de Blois) — 51, 249
Эдуард, Черный Принц (Edouard, le Prince Noir) — 351, 353
Эдуард III (Edouard III) — 350, 355
Эймон, архиепископ Буржский (Aumon) — 74
Эйнгард (Eginhard) — 30
Элоиза (Héloïse) — 166
Эльго (Гельго), монах из Флёри-сюр-Луар (Helgaud) — 14, 17, 33
Эмуан из Флёри (Aimoin de Fleury) — 30, 31
Энгельгериус (Engelgerius) — 259
Эрве де Донзи (Hervé de Donzy) — 276
Эрменгарда Анжуйская (Ermen-garde d'Anjou) — 169
Эстутвиль, кардинал (Estouteville) — 372
Этьен де Галлардон (Etienne de Gallardon) — 289
Этьен де Гарланд (Etienne de Garlande) — 172
Этьен (Стефан) Лангтон (Etienne Langton) — 206
Этьен де Сансер (Etienne de Sancerre) — 265
Этьен де Санлис, епископ Парижский (Etienne de Senlis) — 165
Этьен Марсель (Etienne Marcel) — 352, 354
Этьен, Св. (Etienne) — 261, 262

БИБЛИОГРАФИЯ

Общая библиография

Работы Жоржа Дюби

Hommes et structures du Moyen Age. 2e éd, Paris – La Haye, Mouton – E.H.E.S.S., 1984.

Guillaume le Maréchal ou le meilleur chevalier du monde. Paris, Fayard, 1984.

La Société aux XIe et XIIe siècles dans la région Mâconnaise. Paris, S.E.V.P.E.N., 1971 (1re éd. 1953).

Le chevalier, la femme et le pretre. Paris, Hachette, 1981.

Le dimance de Bouvines. Paris, Gallimard, 1973.

Les trois ordres ou l'imaginaire de féodalisme. Paris, Gallimard, 1978.

(На русском языке: Жорж Дюби. Европа в средние века. Смоленск, «Полиграмма», 1994.)

История Франции

X. de Planhol. *Géographie historique de la France.* Paris, Fayard, 1988.

Под руководством Ж. Дюби подготовлены: *Histoire de la France rurale.*

T. I, Paris, Seuil, 1975; *Histoire de la France urbaine.* T. II, Paris, Seuil, 1980.

В числе недавних трудов см. опубликованную под руководством

А. Бургьера и Ж. Ревеля книгу: *Histoire de la France. L'Etat et les pouvoirs.*

Paris, Seuil, 1989. См. также: L. Theis. *L'héritage des Charles (de la mort de*

Charlemagne aux environs de l'an mil); D. Barthelemy. *L'Ordre seigneurial (XI – XII siècles).* Paris, Seuil, 1990 (*Nouvelle Histoire de la France médiévale.* T. II et III).

Обобщающие работы по региональной истории

Barthelemy D. *Les Deux âges de la seigneurie banale. Coucy (XI – XIII siècles).* Paris, Sorbonne, 1985.

Bois G. *Crise du féodalisme. Economie rurale et démographie en Normandie orientale, du début du XIVe siècle au milieu du XVIe siècle.* Paris, Fond. Nat. des Sc. Po., 1976.

Bonnassie P. *La Catalogne du milieu du Xe à la fin du XIe siècle. Croissance et mutation d'une société.* Toulouse, Université de Toulouse – Le Mirail, 1975–1976, 2 vol.

Bourin-Derruau M. *Villages médiévaux en Bas-Languedoc. Genèse d'une sociabilité (XIe – XIVe siècles)*. Paris, L'Harmattan, 1988.

Bur M. *La formation du comté de Champagne (v. 950 – v. 1150)*. Nancy, Univ. de Nancy II, 1977.

Chédeville A. *Chartres et ses campagnes (XIe – XIIIe siècles)*. Paris, Klincksieck, 1973.

Coulet N. *Aix-en-Provence. Espagne et relations d'une capitale (milieu XIVe – milieu XVe siècles)*. Aix-en-Provence, 1988, 2 vol.

Debord A. *La Société laïque dans les pays de la Charente, X^e – XIIe siècles*. Paris, Picard, 1984.

Deléage A. *La vie rurale en Bourgogne jusqu'au début du XIe siècle*. Mâcon, Protat, 1942.

Desportes P. *Reims et les Rémois aux XIIIe – XIVe siècles*. Paris, Picard, 1979.

Devailly G. *Le Berry, du Xe siècle au milieu du XIIIe siècle. Etude politique, religieuse, sociale et économique*. Paris – La Haye, Mouton, 1973.

Evergates. T. *Feudal Society in the Bailliage of Troyes under the Counts of Champagne, 1152–1284*. Baltimore, Johns Hopkins Univ. Press, 1975.

Favreau R. *La ville de Poitiers à la fin du Moyen Age. Une capitale régionale*. Poitiers, Soc. des Antiq. de l'Ouest, 1978, 2 vol.

Fossier R. *La terre et les hommes en Picardie jusqu'à la fin du XIIIe siècle*. Amiens, C.R.D.P., 1987 (1re éd. 1968).

Fournial E. *Les villes et l'économie d'échanges en Forez aux XIIIe et XIVe siècles*. Paris, 1967.

Fourquin G. *Les campagnes de la région parisienne à la fin du Moyen Age*. Paris, Sorbonne, 1964.

Garaud M. *Les châtelains de Poitou et l'avènement du régime féodal, XIe – XIIe siècles*. Poitiers, Soc. des Antiq. de l'Ouest, 1967.

Guillot O. *Le comte d'Anjou et son entourage au XIe siècle*. Paris, Picard, 1972.

Higounet-Nadal A. *Périgueux aux XIVe et XVe siècles. Etude de démographie historique*. Bordeaux, Fed. Hist. du Sud-Ouest, 1978.

Lauranson-Rosaz C. *L'Auvergne et ses marges (Velay, Gévaudan) du VIIIe au XIe siècle: la fin du monde antique?* Le Puy. Cahiers de la Haute-Loire, 1987.

Lorcin M.-T. *Les campagnes de la région lyonnaise aux XIVe et XVe siècles*. Lyon, 1974.

Magnou-Nortier E. *Les sociétés laïques et l'Eglise dans la province ecclésiastique de Narbonne (zone cispyrénéenne), de la fin du VIIIe à la fin du XIe siècle*. Toulouse, Univ. de Toulouse – Le Mirail, 1974.

Musnot-Goulard R. *Les Princes de Gascogne (768–1070)*. Marsolan, 1982.

Parisse M. *Noblesse et chevalerie en Lorraine médiévale. Les familles nobles du XIe au XIIIe siècle*. Nancy, Univ. de Nancy II, 1982.

Poly J.-P. *La Provence et la société féodale, 879–1166. Contribution à l'étude des structures dites féodales dans le Midi*. Paris, Bordas, 1976.

Richard J. *Les Ducs de Bourgogne et la formation du duché, du XIe au XIVe siècle*. Paris, Les Belles Lettres, 1954.

Sassier Y. *Recherches sur le pouvoir comtal en Auxerrois, du Xe au début du XIIe siècle*. Auxerre, Soc. des fouilles arch. et des monuments hist. de l'Yonne, 1980.

Schneider J. *La Ville de Metz aux XIIIe et XIVe siècles*. Nancy, G. Thomas, 1950.

Stouff L. *La Ville d'Arles à la fin du Moyen Age*. Aix-en-Provence, Univ. de Provence, 1986, 2 vol.

Часть первая. НАСЛЕДИЕ

Источники

Adalbéron de Laon. *Poème au roi Robert*. Éd. et trad. C. Carozzi, Paris, les Belles Lettres, 1979.

Adémar de Chabannes. *Chronique*. Éd. J. Chavanon, Paris, Picard, 1897.

Aimoin de Fleury. *Historia Francorum*. Éd. J. Migne, P.L. 139, pp. 627-798.

Guide du pèlerin de Saint-Jacques-de-Compostelle. Éd. et trad. de J. Vielliard, Maçon, Protat, 1938.

Helgaud de Fleury. *Vie de Robert le Pieux*. Éd. et trad. R.-H. Bautier et G. Labory, Paris, CNRS, 1965.

Liber Miraculorum sanctae Fidis. Éd. A. Bouillet, Paris, Picard, 1897.

Odozanus de Sens. *Opera omnia*. Éd. et trad. R.-H. Bautier et M. Gilles, Paris, CNRS, 1972.

Raoul Glaber. *Les Cinq Livres de ses Histoires*. Éd. M. Prou, Paris, Picard, 1886; обширные выдержки см. в книге: G. Duby. *L'an mil*. Paris, Gallimard – Julliard, 1967.

Richer de Reims. *Histoire de France*. Éd. et trad. R. Latouche, Paris, les Belles Lettres, 1967.

Исследования

Bautier R.-H. «Sacres et couronnements sous les carolingiens et les premiers capétiens. Recherches sur la genèse du sacre royal français». *Annuaire – Bulletin de la Soc. de l'Hist. de France*. 1987 (1989), pp. 7-56.

Bonnassie P. «La Croissance agricole du haut Moyen Age dans le Sud de la Gaule et le Nord-Est de la péninsule ibérique». Dans *La Croissance agricole du haut Moyen Age*. (Flaran X), 1990.

Bonnassie P. «Survie et extinction du régime esclavagiste dans l'Occident du haut Moyen Age (IVe-XIe siècles)». *Cahiers de Civilisation médiévale*, 1985, pp. 307-343.

Chapelot J., Fossier R. *Le village et la maison au Moyen Age*, Paris, Hachette, 1980.

Dockès P. *La libération médiévale*. Paris, Flammarion, 1979.

Flori J. *L'essor de la chevalerie. XIe-XIIe siècles*. Genève, Droz, 1986.

Flori J. *L'idéologie du glaive. Préhistoire de la chevalerie*. Genève, Droz, 1983.

Fossier R. *Enfance de l'Europe (X^e-XIIe siècles). Aspects économiques et sociaux*. Paris, P.U.F., 1982.

La France de l'an mil, sous la dir. de R. Delort, études rassemblées par D. Iogna-Prat, Paris, Seuil, 1990.

Iogna-Prat D. *Agni Immaculati. Recherches sur les sources hagiographiques relatives à saint Maieul de Cluny (954-994)*. Paris, Cerf, 1988.

Iogna-Prat, D., «Le "Baptême" du schéma des trois ordres fonctionnels: l'apport de l'école d'Auxerre dans la seconde moitié du IXe siècle». *Annales E.S.C.*, 1986, pp. 101-126.

Iogna-Prat D. «Contenance et virginité dans la conception clunisienne de l'ordre du monde autour de l'an mil». *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 1985, pp. 127-146.

Keller H. *Adelsherrschaft und städtische Gesellschaft in Oberitalien, 9. bis 12. Jahrhundert*. Tübingen, Niemeyer, 1979.

Mostert M. *The Political Theology of Abbo of Fleury*. Hilversum, Verloren Publishers, 1987.

Murray A. *Reason and Society in the Middle Ages*. Oxford Univ. Press, 1978.

Ortigue E. et Iogna-Prat, D. «Raoul Glaber et l'historiographie clunisienne». *Studi Medievali*, N 26, 1985, pp. 537-572.

Paul J. *L'Eglise et la culture en Occident*. Paris, P.U.F., 1986, 2 vol.

Le paysage monumental de la France autour de l'an mil. Sous la dir. de X. Barral I Altet, Paris, Picard, 1987.

Riché P. *Les écoles et l'enseignement dans l'Occident chrétien de la fin du Ve siècle au milieu du XIe*. Paris, Picard, 1989 (1re ed. en 1979).

Sassier V. *Hugues Capet. Naissance d'une dynastie*. Paris, Fayard, 1987.

Schramm P.E. *Der König von Frankreich. Das Wesen der Monarchie vom 9. zum 16. Jahrhundert. Ein Kapitel aus der Geschichte des abendländischen Staates*. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1960 (1re ed. en 1939).

Southern R.W. *Medieval Humanism and Other Essays*. Oxford Univ. Press, 1970.

Werner K.F. *Les Origines: t. I de l'Histoire de France*. Sous la dir. de J. Favier, Paris, Fayard, 1984.

Часть вторая. СЕНЬОРИЯ

Источники

Conventio inter Willelmum ducem Aquitaniae Comitemque Pictavorum et Hugonem dominum de Liziniaco, dans *Recueil des historiens des Gaules*. XI, pp. 534 sqq. (Fulbert de Chartres). *The Letters and Poems of Fulbert of Chartres*. Éd. de F. Behrends, Oxford, 1976.

Galbert de Bruges. *Le Meurtre de Charles le Bon*. Trad. J. Gengoux, Anvers, Fonds Mercator, 1978.

Guibert de Nogent. *Autobiographie*. Éd. E.-R. Labande, P., les Belles Lettres, 1981.

Les miracles de saint Benoit écrits par Adreval, Aimoin, André, Raoul, Tortaire et Hugues de Sainte-Marie, moines de Fleury. Éd. de E. de Certain, Paris, Soc. de l'Histoire de France, 1858.

Richard Fitz Nigel. *Dialogus de Scaccario, Constitutio domus regis*. Éd. et trad. de Ch. Johnson, F.C.L. Carter et D.E. Greenaway, Oxford Univ. Press, 1982.

Suger. *Vie de Louis VI le Gros*. Éd. H. Waquet, Paris, les Belles Lettres, 1964 (1re éd., 1929).

Abbot Suger on the Abbey Church of Saint-Denis and its Art Treasures. Éd. E. Panofsky, Princeton Univ. Press, 1946.

Исследования

- Aubrun M. *La paroisse en France, des origines au XVe siècle*. Paris, Picard, 1985.
- Bautier R.-H. «Paris au temps d'Abélard», dans *Abélard en son temps*. Paris, les Belles Lettres, 1981, pp. 21-77.
- Bezzola R.A. *Les Origines et la formation de la littérature courtoise en Occident (500-1200)*. Paris, Champion, 1944-1967, 4 vol.
- Bois G. *La mutation de l'an mil. Lournand, village mâconnais, de l'Antiquité au féodalisme*. Paris, Fayard, 1989.
- Bournazel E. *Le gouvernement capétien au XIIe siècle (1108-1180). Structures sociales et mutations institutionnelles*. Paris, P.U.F., 1975.
- Defourneaux M. *Les Français en Espagne aux XIe et XIIe siècles*. Paris, 1949.
- L'Eglise, le Terroir*. Sous la dir. de M. Fixot et E. Zadora-Rio, Paris, éd. du CNRS, 1989.
- Février P.-A., Fixot M., Rivet L. *Au coeur d'une ville épiscopale. Fréjus, Fréjus, 1988*.
- Fixot M., Guyon J., Pelletier J.-P., Rivet L. «Des abords du forum au palais archiépiscopal. Étude du centre monumental d'Aix-en-Provence». *Bull. Monumental*. N 144, 1986, pp. 195-290.
- Guenée B. *Histoire et culture historique dans l'Occident médiéval*. Paris, Aubier, 1980.
- Guenée B. «Les Généalogies entre l'histoire et la politique: la fierté d'être capétien en France au Moyen Age». *Annales E.S.C.* N 33, 1978, pp. 450-477.
- Guyotjeannin O. «*Episcopus et comes*». *Affirmation et déclin de la seigneurie épiscopale au Nord du royaume de France*. Genève, Droz, 1987.
- Jaeger C.S. *The Origins of Courtliness. Civilizing Trends and the Formation of Courtly Ideals, 939-1210*. Philadelphia, Univ. of Pennsylvania Press, 1985.
- Jaeger C.S. «Cathedral Schools and Humanist Learning, 950-1150». *Deutsche Vierteljahrsschrift für Litteraturwissenschaft u. Geistesgeschichte*. N 61, 1987, pp. 569-616.
- Kaiser R. *Bischofsherrschaft zwischen Königtum und Fürstenmacht. Studien zur bischöflichen Stadtherrschaft im Westfränkisch-französischen Reich im frühen und hohen Mittelalter*. Bonn, L., Rohrscheidt, 1981.
- Lemarignier J.-F. *Le gouvernement royal aux premiers temps capétiens (987-1108)*. Paris, Picard, 1965.
- Lewis A.W. *Le sang royal. La famille capétienne et l'Etat, France, X^e et XIVe siècles*. Paris, Gallimard, 1986.
- Poly J.-P. et Bournazel E. *La mutation féodale, X^e-XIIe siècles*. Paris, P.U.F., 1980.
- Prache A. *L'Art roman en France*. Paris, Mame, 1989.
- Renaissance and Renewal in the Twelfth Century*. Benson, R.L. et Constable G., eds., Harvard, 1982.
- Les structures sociales de l'Aquitaine, du Languedoc et de l'Espagne au premier âge féodal*. Paris, éd. du CNRS, 1969.
- Structures féodales et féodalisme dans l'Occident méditerranéen (X^e et XIIIe siècles)*. Bilan et perspectives de recherches. Rome, Ecole Fr. de Rome, 1980.
- Vercauteren F. «Une parentèle dans la France du Nord aux XIe et XIIe siècles». *Le Moyen Age*. N 69, 1963, pp. 223-245.

Verhulst A. «*Les origines urbaines dans le Nord-Ouest de l'Europe*». Francia. N 14, pp. 57-81.

Часть третья. ЗАРОЖДЕНИЕ НАЦИИ И ГОСУДАРСТВА

Источники

- Abélard et Héloïze. *Correspondance*. Trad. P. Zumthor, Paris, 10/18, 1979.
- André le Chapelain. *Traité de l'amour courtois*. Intr., trad. et notes de C. Buridant, Paris, Klincksieck, 1974.
- Anthologie des troubadours*. Éd. bilingue, par P. Bec, Paris, 10/18, 1979.
- Beaumanoir (Philippe de). *Coutumes de Beauvaisis*. Éd. de A. Salmon, Paris, Picard, 1899-1900, 2 vol.
- Benoit de Sainte-Maure. *Chronique des ducs de Normandie*. Éd. de C. Fahlin, Uppsala, Almqvist-Wiksells, 1951-1967. 3 vol.
- La Croisade albigeoise*. Prés. par M. Zerner-Chardavoine, Paris, Julliard, 1979.
- Les Grades Chroniques de France*. Éd. J. Viard, Paris, Soc. de l'hist. de Fr. 1920-1953, 10 vol.
- Guillaume le Breton. *Oeuvres de Rigord et de Guillaume le Breton, historiens de Philippe-Auguste*. Éd. H.F. Delaborde, P., Soc. de l'hist. de France, 1882-1885, 2 vol.
- Jean de Joinville. *La Vie de Saint Louis*. Éd. N. Norbertt, Scherbrooke, 1977.
- Jean de Salisbury. *Policraticus*. Éd., C. Webb, Oxford, 1909, 2 vol.
- Journal d'un bourgeois de Paris, de 1405 à 1449*. Éd. et comm. par C. Beaune, Paris, le Livre de Poche, 1989.
- La légende arthurienne. Le Graal et la Table-Ronde*. Éd. établie sous la dir. de D. Régner-Bohler, Paris, Laffont, 1989.
- Orderic Vital. *The Ecclesiastical History of Ordericus Vitalis*. Éd. et trad. par M. Chibnall, Oxford University Press, 1960-1980, 6 vol.
- Les Procès de Jeanne d'Arc*. Prés. par G. et A. Guby, Paris, Gallimard - Julliard, 1973.
- (Rigord). *Oeuvres de Rigord et de Guillaume le Breton, historiens de Philippe-Auguste*. Éd. H.F. Delaborde, Paris, Soc. de l'hist. de France, 1882-1885, 2 vol.
- Wace. *Le Roman de Rou*. Éd. A.J. Holden, Paris, Soc. des anciens textes Français, 1970-1973, 3 vol.

Исследования

- Abbot Suger and Saint-Denis. *A Symposium*. Éd. P.L. Gerson, New York, Metropolitan Museum of Art, 1986.
- Aurell M. *La vielle et l'épée. Troubadours et politique en Provence au XIIIe siècle*. Paris, Aubier, 1989.
- Baldwin J.W. *Masters, Princes and Merchants: The Social Views of Peter the Chancellor and his Circle*. Princeton Univ. Press, 1986.
- Bisson T.N. *Medieval France and her Pyrenean Neighbours. Studies in Early Institutional History*. London, Hambledon Press, 1989.

Bisson T.N. «The Problem of Feudal Monarchy: Aragon, Catalonia and France». *Speculum*. N 53, 1978, pp. 460-478.

Brown E.A.R. «Burying and Unburying the Kings of France», in R.C. Trexler, ed., *Persons in Groups*. Binghampton, 1985, pp. 241-266.

Camproux Ch. *Histoire de la littérature occitane*. Paris, 1971.

Cazelles R. *Société politique, noblesse et couronne sous Jean le Bon et Charles V*. Genève, Droz, 1982.

Chevalier B. *Les Bonnes Villes de France du XIVe au XVIe siècle*. Paris, Aubert, 1982.

Contamine Ph. *Guerre, Etat et société aux XIVe et XVe siècles. Etudes sur les armées des rois de France*. Paris, Univ. Sorbonne, 1972.

Erlande-Brandenburg. *La Cathédrale*. Paris, Fayard, 1989.

Erlande-Brandenburg A. *Le roi est mort. Etudes sur les funérailles, les sépultures et les tombeaux des rois de France jusqu'à la fin du XIIIe siècle*. Genève, Droz, 1975.

Etat et Eglise dans la genèse de l'Etat moderne. Madrid, Casa de Velazquez, 1986.

Favier J. *Finances et fiscalité au bas Moyen Age*. Paris, 1971.

Favreau R. «Les Débuts de la ville de La Rochelle». *Cahiers de civilisation médiévale*. N 30, pp. 3-32.

Henneman J.B. *Royal Taxation in XIVth Century France: The Development of War Financing, 1322-1356*. Princeton Univ. Press, 1971.

Henneman J.B. *Royal Taxation in XIVth Century France: The Captivity and Ransom of John II, 1356-1370*. Philadelphia, Univ. of Pennsylvania Press, 1976.

Giordanengo G. *Le droit féodal dans les pays de droit écrit. L'exemple de la Provence et du Dauphiné, XIIe - début XIVe siècles*. Rome, Ecole française de Rome, 1988.

Gouron A. «Diffusion des consulats méridionaux et expansion du droit romain aux XIIe et XIIIe siècles». *Bibliothèque de l'Ecole des Chartres*. N 121, 1963, pp. 26-76.

Hérésies et sociétés dans l'Europe pré-industrielle, XIe - XVIIIe siècles. Prés. par J. Le Goff, Paris - La Haye, Mouton, 1968.

Krynen J. *Idéal du prince et pouvoir royal en France à la fin du Moyen Age (1380 - 1440). Etude de la littérature politique du temps*. Genève, Droz, 1981.

Lemarignier J.-F. *La France médiévale. Institutions et sociétés*. P., A. Colin, 1970.

Das ritterliche Turnier. Ed. J. Fleckenstein, Göttingen, Vandenhoeck u. Ruprecht, 1985.

Sauerländer W. *L'Envol des cathédrales*. Paris, Gallimard, 1989.

Spiegel G. *The Chronicle Tradition of Saint-Denis. A Survey*. Brookline, Mass. - Leiden, 1978.

Strayer J.R. *Les origines médiévales de l'Etat moderne*. Paris, Payot, 1979.

Structures féodales et féodalisme dans l'Occident méditerranéen (Xe-XIIIe siècles). Rome, Ecole française de Rome, 1980.

Türk E. «Nugae curialium». *Le règne d'Henri II Plantagenêt (1145-1189) et l'éthique politique*. Genève, Droz, 1967.

Werner K.F. *Structures politiques du monde franc (VIe-XIIe siècles)*. London, Variorum Reprints, 1979.

СПИСОК ГЕОГРАФИЧЕСКИХ КАРТ И ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ ДИАГРАММ

1. Западная Европа около 1000 года	34
2. Первые Капетинги	36
3. Герцоги Нормандские	40–41
4. Удачная стратегия брачных союзов: присоединение графств Корбей и Невер.....	46–47
5. Церкви, получившие от короля жалованные грамоты ...	164–165
6. Королевский домен при Людовике VI	176
7. Передачи графства Анжу	238–239
8. Франция при Филиппе Августе, 1180–1223 гг.	266
9. Франция при Людовике VIII, 1223–1226 гг.....	267
10. Собираение земель королями Франции (XIII–XIV вв.) ...	345
11. Франция в XIV веке (около 1360 г.)	368
12. Франция в XV веке (около 1429 г.)	369

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства	5
К читателю	7

Часть первая

НАСЛЕДИЕ

I. Империя	18
II. Франки	28
III. Государи	39
IV. Потрясение	51

Часть вторая

СЕНЬОРИЯ

V. Деревня	63
VI. Замок	76
VII. Церковь	119
VIII. Король-сеньор	151

Часть третья

ЗАРОЖДЕНИЕ НАЦИИ И ГОСУДАРСТВА

IX. Великий подъем	197.
X. Людовик VII	232
XI. Филипп Август	264
XII. Юг	292
XIII. Тринадцатое столетие	321
XIV. Четырнадцатое столетие	341
XV. Орлеанская дева	363

Эпилог	375
Хронология	377
Указатель географических названий	392
Указатель имен.....	398
Библиография	406
Список географических карт и генеалогических диаграмм.....	413

Научное исследование

ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ

ЖОРЖ ДЮБИ

СРЕДНИЕ ВЕКА

От Гуго Капета до Жанны д'Арк
987–1460

Редактор *А.А. Завальная*

Художественный редактор *А.С. Скороход*

Технический редактор *Г.В. Лазарева*

Корректор *Л.А. Попёнова*

Компьютерная верстка *Н.М. Коршуновой*

Лицензия серии ЛР № 010170 от 7 октября 1997 г.
выдана Госкомпечатью РФ

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 26.09.2001

Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная

Гарнитура «Мысль СТГ». Печать офсетная

Усл. печ. л. 26,00. Уч.-изд. л. 25,21

Изд. № 18-и/2001. Тираж 5000 экз. (2-й завод 2001 — 4000 экз.)

Цена договорная. Заказ № 1532.

Издательство «Международные отношения»

107078, Москва, Садовая-Спаская, 20

Тел. отдела реализации: 975-30-09

Отпечатано с оригинал-макета

издательства «Международные отношения»

в ФГУП ордена «Знак Почета»

Смоленской областной типографии им. В. И. Смирнова,

214000, Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2

Тел.: 3-01-60, 3-14-17, 3-46-20

ISBN 5-7133-1066-3

9 785713 310660